

Воронежский институт МВД России

А. П. Нахимов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
СИСТЕМЫ МВД / НКВД
В ВОРОНЕЖСКОМ РЕГИОНЕ
(1888—1942 гг.)**

Монография

**Воронеж
2017**

Рецензенты: заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета доктор исторических наук, профессор М. Д. Карпачев; заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Ю. В. Сорокина; профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации доктор юридических наук, доцент полковник полиции М. А. Кожевина.

Нахимов А. П.

НЗ5 Образовательные организации системы МВД / НКВД в Воронежском регионе (1888—1942 гг.) : монография / А. П. Нахимов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2017. — 382 с.

ISBN 978-5-88591-548-9

В монографии на основе комплексного анализа архивных источников, в том числе и вновь вводимых в научный оборот, впервые предпринята попытка построения общей периодизации истории образовательных организаций, обеспечивавших профессиональную подготовку сотрудников полиции и милиции в Воронежском регионе в конце XIX — первой половине XX в. В издании представлены результаты исследования характерных особенностей первых трех этапов развития институциональных основ полицейского и милицейского профессионального образования в Воронеже.

Предназначена для специалистов в области истории органов внутренних дел, постоянного и переменного состава образовательных организаций высшего образования МВД России, а также для всех интересующихся проблемами истории отечественных правоохранительных органов.

Авторский коллектив выражает глубокую благодарность за помощь в подготовке настоящего издания:

- начальнику Главного управления МВД России по Воронежской области генерал-лейтенанту полиции А. Н. Сысоеву;
- сотрудникам отдела по реабилитации жертв политических репрессий и специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Воронежской области И. Н. Шайкиной, О. А. Аникиной, И. В. Бобрешовой, Н. А. Иваховой, С. Г. Кузьминовой, Т. И. Малиновской, И.А. Матвеевой;
- сотрудникам Государственного архива Российской Федерации Н. И. Абдулаевой, А. В. Трефахину;
- главному библиотекарю отдела газет Российской государственной библиотеки Е. А. Чибисовой;
- руководителю Архивной службы Воронежской области В. А. Перцеву;
- руководителю Государственного архива Воронежской области В. В. Гурову;
- заведующей читальным залом Государственного архива Воронежской области, главному архивисту В. М. Комаровой;
- руководителю Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области В. С. Осадченко;
- директору Воронежского областного краеведческого музея Е. А. Вычеровой;
- воронежским краеведам В. Л. Елецких, П. П. Попову, В. М. Смирных, М. А. Стариковой, М. В. Штейнбергу;
- начальнику редакторского отделения редакционно-издательского отдела Воронежского института МВД России Е. А. Швецову;
- редактору редакционно-издательского отдела Воронежского института МВД России Н. Ф. Палиховой;
- преподавателю-методисту Воронежского института МВД России Д. А. Шаикову;
- сотрудникам кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России;
- курсантам Воронежского института МВД России К. А. Ситникову, Е. Н. Иванниковой, В. А. Боевой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Периодизация истории образовательных организаций системы МВД / НКВД в Воронежском регионе: историографические, источниковедческие и методологические аспекты	
1. Специфика историографии эволюции ведомственного образования системы МВД / НКВД.....	12
2. Характерные черты источниковедческого анализа эволюции ведомственного образования системы МВД / НКВД	31
3. Особенности методологии построения периодизации	42
Глава II. Формирование и эволюция образовательных организаций полиции в дореволюционном Воронеже (1888—1917 гг.)	
1. Становление профессиональной подготовки полицейских урядников в Воронежской губернии.....	56
2. Учреждение и развитие Воронежской команды-школы уездной полицейской стражи	100
Глава III. Возникновение и развитие образовательных организаций по подготовке сотрудников милиции в Воронежском регионе в 1919—1942 гг.	
1. Первые попытки формирования образовательных организаций по подготовке сотрудников рабоче-крестьянской милиции в Воронежской губернии (1919—1922 гг.)	140
2. Предпосылки и основные направления перестройки милицейского образования (1923—1925 гг.).....	178
3. 3-я Воронежская областная школа младшего начсостава милиции в системе милицейского образования (1925—1928 гг.)	205
4. Основные направления трансформации школьно-курсовой системы милицейского образования в Воронежском регионе в 1929—1942 гг.	259
Заключение	372

ВВЕДЕНИЕ

В преддверии 300-летнего юбилея российской полиции вновь актуализируются попытки осмысления роли, места и значения этого правоохранительного органа в защите жизни и здоровья, прав и свобод человека и гражданина, обеспечении общественной и государственной безопасности, противодействии преступности и охране правопорядка. Исторический путь, пройденный отечественными органами внутренних дел, не отличался строгой линейностью, демонстрируя подчас радикальные повороты в развитии их идеологических, правовых и организационных начал. Иначе и не могло быть, учитывая специфику полицейской деятельности, ее непосредственную близость к самым фундаментальным и востребованным человеческим потребностям и интересам — в обеспечении спокойствия, сохранении стабильности, противодействии всем тем негативным явлениям, которые способны разложить моральные устои общества. История российской полиции тесно связана с бурной, противоречивой и вместе с тем впечатляющей историей российского общества и государства.

Давно уже было подмечено, что основным связующим звеном исторических эпох и времен, обеспечивающим межпоколенческую взаимосвязь духовного и практического опыта, является человек во всей его противоречивости и цельности. Преемственность различных периодов развития российской полиции воплощена в образе ее сотрудника вне зависимости от конкретно-исторической терминологии, используемой для его обозначения. Полицейский, милиционер, снова полицейский — вот они, стражи правопорядка, от профессионализма которых всегда во многом зависело то, насколько комфортно себя будет ощущать человек в обществе.

Менялись мундиры, но прежними оставались конечные требования к знаниям, умениям и навыкам — социальная востребованность, эффективность, практический характер. Трудно понять историю российской полиции без тщательного изучения развития полицейского профессионального образования, совершенствование которого на различных эволюционных или революционных стадиях придавало ей системные черты. При этом в не меньшей степени важным являлось то обстоятельство, что организационная упорядоченность полиции достигалась не только за счет вертикально-субординацион-

ного фактора, проявившегося в том числе в создании образовательных организаций, располагавшихся в столицах, но и посредством создания многообразных специализированных образовательных структур в регионах страны.

В Воронеже — крупном губернском и областном центре, имеющем немало славных традиций — достаточно рано, как минимум с конца XIX в., сложились предпосылки для формирования образовательных организаций, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов. Исследования показывают, что за более чем столетие в Воронежском регионе сменяли друг друга самые разнообразные формы образовательных организаций, в стенах которых обучались и повышали квалификацию представители различных категорий сотрудников: от полицейских урядников до технических специалистов вневедомственной охраны. В настоящее время эти традиции достойно продолжает Воронежский институт МВД России, осуществляющий обучение специалистов для органов внутренних дел по пяти приоритетным профилям профессиональной подготовки.

Накануне юбилея российской полиции началось значительно более подробное изучение архивных документов о полицейском и милицейском образовании в Воронеже. Это позволило по-новому взглянуть на его исторический путь, пересмотреть многие устоявшиеся позиции и заложить основы для очередного витка научных дискуссий.

В настоящей монографии представлены результаты исследования, интенсивно продолжавшегося более полутора лет. Целью работы авторского коллектива стала попытка построения хронологической шкалы истории образовательных организаций полиции и милиции в Воронежском регионе с выделением ключевых периодов и этапов их формирования и эволюции, а также анализом закономерностей и особенностей смены исторических моделей организационно-правового обеспечения образовательной системы правоохранительных органов на региональном уровне.

В соответствии с поставленной целью были очерчены параметры объекта исследования — историческая эволюция отношений по поводу формирования и развития ведомственного образования в системе отечественных правоохранительных органов. В этой связи одной из исследовательских задач неизбежно стало внимательное

изучение внешней периферийной информационной среды: источников, раскрывающих закономерности и особенности нормативного регулирования данных процессов на общегосударственном и региональном уровнях. Данное обстоятельство стимулировало более четкую конкретизацию предмета исследования, ядром которого стала эволюция образовательных организаций полиции и милиции в Воронеже. Изучение характерных черт подготовки сотрудников других региональных правоохранительных структур (корпуса жандармов, уголовного розыска, государственной безопасности, пожарной охраны и т.д.), входивших в систему МВД — ОГПУ — НКВД, таким образом, также составило периферийную информационную среду объекта научного анализа.

Такая постановка проблемы позволила сформулировать ряд методологических задач, среди которых на первый план выступило уточнение важнейших направлений развития региональных составляющих ведомственной системы образования МВД — ОГПУ — НКВД, восполнение пробелов в изучении истории полицейских и милицеских образовательных организаций в Воронежском регионе, а также построение схемы непрерывной эволюции подготовки сотрудников органов внутренних дел в Воронеже. Последняя методологическая задача коррелирует с базовой гипотезой всего исследования об историческом континуитете организационных и функциональных характеристик образовательных структур органов внутренних дел, обусловленном социально-экономической, политической и социокультурной спецификой нашего региона.

При определении предмета исследования неизбежно возникли некоторые вопросы использования понятийного аппарата. Так, к примеру, представленное в монографии терминологическое разнообразие определений ведомственных образовательных структур («образовательные организации полиции и милиции», «структуры по подготовке сотрудников полиции и милиции», «образовательные организации органов внутренних дел» и др.) не должно затенять их единой сущности, выраженной в нескольких взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, все они являются ведомственными образовательными организациями, осуществлявшими подготовку наиболее массовой части сотрудников аппарата отечественных правоохранительных органов, занимавшихся решением базовых задач по обеспечению

нию общественного порядка и борьбе с общеуголовной преступностью. Таким образом, в данном исследовании к ним не причисляются структуры по подготовке сотрудников специализированных подразделений милиции, такие как школы служебного собаководства или организации по подготовке специалистов для смежных по общему ведомству органов — к примеру, курсы и школы оперативных сотрудников госбезопасности. С другой стороны, объединяющей чертой всех рассматриваемых в работе образовательных организаций является их ведомственная принадлежность к органам исполнительной власти, реализующим на протяжении более ста лет сходные функции — МВД Российской империи, НКВД РСФСР, ОГПУ СССР, НКВД СССР, МВД СССР, МВД Российской Федерации, а также к структурным подразделениям этих органов (например, к Департаменту полиции МВД Российской империи, Главному управлению рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР и др.).

В то же время при уяснении особенностей терминологии следует не забывать о конкретно-исторических, как правило, нормативно установленных названиях образовательных организаций полиции и милиции, в том числе зачастую и с региональным оттенком — «школа по подготовке полицейских урядников», «команда-школа уездной полицейской стражи», «губернские курсы советской милиции», «губернская школа рабоче-крестьянской милиции» и т.д.

Следует особо подчеркнуть специфику понятийного аппарата, касающегося территориальной локализации предмета исследования. Обобщающим термином, вынесенным в название монографии, является «Воронежский регион». Этим понятием определяется относительно однородная, невзирая на периодически происходившие в истории нашего государства административно-территориальные размежевания, территория с центром в г. Воронеже. Таким образом, к Воронежскому региону на различных этапах истории Отечества относились и Воронежская губерния, и Центрально-Черноземная область, и Воронежская область со всеми входившими в них на конкретный хронологический момент административными единицами (уездами, округами, районами).

Основой методологии исследования стал исторический подход, который вкупе с целью обусловил структуру данной научной работы. Исследовательский коллектив сосредоточил усилия на комплексном анализе двух основных блоков проблем: с одной стороны, изучении

степени и форм преемственности и дискретности в развитии системы ведомственного образования органов внутренних дел на примере Воронежского региона, с другой — выявлении ключевых особенностей каждого из намеченных в исследовательской гипотезе периодов и этапов формирования и эволюции образовательных организаций.

В ходе исследования предложено обоснование фиксации начальной точки отсчета формирования полицейского образования в Воронеже в 1888 году. На выбор хронологических рамок также повлияли, с одной стороны, серьезные модификации, произошедшие в моделях образовательных организаций полиции и милиции в Воронеже во второй половине XIX — начале XX в., с другой стороны, изменения в системе источников исследования и методологии их изучения и интерпретации и, с третьей стороны, необходимость соотнесения общего массива накопленного эмпирического материала с оптимальным объемом издания. Тяжелейшие организационные потери, понесенные сложившейся в регионе системой милицейского образования в годы Великой Отечественной войны, предопределили ограничение хронологических рамок результатов исследования, представленных в настоящей монографии, началом 1940-х гг. Итоги научного анализа послевоенной истории милицейско-полицейского образования в Воронежском регионе авторский коллектив планирует представить в последующих публикациях.

Учитывая актуальность поднятых в монографии проблем, обусловленную необходимостью и полезностью обращения в преддверии трехсотлетнего юбилея российской полиции к историческому опыту развития отечественных органов внутренних дел и их образовательных организаций, авторский коллектив надеется на заинтересованное отношение к книге не только специалистов в данной научной области, но и широкого круга читателей, которым небезразлична история отечественных правоохранительных органов.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД / НКВД В ВОРОНЕЖСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

1. Специфика историографии эволюции ведомственного образования системы МВД / НКВД

Особую роль и место качественной подготовки высокопрофессиональных кадров в деле обеспечения эффективного функционирования отечественных органов охраны правопорядка неизбежно обусловили достаточно раннее возникновение и в целом поступательное прогрессивное нарастание исследовательского интереса к данной проблематике. Вопросы, так или иначе связанные со становлением и развитием профессионального образования сотрудников отечественных органов внутренних дел, издавна привлекали и вплоть до настоящего времени продолжают привлекать внимание как отдельных исследователей, так и целых авторских коллективов. Анализ каталогов ведущих библиотек страны, в том числе и фондов крупнейших российских электронных информационно-аналитических библиотечных порталов eLIBRARY.RU и «КиберЛенинка», позволяет аргументированно утверждать, что к ноябрю 2017 г. в стране опубликовано не менее двух тысяч научных работ, в которых прямо или косвенно затрагивались проблемы профессионального образования и подготовки сотрудников отечественных органов внутренних дел, в том числе более 300 диссертаций на соискание научных степеней доктора и кандидата исторических, юридических, педагогических и социологических наук¹.

Вместе с тем в отечественной науке до сих пор отсутствует сколько-нибудь объемное и комплексное историографическое исследование рассматриваемой нами проблематики. Вплоть до насто-

¹ eLIBRARY.RU [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp>.; «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/>; Электронный каталог Российской государственной библиотеки [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rsl.ru/>

ящего времени можно говорить лишь об отдельных, фрагментарных, хотя и весьма небезынересных, исследованиях в данной сфере, таких, например, как статья С. Н. Бакшутова, посвященная историографическому анализу истории развития милицейско-полицейского образования на Дальнем Востоке России¹. Более того, приходится констатировать, что и в определенной части публикаций даже диссертационного уровня, увидевших свет в последнее десятилетие, наблюдается печальная, на наш взгляд, тенденция к отходу от наличествовавшего ранее добротного осмысления историографической составляющей предмета исследования, такого как в работах В. И. Гурьева или М. А. Кожевиной,² к достаточно беглому перечислению небольшого числа посвященных ему работ, а зачастую и просто фамилий их авторов.

Все вышесказанное, по нашему мнению, достаточно очевидно обуславливает необходимость предварить данное монографическое исследование хотя бы кратким обзором историографии проблем истории полицейско-милицейского образования.

Выявленный в ходе библиографических изысканий обширный пласт литературы, так или иначе затрагивающей анонсируемую нами научную проблематику, представляется возможным структурировать с использованием двух тесно взаимосвязанных базовых критериев: тематического и хронологического.

При группировке по тематическому критерию отдельный сегмент составляют труды, формирующие представление об общем историческом контексте, в котором зарождалась, формировалась и развивалась система профессионального образования и подготовки сотрудников органов внутренних дел. Речь идет об обширной группе исследований, выявляющих ту характерную для конкретных исторических эпох специфику социально-экономической и полити-

¹ См.: Бакшутов С. Н. Высшее милицейское образование на Дальнем Востоке России на рубеже XX—XXI вв.: историография проблемы // Общество: философия, история, культура. — 2016. — № 2. — С. 47—49.

² См.: Гурьев В. И. Московская полиция, 1881—1917 гг. — М.; СПб.: Нестор-История, 2014. — 258 с.; Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918—1991 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 416 с. и др.

ческой обстановки, которая объективно воздействовала на формирование особенностей национальной и ведомственной образовательной политики¹.

Особый интерес среди публикаций, относящихся к данному сегменту, вызывают работы, непосредственно посвященные Воронежскому региону. Весомое число из них играет двоякую роль. С одной стороны, будучи наполненными огромным количеством эмпирического материала, они сами по себе являются важным источником по проблемам, лежащим в рамках предмета исследования настоящей монографии. С другой же стороны, включая в себя аналитический компонент, они, безусловно, представляют своеобразные научные исследования, существенно углубляющие комплекс научно-теоретических знаний по соответствующим вопросам. К числу таковых, в частности, можно отнести как официально изданные коллективные работы («Памятные книжки» Воронежской губернии, труды комиссий по районированию советского времени и т.д.²), так и публикации отдельных отечественных ученых, в первую очередь, исследования диссертационного характера³. Они

¹ Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. — Т.1. — Новосибирск, 1997. — 804 с.; Бабашкин В. В. Россия 1902—1935 гг. как аграрное общество. — Саарбрюкен, 2011. — 428 с.; Васильев Ю. А. Модернизация под красным флагом. — М.: Современ. тетради, 2006. — 343 с.; Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия: межвуз. сб. научных трудов / М. Д. Карпачев (отв. ред.) и др. — Воронеж, 1987. — 125 с.; Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления 1917—1930. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. — 224 с.; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М.: Высшая школа, 1983. — 352 с. и др.

² Веселовский Г. М., Воскресенский Н. В. Города Воронежской губернии, их история и современное состояние, с кратким очерком всей Воронежской губернии. — Воронеж: Изд. Веселовского, 1876. — 122 с.; Воронежские губернаторы и вице-губернаторы: историко-биографические очерки / А. Н. Акиньшин, М. Д. Долбилов (ред.). — Воронеж, 2000. — 400 с.; Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области / под ред. А. Н. Татарчукова. — Воронеж, 1926. — 735 с.; Памятная книжка Воронежской губернии. — Воронеж: Воронеж. губ. стат. ком., 1856—1916; Покшишевский В. В. Центрально-Черноземная область. — М—Л., 1929. — 135 с.; Тутьихин Б. Центрально-Черноземная область. — М.: Плановое хоз-во, 1929. — 235 с.

³ Артемов Б. А. Укрепление экономики Воронежской области в предвоенные годы: 1937—июнь 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук — Воронеж, 2005. — 178 с. Загоровский П. В. Социально-политическое развитие сельского населения Центрально-Черноземного региона России во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. — Воронеж, 1999. — 463 с.; Кальченко Е. В. НЭП в Воронежской губернии: социальный

неизбежно имеют определенные особенности, которые во многом обусловлены спецификой того временного периода, в рамках которого велась их подготовка и публикация, но в целом научная значимость данных трудов безусловна. Опора на них позволила рассмотреть эволюцию образовательных организаций системы МВД в общем контексте истории страны.

Основной массив научных работ, изученных при подготовке настоящего исследования, касается разных аспектов истории отечественной полиции и милиции. В тематическом плане эти публикации можно разделить на следующие тесно взаимосвязанные между собой группы:

— во-первых, обобщающие труды по истории отечественных правоохранительных органов, входивших в систему МВД (НКВД) страны;

— во-вторых, специализированные исследования, рассматривавшие отдельные структурные элементы системы МВД (НКВД), конкретные направления их деятельности, равно как и региональные особенности их формирования и функционирования;

— в-третьих, работы, непосредственно посвященные обучению и подготовке профессиональных кадров полиции и милиции, в том числе и локализованные в Воронежском регионе.

Количественные и качественные параметры данных публикаций, их методологические основы и степень объективности выводов существенно варьировались, во многом применительно к конкретной исторической эпохе, в рамках которой осуществлялись их подготовка и издание.

аспект : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2005. — 322 с.; Кирос П. И. География сельского расселения в Воронежской области в связи с особенностями развития и размещения сельского хозяйства : дис. ... канд. геогр. наук — Воронеж, 1954. — 528 с.; Общественное движение в Черноземном центре России в XVII — начале XX века / отв. ред. М. Д. Карпачев, А. Н. Акиншин. — Воронеж, 1990. — 143 с.; Павлова Г. В. Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2004. — 270 с.; Пахомова А. Г. Формирование социальной структуры советского общества в 1917—1936 гг. : на материалах Центрально-Черноземного региона : дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2004. — 240 с.; Ямпольская Г. А. «Военный коммунизм» на территории Воронежской и Курской губерний: складывание и функционирование военно-хозяйственной диктатуры : конец 1917—1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук. — Белгород, 2011. — 326 с.

Говоря о хронологическом критерии структурирования историографии по изучаемой проблематике, следует отметить, что весомым числом авторов уже предпринимались попытки создания соответствующих периодизаций¹. Наиболее распространенным, достаточно упрощенным, но в целом относительно адекватным вариантом таковых является выделение дореволюционного, советского и постсоветского периодов².

В рамках дореволюционного периода первые исследования проблем организации и функционирования полицейских органов Российской империи, появляющиеся с конца XIX в., оказались тесно связаны с осмыслением перспектив и направлений реформирования отечественной полиции: это труды И. Е. Андреевского, П. П. Коссаговского, И. Т. Тарасова и др.³ В это же время формировались и исследования полицейского права, концентрировавшиеся преимущественно на теоретических выкладках и формально-юридическом анализе нормативной базы с минимумом внимания к конкретной правоприменительной деятельности полиции: работы Н. Т. Волкова, В. Ф. Дерюжинского, В. В. Ивановского, И. Т. Тарасова и др.⁴ В те же годы начал оформляться и сегмент исследований, посвященных историческому анализу полицейских учреждений. При этом большинство авторов этих работ составили сотрудники Министерства внутренних дел: Е. Н. Анучин, С. А. Андрианов, С. П. Белецкий, Н. В. Варадинов, И. П. Высоцкий,

¹ См., напр.: Касьянов А. В. Особенности организационно-правового обеспечения деятельности полиции Российской империи в годы Первой мировой войны : 1914—1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — С. 4—9.

² См. критику этого упрощения: Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2009. — С. 19.

³ Андреевский И. Е. Реформа исполнительной полиции в России. — СПб. : тип. В. Безобразова, 1878. — 16 с.; Косаговский П. П. Записка по обсуждению вопроса об учреждении в Санкт-Петербурге и его пригородах конно-полицейской стражи. — СПб., 1878—1879. — 68 с.; Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1885. — 160 с.

⁴ Волков Н. Т. Законы о полиции. — М., 1910. — 848 с.; Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. — СПб. : Сенат. тип., 1908. — 552 с.; Ивановский В. В. Учебник административного права. — Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1907. — 546 с.; Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. — М. : Тип. Моск. ун-та. — 1913. — 668 с.

П. Руткевич и др.¹ Подобная особенность авторского состава неизбежно повлияла на преимущественно апологетический характер данных публикаций.

Особняком среди трудов той эпохи стоит работа А. А. Лопухина, представляющая собой первый критический анализ деятельности российской полиции². Но очевидная концентрация авторского внимания на негативных аспектах современной ему полицейской деятельности неизбежно ставит на повестку дня вопрос об объективности данного весьма значимого труда.

Специфическим оказался и сформированный в те годы комплекс публикаций, непосредственно связанных с вопросами полицейского профессионального образования. Первую его часть, ныне носящую преимущественно источниковый характер, составил увеличивавшийся с каждым годом ассортимент разнообразных учебных пособий для соответствующих категорий обучавшихся и конкретных образовательных организаций³. Особое место среди них занимает ра-

¹ Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. — СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1872. — 238 с.; Белецкий С. П., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. — СПб., 1913. — 42 с.; Вардинов Н. В. История Министерства внутренних дел : [Ч. 1—3; 8 т.] — СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1858—1863; Министерство внутренних дел : исторический очерк [1802—1902]. — СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1901; Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703—1903. — СПб., 1903. — 590 с.

² Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции. — М. : В. М. Саблин, 1907. — 69 с.

³ Арефа Н. И. Права и обязанности полицейских урядников, стражников, приставов и проч. чинов городской и уездной полиции. — СПб. : В. П. Анисимов, 1911. — 576 с.; Волков Н. Т. Полицейский стражник : руководство-наставление. — Сумы : Типо-лит. Пашкова, 1904. — 164 с.; Добкевич П. А. Справочная книжка для полицейских урядников. — Минск : Типо-лит. Тасьмана, 1896. — 239 с.; Зданевич М. В. Краткий учебник административного и полицейского права : По прогр. М-ва вн. дел от 29 марта 1913 г. — Екатеринослав : Тип. губ. правл., 1915. — 288 с. Моллериус И. П.; Руководство для полицейских чинов: пособие к изучению обязанностей полиции. — Т. 1. — СПб. : Тип. М. Волковича, 1911. — 567 с.; Нестеров М. Д. Курс общеполицейских обязанностей для школы урядников уездной полицейской стражи Уфимской губернии. — Уфа, 1914. — 86 с.; Попов В. Полная инструкция полицейского урядника. — М., 1900—1901. — 207 с.; Романовский, А. П. Систематическое руководство для полицейских урядников : в 3 ч. — Херсон : Тип. О. Д. Ходушиной, 1890. — 500 с. и др.

бота А. И. Гаспля, посвященная изучению курса отечественной истории в Воронежской команде-школе уездной полицейской стражи¹. Вторую же часть составил обширный набор статей, опубликованных в одном из популярных полицейских журналов тех лет — «Вестнике полиции». Редакция «Вестника», стремясь стать «краеугольным камнем в правильном юридическом ориентировании для каждого желающего сознательно относиться к своим обязанностям полицейского чиновника»², уделяла большое внимание материалам, связанным с разными аспектами полицейского образования. В частности, публиковались «Очерки русской истории» и «Очерки законоведения», статьи и заметки, посвященные Самарским курсам полицейских урядников, Владимирской и Московской полицейским школам, Ломжинской школе земских стражников, школе урядников в Эстляндской губернии, лекциям по полицейскому праву для околоточных надзирателей и городских в Одессе, ознакомлению с зарубежным опытом полицейских школ и т. д.³ Именно на страницах данного журнала впервые был публично поднят вопрос об учреждении «института для полицейских чинов»⁴.

В целом изучение дореволюционной историографии дает нам основание считать несколько излишне категоричными выдвинутые С. Н. Главинской (Токаревой) тезисы о том, что работы данного периода «носили главным образом публицистический характер» и для них «свойственна описательность, отсутствие документальной базы»⁵.

Крах Российской империи и переход к советской эпохе развития отечественного общества и государства неизбежно и самым существенным образом отразились на историографии рассматриваемой нами проблематики. Практически всеми авторами, анализировавшими издания советского периода, отмечаются радикальная

¹ Гаспля А. И. Курс отечественной истории, проходящийся в Воронежской учебной команде полицейских стражников. — Воронеж : Типо-лит. губ. правл., 1913. — 24 с.

² Вестник полиции. — 1910. — № 9. — С. 242.

³ См.: Вестник полиции. — 1908. — № 15. — С. 11; № 28. — С. 10—11; 1909. — № 6. — С. 107; № 7. — С. 134; № 8. — С. 160; № 13. — С. 262.

⁴ Вестник полиции. — 1908. — № 16. — С. 13—14; 1908. — № 8. — С. 18—19; 1908. — № 19. — С. 11; 1908. — № 6. — С. 18—19. См. подр. : Красножон О. В. Журнал «Вестник полиции» в системе ведомственной печати Министерства внутренних дел Российской империи // Юрист-Правовед. — 2015. — № 4 (71). — С. 120—124.

⁵ Главинская С. Н. Организация и деятельность полиции Черноземного центра России в 1901—1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2004. — С. 6—7.

смена приоритетов и методологических основ исследовательской деятельности, усиление политической ангажированности. Вместе с тем советская историография была очень неоднородна: в ее эволюции можно выделить, как минимум, три различных этапа.

В рамках первого из них, охватившего 1917 — конец 1920-х гг., резко снизился исследовательский интерес к проблемам общей полиции и, тем более, ее профессиональной подготовки. Основная масса работ была связана с разными аспектами функционирования политической полиции, преимущественно в рамках ее борьбы с революционным движением. Доминировал заведомо обличительный акцент: дореволюционная полиция в целом расценивалась как инструмент в руках господствовавших эксплуататорских классов, выполнявший единственную функцию — обеспечение их безопасности — и используемый ими для порабощения трудящихся масс¹. При этом замалчивались достижения полиции, причем даже те, которые активно, но негласно использовались при становлении советской милиции.

В свою очередь, формировавшаяся рабоче-крестьянская милиция (РКМ) трактовалась как защитница интересов городских рабочих и сельской бедноты, оружие пролетарской диктатуры в классовой борьбе, диаметрально противоположное по своей сущности прежним правоохранительным органам. Однако анализ публикаций, увидевших свет в рамках данного этапа, показывает, что их форма, весомая часть содержания, да и специфика состава авторских коллективов имеют немало сходств с дореволюционным периодом. Так, основная часть работ, посвященных истории РКМ, готовилась сотрудниками народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и обычно приурочивалась к юбилейным датам². Велись и работы по подготовке труда по официальной истории милиции, о чем неоднократно

¹ См.: Агафонов В. К. Заграничная охранка. — [Пг.] : Книга, 1918. — 388 с.; Ирецкий В. Я. Охранка. — Пг. : Новая Россия, [1917]. — 28 с.; Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. — М. : Студенческое изд-во «Грядущее», 1917. — 32 с.; Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. — Пг. : Былое, 1922. — 76 с.; Членов С. Б. Московская охранка и её секретные сотрудники. — М.: Отдел печати Московского совета рабочих и крестьянских депутатов, 1919. — 95 с.

² Рабоче-крестьянская милиция // Пять лет власти Советов. — М. : Издание ВЦИК, 1922. — С. 265—270; За восемь лет : материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска. 1917—12 ноября 1925 г. / сост. П. Н. Синицин. — Л., 1925; Киселев И. Ф. 10 лет рабоче-крестьянской милиции // Административный вестник.

упоминалось как в периодических изданиях¹, так и в официальных докладах. В частности, в отчете начальника Отдела милиции Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД РСФСР С.А. Седова за IV квартал 1924 г. отмечалось: «выполнена часть работ по составлению истории милиции»². В 1930 г. высшим руководством РКМ были подготовлены две обобщающих публикации, носивших преимущественно учебно-теоретический характер³.

Сходная ситуация складывалась и в отношении работ, посвященных милицейскому образованию⁴. Большинство таковых вышло в ведомственных изданиях из-под пера сотрудников РКМ, непосредственно связанных со структурами, занятыми профессиональной подготовкой милиции, и было посвящено актуальным проблемам организации учебного процесса, обсуждению форм и методов обучения и воспитания⁵. Характерной чертой публикаций данного этапа был достаточно критический подход к оценке ситуации

—1927. — № 10-11. — С. 29—35; Киселев И. Ко дню 12-летия Р.-К. милиции // Админ. вестник. —1929. — № 11. — С. 1—10; Николаевский Н. А. К десятилетию организации и деятельности уголовного розыска // Админ. вестник. — 1927. — № 10-11. — С. 36—44. Семенов А. Несколько этапов в жизни Ленинградской милиции за 1917—1927 годы // Адм. вестник. — 1927. — № 10-11 и др.

¹ Петкар И. С. Историческая справка, необходимая для создания истории рабоче-крестьянской милиции // Рабоче-крестьянская милиция. —1924. — № 6. — С. 11—14.

² Седов С. А. Год работы по составлению истории рабоче-крестьянской милиции // Административный вестник. — 1925. — № 8. — С. 58—60; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 23. — Л. 2.

³ Зайцев П. Рабоче-крестьянская милиция. — М. : Власть Советов, 1930. — 45 с.; Киселев И. Ф. Милиция на селе. — М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1930. — 45 с.

⁴ Примечательно, что уже одна из первых публикаций по истории РКМ содержала не только упоминания о курсах и школах милиции, но и оптимистичное заявление: «Главное управление милиции республики... ставит себе ближайшей задачей оздоровление наличного состава милиции и поднятие квалификации командного состава милиции до наивысшего возможного уровня. В результате организации школ ныне в этой работе изживается фактор случайности, и дело ставится на прочных основаниях, гарантирующих возможность получения милицией в ближайшем будущем значительного количества вполне подготовленных работников» (Рабоче-крестьянская милиция // Пять лет власти Советов. — С. 269).

⁵ Аударин В. Еще раз о школьном деле // Админ. вестник — 1926 — №. 1. — С. 61—65; Борзовский К. К вопросу о дисциплине на милицейских курсах // Революционный страж. — 1922. — № 1; Знаменский. Об использовании курсантов, окончивших 1 Ленинградскую школу начсостава милиции за период 1924—1928 гг. // Админ. вестник. — 1929. — № 6-7. — С. 32—33; Крнев С. Н. Постановка профессионального развития сотрудников Ленинградского губрозыска // Рабоче-крестьянская милиция. — 1924. — № 5. —

как в милицейской образовательной системе, так и в НКВД в целом¹.

Ситуация начала резко ухудшаться с 1930-х гг., когда на место прежней относительной открытости пришли резкое усиление методологического монизма в форме псевдомарксистской догматики, существенное ограничение доступа к архивам, активное засекречивание практически любой информации, касающейся структурного построения и особенностей функционирования органов внутренних дел. Новые исследования в данной сфере фактически не издавались вплоть до конца 1950-х гг.

Очередной этап в развитии советской историографии полицейско-милицейской проблематики начался с 1959 г. и продолжался до 1991 г., отличаясь ростом интенсивности исследований, очевидным прогрессирующим нарастанием объема, спектра и качества научных публикаций. Безусловно, мейнстрим советской историографии и в эти годы в целом остался в рамках стереотипов прежней идеологизированной методологической парадигмы, более того, быстро росла доля работ, посвященных руководящей роли партийных организаций в деле формирования и развития органов милиции². Но следует признать и то, что весомая часть исследователей того времени, особенно 1970—1980-х гг., постепенно преодолевала догматизм прежних подходов, существенно повысив степень объективности и научности,

С. 28—29; К. Р-ко. Для НКВД нужен ВУЗ административного строительства // Админ. вестник. — 1930. — № 7. — С. 36—38; Постников В. Основные предпосылки к организации областных школ милиции // Админ. вестник. — 1925. — № 2. — С. 49—54; Подготовку младшего начсостава передать местам // Админ. вестник. — 1930. — № 1. — С. 32—33; Фрейман С. К единой школе начсостава милиции и уголовного розыска // Админ. вестник. — 1928. — № 2. — С. 30—32; Учеба милиции в прошлом и настоящем // Рабоче-крестьянская милиция. — 1924. — № 2; Цветопольский И. Ю., Постников В. Г. Школы начсостава Рабоче-крестьянской милиции и Угро. — М. : Изд-во Нар. ком. внутр. дел., 1927. — 56 с. и др.

¹ См.: Зайцев П. Организационная путаница в вопросе о НКВД // Власть Советов. — 1924. — № 2; Лебедев И. Недостатки в комплектовании школ в текущем году // Админ. вестник. — 1929. — № 8. — С. 34—36; Николаев Г. И. Милицейская чехарда // Админ. вестник. — 1925. — № 1. — С. 103—105; Слонимский Ю. За реформу программ школ НКВД // Админ. вестник. — 1930. — № 4. — С. 54—56; Шпигель Л. Необходима реформа школ НКВД // Админ. вестник. — 1930. — № 6. — С. 37—38 и др.

² См.: Зыбин С. Ф. Партийное руководство органами внутренних дел в советской историографии // Вопросы политической работы в органах внутренних дел в современных условиях. — Л. : ВПУ МВД СССР, 1985. — С. 100—114.

сформировав мощный фундамент для развития последующих научных изысканий.

Первые шаги в данном направлении, затронувшие проблемы истории милиции, были предприняты в 1957—1960 гг.¹, а начиная с середины 1960-х гг. объем публикаций, освещающих основные этапы истории милиции, резко вырос. Очерковые брошюры стали замещаться все более добротными исследованиями обобщающего характера, с интервалом в 10 лет были изданы два фундаментальных труда (под редакцией министров внутренних дел СССР, соответственно Н. А. Щелокова и А. В. Власова), определивших официальную концепцию истории органов внутренних дел².

Произошло и возрождение интереса к проблемам истории полиции: одни из первых исследований, непосредственно связанных с данной сферой, провел Р. С. Мулукаев, впоследствии сформировавший одну из авторитетных научных школ по истории органов внутренних дел³. Значимую роль сыграли труды Т. И. Желудковой, В. А. Шелкопляс, Д. И. Шинджикашвили⁴.

Быстрыми темпами увеличивалось число диссертационных работ (как по историческим, так и юридическим наукам), тематика которых охватывала все более широкий спектр как региональных

¹ Трусов А. Е. Организация и деятельность советского уголовного розыска (1917—1934 гг.). — М. : ВШ МВД СССР, 1957; Николаев П. Ф. Омская милиция в борьбе за установление Советской власти. — Омск, 1957. — 30 с.; Еропкин М. И. Краткий очерк развития организационных форм Советской милиции (1917—1930 гг.). — М. : ВШ МВД СССР, 1959. — 30 с.

² Биленко С. В. На бессменном посту. — М. : Знание, 1969. — 46 с.; Киссис М. П. Основные этапы истории советской милиции. — М., 1965. — 84 с.; Коваль И. Я. История советской милиции. — М., 1967; Прокопенко В. П., Романов В. М. Советская милиция (1917—1928). — М. : Юрид. лит., 1965. — 112 с.; История советской милиции / под ред. Н. А. Щелокова : в 2 т. — М. : Академия МВД СССР, 1977. — 345 с.; Советская милиция: история и современность (1917—1987 гг.) / под ред. А. В. Власова. М. : Юрид. лит., 1987. — 336 с.

³ Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения. — М., 1964. — 28 с.; Он же. Организационно-правовые основы становления Советской милиции (1917—1920 гг.). — М., 1975. — 108 с. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я. Советская милиция: этапы развития. — М., 1985. — 148 с.

⁴ Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного порядка. — М. : Академия МВД СССР, 1977. — 39 с.; Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. — Минск : Мин. ВШ МВД СССР, 1981. — 49 с.; Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. — Омск, 1974. — 111 с.

структурных подразделений милиции и полиции, так и отдельных направлений их функционирования¹.

Особенно примечательным стало появление подготовленных В. И. Казанцевым, Л. М. Колодкиным, А. Я. Малыгиным первых серьезных исследований проблем кадрового обеспечения милиции, глубоко и взвешенно, с опорой на нормативные источники, определивших важнейшие этапы эволюции кадровой политики, особенности отбора и воспитания ее сотрудников². В рамках данного направления все более обстоятельно стали освещаться вопросы профессионального обучения и подготовки³. Появились первые труды, прямо посвященные истории милицейских образовательных организаций, в частности подготовленные Е. Л. Беляковым и В. В. Черниковым, В. С. Гольдманом (данный автор практически впервые упоминает об образовательных структурах РКМ в Воронеже⁴).

С 1990-х годов начался новый, постсоветский, период развития отечественной историографии полицейско-милицейской проблематики. Его безусловными позитивными отличительными чертами стали отказ от прежних идеологизированных догм, плюрализм методологических подходов, широкое использование ранее

¹ Борисов А. В. Полиция самодержавной России в первой четверти XIX в. : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1982. — 206 с.; Власенков В. В. Деятельность милиции РСФСР по охране общественного порядка в период становления социализма (1917—1936) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1981; Дугин А. Н. Органы Московской городской милиции в 1917—1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук. — М., 1988. — 236 с. и др.

² Малыгин А. Я. Развитие кадровой функции органов милиции в период строительства социализма в СССР (1917—1936 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1980; Колодкин Л. М. Организационные и правовые основы работы с кадрами в органах внутренних дел. — М., 1985. — 432 с.; Казанцев В. И. Организационные и правовые проблемы работы с кадрами в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1977. — 192 с. и др.

³ См., например: Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел. — М., 1978. — 40 с.; Николаев П. Ф. Подготовка командных кадров милиции РСФСР (1917—1929 гг.). — Омск, 1969. — 106 с.

⁴ Беляков Е. Л., Черников В. В. Формирование системы подготовки кадров для советской милиции в 20-е годы. — Горький : Горьковская школа МВД СССР, 1983. — 40 с.; Гольдман В. С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917—1925 годах // Труды Высшей школы МООН СССР. — М., 1968. — Вып. 20. — С. 80—98.

недоступных архивных материалов, появление новых исследовательских школ и концепций, «взрывное» расширение спектра направлений научных исследований.

В рамках продолжившейся подготовки обобщающих трудов впервые произошло комплексное объединение дореволюционной, советской и постсоветской эпох развития отечественных органов внутренних дел¹, в том числе оформленное в рамках юбилейных изданий, приуроченных к 200-летию МВД России². При этом наблюдается постепенное выравнивание спектра общих оценочных характеристик, осуществляемое путем отказа от прежней апологетики советской милиции и преувеличенно критического подхода к царской полиции в пользу взвешенного научного анализа, основанного на глубокой проработке нормативно-правовой базы³.

Существенно увеличилось количество публикаций, посвященных отдельным структурным компонентам отечественных органов внутренних дел, в том числе практически не изучавшимся в прежние периоды. К числу таковых можно отнести институты полицейских урядников (работы Ч. Н. Ахмедова, А. А. Косенко,

¹ Полиция и милиция России: страницы истории / А. М. Беда, А. В. Борисов, А. Н. Дугин, А. Я. Малыгин и др. — М. : Наука, 1995. — 318 с.; Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 605 с.

² Министерство внутренних дел. 1902—2002 : исторический очерк / под общ. ред. Р. Г. Нурғалиева. — М. : Объединенная редакция МВД России, 2004. — 648 с.; МВД России : энциклопедия / под ред. В. Ф. Некрасова. — М. : Объединенная редакция МВД России, ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 624 с.

³ Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. — СПб., 2003. — 499 с.; Кручинин В. Н. Становление и развитие законодательной базы организации и деятельности полиции России. — Воронеж : ВИ МВД России, 2002. — 203 с. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917—1941 гг.). — Уфа, 1994. — 465 с.; Очкур Р., Кудрявцев Д., Пиотровский В. Полиция России: век XVIII — век XX. — СПб., 2010. — 512 с.; Сёмик А. А. Социально-психологический облик российского полицейского и советского милиционера : сравнительно-историческое исследование (конец XIX—XX вв.) : дис. ... д-ра. ист. наук. — Краснодар, 2003. — 514 с.

В. А. Тюрина¹ и др.); уездной полицейской стражи (труды А. В. Елизарова, С. А. Невского, Е. А. Сычева² и др.).

Резко выросло число исследований, рассматривающих региональные компоненты полицейско-милицейской проблематики. Базируясь на большом количестве вновь вводимых в научный оборот документальных источников и будучи написанными в рамках разных методологических подходов, они открывают новые возможности для компаративного анализа и теоретических обобщений. В рамках «регионального» сегмента особо значимым является комплекс публикаций, посвященных различным аспектам организации и функционирования милиции и полиции Центрального Черноземья, подготовленных Н. А. Алексанян, С. В. Богдановым, П. М. Ельчаниновым, Д. В. Ливенцевым, В. И. Михеевым, А. В. Перегудовым, В. М. Смирных, Е. И. Степановой, Л. В. Страховым, С. Н. Токаревой (Главинской), Н. В. Тонким, О. А. Шевцовой³.

¹ Ахмедов Ч. Н. Институт полицейских урядников в защите общества и государства // Юридическая наука : история и современность. — 2012. — № 11. — С. 12—19; Косенко А. А. Полицейский урядник как должностное лицо полиции Российской империи [Электронный ресурс]. — URL: http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms/5/chronoforms/uploads/2016_0401090446_Kosenko.pdf; Тюрин В. А. Должность полицейского урядника в России конца XIX — начала XX вв. (на материалах среднего Поволжья) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2011. — № 1-1 (82). — С. 211—215.

² Гарбуз Г. В. Полицейская стража в России в начале XX в. // Известия Пензенского государственного педагогического университета. — 2011. — № 23. — С. 368—372; Елизаров А. В. Создание уездной полицейской стражи согласно закону 5 мая 1903 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2015. — № 4 (144). — С. 192—195; Невский С. А. Организационное построение и дислокация уездной полицейской стражи в Российской империи // Вестник ВИПК МВД Российской Федерации. — 2016. — № 4 (40). — С. 114—123; Невский С. А. Совершенствование организации и обучения уездной полицейской стражи в Российской империи // Вестник ВИПК МВД Российской Федерации. — 2015. — № 2 (34). — С. 81—87; Невский С. А., Сычев Е. А., Можаяев С. Ю. Уездная полицейская стража в России в начале XX в // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 4 (26). — С. 342—346.

³ Алексанян Н. А. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917—1922 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 11-2 (61). — С. 16—27; Богданов С. В., Ельчанинов П. М. Преступность и борьба с ней на территории Центрального Черноземья в 1920-е годы. — М. : РУСАЙНС, 2017. — 274 с.; Главинская С. Н. Организация и деятельность полиции Черноземного центра России в 1901—1917 гг. — 276 с.; Ливенцев Д. В., Харьковский Е. Л. Состояние Воронежской полиции в начале XX в. // Вестник Воронежского института ФСИН

Фундаментальный характер приобрели исследования кадровой политики в системе МВД, представленные целым комплексом трудов, как обобщающих, имеющих методологическое значение (работы С. Ф. Зыбина, В. Я. Кикоть, В. Л. Кубышко, В. М. Шамарова, Х. Х. Лойта¹), так и более специализированных, затрагивающих отдельные исторические этапы (работы А. В. Борисова, Ю. В. Гончаровой, Е. Н. Черной² и др.).

На рубеже XX—XXI вв. был сформирован весомый комплекс трудов по истории профессионального образования и подготовки сотрудников органов внутренних дел. Обобщающему анализу государственной образовательной политики в системе МВД России

России. — 2015. — № 1. — С. 101—103; Перегудов А. В. Сыская полиция города Воронежа: страницы истории. — Воронеж, 2016. — 107 с.; Смирных В. М. Почти военная организация: очерки истории воронежской милиции 20-х годов 20 века. — Воронеж, 2002. — 189 с.; Степанова Е. И. Эволюция деятельности уездной полиции Курской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2012. — 211 с.; Тонкий Н. В. О проблемах комплектования стражниками Нижнедевицкой уездной полиции Воронежской губернии в начале XX века // Новая наука: от идеи к результату. — Уфа, 2017. — № 3. — Т. 2. — С. 165—172; Шевцова О. А. Создание милиции в Воронежской губернии в 1917 году // Вестник ВГУ. — Серия: История. Политология. Социология. — 2012. — № 2. — С. 192—194.

¹ Кикоть В. Я. Организационно-правовая система подготовки кадров органов внутренних дел: генезис и перспективы. — М.: ВНИИ МВД России, 2002. — 272 с.; Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (профессиональная подготовка полицейских): учебник: в 2 ч. / под общ. ред. В. Л. Кубышко. — М.: ДГСК МВД России, 2015.; Шамаров В. М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — 342 с.; Зыбин С. Ф. Кадровое обеспечение деятельности органов внутренних дел: историко-правовой и теоретико-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1997. — 353 с.; Лойт Х. Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998. — 370 с.

² Борисов А. В., Гончарова Ю. В. Подготовка и воспитание кадров полиции России (XVIII в. — 1917 г.). — М., 1999. — 235 с.; Черная Е. Н. Кадровая политика в системе НКВД РСФСР (1921—1930 гг.) Ушаков С. И. Организационно-правовое обеспечение оценки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации: автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — Артемьев А. М. Реализация кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров: организационно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003 и др.; Костылев А. О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи (1880—1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — 216 с.

посвящена работа Е. Д. Проценко¹. Различные аспекты профессиональной подготовки полицейских кадров стали предметом диссертационных исследований Ю. А. Ершова, Н. А. Игошина, М. В. Кольцовой, А. О. Костылева², рассмотрены в статьях М. К. Алафьева, С. Е. Байкеевой, Я. А. Гуркина, Н. С. Знаенко, И. А. Коновалова, С. А. Невского, М. В. Сучковой, С. Х. Хакимова³ и др.

¹ Проценко Е. Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России : Историко-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998. — 398 с.

² Ершов Ю. А. Полиция России в пореформенный период : комплектование, профессиональная подготовка и социальная защищенность, историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1998. — 238 с.; Игошин Н. А. Особенности комплектования и профессиональной подготовки органов полиции в России XIX—начала XX века : историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. — 165 с.; Кольцова М. В. Профессиональная подготовка кадров Российской империи в период с 1907 г. до 1917 г. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 176 с.; Костылев А. О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи, 1880—1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — 216 с.

³ Алафьев М. К. Профессиональная подготовка полицейских в России XVIII—XIX вв. // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2012. — № 3 (50). — С. 7—11; Байкеева С. Е. Правовое регулирование подготовки кадров в специализированных учебных заведениях МВД царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. — № 3. — С. 37—42; Гуркин Я. А. Совершенствование профессиональной подготовки кадров российской полиции в начале XX века // Клио. — 2015. — № 5 (101). — С. 77—79; Евсеев С. В., Смирнов С. Н. Профессиональная подготовка полицейских урядников в Тверской губернии в конце XIX — начале XX века // Образование. Наука. Научные кадры. — 2011. — № 4. — С. 13—16; Знаенко Н. С., Шубович М. В. Профессиональная подготовка полицейских в Симбирской губернии // NovaInfo.RU. — 2017. — Т. 1. — № 58. — С. 505—511; Коновалов И. А. Кадровое обеспечение и служебная подготовка сотрудников полиции в Сибири в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2015. — № 1 (42). — С. 29—35; Лобанов А. В., Кузнецов О. В. Формирование основ полицейского образования в Саратовской губернии и проблемы кадрового состава полиции в начале XX века // Информационная безопасность регионов. — 2010. — № 2. — С. 29—33; Невский С. А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Вестник ВИПК МВД России. — 2015. — № 1 (33). — С. 94—100; Сучкова М. В. К вопросу о профессиональной подготовке полицейских кадров в Российской империи в конце XIX — начале XX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 10. — С. 165—167; Хакимов С. Х. Первоначальные шаги по подготовке полицейских в дореволюционной России // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 6. — С. 300—303.

Фундаментальное изучение общей истории милицейского образования было предпринято М. А. Кожевиной¹, а отдельные его проблемы рассматривались в рамках диссертаций Р. Г. Непранова, Д. С. Скрябина², статей С. Н. Бакшутова, А. В. Власова, С. А. Карновича, Я. А. Павловой, М. М. Степанова, Л. Е. Филипповой³ и др. Ряд современных исследований посвящен проблемам истории ведомственного образования в системе МВД послевоенного периода: работы Г. В. Горбатенко, В.Н. Лукина и др.⁴ Подготовлено и немалое число публикаций, посвященных истории отдельных образовательных организаций системы МВД России⁵.

¹ Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918—1991 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 416 с.

² Непранов Р. Г. Правовые основы организации и деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в период проведения новой экономической политики: 1921—1929 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2002. — 234 с.; Скрябин Д. С. Кадровое обеспечение российской милиции в межвоенный период XX века, 1921—1941 гг.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2005. — 22 с.

³ Бакшутов С. Н. Милицейское образование на Дальнем Востоке России: организация и правовое регулирование // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2016. — № 1 (35). — С. 95—99; Власов А. В. Формирование системы образования милиции в 30-е годы // История государства и права. — 2002. — № 1. — С. 61—62; Карнович С. А., Кузнецов А. А., Синиченко В. В. Становление милицейского образования в Восточной Сибири в 20-х годах XX века // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2015. — № 1 (72). — С. 65—76; Павлова Я. А. Генезис профессиональной подготовки кадров в образовательных учреждениях милиции в 30-е — 40-е годы XX века // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 3 (46). — С. 55—57; Степанов М. М. Особенности милицейского образования в России в годы гражданской войны (1918—1920 гг.) // Ленинградский юридический журнал. — 2011. — № 1 (23). — С. 101—107; Филиппова Л. Е. Формирование образовательных учреждений НКВД в период становления Советской России как часть общей кадровой политики правоохранительных органов // Вестник Владимирского юридического института. — 2007. — № 1. — С. 104—107.

⁴ Горбатенко Г. В. Становление и развитие высшего профессионального образования МВД СССР — России: 1945—2000 г.: дис. ... канд. пед. наук. — Воронеж, 2011. — 183 с.; Лукин В. Н. Политическое воспитание и профессиональная подготовка сотрудников милиции: проблемы, достижения и трудности (1975—1985 гг.): дис. ... канд. ист. наук. — М., 1990. — 214 с.

⁵ Академия управления МВД России: история и современность / под общ. ред. В. Б. Рушайло. — Пермь, 1999. — 332 с.; Андреев С. М., Андреева И. А., Кожевина М. А. Омская Академия МВД России. 90 лет. — Омск: Омская академия МВД России, 2010. — 208 с.; Воронежский институт МВД России: юбилейное издание / под общ. ред. А. В. Симо-

Но, несмотря на очевидные успехи в развитии современной историографии исторических аспектов полицейско-милицейской проблематики, в ней имеется и некоторое число проблем. В частности, несколько меньшее внимание уделяется непосредственной работе с документальными источниками, накопилось определенное количество публикаций, носящих компилятивный, очерковый, а иногда и очевидно поверхностный характер, содержащих тиражируемые досадные неточности, а зачастую и откровенные ошибки. Продолжает пока находиться в процессе становления отечественная историография образовательных организаций в системе органов внутренних дел. И особенно очевидны лакуны в массиве исследовательских работ, посвященных воронежской региональной истории полицейско-милицейского образования. Данные о соответствующих образовательных организациях, существовавших в г. Воронеже до открытия в конце 1970-х гг. специальной средней школы милиции МВД СССР, в течение долгого времени были скудны и фрагментарны.

Отдельные упоминания о Воронежской команде-школе уездной полицейской стражи присутствуют в работах Ч. Н. Ахмедова, А. О. Костылева, А. В. Перегудова, Л. В. Страхова, С. Х. Хакимова¹ и др. О некоторых аспектах организации профессионального обучения сотрудников милиции в Воронеже в 1922—1942 гг. рассказывается в публикациях В. С. Гольдмана, В. Н. Колемасова, П. Ф. Николаева, О. Н. Мигущенко, Е. Д. Проценко, И. В. Токмакова, В. М. Шамарова² и др. Значим

ненко. — Воронеж, 2011. — 320 с.; Ильиных В. Л. Из истории Саратовского юридического института МВД России // Правовая культура. — 2010. — № 2 (9). — С. 8—18; Московской Академии МВД России 25 лет / под общ. ред. В. И. Козлова. — М., 2000. — 208 с.; Ростовскому юридическому институту МВД России 40 лет. — Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2001. — 204 с.

¹ Ахмедов Ч. Н. Организационно-правовые основы подготовки полицейских урядников во второй половине XIX — начале XX века // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 1. — С. 63—68; Страхов Л. В. Формирование уездной полицейской стражи в Центральной России (на примере Воронежской губернии, 1903—1906) // Вестник полиции. — 2016. — № 2 (8). — С. 48—54; Хакимов С. Х. Введение института урядников и их деятельность по обеспечению безопасности дореволюционной России // Проблемы борьбы с преступностью и обеспечение безопасности личности. — Уфа, 1997. — С. 45—48.

² Колемасов В. Н. Система профессионального образования Министерства внутренних дел в 1917—1941 гг. // Право и образование. — 2013. — № 6. — С. 134—142; Мигущенко О. Н. Профессиональная подготовка и правовое воспитание сотрудников милиции в 20—30-е годы // Российский следователь. — 2011. — № 7. — С. 37—40; Токмаков

научный задел, сформированный в работах С. Н. Токаревой, которые в целом посвящены анализу отдельных сторон деятельности сотрудников органов внутренних дел Центрального Черноземья с акцентированием внимания на Курской области¹. Интересный источниковый материал собран в работах В. М. Смирных, носящих преимущественно публицистический характер². Но сколько-нибудь объемных обобщающих трудов, посвященных как комплексному исследованию проблем эволюции структур ведомственного профессионального образования сотрудников органов внутренних дел в г. Воронеже, так и отдельным, в первую очередь наиболее ранним, опытам по их организации пока так и не появилось.

Вместе с тем подобные проблемы — это, скорее, «проблемы роста», осмысление которых позволило определить векторы нового научного поиска. В соответствии с Планом научной деятельности Воронежского института МВД России в институте с января 2016 г. было начато выполнение научно-исследовательской работы по теме «Основные этапы становления и развития органов внутренних дел в Центрально-Черноземном регионе», отдельные промежуточные результаты которого начали предварительно оформляться в виде комплекса статей, подготовленных членами авторского коллектива и впоследствии вошедших в содержание данной монографии³.

И. В. Становление и деятельность органов советской милиции 1917—1930 годов : на материалах Центрального Черноземья : дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2003. — 195 с. и др.

¹ Токарева С. Н. Профессиональная подготовка служащих полиции начала XX столетия (по материалам Центрального Черноземья России) // История государства и права. — 2012. — № 24; Она же. Практика подготовки административно-милицейских работников Орловского и Елецкого округов Центрально-Черноземной области // Filo Ariadne. — 2016. — № 1. — С. 54—66; Она же. — Практика реализации профессионального образования сотрудников милиции в Центрально-Черноземной области (конец 20-х — начало 30-х годов XX века) // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 2. — С. 28—39 и др.

² Смирных В. М. Люди тревожного времени : очерки истории Воронежской милиции 20—30-х гг. 20 в. — Воронеж : Воронеж. обл. тип. — Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2010. — 191 с. и др.

³ Кирнос А. В., Смирных В. М. Советский довоенный этап формирования образовательных организаций по подготовке специалистов для правоохранительных органов в г. Воронеже (1919—1942 гг.) // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. — Ч. 1. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2016. — С. 293—300; Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Периодизация истории об-

Важной составляющей научного поиска стала существенная активизация источниковедческих усилий, связанных, в частности, с углубленным изучением документальных, в первую очередь архивных, материалов.

2. Характерные черты источниковедческого анализа эволюции ведомственного образования системы МВД / НКВД

Анализ возникновения и эволюции отечественных моделей образовательных организаций полиции Российской империи и советской милиции, эвристические задачи выявления степени их преемственности и дискретности, а также основных закономерностей формирования, обусловленных как функциональными, так и внешними историческими факторами, неизбежно предопределили самое серьезное внимание к источниковой базе исследования. Разнородность и зачастую фрагментарность исторических источников привели к формулированию первичной методологической цели — созданию комплексной исследовательской стратегии, которая учитывает особенности банков исторической и иной информации при построении единой хронологической канвы развития образовательных организаций системы МВД — ОГПУ — НКВД в Воронежском регионе. Важнейшими предпосылками реализации этой цели стали, с одной стороны, формирование критериев научной группировки источников для создания комфортных условий отработки исследовательских гипотез и, с другой стороны, выбор методических средств и способов изучения тех или иных хранилищ информации, наиболее пригодных для объективизации знаний о предмете исследования. Несомненно, важную роль в анализе источников сыграли и принципиальные особенности организации научного поиска, выразившиеся в сочетании планомерности и «инсайдовости» и обусловившие принятую и регулярно корректировавшуюся этапность проведения исследования.

разовательных организаций по подготовке сотрудников органов внутренних дел в г. Воронеже: к постановке проблемы // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 8—27; Нахимов А. П., Киринос А. В., Колесников В. А. Воронежская учебная команда-школа в системе профессионального обучения уездной полицейской стражи Российской империи в начале XX в. // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 1. — С. 7—16. и др.

Для группировки источников исследования в качестве основных первичных (внешних) критериев были избраны периодизация, территориальное соотношение и локализация, а также степень публичной доступности хранилищ информации по предмету научного анализа. Историческим рубежом, разделяющим две большие группы источников, является слом императорского государственного механизма в целом и уничтожение дореволюционной полиции как института в частности в 1917 году. Формальные характеристики источников императорской эпохи и советского периода конца 20-х — 30-х гг. XX вв. во многом схожи по причине характерной для этих стадий отечественной истории относительной стабильности государственного механизма, идеологии и делопроизводства. В основном были распространены типовые, длительное время употреблявшиеся внешние формы — циркуляры, указы, приказы, отчеты, сводки и т.д. Как правило, достаточно высок был уровень инкорпорирования документов, выразившийся в значительном количестве различного рода сборников нормативных актов. Применительно к архивным фондам этого времени следует говорить об относительно хорошем качестве содержащихся в них материалов. Серьезной проблемой для комплексного изучения источников, относящихся к 1930-м — началу 1940-х гг., является отсутствие или секретный характер многих документов, что приводит к существенным модификациям в исследовательской методологии, в частности более тщательному применению преимуществ синтеза для получения данных, формирующих общую научную картину предмета исследования.

Спецификой первого десятилетия советской власти является наличие значительного количества экспериментальных форм документов, как правило, использовавшихся непродолжительное время, — к примеру, официозные публикации административных работников НКВД РСФСР по актуальным проблемам развития ведомственного образования или многочисленные проекты формирования сети образовательных организаций милиции, созданных рабочими комиссиянными органами НКВД. Причина этого кроется в исторических условиях возникновения документов, переходном состоянии отечественной общественно-политической системы. Техническое исполнение, как и систематизированность, архивных документов этого периода, часто оставляет желать лучшего. Нередко в процессе изучения данных

материалов приходилось сталкиваться с существенными расхождениями содержащейся в них информации по одним и тем же вопросам.

Учитывая специфику объекта и предмета исследования, научному анализу подвергались материалы, касающиеся, с одной стороны, общегосударственной эволюции ведомственного образования МВД — ГПУ — НКВД, с другой стороны, документы, характеризующие специфику образовательных организаций полиции и милиции в Воронежском регионе. В целом и те, и другие оказались соответствующим образом территориально локализованными. При этом изучались как опубликованные, так и неопубликованные источники. Первые сосредоточены в библиотечных фондах, вторые — в государственных архивах.

Общеимперские и общереспубликанские документы были исследованы в ходе работы с центральным основным фондом, а также с фондами официальных нормативных изданий и газет Российской государственной библиотеки (РГБ). Подвергнутые научному анализу опубликованные источники, имеющие воронежское происхождение, сосредоточены в основном фонде и отделе краеведения Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И. С. Никитина, а также в отделе редких книг Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета.

Эти хранилища преимущественно использовались для изучения опубликованных, но давно ставших библиографическими редкостями сборников аутентичных документов, прежде всего нормативных правовых актов¹ или неофициальных комментариев к ним², а также различного рода нарративных и дискуссионно-публицистических источников, созданных непосредственными участниками процесса формирования и развития отечественных образовательных организаций ор-

¹ Прежде всего это Полное собрание законов Российской империи; Свод законов Российской империи; Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате; Сборники циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел Российской империи; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР; Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР; Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР.

² Волков Н. Т. Полицейский стражник : руководство-наставление. — Сумы : Типо-лит. Пашкова, 1904. — 164 с.; Попов В. Полная инструкция полицейского урядника. — М., 1900—1901. — 207 с. и др.

ганов внутренних дел и преимущественно имеющих форму статьи, доклада или выступления¹. Помимо этого значительную ценность для проведения исследования представляли официальные статистические данные, представленные в изданиях из библиотечных фондов. Так, в частности, серьезным подспорьем в научной работе по предмету исследования стали памятные книжки и адрес-календари Воронежской губернии в императорскую эпоху.

Особое внимание уделялось методичному изучению погодных комплектов дореволюционных и советских довоенных периодических изданий, которые сыграли важную роль в обеспечении реализации исторического подхода, прежде всего при формировании картины непрерывности процесса эволюции как отечественных органов внутренних дел в целом, так и их образовательных организаций, в частности. К таким изданиям, прежде всего, следует отнести газеты «Санкт-Петербургские (Петроградские) ведомости», «Московские ведомости», «Воронежские губернские ведомости», «Воронежский телеграф», «Известия», «Коммуна», журналы «Вестник полиции», «Вестник НКВД РСФСР», «Рабоче-крестьянская милиция», «Административный вестник».

Несмотря на относительное соблюдение принципа соотнесения места происхождения и каталогизированной локализации источника следует заметить, что при осуществлении научного поиска той или иной воронежской публикации нередко приходилось обращаться к РГБ по причине наличия лакун в региональных библиотечных ресурсах. Так, в частности, произошло, когда возникла настоятельная потребность в анализе всех номеров «Воронежских губернских ведомостей».

В ходе выполнения научной работы по заявленной проблематике исследованию были подвергнуты неопубликованные источники, сосредоточенные преимущественно в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва) (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) (РГИА), Государственном архиве Воронежской области (ГАВО), Государственном архиве Курской области (ГАКО), Государственном архиве Орловской области

¹ См., напр.: Борзовский К. К вопросу о дисциплине на милицейских курсах // Революционный страж. — 1922. — № 1; За восемь лет: материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска. 1917—12 ноября 1925 г. / сост. П. Н. Синицын. — Л., 1925; Постников В. Подготовку младшего начсостава передать местам // Админ. вестник. — 1930. — № 1. — С. 32—33 и др.

(ГАОО), Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО), Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО) и информационном центре Главного управления МВД России по Воронежской области. При этом эвристические и функциональные характеристики документов, собранных в тех или иных архивах, по вполне понятным причинам могли существенно различаться. Базовыми источниками для исследования стали материалы, сконцентрированные в двух архивных учреждениях — ГАРФ и ГАВО. Документы, представленные в ГАРФ (прежде всего в фондах 102, 110, Р-393, Р-9415, Р-9401 и др.), в основном посвящены общегосударственным проблемам развития отечественных правоохранительных органов и их образовательных организаций. В то же время в собраниях этого архива довольно значителен удельный вес информации, которая, с одной стороны, непосредственно касается воронежских структур по подготовке сотрудников полиции и милиции, с другой стороны, затрагивает отдельные аспекты их формирования и функционирования в контексте общегосударственной практики в системе других таких же организаций. Материалы из центрального архива оказались особенно востребованными, если учесть фрагментарность воронежских архивов, обусловленную уничтожением целых массивов региональных документов в условиях военного времени на территории Воронежского региона в первой половине XX в. В общей сложности были проанализированы 818 единиц хранения фондов ГАРФ, из которых около трети содержат документы, прямо или косвенно позволившие уточнить и скорректировать результаты исследования.

Изучение архивных материалов ГАВО (прежде всего, из фондов И-1, И-2, Р-4, Р-5, Р-38, Р-61, Р-736, Р-1953 и др.) позволило выявить ключевые тенденции развития и региональную специфику образовательных организаций полиции и милиции в Воронеже. Именно здесь были сделаны основные открытия, которые позволили сформировать полную хронологию воронежских структур по подготовке сотрудников полиции и милиции, в частности обнаружены документы, которые установили начальные временные границы истории ведомственного образования в Воронежском регионе. Серьезное внимание было уделено изучению личных дел сотрудников воронежской губернской милиции, имевших непосредственное отношение к развитию ведомственного образования в регионе — А. П. Драчева, С. В. Успенского,

П. В. Рождественского, И. П. Бородина, В. Г. Косарева и др. Всего анализу были подвергнуты 264 единицы хранения из фондов ГАВО, материалы которых составили ядро источниковой базы исследования.

Исследования архивных материалов, проводившиеся в РГИА (особенно сосредоточенных в фондах 1276, 1281, 1282, 1286 и др.), позволили выявить ряд новых данных, которые существенно скорректировали представление о процессе формирования образовательных организаций по подготовке полицейских урядников в Российской империи в 70-80-е гг. XIX в. и тем самым прояснили некоторые закономерности развертывания первых региональных экспериментов (в том числе и воронежского) по учреждению полицейских курсов и школ. Немаловажным является и то, что значительная часть документов из фондов РГИА раскрывает важнейшие особенности формирования императорской полиции как института и тем самым в рамках настоящего исследования существенно усиливает объективность полученных результатов. Отдельные документы были введены в научный оборот впервые. Всего в фондах РГИА были исследованы 136 единиц хранения.

Для изучения политической ситуации в Воронежском регионе в 1917 — 1942 гг. были использованы материалы, сконцентрированные в ГАОПИ ВО (прежде всего в фондах 1, 2, 390, 1435, 5691). Особенностью документов, представленных в этом архивном учреждении, является относительно высокая степень систематизации, поскольку основная масса из них имеет форму протоколов и иных учетных материалов РКП(б) — ВКП(б). Преимущественный интерес по вполне понятным причинам вызвали протоколы общих открытых и закрытых партийных собраний Главного управления рабоче-крестьянской милиции по Воронежской губернии и Центрально-Черноземной области, а также личные партийные дела сотрудников воронежской милиции, занимавших ответственные посты в ее руководстве и оказавших существенное влияние на развитие образовательных милицейских организаций в Воронеже в предвоенный период. В фондах ГАОПИ ВО научному анализу были подвергнуты 93 единицы хранения.

Значительную помощь в построении концептуальной схемы развития воронежских образовательных организаций милиции в 30-е — начале 40-х гг. XX в. оказали документы, сосредоточенные в архиве информационного центра Главного управления МВД России по Воронежской области. Речь идет прежде всего об упорядоченных комплек-

сах приказов по центральному и региональному аппарату рабоче-крестьянской милиции, а также о доступных для открытого исследования документах, составляющих персональные дела сотрудников воронежской милиции, в том числе и тех, кто в качестве административного персонала или выпускников имел непосредственное отношение к воронежским школам рабоче-крестьянской милиции. Для получения необходимой информации по рассматриваемому периоду в хранилище информационного центра ГУ МВД России по Воронежской области были исследованы более 300 единиц хранения.

Таким образом, по итогам работы в архивных учреждениях можно с уверенностью констатировать, что большинство доступных на сегодняшний день документов было исследовано, что позволило оснастить настоящую работу вполне, на наш взгляд, объективизированными данными. В то же время целесообразно отчасти согласиться с точкой зрения М. А. Кожевиной, которая считает, что применительно к истории милицейского образования «особенностью источниковой базы исследования является ее неоднородность и разобщенность»¹. При этом часть документов (преимущественно относящихся к первым годам установления Советской власти) имеют довольно плохое качество исполнения и сохранности, а материалы, датированные 30-ми годами XX в. зачастую по политическим мотивам изымались или подвергались несистематизированному хранению основным фондообразователем — НКВД СССР. Часть документов по истории довоенной советской милиции до сих пор не открыта для научного исследования.

В ходе реализации исследовательского проекта авторскому коллективу была оказана значительная помощь со стороны работников библиотек и архивов, прежде всего сотрудников отдела газет РГБ, отдела краеведения Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И. С. Никитина, ГАРФ, ГАВО и информационного центра ГУ МВД России по Воронежской области.

Заканчивая анализ внешних параметров сосредоточения источников, на которых базируется представленная работа, нельзя не упомянуть также базы данных, размещенные во всемирной системе компьютерных сетей Интернет. Некоторые чрезвычайно важные офици-

¹ Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918—1991 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С.17.

альные документы преимущественно нормативного характера (к примеру, опубликованные в официальных и официозных сборниках законы и подзаконные акты) были в свое время оцифрованы и размещены в Интернете. Обращение к электронным средствам информации в данном случае позволило существенно сэкономить время и ускорить научный анализ. Ключевой задачей исследователей в этой связи являлось тщательное установление аутентичной неизменности содержания того или иного документа, размещенного в Интернете. Примером в данном случае может служить электронная копия Полного собрания законов Российской империи, размещенная на сайте Электронной энциклопедии и библиотеки «Руниверс»¹.

В структурировании источниковой базы практически любой научно-исследовательской работы значительную роль играет классификация источников по их внутренней форме и особенностям содержания. С этой точки зрения всю совокупность материалов исследования, размещенных в различных хранилищах, можно разделить на следующие группы.

Первую группу составляют общегосударственные нормативные правовые акты, устанавливавшие основы правового регулирования статуса и деятельности отечественных правоохранительных органов и их образовательных организаций. К ним в первую очередь следует отнести Основные законы и Основные государственные законы Российской империи, Конституцию РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924 и 1936 гг., а также законы и иные акты, непосредственно посвященные отечественным правоохранительным органам². По большей части эти

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг.; Собрание третье. 1 марта 1881 — 1913 гг. // Руниверс. Электронная энциклопедия и библиотека [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.runivers.ru/personals/author3027/> (дата обращения: 18.10.2017).

² См., напр.: Об учреждении полицейской стражи : закон Российской империи от 5 мая 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1 марта 1881—1913 гг. — Т. 23. — № 22906. — С. 477—781 // Руниверс. Электронная энциклопедия и библиотека [Электронный ресурс]. — URL:<http://www.runivers.ru/bookreader/book10023/#page/477/mode/1up> (дата обращения: 18.10.2017); О Советской рабоче-крестьянской милиции : положение, утвержденное Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 10 июня 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1943. — С. 560 и др.

источники опубликованы и содержатся в доступных библиотечных, в том числе электронных, фондах.

Во второй группе представлены официальные ведомственные акты, регламентировавшие становление и развитие отечественных правоохранительных органов, в том числе полицейских и милицеских образовательных организаций. К ним относятся ведомственные приказы и распоряжения, инструкции, циркулярные документы и т.д. Особенностью этих документов является их двухуровневая структура. С одной стороны, подавляющее большинство из них имеют общесоударственные регулятивные свойства, с другой стороны, значительным является число региональных (губернских и областных) документов, регламентировавших статус и деятельность правоохранительных органов на местах. Так, в частности, институт уездных урядников, а также курсы и школы по их подготовке находились под патронажем губернаторов и губернских правлений. Что касается советской милиции и ее образовательных организаций, то довольно длительное время на ее положение в губерниях существенное влияние оказывали местные исполнительные комитеты советской власти. Особое значение для реализации исследовательских целей имело изучение приказов по воронежской губернской милиции и нормоустановительных актов местных органов РКП(б) — ВКП(б), касающихся общего образования и политической подготовки сотрудников милиции. Данная группа источников содержит как опубликованные, так и архивные материалы.

К третьей группе источников следует отнести документы образовательных организаций полиции и милиции — различного рода положения, инструкции по внутреннему распорядку, учебные планы, расписания занятий, программы преподаваемых предметов и методические указания к ним, внутренние приказы по образовательным организациям, протоколы заседаний учебно-методических структур и др. При этом необходимо отметить существенный рост «внутришкольной» делопроизводственной активности на курсах и в школах рабочекрестьянской милиции в сравнении с дореволюционным периодом развития полицейского образования. Безусловно, подавляющая их часть моделировалась согласно инструктивным документам, поступавшим из центральных органов МВД — ОГПУ — НКВД. В ходе проведения исследования были проанализированы не только акты, касающиеся Воронежского региона, но и материалы по другим губерниям и областям. Это позволило выявить магистральные закономерности

общегосударственной политики по созданию системы ведомственной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Тем более, что довольно часто центральные органы в директивном порядке распространяли положительный региональный опыт развития образовательных структур полиции и милиции, который внедрялся в том числе и в Воронежском регионе. Подавляющая часть источников, представленных в данной группе, не опубликована и сконцентрирована в архивных учреждениях.

В четвертую группу вошли источники, характеризующие связи между образовательными организациями полиции и милиции и центральными руководящими органами. В основном они представлены архивными материалами (письмами, регулярными типовыми отчетами, справками с мест и т.п.) и характеризуют непростые процессы формирования и модификации созданных в регионах структур. Они в наибольшей степени имеют незавершенный характер, зачастую фрагментарны и содержат не всегда объективную информацию. В то же время их внимательное изучение позволило не только лучше понять содержание аналитических материалов центральных органов, но и выявить подчас довольно запутанные обстоятельства, обусловившие те или иные тенденции в эволюции образовательных организаций полиции и милиции в Воронежском регионе.

К пятой группе необходимо отнести опубликованные и неопубликованные аналитические материалы, представленные в отчетах и обзорах центральных органов (например, Департамента полиции МВД Российской империи, Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР и др.), а также в докладах должностных лиц из числа сотрудников этих органов. При этом необходимо отметить, что серьезный исследовательский интерес представляли не только законченные документы, но также их проекты и другие подготовительные материалы, позволившие глубже понять вариативность процесса формирования и развития отечественных образовательных организаций полиции и милиции. Примером могут служить документы, проектировавшие создание сети школ милиции, разрабатываемые школьно-курсовой секцией постоянной комиссии по выработке устава, наставлений и руководств по школьно-курсовому делу при Главмилиции в начале 20-х гг. XX в.

Шестую группу источников составили различные статистические материалы и публикации печатных средств массовой информации, содержащие использовавшиеся для реализации исследовательских целей и задач фактические данные о том или ином историческом периоде. Их изучение позволило представить процесс формирования и развития образовательных организаций полиции и милиции в Воронеже в наиболее оптимальном по широте историческом контексте. Это обстоятельство является тем более ценным, если учесть грандиозные социально-экономические, политические и социокультурные потрясения, которые пережила наша страна в конце XIX — первой половине XX столетия.

Наконец, в седьмой группе источников представлены свидетельства очевидцев, как опубликованные, так и доступные только в архивных хранилищах. В данной связи следует еще раз выразить слова благодарности тем людям, которые сохранили и опубликовали устные рассказы современников формирования и развития образовательных организаций правоохранительных органов в Воронежском регионе¹.

Специфика объекта, предмета, целей и источниковой базы исследования обусловили выбор общей методологической стратегии — главенство исторического подхода, реализовывавшегося прежде всего в использовании историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического, историко-системного методов, а также метода диахронического анализа и исторической периодизации. В отдельных случаях возникала необходимость прибегнуть к преимуществам исторической экстраполяции. Именно следование историческому подходу позволило в конечном счете выяснить точные хронологические рамки формирования первых полицейских и милицейских образовательных организаций в Воронежском регионе.

Для исследования источников был сформирован методологический инструментарий, который предполагал сочетание трех основных методов: с одной стороны, взаимодополняющие и существенно усиливающие интерпретационную объективность методики историко-источниковедческого анализа и формально-юридического анализа при изучении документов (прежде всего официальных), раскрывающих

¹ В частности, ценный нарративный материал по истории воронежских милицейских курсов и довоенных школ советской милиции в Воронеже представлен в краеведческих публикациях В. М. Смирных.

основные направления эволюции образовательных организаций полиции и милиции, и, с другой стороны, метод источниковедческого синтеза, с помощью которого в целом удавалось интерпретировать те или иные исторические факты, следы которых обнаруживались в различных (прежде всего в архивных) хранилищах информации. Так, благодаря синтезированию данных центральных и воронежских архивов в целом удалось выяснить особенности процесса смены руководства и персональные характеристики начальников милицейских курсов и школ в Воронеже в 1919—1942 гг.

В целом, несмотря на объективные трудности подбора и исследования доступных исторических источников, необходимо, на наш взгляд, сделать общий вывод об их методологической системной достаточности для построения целостной картины истории образовательных организаций полиции и милиции в Воронеже, а также сформулировать принципиальные позиции по выработке методологических подходов к формированию шкалы их периодизации.

3. Особенности методологии построения периодизации

Эмпирический материал, накопленный в ходе проведенных историографических и источниковедческих изысканий и подвергнутый углубленному коллективному осмыслению, по нашему мнению, к настоящему времени позволяет более четко выстраивать концептуальные схемы, переходить к адекватным обобщениям, компаративному анализу, формированию периодизаций.

В гносеологическом плане периодизация истории представляет собой особый род систематизации, заключающийся в условном делении исторического процесса на определенные интервалы. Эти интервалы обладают комплексом отличительных особенностей, точная фиксация которых зависит от избрания конкретного критерия (основания) данной периодизации¹. Одной из начальных стадий конструирования исторической периодизации традиционно выступает хронологизация, то есть формирование последовательного временного ряда, составляющего «темпоральную основу» для последующего членения исторической реальности. Периодизация

¹ Советская историческая энциклопедия : в 16 т. — Т. 11. — М. : Советская энциклопедия, 1968. — С. 40—41.

обеспечивает выявление качественного наполнения каждого из хронологических отрезков элементами, принципиально отличающимися друг от друга и отделяющимися четко фиксированными историко-хронологическими вехами. Совокупность последовательных исторических периодов, отделенных друг от друга событийными «вехами», образует диалектический процесс исторического развития конкретного объекта.

В онтологическом плане концепт периодизации представляет собой неотъемлемую составляющую широкой проблемы соотношения непрерывности и (или) прерывистости пространства-времени¹. Он демонстрирует одновременное осмысление непрерывности и прерывистости, соотнося их с разными моментами времени. Периоды сменяют друг друга, будучи непохожими друг на друга, и, соответственно, непрерывность имеет место внутри периодов, а прерывистость — между ними. Таким образом, как отмечал французский методолог истории А. Про, «периодизировать, значит ... выявлять прерывность, нарушения преемственности, указывать на то, что именно меняется, датировать эти изменения и давать им предварительное определение. Периодизация занимается идентификацией преемственности и ее нарушений. Она открывает путь интерпретации. Она делает историю если и не вполне доступной пониманию, то, по крайней мере, уже мыслимой»².

месте с тем в теоретико-методологическом аспекте историческая периодизация по-прежнему выступает объектом серьезных научных дискуссий.

С одной стороны, важна методологическая значимость периодизации. Периодизация относится к числу изначальных попыток человеческого разума каким-либо образом систематизировать, упорядочить подвергаемый осмыслению эмпирический материал: охватить целое, не разделив его на части, практически невозможно, а членение истории на фиксированные периоды существенно облегчает усвоение

¹ Мелюхин С. Т. Проблема прерывности и непрерывности материи в свете современных данных // Мелюхин. С. Т. Избранные труды: наследие и современность : философская онтология : в 3 т. — Т. 2. — М., 2010. — С. 94—135.

² Про А. Двенадцать уроков по истории. — М. : Российский гос. гуманитар. ун-т, 2000. — С. 118.

предмета, давая определенные ориентиры, сначала, как минимум, хронологические. История, по словам К. Леви-Строса, оказывается закодированной в хронологии, «нет истории без дат»¹.

Исследователь, разделяя историю на периоды, выискивая соответствующие «сочленения», близкие, по словам А. Тойнби, к таковым на стебле бамбука, фактически производит замену неуловимой непрерывности времени на более формально определенную эвристически значимую структуру².

Подобная структура формируется на основе синтеза историко-генетической (диахронической) и историко-структурной (синхронической) составляющих, которые в своей совокупности и отражают специфику существования определенного явления в конкретном пространстве-времени (его статический и динамический, исторический и системный аспекты)³. По мнению Ф. В. Тарановского, «сочетание обоих элементов — статического и динамического — и создает историческую периодизацию, которая в применении к истории правовых, общественных и политических учреждений не может быть облачена в иную форму кроме юридической конструкции». Историк, особенно изучающий проблемы эволюции государственно-правовых явлений, дабы избежать опасности «погружения в микрологию разрозненных единичных фактов и бесконечно малых изменений» и достичь в исследовании понимания исторического процесса в его целом, объективно не может в своих изысканиях обойтись без построения подобной периодизации, оформленной в юридическую конструкцию⁴.

¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление. — М.: Республика, 1994. — С. 111.

² См.: Тойнби А. Дж. Исследование истории возникновения, рост и распад цивилизаций [Электронный ресурс]. — URL: <http://litfile.net/web/545049/509000-510000>; Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Как преподавать историю в современной школе: теория и методика: лекция седьмая // Педагогический университет — первое сентября [Электронный ресурс]. — URL: <http://his.1september.ru/2006/23/36.htm> (дата обращения: 24.10.2017).

³ См.: Трикоз Е. Н. Периодизация и сравнительно-историческая типология права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 2. — С. 132—144.

⁴ Тарановский Ф. В. Юридический метод в государственной науке. — Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1904. — С. 159.

Именно поэтому тезис о том, что историческая наука вообще и историко-правовая наука в частности не может обойтись без периодизации, разделяется весомым числом отечественных и зарубежных авторов¹.

Но, с другой стороны, процесс конструирования периодизации объективно чреват комплексом существенных «подводных камней». По верному замечанию французского философа А. Бергсона, «время не имеет естественных сочленений», и изучающий конкретную эпоху ученый делит предельно сложные феномены процессного, развивающегося и темпорального типа преимущественно субъективно, «по своему усмотрению»².

Поэтому те отрезки, на которые исследователь членит время, неизбежно несут искусственный характер. Они представляют собой «воображаемые деления», одновременно не только упрощающие, но и усложняющие задачу историка. В частности, они порождают грозную опасность субъективизма, в данном случае проявляющегося в излишней «привязке» комплексов исследуемых событий к «рубежным датам». Итальянский профессор Б. Кроче однажды иронически указал, что некоторые исследователи до сих пор полагают, «будто цифра порождает событие, подобно тому, как стрелка часов, доходя до часовой отметки, включает механизм боя»³.

Кроме того, стремление исследователя к максимальной стройности периодизации может повлечь за собой излишнюю схематизацию, огрубление и упрощение объективной реальности, вплоть до искажения ее. Следует учесть и то, что большинство ученых для

¹ См.: Гринин Л. Е. Периодизация истории: теоретико-математический анализ // История и математика : проблемы периодизации исторических макропроцессов / ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. — М. : КомКнига / URSS, 2006. — С. 53—79; Гросул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. — 2007. — № 3. — С. 122—139; Копосов Н. Е. Как думают историки. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — 326 с.; Семенов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. — М. : Старый Сад, 1999. — 382 с.; Bentley J. H. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // The American Historical Review. — 1996. — Vol. 101. — № 3 (June). — P. 749—770; Green W. A. Periodizing World History // History and Theory. — 1995. — № 34. — P. 99—111; McNeill W. H. The Changing Shape of World History // History and Theory. — 1995. — № 35. — P. 8—26.

² Бергсон А. Творческая эволюция. — М. — СПб., 1914 // Цифровая библиотека по философии [Электронный ресурс]. — URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000151/st008.shtml> (дата обращения: 12.10.2017).

³ Кроче Б. Теория и история историографии / пер. с итал. — М., 1998. — С. 55.

нового научного поиска не реконструирует время «во всей его полноте», но «берет то время, над которым уже работали другие историки»¹. Опираясь на уже разработанные ранее варианты периодизации, исследователь объективно может оказаться заложником корпоративного субъективизма и порожденных им ошибок.

Поэтому преувеличение методологической роли периодизации издавна вызывало критику, начиная с хлесткой фразы известного британского историка лорда Актона: «Изучайте проблемы, а не периоды»². Небезынтересны в данном аспекте развернутые концептуальные критические замечания таких экспертов, как П. Вейн или Ж. Фюре³. Более того, гиперболизируя данные проблемы, отдельные авторы в своем умалении роли и места периодизаций как таковых, доходят до противопоставления понятий процесса и стадий как взаимоисключающих⁴.

Однако, по нашему мнению, вполне можно согласиться с разделяемой Л. Грининым точкой зрения Р. Карнейро о том, что противопоставление процесса стадии относится к числу ложных дихотомий. Полное отрицание периода в качестве динамичной единицы неизбежно приводит к признанию несостоятельности разума, отказывающегося от обобщений. Таким образом, исследователь оказывается перед диалектическим противоречием: нельзя принести в жертву ни одну из двух ветвей альтернативы без того, дабы не отказаться от чего-то весьма существенного⁵.

Стадии представляют собой непрерывные эпизоды продолжающегося процесса, а само понятие процесса вполне может быть использовано для разработки понятия стадий⁶. Точно так же, как и

¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. — С. 118.

² Dalberg-Acton J. E. Lectures on Modern History. — London : Macmillan and Co. Limited, 1921. — P. 24.

³ См.: Veyne P. Comment on écrit l'histoire. Essai d'épistémologie. — Paris : Éd. du Seuil, 1971. — 352 p.; Furet F. L'Atelier de l'histoire. — Paris : Flammarion, 1982. — 312 p.

⁴ См.: Marcus J., Feinman G. M. Introduction // Archaic States / ed. by G. M. Feinman and J. Marcus. — Santa Fe — New Mexico : School of American Research Press, 1998. — P. 3—13; Carneiro R. L. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // Alternatives of Social Evolution / ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck and P. K. Wason. — Vladivostok : FEB RAS, 2000. — P. 52—58.

⁵ Carneiro R. L. Process vs. Stages... — P. 52—58; Гринин Л. Е. Периодизация исторического процесса и научно-информационная революция [Электронный ресурс]. — URL: <https://refdb.ru/look/2716620.html> (дата обращения: 12.10.2017).

⁶ См.: Goudsblom J. Human History and Long-Term Social Processes: Toward a Synthesis of Chronology and Phaseology // The Course of Human History. Economic Growth, Social Process,

неизбежные для любой периодизации односторонности и упрощения не только порождают определенные расхождения с реальностью, но и, по словам К. Ясперса, «могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты»¹.

В свою очередь, масштабы искажений, порождаемых при конструировании конкретной периодизации, можно (и должно) существенно минимизировать за счет более внимательного отношения к ряду фундаментальных правил данной методологической процедуры, в настоящее время активно разрабатываемых экспертным сообществом².

При построении периодизации важна адекватность аргументации оснований для нее, их взаимосвязь как с общей концепцией ученого, так и с назначением конкретной периодизации. При этом, несмотря на высказанные выше критические замечания, отправной точкой для определения данных оснований неизбежно оказывается рассмотрение ранее созданных периодизаций. Это очень емко аргументировал все тот же А. Про: «Поскольку задаваемый вопрос приобретает легитимность лишь в результате своей включенности в исследовательское поле, историк не может абстрагироваться от предшествующих периодизаций, ведь они составляют язык профессии»³.

Безусловно, каждый исторический процесс имеет индивидуальную периодизацию, но и в данном случае надо быть осторожными с крайностями — абсолютизируя такую позицию можно дойти до дробления «единого времени на множество времен, не имеющих между собой никакой связи». Эту проблему помогает преодолеть «иерархизация времен», позволяющая обеспечить необходимое «сопряжение одних времен относительно других»⁴.

and Civilization / d. by J. Goudsblom, E. L. Jones and S. Mennel. — New-York, NY : Sharpe, 1996. — P. 15—30.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М. : Республика, 1994. — С. 52.

² Гринин Л. Е. Периодизация истории: теоретико-математический анализ...; Периодизация всемирной истории : учеб. пособие / В. Д. Жигунин [и др.]; науч. ред. А. С. Шофман. — Казань : Издательство Казанского ун-та, 1984. — 224 с.

³ Про А. Двенадцать уроков по истории... — С. 119.

⁴ См.: Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Как преподавать историю в современной школе: теория и методика : лекция седьмая // Педагогический университет. — Первое сентября [Электронный ресурс]. — URL: <http://his.1september.ru/2006/23/36.htm> (дата обращения: 24.10.2016).

Фундаментальную основу для построения периодизации истории воронежских структур ведомственного полицейского / милицейского образования объективно составляет общая периодизация государственно-правовой истории нашей страны.

Конструируя структурную основу такой периодизации, многие исследователи, изучавшие проблемы как кадровой, так и образовательной политики в отечественных правоохранительных органах, обычно выделяют дореволюционный, советский и современный периоды. При этом в рамках советского периода достаточно часто определяются следующие этапы: становления советской государственности, НЭПа, формирования «государственно-партийного социализма», Великой Отечественной войны, послевоенный, а современный период для ряда авторов начинался с «перестроечных» преобразований второй половины 1980-х гг.¹ Эвристическая значимость данного структурирования очевидна, но вместе с тем следует отметить, что подобный вариант периодизации закладывает лишь общие ориентиры, фиксируя определенные «макропериоды», наполнение которых конкретным содержанием требует четкого осознания специфики исследуемой проблематики. Как отмечал французский методолог истории М. Блок, «каждому типу явлений присуща своя особая мера плотности измерения, своя специфическая, так сказать, система счисления»².

Существенное влияние на определение оснований для построения «узкой периодизации» истории образовательных организаций, готовящих профессиональные кадры сотрудников органов внутренних дел, оказывает сама «ведомственность» характера подобных структур — их организационное нахождение в рамках соответствующего компонента государственного механизма, имеющего в качестве приоритетной задачи обеспечение охраны официально установленного правопорядка независимо от изменений сущностных характеристик самого государства.

¹ См.: Кикоть В. Я. Организационно-правовое и информационное обеспечение реализации кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 55 с.; Лойт Х. Х. Государственная кадровая политика в России...; Проценко Е. Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России : историко-правовой анализ ...

² Блок М. Апология истории или ремесло историка. — Изд. 2-е. — М. : Наука, 1986. — С. 104.

Это достаточно отчетливо намечается во времена Российской империи и становится совершенно очевидным для «советского сегмента» республиканской эпохи развития отечественной государственности. Уже сам факт нахождения данных образовательных организаций в системе МВД (НКВД) — основание для использования в качестве «сочленений» для хронологизации важнейших структурных преобразований в данной системе, которые неизбежно влекли за собой трансформации в самих образовательных структурах, безусловно, во многом порождаемые обстоятельствами, являющимися внешними по отношению к ним.

При этом характерной особенностью данного процесса в дореволюционный период становления первых соответствующих образовательных организаций был изначально низкий уровень их реальной централизации и иерархизации. С одной стороны, наблюдалась достаточно высокая степень инициативы местных (региональных) органов государственной власти, то есть самих начальников губерний и губернских правлений. С другой же стороны, этот «пульсирующий» процесс периодически возникавших «инициатив с мест» долгое время сопровождался относительно неустойчивой, а зачастую противоречивой позицией центральных управленческих структур, в первую очередь Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи. Попытки формирования централизованной общеимперской сети организаций, которые осуществляли бы профессиональное образование и подготовку разных категорий сотрудников российской полиции, начали активно предприниматься только в последние годы существования монархической государственности в России (с 1913 г.) и были «сведены на нет» в процессе ее катастрофического крушения.

В свою очередь, для советской эпохи, несмотря на изначально имевшие место определенные инициативы региональных (губернских, краевых и республиканских) управленческих структур системы народного комиссариата внутренних дел, в целом все же была характерна тенденция к более ускоренной централизации, тормозившаяся только чрезвычайными условиями существования (а точнее, выживания) советской государственности. В частности, уже в 1918 г. НКВД РСФСР декларировал необходимость формирования сети образовательных учреждений для профессионального обучения и подготовки сотрудников милиции, предпринимались

первые попытки установления базовых принципов и основных форм ведомственного образовательного процесса¹. И впоследствии практически каждое структурное изменение в системе НКВД — ОГПУ — МВД сказывалось на входивших в нее образовательных организациях, на методах и содержании процесса обучения сотрудников. Особенно очевидным это было в рамках реорганизации ЦАУ НКВД РСФСР и, тем более, с середины 1930-х гг., после расформирования НКВД РСФСР и передачи милиции в ведение ОГПУ, равно как и последующих пертурбаций, вплоть до создания в 1966 г. союзно-республиканского Министерства охраны общественного порядка (МООП) СССР, преобразованного в 1968 г. в Министерство внутренних дел СССР, а, впоследствии, в 1992 г. — в Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Вместе с тем отметим и еще одну постепенно набиравшую силу тенденцию, порожденную двойственностью положения структур, осуществляющих профессиональное образование и подготовку сотрудников органов внутренних дел. Соответствующие образовательные отношения формировались под организационным контролем не только МВД, но и Министерства образования и науки (и соответствующих им исторических аналогов).

В дореволюционный период руководство МВД Российской империи долго не предпринимало серьезных усилий по формированию ведомственных образовательных структур, в том числе и потому, что изначально пыталось довольствоваться рекрутированием выпускников общегражданских (или военных) образовательных организаций², и лишь рост потребности в массовой подготовке квалифицированных кадров, в первую очередь «низового» уровня, заставил его начать пересмотр своих подходов.

В свою очередь, в советское время руководство НКВД РСФСР, в отличие от целого ряда иных ведомств, в частности Наркомата обороны, долго не осуществляло полноценное «встраивание» со-

¹ Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России. — С. 18—19; Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Организация подготовки сотрудников воронежской губернской рабоче-крестьянской милиции в 1919—1922 гг. // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 3. — С. 9—21.

² См.: Игошин Н. А. Особенности комплектования и профессиональной подготовки органов полиции в России XIX — начала XX века. . . — С. 10—73.

зданных под своим контролем различных образовательных организаций в общую систему народного образования в стране. Это порождает сложности при современном проведении компаративного анализа: с нормативно-правовой точки зрения большинство из них, по мнению М. А. Кожевиной, исполняли функции учебных заведений низшего профессионального образования¹. С середины 1920-х гг. начались реальные иерархизация и структурирование системы милицейского образования и лишь с начала 1950-х — вовлечение ее в общегосударственное образовательное пространство в форме специфической отрасли профессионального образования, приобретшей свои относительно законченные формы лишь в 1970—1980-е гг. Среди прочего, в региональном аспекте это неизбежно повлияло и на специфику научного осмысления роли и места полицейско-милицейских школ в образовательном пространстве Центрального Черноземья: несмотря на наличие в регионе нескольких значимых научных школ, разрабатывающих собственно образовательную проблематику, практически ни один из их представителей, к сожалению, так и не включил проблемы полицейской и милицейской школы 1880-х — 1970-х гг. в сферу собственных научных изысканий².

В отечественной историографии предпринималось некоторое число попыток периодизации истории ведомственного образования в системе МВД / НКВД. Так, в частности, небезынтересный, хотя и небеспорный, вариант периодизации истории уряднических школ представил Ч. Н. Ахмедов³.

¹ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 106, 372.

² См., напр. : Абдулраб С. А. Партийно-государственная политика в области народного просвещения и ее реализация в Центральном Черноземье (1928—1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 1996. — 24 с.; Антимонова Г. В. Создание и развитие советской школьной системы в Центральном Черноземье, 1917—1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2000. — 176 с.; Дрозд Е. В. Военно-профессиональная ориентация в подготовительных военно-учебных заведениях Российской империи (середина 19 века — начало 20 века, на примере Воронежской губернии) // Перспективы науки и образования. — 2015. — № 6 (18). — С. 72—80; Жегульская Т. Ю. История внешкольного образования Воронежской губернии во 2-й половине XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : — Воронеж, 2008. — 187 с.; Квитко С. В. Развитие общеобразовательной школы в Черноземном регионе в 20-х годах XX века : дис. ... канд. ист. наук. — Белгород, 1998. — 189 с.

³ Ахмедов Ч. Н. Организационно-правовые основы подготовки полицейских урядников... — С. 63—68.

Давними были и попытки периодизации истории советского милицейского образования¹. Наиболее развернутой, по нашему мнению, ее вариант предложила М. А. Кожевина². Ею были выделены три периода и девять этапов в развитии системы профессионального образования сотрудников органов внутренних дел в советскую эпоху.

Первый период — с 1917 до конца 1930 г., когда органы милиции были переподчинены ОГПУ. Он включил в себя три этапа: 1) с 1918 по 1920 г.; 2) с 1920 по 1925 г.; 3) с 1925 по 1930 г.

Второй период — с 1930 по 1966 г., насыщенный сложными внутренними изменениями и отличающийся неоднократными переходами милицейских структур в ведение то органов государственной безопасности, то органов внутренних дел. В его рамках автором выделены четыре этапа: 1) до 1941 г.; 2) до 1945 г.; 3) до 1952 г.; 4) до 1966 г.

Третий период, по мнению М. А. Кожевиной, характеризующийся формированием единой централизованной системы органов внутренних дел и встраиванием милицейского образования в общегосударственную систему, охватывает хронологический отрезок 1966—1991 гг. и делится на два этапа: 1) до 1975 г.; 2) до 1991 г.

Результат интеллектуальных усилий автора данной периодизации, безусловно, заслуживает самого горячего одобрения и был нами учтен в ходе последующей деятельности в данном направлении.

Вместе с тем, во-первых, учитывая специфику современного этапа развития историографических подходов к эволюции образовательных организаций системы МВД, связанную с формированием устойчивой тенденции к построению единой хронологической шкалы 300-летней истории развития отечественных органов охраны правопорядка (полиции и милиции), и, во-вторых, опираясь на материалы источниковедческих изысканий, осуществленных в последнее время членами авторского коллектива, представляется возможным говорить

¹ Гольдман В. С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР. — С. 80—98; Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров...; Шамаров В. М. Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР (правовые и организационные основы). — М., 1997. — 95 с.; Биленко С. В., Максименко Н. П. Этапы развития советской милиции. — М.: Академия МВД СССР, 1972. — 78 с.; Киссис М. П. Основные этапы истории советской милиции. — М., 1965. — 30 с.

² Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 18, 19.

о почти 130-летней истории профессионального обучения и подготовки сотрудников органов внутренних дел в Воронежском регионе. История эта, таким образом, выходит за рамки исключительно советской эпохи. К тому же не следует забывать специфику Воронежского региона, в частности, связанную с двумя фазами ожесточенных боевых действий на его территории, в обоих случаях по объективным причинам повлекших за собой прекращение функционирования соответствующих образовательных организаций.

Эта особенность, равно как и документально подтвержденные конкретные даты открытия данных образовательных структур, дает основания для построения собственной периодизации. Ее первые, пилотные варианты были изложены представителями нашего авторского коллектива на ряде научных форумов и опубликованы¹. В настоящее время они подверглись существенному уточнению. При этом, вновь акцентируя внимание на проблеме соотношения непрерывности (преемственности) и прерывистости исторического развития образовательных организаций, осуществлявших подготовку разных категорий специалистов для полиции и милиции в г. Воронеже, нам представляется допустимым говорить о нескольких логически взаимосвязанных периодах данного развития в контексте общей истории отечественных органов внутренних дел. В свою очередь, каждый из этих периодов включает ряд взаимосвязанных этапов.

Имея с формальной стороны вид относительно замкнутых циклов, со стороны содержательной эти периоды имеют определенную преемственность, анализ конкретных проявлений которой позволяет заявлять о некоторой эволюции. Схематически обобщенный вариант подобной периодизации изложен в форме таблицы (табл. 1).

¹ Кирнос А. В., Колесников В. А. К вопросу об основных этапах формирования и эволюции образовательных организаций по подготовке сотрудников правоохранительных органов в г. Воронеже // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф., 20 мая 2016 г. — Краснодар : Краснодарский. ун-т МВД России, 2017. — С. 140—151; Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Периодизация истории образовательных организаций по подготовке сотрудников органов внутренних дел в г. Воронеже: к постановке проблемы // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 8—27.

Периодизация истории организации профессионального обучения и подготовки сотрудников МВД в Воронежском регионе

Дата	Событие
Январь 1888 г. — март 1917 г. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД	
1888 г., январь	1-й этап — зарождение и развитие подготовки полицейских урядников. Издан циркуляр, предписывающий присылать кандидатов в урядники в г. Воронеж для проверки специально назначенными чиновниками уровня их подготовки.
1890 г., июнь	При Воронежском губернском правлении создана экзаменационная комиссия для проверки уровня профессиональной подготовленности полицейских урядников.
1899 г., февраль	При Воронежском губернском правлении открыта школа для подготовки кандидатов на должности полицейских урядников
1909 г., октябрь	2-й этап —зарождение и развитие подготовки чинов уездной полицейской стражи. Открыта Воронежская команда - школа уездной полицейской стражи.
Декабрь 1919 г. — июль 1992 г. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	
Декабрь 1919 г. — июль 1942 г. Довоенный этап	
1919 г., декабрь	Издан циркуляр губернской милиции об открытии губернских милицейских курсов.
1921 г., ноябрь	Открыты губернские курсы командного состава (школа) милиции.
1925 г., сентябрь	Открыта 3-я Воронежская областная школа младшего состава милиции.
1928 г., май	Школа переименована в 6-ю школу административно-милицейских работников НКВД, впоследствии прошла еще через ряд переименований: в 6-ю школу Рабоче-крестьянской милиции; в Воронежскую школу среднего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции; в Воронежскую межобластную школу рабоче-крестьянской милиции.
Май 1949 г. — июль 1992 г. Послевоенный этап	
1949 г., май	В г. Воронеже открыт учебный пункт по обучению рядового и начальствующего состава милиции.
1977 г., апрель	Учебный пункт преобразован в Межобластную школу подготовки младшего и среднего начальствующего состава УВД Воронежского облисполкома.
1978 г., апрель	Совет Министров СССР издал распоряжение об организации Воронежской специальной средней школы милиции МВД СССР.

1985 г. июль	На базе Воронежской межобластной школы подготовки младшего и среднего начсостава был образован Учебный центр УВД облисполкома, позже переименованный в Учебный центр ГУВД Воронежской области, в Центр профессиональной подготовки Главного управления МВД России по Воронежской области.
Июль 1992 г. — настоящее время. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД	
1992 г., июль	Воронежская специальная средняя школа милиции преобразована в Воронежскую высшую школу МВД России.
1999 г., март	Воронежская высшая школа МВД России преобразована в Воронежский институт МВД России.
2013 г., сентябрь	Функции Центра профессиональной подготовки Главного управления МВД России по Воронежской области переданы Воронежскому институту МВД России.

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОЛИЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ВОРОНЕЖЕ (1888—1917 гг.)

1. Становление профессиональной подготовки полицейских урядников в Воронежской губернии

История формирования образовательных организаций по подготовке полицейских урядников в Воронежской губернии неразрывно связана с общеимперскими тенденциями возникновения и эволюции концептуальных и организационно-правовых основ профессионального образования нижних чинов уездной полиции.

Усиление внимания руководства Министерства внутренних дел именно к этому сегменту полицейской системы было обусловлено характерными особенностями социально-экономического и политического развития Российской империи в пореформенный период.

Несмотря на бурный промышленный рост 1870—1890-х гг. Россия по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной: согласно данным первой Всероссийской переписи населения 1897 года, доля городского населения в ней составляла не более 15%¹. При этом Россия завершала XIX век, сохраняя немало рудиментов прежней эпохи: достаточно высокий удельный вес помещичьего землевладения, выкупные платежи, крестьянское бесправие, доходившее до телесных наказаний и производившейся в административном порядке высылки из родных мест.

Ситуацию усугублял рост крестьянского малоземелья, предопределенный еще реформой 1861 г., предусматривавшей нормы надела, в перспективе не позволявшие большинству крестьян улучшить свое хозяйство. В условиях удвоения общей численности крестьянского населения за пореформенное 40-летие лишь 4,8% крестьян получили надел, размер которого обеспечивал бы прожиточный минимум². Характерной

¹ См.: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т.1. — СПб., 1905.

² Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. — М., 1958. — С. 13; Простаков А. Сетевое крестьянское восстание в 1902 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://rusplt.ru/society/setevoe-krestyanskoe-vosstanie-v-1902-godu-12119.html>.

чертой становилось аграрное перенаселение: лишь 69,4 млн крестьян из 81,4 млн проживавших в сельской местности в 50 губерниях Европейской России постоянно занимались сельским хозяйством. Но рост промышленности пока не порождал необходимых масштабов перетока рабочих рук на постоянную занятость в город, а сверхэксплуатация рабочего класса не способствовала стабилизации социальной обстановки. Росла общеуголовная преступность: даже по самым приблизительным подсчетам, на основе анализа динамики числа осужденных в общих и мировых судах в 1874—1890 гг., можно утверждать о ее росте на 160% (с 49,37 до 78,75 тыс. человек)¹. Продолжались крестьянские волнения: в среднем за год их регистрировалось: в 1870-х гг. — по 36; в 1880-х — по 73, в 1890-х — по 57². Эти, на первый взгляд, небольшие для громадной крестьянской страны цифры, тем не менее, являются свидетельством непрерывности крестьянского протеста — будучи стихийным, разрозненным, частным по поводам и мелким по масштабам, он никогда не прерывался, став постоянным свидетельством неблагополучия в деревне и потенциальной угрозы социальных потрясений.

В свою очередь, степень реального полицейского контроля за многочисленным сегментом сельских подданных империи была незначительной и ограничивалась подчинённым станovým приставам и восходившим корнями ещё к эпохе древней Руси институтом сотских и десятских, преимущественно выборных на условиях временной повинности либо нанимаемых (обычно частными лицами) по согласованию с общиной: в 1872 г. полицейскую службу по выбору крестьян в 46 губерниях страны несли 380,5 тыс. человек, в том числе 945 волостных старост, 100176 сельских старост, 46398 сотских и 224497 десятских³. Но в материалах составленного в МВД в 1870-е гг. Свода отзывов начальников 76 губерний деятельность сельской полиции оценивалась как ничтожная: «в действительности ее просто не существует»⁴.

¹ Энциклопедический словарь «Гранат». — Т. 36. — Ч. V. — М., 1922. — С. 631—632; Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. — М., 2001. — С. 150.

² Анфимов А. М. Крестьянское движение в России во второй половине XIX века // Вопросы истории. — 1973. — № 5.

³ Хакимов С. Х. Полиция в системе органов губернского управления пореформенной России (1862—1914 гг.). — Уфа, 2003. — С. 48.

⁴ Причины этого объяснялись следующим: 1) «должности эти всегда занимают люди неразвитые, малоспособные и большею частью неграмотные», а потому зависящие от своих «полуграмотных писарей»; 2) избранные лица сельской администрации, за исключением старшин, не получают за свою деятельность вознаграждения, а потому заботятся

С целью повышения эффективности функционирования полиции в пореформенное время в одном из наиболее важных в условиях крестьянской страны секторов правоохранительной деятельности — обеспечении общественного порядка и безопасности в российской деревне — 9 июня 1878 г. императором было утверждено «Временное положение о полицейских урядниках»¹. В соответствии с этим нормативным правовым актом в 46 губерниях Российской империи учреждались новые должности нижних полицейских чинов. Первоначально планировалось назначение до 5000 урядников, которые должны были руководить деятельностью сельских сотских и десятских и находились в подчинении станových приставов. Практически сразу же МВД приступило к формированию корпуса урядников в обозначенных сорока шести губерниях. Значительную роль в этом сыграл Лев Саввич Маков. Будучи еще товарищем министра внутренних дел, он подписал 13 июня 1878 г. циркуляр начальникам соответствующих губерний, поставив конечным сроком формирования новых уряднических должностей 1 ноября 1879 г.² 19 июля 1878 г. Маковым была утверждена первая Инструкция урядникам, разосланная губернаторам циркуляром от 26 июля 1878 г. №83³.

Введение нового полицейского института осуществлялось в обстановке радикальной трансформации всей системы комплектования полиции. Если до начала военной реформы в полицейские команды определялись отставные унтер-офицеры и другие нижние чины армии, имевшие определенный базовый образовательный и интеллектуальный уровень, то с 1873 г. был начат переход на принцип вольного найма⁴.

«более о хозяйстве, чем об исполнении своих обязанностей»; 3) «замкнутый крестьянский мир, противопоставляя себя внешнему окружению, избирал на административно-полицейские должности людей управляемых, по выражению современника, «слабохарактерных», готовых пострадать за «общество», т.е. тех, кто в рамках крестьянской этики ставил интересы общины выше государственных». См.: Сичинский Е. П. Полицейская повинность населения дореволюционной России: альтернатива или тупик // Полицейское право : научно-практический журнал. — Омск : Изд-во Омского юрид. ин-та, 2005. — № 1 (1). — С. 106—108.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (1825—1881). — Т. 53 (1878). — Часть 1 : Законы. — С. 398—400.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 1286. — Оп. 53. — Д. 271. — Л. 563 об.

³ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1877 г. — С. 170—191.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 2. — Л. 3; Лысенко В. В. Полиция дореволюционной

Данное обстоятельство, вкупе с возрастающей сложностью задач, стоявших перед сельской полицией в изменившихся после крестьянской реформы условиях, настоятельно указывало на необходимость решения вопроса о повышении качества профессиональной подготовки урядников и выбора оптимальных форм ее осуществления. Статья 4 «Временного положения» прямо ставила назначение на урядническую должность в зависимости от «испытания» уездным исправником кандидатов, «наиболее годных к полицейской службе»¹. Это положение стало нормативной основой для начала процесса формирования образовательных организаций по профессиональному обучению урядников в Российской империи.

Достаточно долгое время в отечественных исследованиях, посвященных профессиональной подготовке урядников, бытовала точка зрения, согласно которой первая урядническая школа была открыта в 1880 г. в Перми². Более того, в некоторых исследованиях наблюдались попытки представить в качестве первых попыток создания полицейских образовательных организаций школы и курсы, сформированные в конце 80-х и 90-е гг. XIX в. и даже в начале XX в.³ Однако архивные

России и противоправные проявления в области общественной нравственности (теоретический и историко-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998. — С. 27.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (1825—1881). — Т. 53 (1878). — Часть 1 : Законы. — С. 399.

² См., напр.: Борисов А. В. Профессиональная подготовка и воспитание сотрудников органов внутренних дел в дореволюционной России // Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. Полиция и милиция России: страницы истории. — М., 1995. — С. 83; Ахмедов Ч. Н. Полицейский урядник: особенности становления института в Российской империи // История государства и права. — 2006. — № 11. — С. 45; Ершов Ю. А. Полиция России в пореформенный период: комплектование, профессиональная подготовка и социальная защищенность (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — С. 43; Кольцова М. В. Профессиональная подготовка кадров Российской империи в период с 1907 г. до 1917 г. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — С. 109; Кудин В. А., Гончарова Ю. В. Учебные заведения МВД России // МВД России : энциклопедия / глав. ред. В. Ф. Некрасов. — М., 2002. — С. 549; Невский С. А. Полицейские урядники в Российской империи // Общество и право. — 2004. — № 3. — С. 51; Проценко Е. Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России (историко-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998. — С. 113 и др.

³ См., напр.: Гуркин Я. А. Совершенствование профессиональной подготовки кадров российской полиции в начале XX века (Ревельская школа полицейских урядников) // Клио. — 2015. — № 5. — С. 78; Кольцова М. В. Профессиональная подготовка кадров

материалы, введенные в научный оборот Ч. Н. Ахмедовым¹, свидетельствуют о том, что еще в конце 1879 г. была открыта школа урядников в Гродненской губернии. Создателем ее стал губернатор Николай Максимович Цеймерн, который впоследствии, последовательно занимая посты начальника Астраханской и Владимирской губерний, продолжил активные занятия по организации подобных школ с учетом «гродненского опыта». О первенстве гродненской школы говорит, в частности, выдержка из письма министра внутренних дел Л. С. Макова Н. М. Цеймерну 25 января 1880 г.: «С особенным удовольствием прочел я телеграмму Вашу об открытии уже в городе Гродно первой в России школы для образования полицейских урядников...»². Впрочем, пермская школа урядников может считаться первой при условии, что речь идет о «великорусских» губерниях, составивших впоследствии территориальное ядро современной России.

Следует также в целом согласиться и с предложенной Ч. Н. Ахмедовым периодизацией истории профессиональной подготовки урядников, которая предусматривает выделение трех этапов³: 1) от появления первой школы подготовки полицейских урядников в Гродненской губернии 30 декабря 1879 г. до принятия второй Инструкции полицейским урядникам от 28 июля 1887 г.; 2) от Инструкции 1887 г. до введения 5 мая 1903 г. института полицейской стражи; 3) с 1903 по 1917 гг. Тем не менее в рамках данной периодизации, в целом объективно отражающей процесс развития школ урядников, на наш взгляд, целесообразно несколько уточнить как содержание выделенных периодов, так и некоторые их границы.

Архивные исследования, осуществленные за последние полтора года нашим авторским коллективом, дают право рассмотреть эволюцию образовательных организаций по подготовке нижних чинов сельской полиции в виде трех последовательно сменявших друг друга

Российской империи в период с 1907 г. до 1917 г. (историко-правовое исследование). : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — С. 109.

¹ Ахмедов Ч. Н. Исторический опыт профессиональной подготовки полицейских урядников в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 4. — С. 25—27.

² РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 40. — Д. 60. — Л. 23.

³ Ахмедов Ч. Н. Организационно-правовые основы подготовки полицейских урядников во второй половине XIX — начале XX века // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 1. — С. 64.

«волн» реформирования профессиональной подготовки и обучения полицейских урядников и стражников.

Первые попытки создания в Российской империи совокупности школ для подготовки полицейских урядников приходится на 1879 — начало 1881 г. Безусловно, важнейшую роль в этом процессе сыграл глава МВД Л. С. Маков. Вдохновлённый первым успешным выпуском гродненской школы, он направил 5 мая 1880 г. 46 губернаторам (включая воронежского), а также ряду градоначальников Отношение № 44. В нем министр выразил твердое убеждение в том, что начальники губерний, учитывая «важность дела», обратят на него внимание и «в непродолжительном времени» представят «предположения об устройстве» во вверенных им губерниях школ «для приготовления полицейских урядников». Маков, опираясь на положительный пример активного участия Цеймерна в обустройстве гродненской школы, особо подчеркнул, что «ожидать добрых последствий от устройства школ для урядников можно только в том случае», если губернаторы примут «в этом деле вполне деятельное участие» и будут «неослабно и при том лично руководить всем ходом дела»¹. Представляется, что министр не столько отдал формальное распоряжение о повсеместной организации школ урядников, сколько предложил создать, как это бы определили сегодня, своеобразные «экспериментальные площадки» и сформировать «информационное поле» для осмысления новшеств. Видимо, он надеялся, что демонстрация благожелательного отношения руководителя министерства поспособствует ускорению создания этих школ «на местах».

Во второй половине 1880 г. в МВД были представлены доклады губернаторов по поводу перспектив учреждения «уряднических школ». Одним из первых был рапорт тульского губернатора от 18 мая 1880 г. № 1795, в котором он указывал, что планирует открыть школу 20 сентября 1880 г., а также прилагал программы учебных дисциплин².

Но, если первые рапорты (май — август 1880 г.) содержали по-разному аргументированные согласия на создание школ и даже отдельные проекты их уставов, то ответы, датированные сентябрем — декабрем 1880 г., представляли собой многословно или лаконично составленные

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 40. — Д. 60. — Л. 182.

² РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 21—21 об.

отказы. Данное обстоятельство во многом объяснялось уходом в августе 1880 г. Л. С. Макова с поста министра внутренних дел, а также усилением в официальных кругах после назначения на эту должность М. Т. Лорис-Меликова скепсиса по поводу целесообразности сохранения самого института урядников в структуре российской полиции.

Помимо гродненской образовательной организации школы «первой волны» были открыты также, по крайней мере, еще в трех губерниях — в Пермской (16 августа 1880 г.)¹, Курской (1 сентября 1880 г.)² и Тверской (2 сентября 1880 г.)³. Часть губернаторов выразила устойчивое стремление к учреждению уряднических школ, представив достаточно подробные приложения к своим рапортам, содержавшие проекты «Правил для школы» (в Вологодской губернии)⁴, «Положения о школе» (в Могилевской губернии)⁵, «Оснований для учреждения школы» (в Олонецкой⁶ и Екатеринославской губерниях)⁷. Черниговский губернатор проект обустройства школы представил в тексте самого отношения⁸, а исправлявший обязанности губернатора Подольской губернии В. М. Глинка распорядился о создании специальной комиссии для подготовки проекта учреждения школы полицейских урядников, состоявшей из советника губернского правления, правителя канцелярии и местного губернского исправника⁹.

Новгородский и волынский губернаторы в своих рапортах также заявляли о намерениях открыть уряднические школы¹⁰. Причем начальник Новгородской губернии — один из немногих губернаторов, попытавшийся самостоятельно решить проблему недостатка финансирования из центра. Так, он указывал: «Если на этот предмет не представляется возможным отпустить необходимую сумму из казны, я постараюсь изыскать средства от благотворителей, но в последнем случае открытие школы должно несколько замедлиться, пока не изыщутся средства на

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 69.

² РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 84.

³ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 66.

⁴ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 4—7 об.

⁵ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 10—15.

⁶ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 24 об—286 об.

⁷ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 34—37.

⁸ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 43—44 об.

⁹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 53 об. — 58 об.

¹⁰ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 46—47 об., 61—65.

нее»¹. Источник, из которого губернатор планировал почерпнуть средства — «от благотворителей», в документе подчеркнут карандашом, что свидетельствует об интересе к нему чиновников Министерства внутренних дел.

В целом же проблема финансирования учреждения («обустройства») и функционирования уряднических школ являлась центральной в рапортах губернаторов. Отдельные губернаторы (полтавский, орловский, бессарабский и др.) ставили их открытие в прямую зависимость от получения средств из казны. В частности, начальник Полтавской губернии указывал, что на устройство школы «потребуется около 600 рублей» и просил «об отпуске такой суммы», «после чего безотлагательно будет преступлено к устройству самой школы»². В Отношении из Орловской губернии говорилось о 1000 рублях «на приспособление помещения и первоначальное обзаведение школы», причем губернатор уверял, что «приспособление помещения и все необходимое для школы будет устроено экономически» под его личным наблюдением «и могущий образоваться остаток будет возвращен»³.

Нижегородский губернатор, ссылаясь на отсутствие средств, прямо заявил в МВД о «затруднении» в исполнении циркуляра от 5 мая 1880 г.⁴, а начальник Костромской губернии в рапорте от 1 декабря 1880 г. осторожно уведомил руководство в том, что «проект устройства уряднической школы задерживается неимением источников для приобретения средств, необходимых для школы...»⁵.

Недостаток средств подчас служил прикрытием прямого нежелания губернаторов открывать школы, для чего, преимущественно при неофициальных контактах, выдвигались соответствующие доводы. Так, бессарабский губернатор Е. О. Янковский, как указывалось в его Отношении от 2 августа 1880 г. № 3472, «приступая к учреждению школы», одновременно направил письмо директору Департамента полиции исполнительной МВД П. П. Коссаговскому. В нем он заявил, что такая школа «на практике едва ли может вполне соответствовать возлагаемым на нее надеждам», приведя тому следующие обоснования: 1) кан-

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 47.

² РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 17 об.

³ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 39 об.

⁴ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 68 об.

⁵ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 71.

дидаты на должности урядников не смогут учиться за свой счет, т.к. зарабатывают «дневное пропитание», т.е. вынуждены днем работать; 2) отвлечение на учебу урядников заметно ослабит сельскую полицию; 3) по возвращении из школы урядники «не могут быть наставниками своих товарищей, так как, действуя изолированно от них, они не имеют возможности передавать им своих знаний»; 4) школа не гарантирует, что урядники не будут уволены «по неблагонадежности» или переведены на другую службу, и «тогда на места их должны поступать неподготовленные люди, которых опять нужно вызывать в школу»; 5) значительные затруднения по содержанию в губернском городе лошадей¹.

В качестве альтернативы Янковский предложил: школу «почти заменяло бы толковое и всестороннее изучение под руководством местных станových приставов и исправников «Инструкции полицейским урядникам», указания которой при разумном и точном их применении достаточны для исправного выполнения возлагаемых на урядников обязанностей»².

Наверное, можно было бы заявлять о косности мышления конкретного бессарабского губернатора, но аналогичные подходы, судя по формулировкам Отношений руководителей губерний, датированных августом — декабрем 1880 г., были далеко не уникальными.

Весьма интересна реакция саратовских губернских властей на циркуляр Л. С. Макова от 5 мая 1880 г. Губернатор Ф. И. Тимирязев в Отношении от 7 августа 1880 г. № 3276 сообщал в МВД о прошедшем 1 августа 1880 г. в Саратове съезде уездных исправников, на котором обсуждался и вопрос об учреждении «особой школы для урядников». В приложенной к Отношению копии протокола съезда, в частности, утверждалось, что «необходимость и полезность школы является результатом пока только теоретических соображений». Переписка с городскими властями не давала саратовским исправникам ясности в том, «насколько осуществились в практической деятельности урядников на местах — их участках — те благие результаты, какие ожидались от школы». Исправники сомневались: «... Не изменит ли школьное образование отношения урядников к своему делу и взгляд на служебное положение? Более грамотные и способные урядники и теперь часто остав-

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 40—41.

² РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 41.

ляют должности. Получив в школе более умственное развитие, научившись грамотно писать, урядник, естественно, будет стараться занять лучшее в материальном отношении положение; с другой стороны, обученные в школе урядники могут манкировать своими обязанностями, сознавая, что сделанные на их образование затраты будут удерживать начальство от увольнения их от должности, когда бы при других условиях они того заслуживали, и поставят в некоторую необходимость быть к ним снисходительнее»¹. Сам саратовский губернатор, не сомневаясь в полезности школы урядников, тем не менее счел необходимым попросить в своем рапорте указаний по поводу вопросов, поднятых на съезде уездных исправников².

И все же, несмотря на в целом негативные настроения весомого числа губернаторов и их сомнения по поводу необходимости организации школ полицейских урядников, одной из основных внутренних причин неудачи первого этапа становления отечественной системы образовательных организаций для сельской полиции стала финансовая проблема. Помимо новгородского известен, пожалуй, лишь один пример относительно удачного привлечения средств на обустройство школ урядников — в Курской губернии. Здесь с 1 сентября 1880 г. действовала школа для приготовления полицейских урядников, существовавшая на деньги, ассигнованные земством, и к концу июня 1881 г. выпустившая 5 смен³. Средств, освобождаемых по гродненскому примеру из «фуражного довольствия» (т.е. на содержание лошади) для урядников, прибывавших на учебу безлошадными, явно было недостаточно. Попытки местных властей изыскать ресурсы за счет перераспределения денежного содержания, отпущенного на остающиеся вакантными губернские полицейские должности, или из недоимок губернских типографий жестко блокировались руководством МВД.

Показательна судьба тверской губернской школы полицейских урядников. Губернатор А. Н. Сомов в Отношении от 21 июня 1880 г. № 3784, подсчитав, что на устройство и «обзаведение» школы необходимо около 1000 рублей и удостоверившись, что по причине дороговизны продовольствия в г. Твери фуражные деньги придется оста-

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 51.

² РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 51 об.

³ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 84.

вить урядникам «на пропитание», указывал, что «прямых источников, из которых бы можно было удовлетворять расходы на устройство и содержание школы урядников, во вверенной мне губернии нет»¹. Он обратился в министерство с просьбой «отнести на расходы по устройству и содержанию школы урядников суммы, которые имеют поступать в уплату недоимок за типографские работы за прежнее время до 1 января 1878 года»². Сентябрьское письмо из Департамента полиции исполнительный приостанавливало разрешение вопроса «впредь до получения отзывов от всех начальников губерний, в коих имеются урядники»³. В письме из МВД от 3 января 1881 г. уже прямо указывалось, что «расходы на содержание школы урядников отнесены быть не могут, так как поступающие в уплату типографских недоимок деньги, если они не будут израсходованы на типографское дело, составляют собственность казны»⁴.

12 января 1881 г. в Отношении № 235 тверской губернатор сообщил, что расходы на школу «производятся от заведующего школой, который уже израсходовал на этот предмет и на обзаведение школы до 600 руб.»⁵. А. Н. Сомов интересовался, нельзя ли использовать на финансирование этого учреждения остатки средств, образовавшихся в Старицком уездном полицейском управлении от незаемещения там должности помощника уездного исправника⁶. На это начальник Тверской губернии получил из Департамента государственной полиции письмо от 22 января 1881 г. № 353 с отказным ответом: «... Бывший Министр внутренних дел, обращая внимание господ губернаторов на учрежденную в г. Гродно школу для полицейских урядников как на меру весьма полезную, этим еще не давал разрешения на открытие подобных школ, а в особенности при отсутствии необходимых для этого денежных средств»⁷. В итоге, в Отношении от 16 февраля 1881 г. № 1331 тверской губернатор известил,

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 19 об. — 20.

² РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 20.

³ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 60.

⁴ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 74 об.

⁵ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 76.

⁶ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 76 об.

⁷ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 77.

что открытая 2 сентября 1880 г. школа урядников «по неимению никаких средств к содержанию ее 14 сего февраля за окончанием занятий 3 смены урядников закрыта»¹.

Из анализа письма тверскому губернатору от 22 января 1881 г. № 353 становится очевидным изменение подхода руководства МВД к вопросу учреждения в губерниях образовательных организаций сельской полиции, обусловленное трансформацией векторов полицейской реформы в целом. Инициатором модификаций в системе полицейских учреждений Российской империи стал М. Т. Лорис-Меликов, который Верноподданейшим докладом императору 11 августа 1880 г. дал старт сенаторским ревизиям 1880—1882 гг. десяти губерний — Самарской и Саратовской (сенатор И. И. Шамшин), Киевской и Черниговской (сенатор А. А. Половцев), Воронежской и Тамбовской (сенатор С. А. Мордвинов), Костромской, Казанской, Оренбургской и Уфимской (сенатор М. Е. Ковалевский). Особое внимание в деятельности ревизоров обращалось на функционирование в губерниях полицейских учреждений².

Материал о состоянии уездной полиции, собранный в ходе ревизий, впоследствии был передан в Особую комиссию для составления проекта местного управления под председательством статс-секретаря М. С. Каханова. Заключение сенаторских ревизий содержали резкую критику деятельности уездной полиции вообще и урядников в частности, вплоть до предложений о ликвидации этого института. Основной вывод проводившего ревизию Воронежской губернии сенатора С. А. Мордвинова: «урядники составляют полицейскую силу ненадежную»³. Кроме того, была отмечена неудовлетворительная профессиональная подготовка претендентов на место урядника. С. А. Мордвинов считал, что «испытание» кандидата на должность урядника сводилась лишь к проверке степени овладения некоторыми образцами полицейского делопроизводства, благодаря чему урядником мог стать всякий, «желавший и умевший написать страницу несвязанных фраз, которую он называл актом или протоколом»⁴.

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 80—80 об.

² Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX в. : дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2003. — С. 410.

³ РГИА. — Ф. 1317. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 59.

⁴ РГИА. — Ф. 1317. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 224 об.

Параллельно с ревизиями М. Т. Лорис-Меликов предпринял и непосредственные меры по упразднению института урядников. Во Всеподданнейшем докладе от 4 апреля 1881 г., на котором император поставил резолюцию «Согласен», министр указывал: «Опыт учреждения полицейских урядников не вполне оправдал надежд, возлагаемых на этих чинов полиции: ... урядники не соответствуют своему назначению и далеко не приносят той степени пользы, которую вправе от них ожидать местное население. Хотя недостатки устройства полицейских урядников и кроются отчасти в личных качествах назначаемых на эти должности, но в большей степени они ... зависят от несовершенства самой системы организации этого учреждения. Ввиду этого казалось бы необходимым за будущим устройством нижних органов полиции сохранить организацию, сходную с организацией жандармских команд, как представляющую, по опыту, больше гарантий в лучшем выборе лиц, вполне благонадежных, и главное всего знакомых с дисциплиною»¹. Для детального изучения вопроса Лорис-Меликов предложил организовать Особую комиссию для предварительной разработки вопроса относительно преобразования существующего устройства городской и уездной полиции. Ее состав, возглавляемый товарищем министра внутренних дел П. А. Черевиным, представил во Всеподданнейшем докладе от 8 мая 1881 г. уже новый глава МВД — Н. П. Игнатьев².

На первом своем заседании 2 июня 1881 г. комиссия «единогласно высказала мнение о неудовлетворительности института урядников и желание заменить их другим учреждением»³. При этом «...преобразовывая существующее устройство полиции, следует присвоить ей военную организацию и заменить урядников состоящими на действительной службе нижними чинами, имеющими войти в состав Отдельного Корпуса Жандарма»⁴.

Информация о скором упразднении института урядников довольно быстро распространились в губерниях. В письме директору Департамента полиции В. К. Плеве 22 июня 1881 г. курский губернатор И. А. Звегинцов писал, что «на призыв шестой смены от нескольких исправников получили отзывы о нежелании урядников являться

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 258. — Л. 2—3.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 258. — Л. 5—8.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 258. — Л. 105 об.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 258. — Л. 110 об.

для обучения, причем нежелание это мотивируется появившимися в газетах слухами о предстоящем, будто бы, в скором времени совершенном упразднении этой должности. Ввиду этого, нужно заметить, урядники начинают с неохотой относиться и вообще к службе»¹. Отмечая исключительную пользу от учрежденной школы, губернатор выразил надежду, что «лица, с успехом усвоившие преподаваемые в школе сведения, могут рассчитывать не остаться за штатом, в случае если бы учреждение урядников было действительно преобразовано»².

В ответном письме 31 июля 1881 г. В. К. Плеве, являвшийся членом вышеуказанной Комиссии, разъяснил, что она «едва ли выскажется в пользу упразднения урядников»³. Принципиальный противник ликвидации службы урядников, В. К. Плеве нашел понимание у Н. П. Игнатьева, на имя которого направил 3 апреля 1882 г. рапорт с предложением создать «для окончательного выяснения вопроса о возможности и способах замены урядников жандармскими чинами» Особое совещание под председательством товарища министра внутренних дел И. Н. Дурново⁴.

Своеобразным итогом дискуссий об институте урядников в начале 1880-х гг. стало решение Особого совещания 14 апреля 1882 г.: «Настоящее время представляется менее всего удобным для осуществления предположения о замене полицейских урядников жандармскими чинами»⁵. В качестве исходных основ предполагаемой реформы выдвигалось требование «в существующем устройстве урядников устранить те недостатки, которые препятствуют этому учреждению с должным успехом и пользой проявлять свою деятельность, то есть пересмотреть преподаваемую в руководства урядникам инструкцию, сделать в ней необходимые изменения в смысле облегчения их служебных обязанностей и более точно определить отношение их к прочим властям в уезде»⁶.

Таким образом, в условиях начала реформирования института урядников организация их профессиональной подготовки несколько отошла на второй план до окончательного выяснения будущего статуса этих нижних чинов сельской полиции. Можно предположить, что

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 84 об.

² РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 85.

³ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 41. — Д. 39. — Л. 86.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 258. — Л. 272—272 об.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 258. — Л. 282 об. — 283.

⁶ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 258. — Л. 283 об.

именно по этой причине «первая волна» уряднических школ завершилась их ликвидацией. Во всяком случае, достоверной информации о продолжении их деятельности в настоящее время нет.

Говоря об организации и устройстве первых учрежденных и спроектированных школ урядников, отметим, что в их основе преимущественно находилась с небольшими местными отличиями «гродненская модель», уже достаточно подробно описанная современными исследователями¹. Сравнительный анализ самых первых образовательных организаций сельской полиции нами уже проводится, и его результаты будут скоро опубликованы.

Пятилетние поиски новых организационно-правовых оснований для сельской полиции закончились принятием 28 июля 1887 г. второй Инструкции полицейским урядникам². Также были направлены циркуляры МВД губернаторам от 28 июля 1887 г. № 3153³ и от 7 января 1889 г. № 69⁴, в которых было рекомендовано организовать в губернских городах подготовительные школы для полицейских урядников. Более того, как удалось выявить, к 12 августа 1887 г. министром внутренних дел Д. А. Толстым был подготовлен соответствующий Всеподданнейший доклад, на оригинале текста которого рукой императора 22 августа было начертано: «Хорошо». Текст доклада содержал важнейшее положение: «Пример подобного рода подготовительной школы, устроенной Свиты Вашего Императорского Величества генерал-майором Цеймерном... оказался столь целесообразным, что я признаю необходимым применение означенной меры и к прочим губерниям, в коих введен институт урядников. О вышеизложенном представляю себе всеподданническим долгом доложить Вашему Императорскому Величеству»⁵.

На наш взгляд, именно комплекс этих документов, а не только одну лишь Инструкцию целесообразно считать отправной точкой начала второго этапа развития образовательных организаций сельской

¹ Ахмедов Ч. Н. Исторический опыт профессиональной подготовки полицейских урядников в Российской империи. ... — С. 23—30; Он же. Организационно-правовые основы подготовки полицейских урядников во второй половине XIX — начале XX века // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 1. — С. 63—68.

² Инструкция полицейским урядникам, утвержденная министром внутренних дел от 28 июля 1887 года. — С.-Петербург, 1887.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 260. — Д. 91. — Л. 560.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 260. — Д. 91. — Л. 656.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 2. — Л. 66—69.

полицейской в Российской империи. В научной литературе этот этап освещен значительно более подробно¹.

Циркуляр № 3153, подписанный Д. А. Толстым, указывал на то, что «лучшими урядниками оказываются грамотные унтер-офицеры и нижние чины запаса армии» и поэтому ими целесообразно замещать «преимущественно перед всякими другими лицами» уряднические вакансии. При увольнении в запас эти лица должны быть снабжены «рекомендательными свидетельствами от начальников частей, в коих они служили»². Общие начала процедуры представления кандидатов на должность урядников из числа отставных унтер-офицеров и нижних чинов армии устанавливались циркуляром МВД от 20 июля 1881 г. № 2945³. «Намеченных таким образом военным начальством кандидатов на должности урядников надлежит собирать в губернский город, где под руководством опытных полицейский чиновников особых поручений при губернаторе подготавливать в течение некоторого времени к полицейской деятельности. ... Кандидаты, доказавшие выдержанным испытанием знание инструкции и достаточно расторопные, могут быть назначенными исправниками на должности урядников, но не иначе как с согласия, в каждом отдельном случае, начальника губернии»⁴.

Установив принципиальные основы формирования уряднических школ, циркуляр № 3153 и Всеподданнейший доклад в качестве положительного опыта ошибочно ссылались на учреждение такой школы генерал-майором Цеймерном «в г. Ковно»⁵, что еще раз демонстрирует, что

¹ См.: Аминов Т. М. Уфимская школа полицейских урядников // Человек. Культура. Образование / отв. ред. В. Л. Бенин. — Уфа, 2006. — С. 9—12; Евсеев С. В. Профессиональная подготовка полицейских урядников в Тверской губернии в конце XIX — начале XX века // Образование. Наука. Научные кадры. — 2011. — № 4. — С. 14; Карпов И. Е., Тумшис М. А. Школа полицейских урядников и полицейский музей в Самаре начала XX века // Следователь. — 2008. — № 11. — С. 63—56; Хакимов С. Х. Первоначальные шаги по подготовке полицейских в дореволюционной России // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 6. — С. 300—303; Шубович В. Г. Становление профессионального образования полицейских в Симбирской губернии // Симбирский научный вестник. — 2014. — № 2. — С. 43—46 и др.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 2.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 400. — Л. 5—7.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 38. — Д. 400. — Л. 2.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 2; ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 2. — Л. 66.

образовательные организации сельской полиции «первой волны» не получили достаточно зримых очертаний в проектах МВД, не оставив ощутимых следов в памяти министерских чиновников.

Тем не менее именно этот опыт, во многом благодаря усилиям создателей первых образовательных организаций сельской полиции, стал основой для обустройства школ урядников «второй волны». Тот же Н. М. Цеймерн, ставший владимирским губернатором, 16 декабря 1899 г. писал министру внутренних дел Д. Е. Сипягину, что, вступив в управление губернией, «убедился, что большинство урядников не имеют надлежащей подготовки к службе и не знакомы с существом лежащих на них обязанностей. Желая придать этому важному институту нижних чинов правильную и наиболее соответствующую интересам дела организацию, я в октябре минувшего года открыл во Владимире урядническую школу, устроив ее по типу школ, учрежденных мною в городах Гродно и Астрахани за время управления моего Гродненской и Астраханской губерниями»¹.

Прямое распоряжение МВД по поводу открытия школ стимулировало активную деятельность губернаторов в этом направлении. Первые школы «второй волны» были открыты уже в 1887 г. в Смоленской и Астраханской губерниях, в 1888 г. — в Псковской, Херсонской, Курской, Новгородской губерниях, в 1889 г. — в Вологодской и Архангельской губерниях и т.д. В каждой губернии разрабатывались и принимались местные нормативные акты, имевшие различные названия, но сходное содержание. Все они регулировали устройство школ, условия и порядок их комплектования, организацию учебного процесса и т.д.²

Общим для всех школ было то, что руководились они в основном чиновниками для особых поручений; преподавание велось в форме учебных курсов, которые постепенно стали обнаруживать тенденцию к дифференциации; основной акцент в обучении делался на изучении «руководящих начал по всем законоположениям», Инструкции урядникам, а также приобретении практических навыков «по составлению необходимых деловых бумаг»; слушателями являлись как полицейские

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 48. — Д. 325. — Л. 20—20 об.

² Ахмедов Ч. Н. Организационно-правовые основы подготовки полицейских урядников во второй половине XIX — начале XX века // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 1. — С. 65—66.

урядники (по одному от уезда), так и кандидаты, «вновь ходатайствующие о зачислении их полицейскими урядниками»; срок обучения колебался от 1 до 3 месяцев; после выпускных экзаменов урядники отправлялись к месту службы, а кандидаты ждали открытия уряднических вакансий¹.

Школы должны были финансироваться из губернских бюджетов. Это также фиксировалось в циркуляре № 3153: «Устройство подобной подготовительной службы или школы... не вызывает никаких затрат со стороны казны, кроме ничтожных расходов на канцелярские принадлежности, которые при наличии известной доли желаня и заботливости могут свободно пополняться из имеющихся в распоряжении гг. губернаторов сумм»². С момента издания циркуляра до конца XIX в. только по трем губерниям (Архангельской, Астраханской и Саратовской) возбуждались ходатайства об особых кредитах МВД для школ урядников, что способствовало укреплению в министерском руководстве мнения о том, что «настоятельность изыскания особого источника для покрытия расходов по содержанию школ для полицейских урядников (в том виде, как они устраиваются ныне) не находит себе подтверждения на практике»³.

В целом можно утверждать о возникновении на рубеже XIX—XX вв. устойчивой тенденции к оформлению совокупности уряднических школ. Всего к 1892 г. «школы для приготовления урядников» были открыты в 27 городах: Архангельске, Астрахани, Витебске, Владимире, Вологде, Вятке, Гродно, Житомире, Каменец-Подольске, Кишиневе, Киеве, Костроме, Курске, Могилеве, Москве, Нижнем Новгороде, Новгороде, Перми, Петрозаводске, Полтаве, Пскове, Рязани, Симферополе, Смоленске, Уфе, Херсоне и Ярославле⁴. Школы продолжали открываться и позднее. Так, 21 марта 1894 г. организация для профессиональной подготовки урядников была учреждена в Калуге, 18 января 1900 г. — в Ставрополе⁵, в 1898 г. — в Твери⁶ и т. д.

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34. — Л. 74.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 2.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34. — Л. 75.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34. — Л. 75 об.

⁵ Ахмедов Ч. Н. Организационно-правовые основы подготовки... — С. 65.

⁶ Евсеев С. В. Профессиональная подготовка полицейских урядников в Тверской губернии в конце XIX — начале XX века // Образование. Наука. Научные кадры. — 2011. — № 4. — С. 14.

Как показали архивные изыскания, не стал исключением и Воронеж. Воронежская губерния, на рубеже XIX — XX вв. занимавшая площадь в 57902 кв. вёрст и включавшая в себя 12 уездов, традиционно относилась к «типично аграрным» регионам империи: во второй половине 1890-х гг. в ней было 93,3%, сельского населения, тогда как в соседней Тамбовской — 91,6%¹. Динамика пореформенного развития дала здесь специфические плоды: губерния все больше превращалась в одну из наиболее отсталых в «оскудевающем центре» царской России².

Традиционно отличаясь тучными черноземами, губерния столкнулась со стремительным обеднением почв вследствие их бездумной хищнической эксплуатации: Особое совещание 1902—1904 г. констатировало, что в Черноземном Центре с 1861 г. сбор зерна уменьшился на 37%, резко сократилось производство животноводческой продукции³. «В короткий пореформенный период, — писал в своей знаменитой книге А. И. Шингарев, — ... естественные богатства истощены, а естественные условия обезображены. Вместе с тем в самой жизни населения проявилась скудость, обеднение, вопиющая нужда»⁴.

Высокий демографический прирост, а по плотности населения Черноземье находилось на одном из первых мест в Российской империи, резко усугубил проблему аграрного перенаселения⁵. В свою очередь, быстрый рост числа железных дорог поста-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. IX Воронежская губерния. 1897. Тетрадь последняя / под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб. : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. — С. IV; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XLII Тамбовская губерния, 1897. — СПб. : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. — С. IV.

² См.: Прибытков А. А. Социально-экономическое развитие Воронежской губернии на рубеже XIX—XX веков : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2005. — 177 с.; Солодовченко Д. Д. Социально-демографическое развитие Воронежской губернии во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2005. — 170 с.

³ Логунов В. И. Значение исторического опыта восстановления сельского хозяйства Центрального Черноземья (1921—1927 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: http://rushist.narod.ru/files/saint_work/art/art_16.htm

⁴ См.: Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Изд. 2-е. — СПб., 1907. — С. 1—2.

⁵ См.: Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный). — Воронеж : Гос. изд-во, 1921. — С. 325—326.

вил заведомо неконкурентоспособные местные кустарные ремесленные промыслы в условия, ведущие к неизбежному разорению¹.

Избыток рабочих рук порождал активную миграцию в форме «отходничества», как в губернский центр и уездные города, так и за пределы региона, делая сельское население небывало подвижным². Но губерния отличалась слабостью промышленного развития: до начала XX в. в Воронеже не было ни одного крупного промышленного предприятия, а общий вклад воронежской промышленности в валовой фабрично-заводской продукт по Центрально-промышленному региону в 1900 г. составил лишь 0,6%. Соответственно и заработная плата наёмных работников в Воронежской губернии была одной из самых низких, уступая, допустим, Херсонской в 1,5—2 раза³. Потерявшие работу ремесленники и наёмные работники, люмпенизируясь, пополняли обширный слой местных маргиналов: из 51349 жителей Воронежа в 1897 г. свыше 10 тыс. человек (19,5%) было «без личного заработка и обозначения занятий», вовлекаясь в нищенство и проституцию⁴.

Быстрый и неконтролируемый рост населения⁵ приводил не только к общей перенаселенности, избытку предложения на рынках труда и обнищанию жителей губернии: «тяжёлые условия жизни рабочих, страшный упадок сельского хозяйства и обнищание крестьянских масс привели к тому, что смертность населения в Центральном Черноземье была самой высокой, чем в среднем по 50 губерниям европейской России»⁶. Этим была обусловлена сложившаяся к концу XIX в. специфика структуры населения Воронежской губернии: около 2/3 жителей составляли молодые люди в возрасте до 29 лет⁷.

¹ Центральное Черноземье за годы Советской власти : краткий историко-экономический очерк / под ред. проф. А. А. Глухова. — Воронеж, 1967. — С. 8.

² Цит. по: Меерков А. Н. К вопросу об отхожих промыслах, переселенческом и богомольческом движении в Воронежской губернии в 1911 году // Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. — С. 1.

³ См.: Сельское и лесное хозяйство России. — СПб., 1893. — С. 329.

⁴ См.: Докунин В. Воронеж. — Воронеж : Воронеж. обл. книгоиздательство, 1938. — С. 9.

⁵ К 1916 г. число жителей губернии возросло до 3,8 млн чел., т. е. за 19 лет — в 1,5 раза.

⁶ Центральное Черноземье за годы Советской власти. — Воронеж, 1967. — С. 17.

⁷ Почти половину населения Воронежской губернии к концу XIX в. (особенно по сельским районам) составляли дети и подростки до 19 лет. Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный). — Воронеж : Гос. изд-

Все вышесказанное накладывало отпечаток на основные сферы социально-экономической, религиозной и культурной жизни региона. Обострившиеся криминогенные, хозяйственные, социальные проблемы именно здесь особенно очевидно выдвигали на повестку дня задачу усиления полицейского вмешательства. А это требовало коренных преобразований, в первую очередь, уездных правоохранительных институтов.

Процесс формирования образовательных организаций, осуществлявших профессиональную подготовку полицейских урядников на территории нашего региона на рубеже XIX—XX вв. оказался весьма непростым. Губерния не приняла активного участия в процессе формирования «школ первой волны». Достаточно долго воронежские губернаторы концентрировали основные усилия на попытках обеспечения общего увеличения на территории губернии количества должностей полицейских урядников, финансируемых за счет казны. Ярким примером подобной деятельности является Отношение Воронежского губернатора В. З. Коленко в Министерство внутренних дел от 6 октября 1897 г. № 2567.

В данном документе губернатор акцентировал внимание министра внутренних дел на том, что в связи с ростом общей численности населения Воронежского уезда Воронежской губернии прежнее количество урядников уже «не удовлетворяет местным нуждам», что доказывалось многочисленными конкретными примерами роста преступности. Соответственно, действующие полицейские урядники, будучи «непосильно обременены», оказываются не в состоянии с успехом выполнять возложенные на них по утвержденной МВД Инструкции «крайне важные, в смысле общественной безопасности, многосложные обязанности»¹. Следовательно, «в интересах как местного населения, так и правительственной власти» необходимо увеличить количество уряднических участков в Воронежском уезде с 11 до 15, добавив тем самым ещё четыре финансируемые за счет казны уряднические должности².

во, 1921. — С. 75; Галкин В. Воронежская экономика в период 1861—1917 гг. (Часть 3) [Электронный ресурс]. — URL: <http://vadim-galkin.ru/politics/voronezh-economy/1861-1917-part-3/>

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 54. — Д. 17. — Ч. 41. — Л. 1 — 1 об.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 54. — Д. 17. — Ч. 41. — Л. 5.

Надо заметить, что такие обращения в МВД подвергались глубокому и разноплановому анализу, в том числе и с привлечением специалистов из министерства финансов, но достаточно часто из Петербурга приходили отрицательные ответы. Обычно в них содержались рекомендации более рационально перераспределить между уездами уже наличествовавшие в губернии должности полицейских урядников¹. При этом в данном конкретном случае дополнительно подчеркивалось, что ежегодно выделяемые казной средства на содержание урядников Воронежской губернии (141073 руб. в 1897 г.) превышали таковые в губерниях, близких по численности населения (Тамбовской и Херсонской, соответственно 134134 и 110668 руб.)².

В свою очередь, ответ Воронежского губернатора на циркуляры МВД от 28 июля, 10 октября и 17 ноября 1887 г. за №№ 3153, 3693 и 4027, содержащийся в Отношении губернатора А. В. Богдановича в Департамент полиции от 6 февраля 1888 г. № 273, по сравнению с реакцией весомого числа начальников других губерний напоминал, скорее, типичную «бюрократическую отписку». Губернатор рапортовал, что «инструкция полицейским урядникам, утвержденная Его Сиятельством Господином Министром Внутренних Дел 28 июля, введена в действие по всем уездам ... губернии в ноябре месяце», а «в видах улучшения личного состава урядников ... собирались подробные сведения о лицах, занимающих должности урядников». По рассмотрении же данных сведений, выяснилось, что «за исключением нескольких урядников о замене коих сделано распоряжение, все остальные, по нравственным качествам и испытанным способностям, могут с успехом исполнять обязанности согласно новой инструкции»³.

Подобная оценка качественного состава корпуса полицейских урядников Воронежской губернии, при сравнении с прочими регионами европейской России представляется несколько завышенной, а качество проведенного «анализа» может быть поставлено под сомнение в связи с отсутствием как реальных цифр, фиксирующих количество лиц, не прошедших «испытание», так и полноценных документальных свидетельств о самом их единовременном, централизованном и массовом проведении.

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 54. — Д. 17. — Ч. 41. — Л. 8—9.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 54. — Д. 17. — Ч. 41. — Л. 7.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 2. — Л. 287—287 об.

Вместе с тем именно в Отношении А. В. Богдановича в Департамент полиции от 6 февраля 1888 г. № 273 содержится важная для реализации целей и задач нашего исследования информация: «Для замещения на будущее время открывающихся вакансий урядников кандидатами, предписано Уездным Исправникам объявлять сим последним, чтобы они являлись в г. Воронеж для испытания их в знании инструкции и способностях, чрез особо назначаемых мною чиновников. Независимо от сего вменено в обязанность Исправникам, чтобы они к концу мая месяца сего года доставили мне ведомости, с показанием сколько и в каком уезде будет находиться вакансий полицейских урядников, для сообщения этих ведомостей Окружному Штабу»¹. Таким образом, А. В. Богданович проинформировал руководство Департамента о принятом им решении организовать в губернии процедуру предварительных испытаний кандидатов на уряднические должности в знании ими своих обязанностей и соответствующих нормативных основ, регламентирующих их. Оригинал документального оформления данного решения пока не найден, но, судя по рапорту Острогожского уездного исправника Воронежскому губернатору от 15 февраля 1890 г. № 85, речь идет о циркулярном предписании от 29 января 1888 г. № 215².

О проведении мер экзаменационного характера, организованных в Воронеже для кандидатов на уряднические должности, свидетельствуют сохранившиеся записи в формулярных делах отдельных урядников. Так, в делах урядников из Богучарского уезда В. Сурина и И. Пузенкова имеются записи о прохождении ими «предварительных испытаний» соответственно в феврале и марте 1888 г.³

В Отношении воронежского губернатора в Департамент полиции от 31 декабря 1888 г. № 2853 порядок испытания на должность урядника упоминается уже как обязательная процедура: «...По собрании сведений о благонадежности желающих служить урядниками, исправник объявляет им, чтобы они являлись в Воронеж для поверочного испытания в знании Инструкции через состоящего при мне старшего чиновника особых поручений и знание наружного порядка через воронежского полицмейстера. Если при таком испытании кандидаты оказыва-

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 2. — Л. 287—287 об.

² Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 3. — Л. 8.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 3; Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 15.

ются недостаточно подготовленными к знанию уряднических обязанностей, то они оставляются в губернском городе и чиновник особых поручений разъясняет им существо и пределы их прав, приемы и условия деятельности и ответственность, согласно указаниям Инструкции объясняет признаки преступлений, перечисленных в приложении к Инструкции и упражняет в составлении донесений, актов и протоколов». Только после этого, «по окончательном убеждении в усвоении кандидатом уряднических прав и обязанностей», губернатор принимал решение о назначении его на должность¹.

Таким образом, речь идет о систематических испытаниях кандидатов, проводимых конкретными чиновниками в соответствии с уже упоминавшейся выше статьей 4 «Временного положения о полицейских урядниках». В частности, бывший полицейский урядник Коротояжского уезда Т. Горбунов в своем прошении упоминал, что в ноябре 1888 г., будучи кандидатом на должность, он был отправлен уездным исправником в Воронежское губернское полицейское управление, где и был проэкзаменован чиновником по особым поручениям Бушневым².

Следующим важным рубежом в процессе организации профессиональной подготовки полицейских урядников в Воронежской губернии стало создание при Воронежском губернском правлении особой экзаменационной комиссии для проверки уровня профессиональной подготовленности полицейских урядников губернии. Эту комиссию, по нашему мнению, и следует считать первым стабильным губернским институтом, непосредственно связанным с централизованным контролем за уровнем профессиональной подготовки чинов уездной полиции. Создание данной комиссии было организовано Е. А. Куровским, возглавившим губернию с 19 апреля 1890 г. Документально это было закреплено в циркулярном предписании воронежского губернатора от 14 июля 1890 г. № 1597³, определившем новый порядок назначения на должность урядника. Отныне «исправляющий обязанности урядника» по истечении двух-четырех месяцев стажировки должен был за свой счет откомандировываться исправником в Воронеж для сдачи экзамена

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 4. — Л. 59—59 об.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 17. — Л. 12.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 4. — Л. 171—172.

либо признаваться «неспособным» к несению службы и быть уволенным. В губернском городе под председательством советника губернского правления учреждалась экзаменационная комиссия в составе воронежского уездного исправника, помощника полицмейстера, работника прокурорского надзора и офицера Губернского жандармского управления. Комиссия должна была начать работу с 10 сентября 1890 г. и собираться для проведения экзамена еженедельно по средам (за исключением праздников).

Для проведения экзамена были учреждены специальные правила¹, согласно которым экзаменовавшийся должен был уметь читать и писать. Экзаменуемому предлагались для разрешения практические казусы на знание обязанностей урядников, проверялось его умение составлять письменные протоколы по роду своей служебной деятельности, выявлялся уровень знаний Инструкции. Особое внимание уделялось знанию правил покидания пределов уряднического участка, употребления оружия, производства розыска и дознания, взаимоотношений с сотскими, десятскими и сельскими властями, составления протоколов, донесения о совершенных преступлениях, дозволенного ареста и т.д. Кроме того, кандидат должен был знать обязанности урядника при обнаружении государственных преступлений и по призыву в армию чинов запаса.

Итоговое решение принималось большинством голосов членов комиссии. Успешно сдавшие экзамен получали свидетельство и определяемый соответствующим уездным исправником участок «для заведования».

Предписание № 1597 устанавливало, что все урядники, к моменту принятия документа состоявшие на службе, должны были пройти испытание в экзаменационной комиссии, для чего «постепенно» вызывались в Воронеж из расчета одновременного пребывания в городе не более двух урядников из одного уезда².

В Отношении в Департамент полиции от 24 июля 1890 г. № 1598 воронежский губернатор доложил, что «для улучшения состава полицейских урядников и упорядочения деятельности их» в губернии уста-

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 4. — Л. 173.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 4. — Л. 171 об.

новлен «особый порядок назначения на должности полицейских урядников», учреждена экзаменационная комиссия, а начальникам полиции отданы соответствующие распоряжения¹.

В течение восьми с лишним лет Воронежская экзаменационная комиссия при губернском правлении в установленном порядке проводила испытания соискателей уряднических должностей. Они направлялись в губернский город на основании рапортов уездных исправников, содержащих общую фразу: «На основании предписания Господина Воронежского Губернатора от 14 июля 1890 года за № 1597...»².

Каждый урядник, прибывавший в экзаменационную комиссию, должен был иметь на руках копию «формулярного списка о службе», записную книжку урядника и сопроводительный документ, обычно в форме рапорта соответствующего уездного исправника на имя председателя комиссии.

Рассмотрим в качестве примера один из таких рапортов, написанный 21 июня 1891 г. на имя Председателя «Воронежской Экзаменационной Комиссии по подготовке Полицейских Урядников» Богучарским уездным исправником Л. Ивановым. Для проведения испытаний в г. Воронеж были отправлены полицейские урядники 3 стана 4 участка запасной фельдфебель В. Сурин и 4 стана 4 участка мещанин М. Ткачев. Препровождая «формулярные списки о службе», исправник доложил, что «записные книжки находятся на руках у урядников и что эти урядники, по отзывам станowych приставов, при трезвом и вообще безукоризненном поведении служебные обязанности свои выполняют добросовестно». Также исправник указал, что перед отправкой в Воронеж он лично проводил их испытание и, по его заключению, «они инструкцию знают хорошо», причём Ткачев «в письменной части» оказался «более толковым» и «обязанности службы усвоил лучше, чем Сурин»³. При этом, что небезынтересно, согласно формулярному списку о службе, В. Сурин при устройстве на должность в 1888 г. уже проходил предварительные испытания⁴.

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 317. — Д. 547. — Ч. 4. — Л. 170.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 4, 17, 22, 50; Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 6. — Л. 2; Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 58. — Л. 1—1 об., 27—28 об.; Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 20. — Л. 4 и др.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 4—4 об.

⁴ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 5 об.

В ряде случаев отправляемые на испытание получали на руки отдельное свидетельство-характеристику, в целом содержащее те же основные положения. Так, согласно свидетельству № 121, подписанному помощником Бирюченского уездного исправника 16 февраля 1891 г., «Предъявитель сего И.д. Полицейского урядника 4 участка 1 стана Бирюченского уезда отставной унтер-офицер Ефим Алексеевич Буриченко поведения хорошего и доброй нравственности, ни в каких предосудительных поступках замечен не был, все возлагавшиеся на него по должности поручения всегда исполнял усердно, аккуратно и добросовестно, что и удостоверяю. Свидетельство это выдано ему, Буриченко, согласно требованию циркулярного предписания его Превосходительства Господина Воронежского Губернатора от 14 июля 1891 года для предъявления испытательной Комиссии»¹.

Работа экзаменационной комиссии началась со второго полугодия 1890 г. Наиболее активный её цикл пришёлся на сентябрь — декабрь месяцы, в ходе которых комиссия заседала, как минимум, 9 раз.

В ходе первого документально фиксированного заседания, состоявшегося 17 сентября 1890 г., было проэкзаменовано не менее 20 человек из 11 уездов, в том числе, из Бирюченского — 3; Бобровского — 2; Богучарского — 2; Воронежского — 2; Задонского — 2; Землянского — 1; Коротояжского — 1; Нижнедевицкого — 2; Новохоперского — 2; Острогожского — 2; Павловского — 1². Таким образом, единственным «не охваченным» экзаменационным испытанием в новой комиссии оказался Валуйский уезд³.

Экзаменовались и урядники, имевшие большой опыт практической служебной деятельности: как минимум двое, Г. Лысенко и Ф. Каширский из соответственно Богучарского и Павловского уездов, начали урядническую службу еще в 1878 г., по два — в 1880, 1883, 1885, 1886, 1888 гг., по одному — в 1881 и 1882 гг., четверо — в 1887 г.⁴

Примечательными оказались два кандидата из Острогожского уезда, начавшие «исправлять должности» только в 1890 г. Одному

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 17.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 7.

³ Адрес-календарь лиц, служащих в Воронежской губернии. С 1-го января 1890 года. — Воронеж : Типо-литография губернского правления, 1890. — 174, VI с.

⁴ Подсчеты на основании : ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 7.

из них, А. М. Сазоновичу, было всего 20 лет, а второй, А. В. Александров, был, по-видимому, братом станового пристава 2 стана того же уезда Л. В. Александрова¹. Будучи дворянами по происхождению, что нетипично для низших полицейских чинов, они заручились «рекомендательным письмом-ходатайством», автор которого, А. Егоров, обращаясь к «Господину председателю Воронежской экзаменационной комиссии по испытанию полицейских урядников», указывал: «Мне было бы очень печально, если бы они не выдержали экзамена»².

Обнаружение данного письма дало начало поиску фамилии конкретного человека, руководившего Воронежской экзаменационной комиссией. В письме содержалось обращение к адресату, возглавлявшему комиссию в 1890 г.: «Николай Васильевич». Поиск в «Адрес-календаре лиц, служащих в Воронежской губернии» позволил выявить среди должностных лиц Воронежской губернии этого года лишь одного чиновника с подобными именем и отчеством — Н. В. Воскресенского. Были найдены и несколько документов содержащих характерную подпись, в которой прочитывались буквы «Н» и, дважды, «В». Это позволило в начале 2017 г. в одной из наших публикаций высказать соответствующую гипотезу³. В дальнейшем архивные изыскания, предпринятые в ГАРФ, в частности обнаружение циркулярного предписания воронежского губернатора от 14 июля 1890 г. № 1597, полностью подтвердили высказанное ранее предположение.

Таким образом, первым главой экзаменационной комиссии стал советник воронежского губернского правления Николай Васильевич Воскресенский. К 1890 г. он уже был статским советником, имевшим большой опыт работы в уездном суде, городском магистрате, уездным исправником Нижнедевицкого уезда (1874—1877 гг.). Это была

¹ Адрес-календарь лиц, служащих в Воронежской губернии. С 1-го января 1890 года. — С. 155.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 7. — Л. 76.

³ Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Становление профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в регионах Российской империи в конце XIX — начале XX в.: воронежские экзаменационная комиссия и школа урядников // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 2. — С. 16.

неординарная личность, вошедшая в историю губернии как известный краевед, автор ряда научных трудов¹, один из организаторов Воронежского губернского музея².

В ходе следующих заседаний экзаменационной комиссии, прошедших в 1890 г., были соответственно проэкзаменованы: 10 октября 1890 г. — минимум 13 человек (по 2 из Бобровского, Воронежского, Землянского, Новохоперского и Павловского уездов и 3 — из Коротоякского (дела на двух из них в архивной папке отсутствуют)³, 24 октября 1890 г. — 14 человек (3 из Нижнедевицкого, по 2 из Воронежского, Задонского, Острогожского, Павловского, по 1 из Землянского, Новохоперского, Коротоякского уездов)⁴; 31 октября 1890 г. — 14 человек (3 из Острогожского, по 2 из Бирюченского, Бобровского, Задонского, Новохоперского, по 1 из Землянского, Коротоякского, Нижнедевицкого уездов)⁵; 7 ноября 1890 г. — 14 человек (по 2 из Бирюченского, Бобровского, Нижнедевицкого (один урядник сдавал экзамен повторно), Новохоперского, Острогожского, по 1 из Воронежского, Землянского, Коротоякского, Павловского уездов)⁶; 13 ноября 1890 г. — 4 человека (2 из Богучарского, по 1 из Нижнедевицкого и Острогожского уездов)⁷; 28 ноября 1890 г. — 8 человек (по 2 из Бирюченского, Острогожского и Павловского, по 1 из Бобровского и Землянского уездов)⁸; 5 декабря 1890 г. — 6 человек (по 2 из Бобровского, Острогожского и Павловского уездов)⁹; 12 декабря 1890 г. — 4 человека (2 из Богучарского, по 1 из Землянского и Острогожского уездов)¹⁰. Как мы видим, в течение

¹ Веселовский Г. М., Воскресенский Н. В. Города Воронежской губернии, их история и современное состояние, с кратким очерком всей Воронежской губернии / сост. д. чл. Воронеж. губ. стат. ком. Г. М. Веселовский и Н. В. Воскресенский. — Воронеж : изд. Веселовского, 1876. — [6], XVI, 3—122 с.; Воскресенский Н. В. Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета / [Соч.] Д. чл. Ком. Н. В. Воскресенского. — Воронеж : Воронежск. губ. стат. ком., 1892. — [4], 84 с.

² Акиншин А. Н. Воскресенский Николай Васильевич // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / гл. ред. О. Г. Ласунский. — Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. — С. 85.

³ См.: ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 6.

⁴ См.: ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 8.

⁵ См.: ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 9.

⁶ См.: ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 10.

⁷ См.: ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 11.

⁸ См.: ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 12.

⁹ См.: ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 13.

¹⁰ См.: ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 14.

1890 г. были проведены испытания большинства уже служивших полицейских урядников Воронежской губернии, а с 1891 г. комиссия преимущественно экзаменовала лиц, вновь поступающих на службу и предварительно «исправлявших должности» урядников в уездах в течение двух-четырех месяцев после предварительных испытаний их уездными исправниками.

Прибывавшие на экзамен должны были оформить соответствующие экзаменационные дела. Они включали в себя, во-первых, ответы на следующие вопросы анкеты: «1) Звание, имя, отчество, фамилия, и лет от роду; 2) Вероисповедание; 3) Место родины; 4) Где учился; 5) Чем занимался до поступления в урядники; 6) С которого времени в должности полицейского урядника, и не получал ли наград; 7) Место службы (участок, стан, уезд и селение, где квартира, а также расстояние от этого селения, квартиры до квартиры станового пристава)»¹.

Во-вторых, в состав учебного дела входил лист с решением конкретной практической задачи. Оно оформлялось в виде типичного протокола, составлявшегося урядником на месте преступления. Решаемые казусы касались разнообразных противоправных деяний: краж, разбоев, грабежей, но доминировали среди них убийства.

Приведем пример одного из подобных протоколов: «1890 года октября 17 дня. Слобода Константиновка. Полицейский урядник 3 участка 1-го стана Богучарского уезда Воронежской губернии Григорий Лысенко составил настоящий протокол в следующем: Сего числа в 2 часа пополудни в Слободе Константиновка вверенного мне участка, возле трактирного заведения, принадлежащего крестьянину Села Константиновки Алексею Ерофееву Молченкову, Богучарский мещанин Василий Павлов Фомин в пьяном виде нанес удар дубовым колом в голову запасному рядовому слободы Константиновки Харитону Максиму Решетнякову, от какового удара Решетняков там на месте упал и скончался. На основании ст. 257 Устава Уголовного судопроизводства я постановил мещанина Фомина арестовать, посадить его в арестантское помещение при Константиновском уездном правлении. А настоящий протокол вместе с отобранным у Фомина колом, согласно § 52 Инструкции Полицейских Урядников, передать Господину Судебному Следователю 2-го участка Богучарского Уезда. Копию же с этого протокола,

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 7.

по объявлении Фомину до истечения суток, препроводить в Константиновское Волостное Правление, при котором содержится обвиняемый Фомин. Полицейский урядник Лысенко. Подпись обвиняемого (Фомин). Замечаний и возражений с его стороны не последовало»¹.

При проверке протоколов оценивались не только уровень владения соответствующими юридическими знаниями, но и общая грамотность: орфографические и пунктуационные ошибки обычно подчеркивались экзаменаторами. Так же, очевидно, проводились и устные опросы — оценивалось непосредственное знание нормативной основы, регламентировавшей службу.

При успешной сдаче экзамена испытуемые получали свидетельство (удостоверение) установленного образца, в котором типографским способом было отпечатано: «Удостоверение. Предъявитель настоящего удостоверения _____ подвергнут был Экзаменационною Комиссиею, учрежденной в г. Воронеже, испытанию, по установленной программе _____». В свою очередь, рукописно фиксировались данные об экзаменовавшемся, результаты экзамена, дата его проведения и подпись председателя Экзаменационной комиссии, должность которого как минимум до 1892 г. занимал Н. В. Воскресенский². Известно, что Н. В. Воскресенский покинул Воронеж в 1895 г., однако в качестве некоторого аргумента против сохранения за ним руководства комиссией служит рапорт Бобровского уездного исправника от 24 июня 1893 г. № 656, адресованный «Его Высокоблагородию Господину Помощнику Воронежского Полицмейстера»³.

Наличие экзаменационных свидетельств давало исправникам основания для назначения прошедших испытание на должности полицейских урядников (по согласованию с губернским правлением).

В свою очередь, тем из испытуемых, которые показали на экзамене неудовлетворительные результаты, постановлением комиссии, утвержденным губернатором, давалась отсрочка на 1 месяц для углубления собственных знаний. Они также получали удостоверения, но в графу о результатах испытаний обычно вносилась запись следующего содержания: «Оказался недостаточно знакомым с обязанностями полицейского

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 7. — Л. 34 об. — 35.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 113.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 214.

урядника» и фиксировался факт предоставления отсрочки¹. На повторный экзамен они могли прибывать вместе с лицами, впервые подвергавшимися испытанию. Так, в рапорте Бобровского уездного исправника от 24 июня 1893 г. № 656 фиксировался факт отправки «и.д. полицейских урядников ... 4 участка Иванова на повторительный экзамен и 13 участка Голикова для подвергнутия впервые испытанию в знании обязанностей службы по занимаемой им должности»². Повторная неудача на экзамене являлась основанием для увольнения³.

Удостоверения об успешном прохождении испытаний в экзаменационной комиссии имели нумерацию, данные о которой частично сохранились в списках урядников конкретных уездов (фиксация номера зависела от степени добросовестности лиц, составлявших данные списки, в ряде уездов констатировался просто факт наличия удостоверения). Первоначально нумерация была сквозной, что позволяет фиксировать некоторые важные рубежные моменты: отставной старший писарь Богучарского уезда Д. Олейников, начавший службу и. д. урядника с 7 марта 1888 г., получил удостоверение № 114 от 12 декабря 1890 г.⁴, запасной фельдфебель Острогожского уезда Н. Благодатный, начавший служить 23 июля 1892 г., получил свидетельство № 156 от 19 ноября 1892 г.⁵, а запасной старший писарь Богучарского уезда П. Москалев, начавший службу с 7 марта 1895 г., получил удостоверение № 189 от 25 августа 1895 г.⁶ С последнего квартала 1895 г., очевидно, началась погодная нумерация свидетельств, в частности, запасной старший писарь Острогожского уезда Н. Сибирко, начавший службу 13 сентября 1895 г., получил свидетельство № 1 от 22 ноября 1895 г.⁷

Одно из последних заседаний экзаменационной комиссии прошло 12 февраля 1899 г. Запасной жандармский унтер-офицер П. Дудкин, начавший службу 29 июля 1898 г., получил удостоверение № 43⁸. С марта 1899 г. комиссия вступила в завершающий период деятельности, обусловленный началом функционирования новой полицейской

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 69.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 64. — Л. 214—214 об.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 42—44.

⁴ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 16.

⁵ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 37.

⁶ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 16.

⁷ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 37 об.

⁸ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 37.

образовательной организации в Воронежской губернии — школы полицейских урядников.

Восстановление исторического пути данной школы также оказалось весьма непростым и запутанным процессом. Как нами уже отмечалось в более ранних публикациях, на протяжении долгого времени «большинством исследователей не фиксировались различия между ранее действовавшей школой для подготовки урядников при Воронежском губернском правлении и возникшей с 1909 г. командой-школой уездной полицейской стражи, выпускники которой также могли получать должности урядников. Это приводило к объединению обеих образовательных структур в некое «умозрительное целое» — «Воронежскую школу урядников»¹. При этом в ряде случаев отдельные авторы приводили весьма интересные данные, которые, без ссылок на первоисточник, к сожалению, не подлежали точной институциональной и хронологической «привязке». Так, в частности, В. Лысенко указывал, что в «Воронежской школе урядников по окончании учебного цикла в ходе экзамена проводились комплексные учения по захвату предполагаемой шайки грабителей»².

Один из первых документально обоснованных фактов, безусловно связанных с интересующей нас образовательной организацией, был фиксирован в 2012 г. С. Н. Токаревой. Данным автором, со ссылкой на объявление, сделанное в газете «Воронежские губернские ведомости»³, указывалось, что «в 1903 г. учрежденная при Воронежском губернском правлении школа для подготовки кандидатов на должности полицейских урядников открывает свои

¹ Байкеева С. Е. Правовое регулирование подготовки кадров в специализированных учебных заведениях МВД царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. — № 3. — С. 38; Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Воронежская учебная команда-школа в системе профессионального обучения уездной полицейской стражи Российской империи в начале XX в. // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 1. — С. 9.

² Лысенко В. В. Полиция дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности : теорет. и ист.-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998. — С. 185.

³ Воронежские губернские ведомости. — 1903. — № 14. — С. 2.

занятия в период Великого поста с 18 февраля»¹. Таким образом, в научный оборот были введены достоверные сведения о наличии до 1909 г. в Воронежской губернии еще одной образовательной организации, осуществлявшей профессиональное обучение нижних чинов сельской полиции.

Проведенный нами поиск позволил к весне 2016 г. выявить несколько подобных ежегодно публиковавшихся в данной газете объявлений, наиболее раннее из которых гласило: «По примеру прошлого года, учрежденная при Воронежском губернском правлении школа для подготовки кандидатов на должности полицейских урядников в губернии откроет свои занятия и в настоящем году. ... Прослушавшим полный курс школы и с успехом выдержавшим установленное испытание в знании обязанностей службы полицейского урядника будет составлен, в порядке сдачи экзамена, список, по которому и будут замещаться открывающиеся в губернии вакансии»². На первый взгляд, можно было бы сделать вывод об обоснованности фиксации времени открытия данной школы 1900 г.

Однако исследования, проводимые нами в ГАВО, к лету 2016 г. дали возможность выявить ряд документов, позволивших высказать гипотезу о начале функционирования данной школы уже с 1899 г. В частности, в рапорте Воронежского уездного исправника указывалось, что урядник Е. Мартыненко в 1899 г. «проходил курс школы»³. В свою очередь, в «Списке полицейских урядников, состоящих в Бобровском уезде» с 1899 г. были зафиксированы факты сдачи экзаменов Н. Ракиным, Л. Гвоздевым, М. Черемисиновым не в Воронежской экзаменационной комиссии, а в «школе при Воронежском губернском правлении»⁴. Это дало возможность сделать в декабре 2016 г. предположение о том, что именно «с 1899 г. начинается как первый период истории образовательных организаций, осуществлявших в г. Воронеже подготовку специалистов для органов внутренних дел, так и входящий в рамки данного периода первый этап этой истории. Он связан с открытием не ра-

¹ Токарева С. Н. Профессиональная подготовка служащих полиции начала XX столетия (по материалам Центрального Черноземья России) // История государства и права. — 2012. — № 4. — С. 35—38.

² Воронежские губернские ведомости. — 1901. — 20 января. — С. 2.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 17.

⁴ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 6—6 об.

нее 1899 г. при Воронежском губернском правлении школы для подготовки кандидатов на должности полицейских урядников...»¹. Дальнейшие изыскания в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Воронежа позволили нам существенно уточнить данную гипотезу.

Формирование новой образовательной организации в г. Воронеже произошло по инициативе Павла Александровича Слепцова. Он приступил к управлению губернией с 27 июля 1898 г. (первоначально — в статусе исправляющего дела, а через год был утвержден в должности губернатора). П. А. Слепцов был лично знаком с Н. М. Цеймерном. Являясь в 1889—1893 гг. сотрудником особых поручений при министре внутренних дел, он выполнял распоряжения князя Долгорукова и генерала Цеймерна, командированных в Пермскую, Саратовскую, Тамбовскую и Воронежскую губернии в связи с голодом, охватившим основную часть Черноземья и Среднего Поволжья². Вероятно, что на проект воронежской школы могли повлиять контакты Слепцова с создателем «гродненской модели».

К сожалению, оригиналы всех циркуляров воронежского губернатора, связанные с начальным этапом функционирования данной школы, пока не найдены и информация о них была получена в результате изучения рапортов уездных исправников. Так, в рапорте Павловского уездного исправника в Воронежское губернское правление от 14 февраля 1898 г. № 65 указывалось: «Его Превосходительство Господин Воронежский Губернатор циркулярным распоряжением своим по Губернскому Правлению на имя уездных исправников 13 ноября 1898 года за № 3160, имея в виду изменить условия подготовки кандидатов на должность полицейского урядника предоставлением им возможности подготавливаться под руководством избранных им лиц в особой школе, учрежденной при Губернским Правлении, предложил представить ему подлинные прошения всех числящихся при полиции кандидатов на упомянутую должность с доставлением ему в то же время подробных о них перечисленных в означенном циркулярном предложении сведений». 12 февраля 1899 г. начальник губернии «циркуляром за № 383 на имя

¹ Нахимов А. П., Кирос А. В., Колесников В. А. Периодизация истории образовательных организаций по подготовке сотрудников органов внутренних дел в г. Воронеже: к постановке проблемы // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 14.

² РГИА. — Ф. 1204. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 1—12.

Исправников предложил объявить всем имеющимся достойным кандидатам на должность урядников и выразившим согласие подчиняться условиям получения должности, явиться в Губернское Правление для занятий в открытой школе»¹. Занятия, скорее всего, как и в ряде иных подобных школ, проходили в специально выделенных комнатах губернского правления, располагавшегося в «казенном здании губернских присутственных мест» на Большой Дворянской улице (ныне проспект Революции, д. 23). Прибытие кандидатов в урядники в школу, их проживание и питание в Воронеже в период обучения осуществлялось за их собственный счет

Таким образом, при воронежском губернском правлении была сформирована типичная для «второй волны» уряднических школ образовательная организация, осуществлявшая первоначальную подготовку кандидатов на занятие должностей полицейских урядников в губернии. Ранее высказанная нами гипотеза, относившая данную школу к числу одной из «первых в Российской империи»², в свете новейших результатов наших изысканий, в том числе фиксированных выше, увы, оказалась неточной: Воронежская школа урядников относилась ко «второй волне» подобных школ.

Ответственность за подбор кандидатов на обучение (преимущественно из числа исправлявших должности урядников) по-прежнему возлагалась на уездных исправников. 6 февраля 1900 г. надзиратель Воронежской губернской тюрьмы М. Соколов написал прошение «Господину товарищу прокурора Воронежского окружного суда Чуеву». В его тексте, в частности, говорилось: «Желая пройти курс испытания в школе полицейских урядников для поступления на должность полицейского урядника, я имею честь почтительно просить Ваше Высочордие сделать распоряжение о зачислении и допущении меня к испытанию с февраля 6 дня 1900 г.» Несмотря на то, что Чуев поддержал это прошение, в школе оно удостоилось жесткой резолюции. В ней самому потен-

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 58. — Л. 27—27 об.

² Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Периодизация истории образовательных организаций по подготовке сотрудников органов внутренних дел в г. Воронеже: к постановке проблемы // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 14.

циальному абитуриенту и собственно Чуеву было указано на необходимость соблюдать порядок обращения с подобными прошениями — только непосредственно через исправников соответствующих уездов¹.

Уездные исправники собирали прошения потенциальных абитуриентов, готовили для них практически такие же наборы документов, как ранее и для экзаменационной комиссии. Определенным дополнением, очевидно, были особые удостоверения, подобные выданному 24 февраля 1899 г. Богучарским уездным исправником под № 128: «Дано сие и. д. полицейского урядника 5 участка, 2 стана, Богучарского уезда Климентию Иванову Терещуку, в том что он командирован в город Воронеж в школу, учрежденную при Губернском правлении для приготовления на должности полицейского урядника с 1-го Марта по 10-е Апреля 1899 года. В чем подписью и приложением печати удостоверяется»². Удостоверение могло содержать и краткую характеристику служебных успехов абитуриента: «Дано Бирюченским исправником и. д. полицейского урядника 5 участка 1-го стана Бирюченского уезда Луке Яценко в том, что он обязанности по занимаемой им должности полицейского урядника, а равно делавшиеся ему поручения за время исправления назначенной должности, исполнял точно, аккуратно, с усердием, при достаточной степени знаний, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется»³.

Время обучения в Воронежской школе, как и в большинстве других уряднических школ Российской империи, ограничивалось двухмесячным сроком. Первый цикл подготовки, как было показано, пришёлся на период с 1 марта по 10 апреля 1899 г. На обучение первоначально были направлены не менее 45 человек из 11 уездов губернии (за исключением Новохоперского), в том числе: по 7 из Бирюченского и Богучарского, по 5 из Бобровского, Землянского и Коротоякского, по 4 из Валуйского и Воронежского, 3 из Острогожского, по 1 из Павловского и Нижнедевицкого уездов. Из них: бывших унтер-офицеров — 12, писарей — 18, фельдфебелей, фейерверкеров, бомбардиров и вахмистров — 7, фельдшеров — 2, по одному титулярному советнику, почетному гражданину и рядовому⁴.

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 131.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 59. — Л. 6.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 59. — Л. 4.

⁴ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 59. — Л. 2—2 об.

Обучению предшествовало вступительное испытание. Оно походило на испытания в экзаменационной комиссии, но дополнялось кратким сочинением, в рамках которого сочетались элементы проверки знания основ краеведения и русского языка. Вот одно из таких сочинений, написанное 3 марта 1899 г. запасным старшим писарем Г. Сычевым: «Край, о котором я сейчас буду говорить находится в Юго-Восточной России и простирается в длину на 216, а в ширину на 187 верст с народонаселением в 175000 и одиннадцатью городами. Почва этого края отличается плодородием и трудолюбие земледельца вознаграждается здесь с избытком. Некоторые отрасли промышленности также находятся в чрезвычайно благоприятных условиях. В местах прилегающих к одной из судоходнейших рек жители занимаются рыболовством и судостроением»¹.

Само обучение первого потока исправлявших должности урядников в школе осуществлялось 6 дней в неделю за исключением праздничных дней и велось по 2 урока с 17.00. Сохранилось первое расписание занятий в школе, специфику формирования которого составляло распределение уроков не по предметам, а по фамилиям преподавателей (табл. 2):

Таблица 2

Расписание занятий в школе²

Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
А.А. Чуев	Н.Д. Грицевич	П.С. Попов	И.Н. Никитин	А.А. Чуев	П.С. Попов
И.Н. Никитин				Н.Д. Грицевич	

В свою очередь, сохранилось и распределение занятий между преподавателями. Оно позволяет сделать важные выводы об организации школы, преимущественно осуществлявшей углубленное изучение обучающимися статей Инструкции полицейским урядникам.

Непосредственную организацию образовательного процесса осуществляла комиссия по подготовке кандидатов на должность по-

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 59. — Л. 1.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 1 об.

лицейского урядника в губернии, как представляется, правопреемница прежней экзаменационной комиссии¹. Председателем комиссии был заведующий школой Николай Дмитриевич Грицевич. На него возлагалась задача преподавать «обязанности полицейских урядников по предупреждению и пресечению преступлений», § 34—57 Инструкции урядникам, приложение II и «всю письменную часть»².

Отметим, что, хотя во всех изученных архивных документах ГАВО, посвященных деятельности Воронежской школы урядников, фиксирована фамилия «Грицевич», в «Памятных книжках Воронежской губернии»³ и в формулярных списках чинов гражданского ведомства Российской империи, хранящихся в РГИА⁴, приводится более развернутый ее вариант: Ужумецкий-Грицевич, Николай Дмитриевич, коллежский ассессор (с 1899 г. — надворный советник), советник II Отделения Канцелярии Воронежского губернского правления. Эта фамилия тесно связана с историей российской полиции: А. И. Ужумецкий-Грицевич в 1860-е гг. был товарищем председателя Петербургской управы благочиния⁵, а З. Н. Ужумецкая-Грицевич была супругой В. К. фон Плеве, директора Департамента полиции (1881—1884 гг.) и министра внутренних дел (1902—1904 гг.), кстати, вынудившего уйти в отставку воронежского губернатора П. А. Слепцова.

Товарищ Воронежского прокурора статский советник Ал. Антонович Чуев⁶ преподавал Уложение о наказаниях, Устав о наказаниях и подсудности окружным и волостным судам. Помощник Воронежского

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 1.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 1; ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 58. — Л. 96.

³ Памятная книжка Воронежской губернии [на] 1899 год / сост. под ред. М. Н. Былова. — Воронеж : Воронеж. губ. стат. ком., 1898. — С. 2; Памятная книжка Воронежской губернии [на] 1900 год / сост. под ред. М. Н. Былова. — Воронеж : Воронеж. губ. стат. ком., 1899. — С. 2.

⁴ РГИА. — Ф. 1349. — Оп. 2. — Д. 758. — Л. 64—69.

⁵ Выписка из письма Ужумецкого-Грицевича из Нижнего Новгорода от 14 марта 1861 г. к А. И. Ужумецкому-Грицевичу в С.-Петербург // Письма из провинции, перлюстрированные на Петербургском почтамте, об объявлении Манифеста 19 февраля 1861 года (март—июнь 1861) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.illuminats.ru/home/28-xvii-xx/1060-letters-from-the-province-intercepted-at-the-st-petersburg-post-office-the-declaration-of-the-manifesto-on-feb-19-1861-march-april-1861> (дата обращения: 08.09.2017).

⁶ Полное имя неизвестно. Памятная книжка Воронежской губернии [на] 1899 год. — С. 10.

полицмейстера надворный советник Павел Стратонович Попов¹ преподавал пункты «Об ответственности урядников», приложение I к Инструкции полицейских урядников, отдельные положения Устава строительного. Помощник Воронежского уездного исправника надворный советник Иван Никанорович Никитин преподавал общие обязанности урядников, «§ 1—34 (без Приложения V), § 57—62 и Приложение III» к Инструкции².

В течение марта—апреля 1899 г. было проведено восемь документально подтвержденных заседаний Комиссии. В ходе первого из них, состоявшегося 4 марта 1899 г., было составлено расписание занятий, распределены обязанности членов комиссии по преподаванию, подведены итоги вступительных испытаний. Отмечалось, что из числа явившихся к занятиям и сдававших вступительные испытания 1 марта запасные старшие унтер-офицеры Т. Алексеенко, Ф. Колесников и С. Марченко, запасные бомбардир Ф. Кравцов, старший фейерверкер П. Сотников и старший вахтер И. Токарев «по произведенному письменному испытанию» оказались малограмотными и потому были освобождены от занятий в школе. Отставной рядовой К. Терещук, хотя и был признан «недостаточно ознакомленным с обязанностями службы и недостаточно грамотным», но все же оставлен «для занятий в школе». В свою очередь, запасной унтер-офицер Ф. Карнелянский и ветеринарный фельдшер Л. Яценко «оказались по произведенному испытанию малограмотными и недостаточно ознакомленными с обязанностями службы» настолько, что было решено «признать их не отвечающими условиям службы в должности полицейского урядника»³.

Изучение результатов вступительных испытаний было продолжено и на втором заседании комиссии 5 марта 1899 г. В ходе его были «рассмотрены письменные работы и подвергнуты испытанию в знании обязанностей службы следующие лица: по Острогожскому уезду: 1) И. д. полицейского урядника 4 участка, 1 стана младший медицинский фельдшер И. Луппа был признан «весьма хорошо знающим свои обязанности»; 2) И. д. полицейского урядника 13 участка, 4 стана, запасной полковой писарь А. Клеменков был оставлен для занятий в школе «как недостаточно ознакомленный с обязанностями урядника»;

¹ Там же.

² Памятная книжка Воронежской губернии [на] 1899 год. — С. 60; ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 1—2.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 1—2.

3) по Бирюченскому уезду: и. д. полицейского урядника 7 участка, 2 стана, запасной старший писарь Г. Сычев был признан выдержавшим испытание «удовлетворительно»¹.

Проживание в губернском городе, осуществлявшееся в течение достаточно длительного времени за свой счет, приводило подавляющее число обучавшихся к серьезным финансовым затруднениям и порождало немалое число прошений либо о проведении досрочных испытаний, либо об увольнении из школ по разным мотивам. Рассмотрению подобных прошений и были посвящены третье—пятое заседания комиссии, состоявшиеся соответственно 6, 8 и 13 марта 1899 г. Запасной старший писарь В. Васильченко и отставной жандармский унтер-офицер С. Лисянский были уволены из школы по собственному желанию соответственно «в виду неимения средств для дальнейшего проживания в г. Воронеж» и «по болезни»². В свою очередь, по результатам письменных работ и «испытаний в знании обязанностей службы» и. д. полицейских урядников 3 стана Воронежского уезда запасные фельдфебель М. Сафонов и старший унтер-офицер П. Куликов были признаны выдержавшими испытание соответственно «удовлетворительно» и «хорошо»³.

5 апреля прошло 6-е заседание, в ходе которого были освобождены от экзамена запасные старший писарь И. Тарасов — по собственному желанию с исключением «из списков кандидатов на урядника»; старший унтер-офицер И. Попов — «по домашним обстоятельствам», а старший унтер-офицер П. Котельников «оказался по испытанию малограмотным» и был освобожден «от занятий по малограмотности и за поздним вступлением в школу»⁴.

В ходе 7-го заседания комиссии 6 апреля 1899 г. были рассмотрены письменные работы и подвергнуты испытанию в знании обязанностей службы и. д. полицейского урядника 8 участка, 2 стана Бобровского уезда запасной унтер-офицер С. Кирсанов, признанный «не выдержавшим испытание по малограмотности и неподготовленности, несмотря на отсрочку экзамена»⁵.

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 3—3 об.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 4.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 5—6.

⁴ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 7.

⁵ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 8.

Наконец, в рамках 8-го заседания 7 апреля 1899 г. были проэкзаменованы «оставленные по протоколам комиссии за № 1 и 2 для занятий в школе, и. д. полицейских урядников: 5 участка, 2 стана Богучарского уезда отставной рядовой К. Терещук и 13 участка, 4 стана Острогожского уезда запасной полковой писарь А. Клименков», которые были признаны выдержавшими испытание и подлежащими утверждению в должности¹.

5—7 апреля в школе прошли письменные и устные итоговые экзамены, в которых суммарно приняли участие 28 обучавшихся. Результаты оказались следующими: по итогам устных испытаний было получено 7 оценок «отлично», 9 — «хорошо», 10 — «удовлетворительно» и 2 — «неудовлетворительно»; по результатам письменного экзамена — соответственно 5, 8, 13 и 2. Три человека (Л. Гвоздев, А. Кравцов и И. Рублев) получили по всем экзаменам только отличные оценки, а двое (М. Кириллов и Г. Шаршов) — все неудовлетворительные².

По результатам экзаменов комиссией был сформирован и 8 апреля 1899 г. утвержден губернатором сводный «список кандидатов на должность полицейских урядников, составленный в порядке успеха выдержания испытания в знании инструкции и обязанностей службы» из 26 кандидатур. Г. Шаршов и М. Кириллов, «как проявившие более слабые знания», по мнению комиссии, могли быть «определены на должность урядника лишь после назначения всех вышепоименованных лиц»³. В свою очередь, согласно рапорту павловского уездного исправника в Воронежское губернское правление от 14 мая 1899 г. № 348, «Господин Воронежский Губернатор циркулярным предложением своим на имя Исправников от 9 числа апреля месяца сего года за № 975 дал знать, что занятия в школе урядников закончены и в распоряжении Губернского Начальства имеется достаточное число достойных кандидатов на указанную должность, причем предложил неуклонно придерживаться указанного порядка в замещении открывающихся вакансий урядников с представлением теперь же в Губернское Правление подробных сведений о числе этих вакансий для получения кандидатов»⁴.

¹ Там же.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 57. — Л. 11—11 об.

³ Там же.

⁴ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 58. — Л. 27—28 об.

Однако с распределением кандидатов дела были не столь уж безоблачны. Трое из них отказались от предложенных им должностей, при этом если И. Рублев, находившийся в списке под № 2 и отказавшийся занять должность урядника в Бирюченском уезде, был 21 апреля 1900 г. исключен из списков кандидатов, то Ф. Деринг, находившийся в списке под № 14 и также отказавшийся занять предложенную должность, впоследствии стал околоточным надзирателем в Воронежском городском полицейском управлении¹.

Достаточно неспешно проходили и процедуры назначения на должности. Это приводило к получению комиссией прошений об ускорении предоставления уряднических мест в связи с испытываемыми выпускниками материальными трудностями, как это сделал, в частности, запасной старший писарь Д. Клименков 25 мая 1899 г.²

Руководство МВД и Департамента полиции неоднократно обращали внимание губернаторов на необходимость строгого соблюдения принципа добровольности при определении кандидатур для поступления в уряднические школы. Однако практика реального функционирования Воронежской школы показала, что достаточно быстрее ее руководство столкнулось с рапортами исправников об отсутствии во вверенных им уездах желающих стать кандидатами на обучение³.

Причины этого тройки: 1) сокращение общего числа кандидатов в связи с укомплектованием основного числа штатных должностей урядников; 2) нежелание потенциальных кандидатов тратить деньги на обучение за свой счет с недостаточно предсказуемым результатом; 3) подспудное недовольство исправников фактом перехода реального контроля за подбором кадров в подконтрольных им уездах в руки губернских чиновников. Всё это, очевидно, и повлекло за собой усиление административного принуждения в данном вопросе.

С одной стороны, с 1901 г. была введена практика ежегодной публикации объявлений в официальном разделе газеты «Воронежские губернские ведомости», извещавших всех желающих о начале очередной учебной сессии в школе. Желающие поступить в нее

¹ Памятная книжка Воронежской губернии [на] 1903 год / сост. под ред. Д. Г. Тюменева. — Воронеж : Воронеж. губ. стат. ком., 1903. — С. 9.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 58. — Л. 96.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 58. — Л. 27—28 об.; Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 32.

могли обращаться за точными справками и указаниями порядка подачи прошений к начальнику полиции по месту жительства или к тому лицу, в ведении которого они хотели бы служить.

Параллельно издавались циркулярные распоряжения воронежского губернатора с требованиями к исправникам выслать сведения обо всех поступивших прошениях о зачислении в школу и об образовавшихся в уездах вакансиях.

С другой стороны, был существенно ужесточен контроль за наличием у проходивших службу урядников соответствующих документов о профессиональном образовании. В отправляемых в Воронеж из уездов списках урядников отныне предусматривалась специальная графа: «Имеют ли свидетельство в выдержании экзамена в губернской школе урядников или прежней экзаменационной комиссии»¹. Первоначально специального бланка свидетельства об окончании школы предусмотрено не было и фиксировались лишь факт сдачи экзамена в школе и номер утвержденного губернатором решения воронежского губернского правления о последующем назначении на должность². Соответственно, выявление случаев продолжения службы без соответствующих документов об образовании стало основанием для длительных разбирательств о причинах нарушения исправниками циркуляров Воронежского губернатора от 14 июля 1890 г. № 1597 и от 12 февраля 1899 г. № 383³.

Анализ данной переписки позволил уточнить и гипотезу о времени окончания работы Воронежской экзаменационной комиссии. Как выяснилось, ряд лиц, в течение более трех месяцев уже «исправлявших дела» полицейских урядников, получили возможность сдавать экзамены 19 и 23 августа 1899 г. в прежнем порядке, не проходя предварительного обучения в новой школе⁴.

Существенно усилился и контроль за соблюдением процедурных аспектов приемной кампании. В рапортах уездных исправников об отправке кандидатов на учебу появилось новое важное положение: «О времени открытия действий школы урядников, о явке кандидатов в школу..., об условиях их жизни в г. Воронеже и о порядке

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 37.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 15, 37 об.

³ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 22.

⁴ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 58. — Л. 1, 1 об., 27—28 об.

замещения на должность по выдержании испытания в школе объявлено с подписками всем означенным по списку лицам»¹. Пример такой подписки: «1900 года февраля 28 дня мне, нижеподписавшемуся, предписание Воронежского Губернского Правления от 24 февраля 1900 года за № 409 о немедленной явке в означенное правление для прослушания в учрежденной при Губернском Правлении школе курсов и выдержания экзамена на должность полицейского урядника, без чего я не буду принят на эту должность, объявлено. Василий Башкатов. Объявил Полицейский Надзиратель Эртильской Степи Бобровского уезда Кузнецов»².

Таким образом, как выяснилось в результате архивных изысканий, с уверенностью можно говорить о начальном этапе организации профессионального образования нижних чинов уездной полиции в Воронежской губернии, начавшемся с 1888 г. и завершившемся с созданием в 1909 г. Воронежской команды-школы уездной полицейской стражи. Этот этап оказался тесно взаимосвязан с общеимперскими тенденциями эволюции формировавшихся образовательных организаций по профессиональному обучению нижних чинов сельской полиции.

2. Учреждение и развитие Воронежской команды-школы уездной полицейской стражи

Общественно-политическая ситуация в Российской империи в начале XX века ознаменовалась новым всплеском социального протеста, который по мере его радикализации привел к революционным событиям 1905—1907 гг.

Протест охватил практически все слои населения России тех лет, но особенно впечатляющие масштабы он приобрел в российской деревне, до предела наэлектризованной усугублением негативных последствий реформ 1860—1870-х гг., ростом малоземелья, неурожаями и голодом. Уже в 1900—1902 гг. число крестьянских выступлений выросло, существенно варьируясь по своим поводам: из-за земельных конфликтов — на 25%; связанных с потравами и порубками

¹ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 205.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 70. — Л. 194.

— на 268%; с сопротивлением местным властям — на 175%¹. С осени 1905 г. крестьянское движение охватило более 50% губерний европейской России².

При этом начиная с 1902 г. крестьянский протест в российской провинции приобрел качественно новые черты. Если на протяжении всего XIX в. волнения носили единичный, локализованный характер, то с 1902 г. они начали происходить по «сетевому, вирусному принципу»: беспорядки в одной деревне, даже по самому заурядному поводу, оказывались детонатором для выступлений в соседних поселениях. Оттуда, в свою очередь, они перекидывались дальше, постепенно захватывая новые территории³. Все более настойчивыми становились требования о перераспределении земель, вырос радикализм протеста: среди осужденных за государственные преступления доля крестьян составляла 7,1% в 1884—1890 гг.; 9% — в 1901—1903 гг.; 42,2% — в 1905—1908 гг.; 28% — в 1908—1909 гг.; 34% — в 1910—1913 гг.⁴ По разным подсчетам, за 1905—1907 гг. в европейской России было уничтожено 7—10% всех дворянских усадеб (от 3 до 4 тыс.)⁵. Масштабы и качественные инновации протеста позволили ряду авторов заявлять: «В России начиналась крестьянская революция, на основе которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 г.»⁶

Первая реакция властей сводилась преимущественно к попыткам силового подавления «беспорядков»⁷: в Воронежской губернии для «вразумления» бунтующих крестьян губернатор П. А. Слепцов

¹ Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. — М., 1984. — С. 219; Сотникова Т. П. Крестьянский протест в России начала XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2011. — С. 21—22.

² Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902—1922 гг. // Крестьяне и власть. — Москва—Тамбов, 1996. — С. 4—23 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ladim.org/st007.php> (дата обращения: 16.09.2017).

³ Простаков А. Сетевое крестьянское восстание в 1902 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://rusplt.ru/society/setevoe-krestyansкое-vozzstanie-v-1902-godu-12119.html> (дата обращения: 16.09.2017).

⁴ Иерусалимский А. Ф. Некоторые вопросы развития крестьянского движения в 1910—1914 гг. // История СССР. — 1959. — № 4. — С. 113.

⁵ См.: Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. — СПб., 1905—1908. — Т. 1—2; Шестаков А. В. Крестьянская революция 1905—1907 годов в России. — М.; Л. 1926 и др.

⁶ См.: Данилов В. П. Указ. соч.

⁷ ГАРФ. — Ф. 102. — 3-е делопр. — 1901 г. — Оп. 168. — Д. 1. — Л. 3—5.

был вынужден направлять из губернского города 4 роты солдат местных резервных батальонов¹. Однако достаточно скоро выявилась ущербность такой практики: войска постоянно запаздывали, часто проявляли пассивность, не желая стрелять в своих, а местные полицейские институты были слишком малочисленны и малоэффективны². Объективно требовались более серьезные структурные преобразования.

Одним из важных шагов в этом направлении стало формирование в 46 губерниях европейской России нового института уездной полицейской стражи. В соответствии с законом от 5 мая 1903 г. стража создавалась «временно впредь до общего переустройства местного управления» и предназначалась «для охранения благополучия, общего спокойствия и порядка в местностях, подведомственных уездной полиции»³. Циркуляром МВД от 12 февраля 1906 г. уточнялось, что стража «есть прежде всего сила в руках губернаторов и уездных исправников для подавления беспорядков и для прекращения разбоя в губерниях и уездах, не прибегая к содействию войск и не отрывая последних от прямых обязанностей»⁴.

Уездная полицейская стража состояла из урядников и стражников, комплектование которых, по закону от 5 мая 1903 г., должно было проводиться на основе обновленных цензов. Кандидатами на должности урядников и стражников могли быть российские подданные старше 25 лет⁵, обладавшие «здоровым телосложением, преимущественно из отставных и уволенных в запас нижних воинских чинов». Претенденты на должность урядника должны были уметь со-

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 100. — Д. 1. — Ч. 53. — Л. 9—11.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 3-е делопр. — 1901 г. — Оп. 168. — Д. 1. — Л. 15—17.

³ Об учреждении в 46-ти губерниях европейской России полицейской стражи : Высочайше учрежденное мнение Государственного совета от 5.05.1903 г. № 22906 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Собр. 3. — Т. XXIII. — Отд. I. — СПб., 1905. — № 22906. — С. 477; См. также : Невский С. А. Совершенствование организации и обучения уездной полицейской стражи в Российской Империи // Вестник ВИПК МВД России. — 2015. — № 2 (34). — С. 81—87.

⁴ Вестник юстиции. — 1910. — № 10. — С. 263.

⁵ В июне 1906 г. это было признано нецелесообразным, ибо за год ожидания после окончания службы в армии (обычно в 24 года) люди теряли приобретенные навыки, поэтому в стражу стали зачислять с 24 лет. См.: ГАВО. — Ф. И. 1. — Оп. 2. — Д. 305. — Л. 19 об.

ставлять протоколы, иметь «общее знакомство с полицейской службой и с обязанностями полиции по преследованию преступлений», стражника — читать, писать, иметь «общее достаточное развитие»¹.

Высшее заведование уездной полицейской стражей поручалось министру внутренних дел, в губерниях она была подчинена губернаторам, в уездах — исправникам, в станах — станovým приставам. Урядники, как старшие по званию, командовали стражниками. Упразднялись прежние должности полицейских урядников и сотских. Десятские же отныне исполняли полицейские обязанности практически исключительно в местах своего постоянного пребывания.

Организационно уездная полицейская стража делилась на пешую и конную (изначально не менее 25% общего состава). Предусматривалось распределение одной части стражников по населенным пунктам, вторая же часть, составляя единые конные команды, должна была находиться на казарменном положении².

Предусматривалось поэтапное введение новых полицейских структур: в 1903—1904 гг. в 15 губерниях, в том числе и в Воронежской, в течение 1905—1908 гг. в остальных местностях. Изначально в каждой волости должен был состоять один урядник уездной полицейской стражи. Необходимое число стражников рассчитывалось, исходя из пропорции: один стражник на каждые 2 500 человек населения)³. Согласно этим нормам, в Воронежской губернии, население которой в 1903 г. насчитывало 3,1 млн человек, должны были нести службу 241 урядник и 1240 стражников. Реально же в 1903 г. в штатах губернии было 949 стражников⁴, но со временем их число росло, наблюдалось и увеличение конного сегмента уездной полицейской стражи за счет пешего. Пересмотр штатов проводился воронежскими властями согласно распоряжению МВД, позволявшему при необходимости пойти на такой шаг, но с условием недопущения превышений установленного финансирования (табл. 3).

¹ ПСЗРИ. — Собр. 3-е. — Т. XXIII. — № 22906. — С. 478.

² Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900—1917 гг.). — Рязань : Узорчье, 2001. — С. 116.

³ ПСЗРИ. — Собр. 3-е. — Т. XXIII. — № 22906. — С. 477.

⁴ Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. / [под ред. Д. Г. Тюменева]. — Воронеж, 1905; ГАВО. — Ф. И-6. — Оп. 2. — Д. 92. — Л. 18.

Численность уездной полицейской стражи в Воронежской губернии
в 1906—1908 гг.¹

Уезд	Урядников		Стражников			
	1906 г.	1908 г.	Конных		Пеших	
			1906 г.	1908 г.	1906 г.	1908 г.
Бирючен-ский	23	23	40 (39)	70	94 (83)	40
Бобровский	23	25	45 (44)	85	110 (108)	50
Богучарский	29	32	50 (49)	100	131 (123)	41
Валуйский	17	17	40 (31)	60	67	30
Воронеж-ский	20	20	40	80	79	50
Задонский	12	12	35	46	38	20
Землянский	18	18	40	64	75 (66)	36
Коротояк-ский	14	14	35 (32)	53	53	20
Нижнеде-вицкий	15	15	34	52	58 (56)	30
Новохопер-ский	16	18	35	80	68	10
Острогож-ский	27	27	45 (42)	82	107 (99)	60
Павловский	18	20	35	60	69	30
Всего	232	232	474 (456)	832	949 (909)	417

Функционирование нового института уездной полиции столкнулось с целым комплексом серьезных проблем, во многом унаследованных от прежних правоохранительных структур. Одной из них стало все более очевидное несоответствие уровня профессиональной

¹ По штату. В скобках — фактическая численность на апрель 1906 г. ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 303. — Л. 4—4 об.; Д. 304. — Л. 75; Перегудов А. В., Страхов Л. В. Уездная полицейская стража Воронежской губернии, формирование и взаимодействие с жандармским управлением // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 1. — С. 7—23; Страхов Л. В. Формирование уездной полицейской стражи в Центральной России (на примере Воронежской губернии, 1903—1906) // Вестник полиции. — 2016. — № 2 (8). — С. 48—54.

подготовки кадрового состава возложенным на стражу задачам. Причин этому было немало, начиная от общего низкого образовательного уровня населения России тех лет и весьма невысокой оплаты труда чинов стражи и заканчивая неразвитостью системы профессиональной подготовки нижних полицейских чинов.

Последнее все более отчетливо осознавалось весомым числом должностных лиц. Так, воронежский губернатор С. И. Голиков отмечал: «Всесторонняя подготовка лиц, определяемых на должности урядников, вызываемая вообще интересами службы, в особенности необходима в делах государственного порядка и общественного спокойствия, в которых урядник нередко действует самостоятельно и, следовательно, должен быть вполне ознакомленным с существующими законоположениями; точно так же и старший стражник в отряде, неся ответственную обязанность по обучению стражников, поддержанию дисциплины и командованию отрядом за отсутствием офицера стражи во время беспорядков, должен хорошо знать свои обязанности»¹. Он признавал «абсолютно необходимым, чтобы должности полицейских урядников, как ближайших исполнителей распоряжений станowych приставов по многосложным их обязанностям, а в особенности в делах государственного порядка и общественного спокойствия, замещались исключительно лицами, хорошо ознакомленными с обязанностями полицейской службы, и . . . чтобы полицейские стражники также были обучены не только строевой, но и полицейской службе наравне с урядниками»².

Безусловно, осознавалось это и на уровне Министерства внутренних дел. В циркуляре от 7 декабря 1905 г. № 6091 указывалось на необходимость «изыскать ныне же меры к тому, чтобы означенная вооруженная сила действительно в скорейшем же времени приобрела присущий ей характер и чтобы возможность ее употребления в деле обставлена была необходимыми для того условиями»³.

Работавшее в 1905—1906 г. Особое совещание по пересмотру «всей совокупности исключительных законоположений, установленных для охраны государственного порядка» под председательством члена Государственного совета графа А. А. Игнатъева отметило, что для

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34 — Л. 434 об.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 430.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 63. — Д. 32. — Ч. 2. — Л. 16—16 об.

поднятия общего служебного уровня полиции необходимо устранить низкую материальную обеспеченность и обремененность чинов полиции обязанностями, не относящимися к охране в государстве «порядка и общественного спокойствия»; повысить образовательный ценз и численность полиции; устранить обособленность отдельных учреждений полиции; систематизировать существующее законодательство о полиции, ликвидировав в нем пробелы¹.

Межведомственная Комиссия по преобразованию полиции в империи под председательством сенатора А. А. Макарова также исходила из того, в полиции могло служить лишь лицо, обладавшее определенным уровнем общего образования и проявлявшее «предшествующим прохождением службы необходимый служебный навык и требуемые специальные познания»².

Одним из первых важных шагов в данном направлении стало предписанное тем же циркуляром № 6091 требование «вверить инспекторскую часть стражи, обучение ее действию оружием, верховой езде и т.п. чинам Отдельного Корпуса Жандармов, с тем чтобы чины эти являлись бы и непосредственными начальниками стражи в тех случаях, когда последняя призвана будет к действию по усмирению беспорядков и народных волнений»³. Для повышения эффективности формирования строевых и военно-прикладных навыков в соответствии с утвержденным императором мнением Государственного совета с 1906 г. заведение строевой частью уездной полицейской стражи было передано начальникам губернских жандармских управлений (ГЖУ), которые приобретали статус губернских инспекторов полицейской стражи.

«Уездная полицейская стража, — говорилось в Циркуляре МВД от 12 февраля 1906 г., — есть прежде всего сила в руках губернаторов и уездных исправников для подавления беспорядков и для прекращения

¹ См.: Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений // Журнал Высочайше учрежденного Особого Совета по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. — СПб., 1906. — 53 с.; РГИА. — Ф. 1239. — 2-е делопр. — Оп. 1. — Д. 1 — Л. 18, 618—623; Раскин Д. И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. Т. 1. — СПб., 1998. — 302 с.

² Обзор работ межведомственной Комиссии под председательством сенатора А. А. Макарова по преобразованию полиции в империи. — СПб., 1911. — С. 18—19.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 63. — Д. 32. — Ч. 2. — Л. 17.

разбоя в губерниях и уездах, не прибегая к содействию войск и не отрывая последних от прямых обязанностей»¹. 13 февраля 1906 г. была утверждена «Временная инструкция по заведованию строевою частью уездной полицейской стражи», в которой содержались «главные основания по военному управлению стражи и содержанию ее в постоянной готовности для водворения нарушенного порядка и предупреждения насилия над личностью и имуществом обывателей»².

Подготовка уездных полицейских стражников на местах начала осуществляться с момента издания Циркуляра МВД от 16 февраля 1909 г. В Воронежской губернии строевое обучение уездной полицейской стражи было начато приказом по губернскому жандармскому управлению от 27 июня 1906 г. № 91. В соответствии с ним в каждый уезд для подготовки, преимущественно раздельной, конной и пешей стражи назначались помощники инспектора стражи (начальника Воронежского жандармского управления) и офицеры полицейской стражи³, обязанные специальными рапортами периодически отчитываться о ходе обучения стражников⁴. Впоследствии подобные приказы регулярно обновлялись⁵, но к 1909—1910 гг. постепенно стабилизировался состав лиц, ответственных за «строевое обучение стражников»: подполковник Арцыбашев, ротмистры Егунов, Панфилов, Кравцов, Рагозин, Гоголев, штабс-ротмистр Левандовский, поручики Ермоленко и Ушаков, корнет Белевцов. Один из последних известных нам «комплексных» приказов о назначении ответственных на подготовку уездных стражников по месту службы увидел свет 24 ноября 1911 г. Согласно приказу обучение конной и пешей полицейской стражи в Бирючинском и Валуйском уездах передавалось «заведующему учебной командой» Левандовскому, произведенному в декабре 1909 г. в ротмистры⁶. В дальнейшем в приказах по Воронежскому жандармскому управлению о строевом обучении стражников на местах не упоминается вообще.

¹ См.: Вестник полиции. — 1910. — № 10. — С. 263.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 20.

³ ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 21. — Д. 104. — Л. 56 об.

⁴ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 343.

⁵ ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 21. — Д. 105. — Л. 3 об. — 4, 34 об., 85; Д. 107. — Л. 17 об.

⁶ ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 21. — Д. 107. — Л. 72 об.; Д. 109. — Л. 93.

Как правило, воронежский опыт обучения уездной полицейской стражи на местах признавался успешным. Так, в конце 1909 г. в ходе инспектирования полицейской стражи Воронежской губернии генерал-майор Сергей Сергеевич Навроцкий, состоявший для поручений при шефе жандармов, отметил, что «представленные ему отряды... по строевой подготовке... оказались в отличном состоянии и блестящем порядке»¹.

Циркуляром МВД от 12 февраля 1906 г. № 1144 не отменялось подчинение уездной полицейской стражи исправникам, сохранявшим «по отношению к стражникам все предоставленные им действующим положением о страже права»². Полицейские исправники были обязаны заботиться об устройстве помещений для стражников и конюшен, «о всех подробностях обстановки, среди которой живут стражники», распределять служебные занятия и наблюдать за обмундированием и конским снаряжением стражи»³. Согласование полномочий осуществлялось «на местах». На общеимперском уровне постановлением комиссии, учрежденной по делам полицейской стражи (май — июнь 1906 г.), была предусмотрена «необходимость формирования в губернском городе особого резерва стражи, в котором каждый поступающий в стражу проходил бы определенную курс, по успешном его окончании назначался бы в отдельную команду»⁴.

Вместе с тем организация обучения чинов полицейской стражи на общеимперском уровне столкнулась с целым рядом серьезных препятствий⁵.

Во-первых, ситуацию усугубляло общее недофинансирование российской полиции, самой малооплачиваемой в Европе. Как отмечали современники, «ни один полицейский чин не обеспечен материально в достаточной степени: жалованье, которое полицейские чиновники... получают, решительно недостаточно для семейного человека, а потому за-

¹ ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 21. — Д. 107. — Л. 74 об.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 63. — Д. 32. — Ч. 2. — Л. 21 об.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 433.

⁵ См.: Ахмедов Ч. Н. Исторический опыт профессиональной подготовки полицейских урядников в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 4 (60). — С. 23—30.

бота о необходимом в значительной мере отымает энергию у полицейских в их работе»¹. Должностные оклады в полиции, даже после увеличения в 1906 г., оставались относительно низкими. Годовое содержание полицейского служителя составляло 216 рублей, городского — 300, околоточного надзирателя — 600, станowego (городского) пристава — 800, полицеймейстера — 1700 рублей, причем обмундирование и вооружение приобреталось за счет содержания. Высший годовой оклад урядника составлял 480 руб. (из которых 100 руб. квартирные), низший — 310 руб. (60 руб. квартирных). Оклады стражников достигали соответственно 240 и 200 руб. (в т.ч. 60 руб. квартирных). Количество высших окладов не должно было превышать 10% от общего числа, но министр внутренних дел мог назначить до 30% добавочного содержания².

Такое материальное обеспечение было недостаточным и для самой России: содержание нижних полицейских чинов иногда было даже меньше заработка среднего рабочего. Плотность полиции в столицах империи была приблизительно одинаковой с такой в других крупнейших городах Европы, но расходы на одного полицейского к 1913—1915 гг. были в Петрограде в 2,4 раза, а в Москве в 5 раз ниже таковых в европейских столицах. Это снижало качество кадров полиции. Зачастую для укомплектования штатов принимались на службу лица, которые по своим «умственным и нравственным достоинствам» явно не соответствовали критериям службы в полиции. Наиболее способные полицейские, особенно нижних чинов, наоборот, стремились уйти со службы при первой же возможности³. Даже сама идея введения образовательного ценза для поступления на службу в полицию долгое время отвергалась из-за несопоставимости оплаты труда и запросов лиц с соответствующим уровнем образования⁴.

¹ Френкель А. С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском Юридическом Обществе 10 января 1898 г). — Тифлис, 1898. — С. 44.

² См. Краткая объяснительная записка к заключению Междуведомственной Комиссии под председательством А. А. Макарова по преобразованию полиции в Империи. — СПб., 1911. — С. 67—69; ПСЗРИ. — Собр. 3-е. — Т. XXIII. — № 22906.

³ Арнольд фон Р. А., Кайсаров В. Д. Соображения о реформе полиции в Российском государстве. — Харбин, 1919. — С. 125.

⁴ Коновалов И. А. Кадровое обеспечение и служебная подготовка сотрудников полиции в Сибири в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия : Право. — 2015. — № 1 (42). — С. 34.

Во-вторых, Министерство внутренних дел, как верно подметил Е. Д. Проценко, издавна стремилось получать образованных чиновников из других министерств и ведомств¹: к концу XIX в. из шести высших учебных заведений, подведомственных МВД, ни одно не занималось подготовкой кадров для полицейских органов. Законодательство империи не предусматривало устройства полицейских школ, отсутствовала сколько-нибудь существенная нормативная база, регламентировавшая этот процесс, в том числе и с учебно-методической стороны.

В-третьих, в государственном бюджете не имелось статьи расходов на содержание полицейских учебных заведений. Если образование каждого философа обходилось государству до 35 тыс. руб., медика — свыше 25 тыс., юриста — до 20 тыс., армейского офицера — 10 тыс. руб., то на подготовку полицейских, «охранявших первейшую необходимость всякого общежития», централизованно не тратилось ни копейки. Министерство финансов долго не проявляло настойчивости, предполагая, что увеличение расходов на образование полицейских приведет к повышению затрат для других категорий государственных служащих². Соответственно, и Министерство внутренних дел не предусматривало централизованного выделения средств для организации специальной подготовки чинов полиции. Согласно разъяснению Департамента полиции воронежскому губернатору, еще в циркуляре МВД от 28 июля 1887 г. № 3153, касавшемся «уряднических школ», разъяснялось, что учреждение таких школ не вызывает затрат из казны. «Если же учреждение школы сопряжено со значительными расходами, то открытие оной может последовать лишь по испрошению разрешений Министра Внутренних Дел на производство потребных на этот предмет расходов³».

Следует указать и на еще один организационный фактор, обрисованный в мемуарах Н. П. Харламова, бывшего как вице-директором Департамента полиции, так и членом совета министра внутренних дел: «Петербургские чиновники, опасаясь взять на себя ответственность, и не знакомые, конечно, достаточно с местными условиями, предпочи-

¹ Проценко Е. Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России : историко-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998. — С. 39.

² Лысенко В. В. Правонарушения в сфере общественной нравственности и полиция России (История и современность). — СПб., 1997. — С. 139.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17 — Ч. 34/9. — Л. 432, 432 об.

тают перекладывать ответственность на провинциальные власти, отдавая им распоряжения, весь смысл которых, в сущности, сводится к одному, чтобы все обстояло благополучно»¹.

Учитывая вышеизложенное, можно понять, почему развертывание образовательных структур, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников уездной полицейской стражи, как и в случае с урядническими школами, начало осуществляться достаточно спонтанно, с опорой на инициативу, проявляемую непосредственно губернаторами. При этом иногда Департамент полиции играл роль своеобразного «тормозящего фактора». В частности, в Самарской губернии вопрос об организации школы для урядников долго не получал разрешения благодаря тому, что «Департамент полиции просил воздержаться до присылки инструкции, выработка которой, однако, видимо сильно задерживается»².

Даже по мере того, как МВД начало активнее поддерживать инновации начальников губерний, выделение им дополнительных финансовых ресурсов на нужды школ из сметы по содержанию местных стражей порядка было минимальным — от 150 руб. до 4,5 тыс. руб. в год. Эти средства шли на широкий спектр нужд школ: на наем помещений, их отопление и освещение; на приобретение необходимых принадлежностей, учебных пособий; на обеспечение продовольствием слушателей; на вознаграждение преподавателям из числа полицейских. Естественно, что выделяемых денег хватало только на оплату найма помещений с отоплением и освещением, а без финансовой поддержки губерний школы работать не могли³. Но большего Министерство внутренних дел, само испытывавшее финансовые проблемы, позволить себе не могло.

Формирование образовательных организаций для чинов уездной полицейской стражи в регионах Российской империи шло в двух основных направлениях: либо посредством набора нового контингента в уже функционировавшие к тому времени уряднические школы (Пермская, Уфимская, Петрозаводская и др.) либо через открытие новых школ, как

¹ Харламов Н. П. [Записки бюрократа]. Смерть и погребение Льва Толстого // РГБ. — Отдел рукописей. — Ф. 261. — К. 20. — Д. 3. — Л. 21.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 2.

³ Лысенко В. В. Полиция дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998. — С. 182.

это было, в частности, в Воронеже, Казани, Курске, Пензе, Саратове, Тамбове и т.д.

Вопрос о количестве образовательных структур, обеспечивавших профессиональное обучение чинов уездной полицейской стражи в России в 1910-е годы, долго был дискуссионным. Исследователями приводились достаточно противоречивые цифры. Часто упоминают число 14, которое разные авторы относят как к 1911¹, так и к 1917 г.² Самый оптимистичный вариант приведен в письме Департамента полиции в штаб Отдельного Корпуса жандармов от 8 февраля 1911 г. Оно содержало отказ адъютанту Бакинского ГЖУ штабс-ротмистру И. К. Безсонову в размещении в журнале «Вестник полиции» заметки об отсутствии школ для нижних чинов полиции в связи с тем, что «основная мысль заметки не соответствует действительности», потому что на самом деле «ныне редкая губерния Европейской России не имеет школы для подготовки нижних чинов, причем обыкновенно школы субсидируются Министерством внутренних дел...»³.

Вместе с тем, опираясь на архивные документы, в частности, на циркуляр МВД от 14 декабря 1911 г. № 20808, можно точно утверждать, что к декабрю 1911 г. подобные школы для подготовки урядников и иных чинов уездной полицейской стражи действовали в 18 губерниях Российской империи: Архангельской, Бессарабской, Владимирской, Волынской, Воронежской, Гродненской, Киевской, Костромской, Курляндской, Новгородской, Пермской, Подольской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Ставропольской и Уфимской⁴. Позже их число начало стремительно расти. Как видно из данного списка, не была исключением и Воронежская губерния.

В федеральных и региональных архивах накоплен достаточно объемный массив документального материала, касающегося Воронежской учебной команды-школы уездной полицейской стражи (УКШ УПС), однако вплоть до настоящего времени он изучался лишь в рамках иных

¹ Климачков В. М., Шатилов С. П. Становление и развитие юридического образования в России. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. — С. 87.

² См.: Токарева С. Н. Профессиональная подготовка служащих полиции начала XX столетия (по материалам Центрального Черноземья России) // История государства и права. — 2012. — № 24. — С. 35—38.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 23. — Л. 4.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 70.

научных проблематик, а потому достаточно поверхностно и фрагментарно. Это объективно повлияло на адекватность результатов и дало основания для возникновения разного рода неточных формулировок и дискуссионных моментов.

В первом параграфе мы уже упоминали, что многими исследователями не фиксировались различия между ранее действовавшей уряднической школой при Воронежском губернском правлении и УКШ УПС, выпускники которой также могли получать должности урядников уездной полицейской стражи. Это приводило к объединению обеих образовательных структур в некое «виртуальное целое» — «Воронежскую школу урядников» и длительному отсутствию в публикациях, касавшихся периода после 1909 г., упоминания аутентичного названия образовательной организации, действовавшей в те годы в г. Воронеже¹.

Не было единства и в фиксации точной даты открытия Воронежской команды-школы уездной полицейской стражи. В разных публикациях встречались упоминания как о 1909², так и о 1910 г.³ При этом в качестве основного источника, с опорой на данные которого аргументировалась первая точка зрения, чаще всего назывался «Отчёт об осмотре уездной полицейской стражи Воронежской губернии», проведенный под руководством генерала для поручений при министре внутренних дел генерал-майора С. С. Навроцкого⁴.

Вместе с тем в архивах наличествуют документы, непосредственно касающиеся открытия Воронежской команды-школы.

В частности, речь идет о копии циркуляра воронежского губернатора местным исправникам от 16 октября 1909 г. № 4469. В тексте циркуляра содержится фраза: «Признав необходимым учредить в г. Воронеже учебную команду для подготовки чинов полицейской стражи к за-

¹ Байкеева С. Е. Правовое регулирование подготовки кадров в специализированных учебных заведениях МВД царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. — № 3. — С. 38; Лысенко В. В. Полиция дореволюционной России. — С. 185.

² Страхов Л. В. Личный состав Воронежской уездной полицейской стражи в 1903—1912 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.main.vsu.ru/~cdh/Articles/10-04b.htm>

³ История полиции Воронежской области [Электронный ресурс]. — URL: <https://36.мвд.рф/gumvd/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F> —

⁴ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 304. — Л. 266.

нятию должностей старших стражников и урядников... с 20 октября... стражники могут прибывать в Воронеж»¹. Кроме того, точные данные о дате открытия фиксированы в хранящемся в ГАРФ Отношении (рапорте) воронежского губернатора в МВД от 20 июня 1910 г. № 2729: «Я распорядился с 20 октября 1909 г. открыть в Воронеже учебную команду-школу»². Таким образом, мы имеем право утверждать, что 20 октября 1909 г. и является днем открытия Воронежской команды-школы уездной полицейской стражи, занятия в ней начались, как будет показано ниже, с 1 ноября.

Определение губернатором 20 октября как даты открытия было связано с завершением начальной подготовки помещения для школы. Таковым стало арендованное у полковника В. В. Томилина за 3000 руб. в год отдельно стоящее здание с пристройками, располагавшееся по ул. Кольцовской, д. 50, то есть в то время на окраине города. Там постепенно были оборудованы «столовая, две спальни, учебная комната, цейхауз и комната для старшего». Плата, равно как и другие расходы по оборудованию помещения, была «отнесена на кредит квартирного довольствия стражников, находящихся в команде-школе»³.

Изначально помещение было оценено губернатором как «весьма удобное, с прекрасно оборудованными конюшнями и манежем... с отоплением и водою»⁴. Но последующие ревизии выявили немало проблем, связанных с поспешной перестройкой здания под конкретные нужды команды-школы. В частности, на основании предписания губернатора от 13 января 1911 г. № 212 была создана специальная комиссия по осмотру помещения, возглавленная начальником Воронежского губернского жандармского управления и состоявшая из губернских врачебного инспектора и инженера⁵. В копии акта комиссии по итогам осмотра 19 января 1911 г. было указано, что, хотя «по объему воздуха, ... в отношении освещения помещение удовлетворительное и ввиду его опрятного содержания вообще производит хорошее впечатление, однако его существенным недостатком является значительная сырость».

¹ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 75. — Л. 13.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 430.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Комиссия работала в присутствии В. В. Томилина. Очевидно, это было связано с попытками выкупить здание у его владельца.

Комиссия определила главную причину сырости и дала рекомендации по исправлению ситуации¹.

«Заведующим» командой-школой был назначен штабс-ротмистр Василий Михайлович Левандовский, ветеран русско-японской войны, награжденный тремя орденами, характеризовавшийся руководством как офицер аккуратный, усердный, исполнительный². Службу в уездной полицейской страже Воронежской губернии он начал с 18 октября 1906 г., получив за это время практический опыт не только обучения чинов стражи воинским навыкам, но и непосредственного участия в силовых подавлениях беспорядков, в частности в разгоне с применением оружия крестьянских волнений 8—9 ноября 1906 г. в дер. Кочегуры Нижнедевицкого уезда³. Согласно приказа от 10 октября 1909 г. № 154 по Воронежскому жандармскому управлению «офицер полицейской стражи штабс-ротмистр Левандовский командировался в гор. Воронеж для заведования учебной командой полицейской стражи Воронежской губернии с оставлением заведующим строевым обучением стражи в Бобровском и Новохоперском уездах»⁴.

В. М. Левандовский сыграл важную роль в деле организации учебы и службы в школе-команде. Вот как он определил основные направления собственной деятельности на этапе становления Воронежской команды-школы в рапорте губернскому инспектору полицейской стражи полковнику Тархову (январь 1911 г.): «а) установил правильное ведение занятий в команде, аккуратную чистку и уборку помещений и лошадей; б) устранил ... выходы в наряд в город в рваном и грязном виде, что, ввиду плохого обмундирования Стражи, с каждым днем делается все труднее; в) устранил бывшее до сих пор почти повальное пьянство, вечное сборище в казармах пьяного и подозрительного постороннего люда; г) бывший во дворе систематический грабеж хозяйственного имущества при постройке казарм... ввиду установленного строгого наблюдения мною вывелся...; д) учредил правильный внутренний наряд дежурств и дневальств с ответственностью находящихся в наряде

¹ Несвоевременность постройки, так как «часть этого помещения переделана из конюшен, а часть вновь построена, причем кладка кирпичных стен окончена лишь прошлой осенью и отделка происходила уже в начале зимы», что приводило к испарению влаги из штукатурки. ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 100. — Л. 36.

² ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 1054. — Л. 6.

³ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 314. — Л. 120, 121.

⁴ ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 21. — Д. 107. — Л. 58.

за все нарушения против порядка; е) установил правильный досмотр за казенным оружием, снаряжением и имуществом; ж) установил правильный порядок посещения в казарме стражников их родными и знакомыми в свободное от службы время»¹.

Очень ответственно подходил В. М. Левандовский и к проведению индивидуальных испытаний стражников, направлявшихся исправниками из уездов перед назначением их на новые должности. Так, по итогам испытания младшего стражника 1-го Воронежского конного отряда М. Лутченкова 15 июля 1910 г. им было вынесено предложение «старшим в отряды не назначать по несоответствию его для таковой должности»². В свою очередь, проверив 19 июля 1910 г. навыки младшего пешего стражника Ф. Щербинина, планировавшегося к переводу в конную стражу, он резюмировал: «Страж. Щербинин имеет очень слабые представления о верховой езде, но ввиду проявленной им смелости, полагаю, что через месяц научится ездить. К обучению будет приступлено с 20 июля»³.

Сложность характера В. М. Левандовского и его стремление к единоначалию в условиях двойного подчинения стражи порождали конфликты с исправниками. Свидетельством таковых стали многочисленные рапорты, лейтмотивом которых звучала однажды высказанная В. М. Левандовским мысль: «Я и исправник совсем различно понимаем дисциплину и порядок управления стражей»⁴. Но именно позиция Левандовского достаточно часто получала поддержку руководства. Он сохранял пост заведующего командой-школой большую часть времени ее существования: с октября 1909 г. до перевода на должность воронежского полицмейстера в марте 1914 г. С апреля по октябрь 1914 г. командой-школой руководил офицер полицейской стражи поручик Л. А. Белевцов, направленный затем в г. Львов в распоряжение местного генерал-губернатора для занятия должности помощника уездного начальника в прифронтовой зоне⁵. В 1916 г. он уже в чине штабс-ротмистра вернулся на должность заведующего ко-

¹ ГАВО. — Ф. И-1 — Оп. 3. — Д. 759. — Л. 6—6 об.

² ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 77. — Л. 122.

³ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 77. — Л. 187.

⁴ ГАВО. — Ф. И-1 — Оп. 3. — Д. 759. — Л. 6—6 об.

⁵ ГАВО. — Ф. И-1 — Оп. 3. — Д. 241. — Л. 30 об. — 31.

мандой-школой, став, по всей видимости, ее последним руководителем¹. Непродолжительное время на рубеже 1914—1915 гг. образовательную структуру возглавлял поручик Н. И. Васильев², а в 1915 г. — офицер полицейской стражи по Воронежскому уезду, заведующий швальней по обмундированию стражи ротмистр И. Я. Хазбиевич³.

Организацию и основные параметры деятельности нового учебного заведения закрепило «Положение об учебной команде-школе полицейской стражи». Проект Положения был подготовлен лично С. И. Голиковым и 31 августа 1911 г. представлен на утверждение в МВД. Обоснование проекта было таким: «находя, что двухгодичное существование учебной команды-школы вполне определило программу преподаваемых в ней предметов, и признавая необходимым придать учебной команде-школе большую устойчивость, а также установить права и обязанности заведующего ею офицера полицейской стражи...»⁴. Проект вызвал минимум замечаний и 5 октября 1911 г. был утвержден товарищем министра внутренних дел генерал-лейтенантом П. Г. Курловым⁵.

Положение, состоявшее из 14 параграфов, фиксировало права и обязанности постоянного состава, категории обучающихся, порядок их направления на обучение, сроки и правила нахождения в школе, перечень изучаемых учебных дисциплин и т.д. Так, в частности, указывалось, что учрежденная в гор. Воронеже учебная команда-школа полицейской стражи «подготавливает урядников и старших стражников уездной полицейской стражи». Хозяйственные и канцелярские расходы, а также оборудование помещения (за исключением платы за него) осуществлялись «из остатков от содержания полицейской стражи по губернии»⁶.

¹ Адрес-календарь Воронежской губернии на 1917 год. Издание Воронежского Губернского статистического комитета. — Воронеж : Типо-литография Губернского правления, 1917. — С. 6—7; ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 1. — Д. 1298. — Л. 29.

² Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г. Отдел IV. Адрес-календарь. — Воронеж : Типо-литография Губернского правления, 1915. — С. 7.

³ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. — Отдел IV. — Адрес-календарь. — Воронеж : Типо-литография Губернского правления, 1916. — С. 6.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102 — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 448.

⁵ Там же. — Л. 452—452 об.

⁶ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 100. — Л. 103—103 об.

Контролировал деятельность команды-школы губернатор «через Вице-Губернатора по общеобразовательной части и Губернского инспектора полицейской стражи по строевой части»¹.

Серьёзное внимание было уделено кадровому обеспечению образовательного процесса. В постоянном штате состояли: 1) заведующий школой офицер полицейской стражи, который назначался губернатором, получал от него «указания в хозяйственном и административном отношениях», пользовался применительно к зачисленным в школу стражников служебными правами ротного и эскадронного командиров и присвоенной им дисциплинарной властью (с уведомлением о взысканиях соответствующих исправников); 2) старший учебной команды-школы, назначавшийся губернатором по представлению заведующего с дополнительным, против оклада младшего конного стражника, жалованьем 100 рублей в год, и 3) трубач по назначению заведующего УКШ УПС.

Для проведения занятий привлекались как офицеры губернского жандармского управления и полицейские чины, так и чиновники различных губернских учреждений. При подборе кандидатур преподавателей приоритетом пользовались те, кто имел практический опыт работы и мог максимально эффективно преподавать закреплённые дисциплины применительно к специфике полицейской службы. Так, полицейские обязанности преподавал помощник воронежского уездного исправника К. К. Гепнер, сыскное дело — начальник сыскного отделения П. Д. Шубинский; законоведение — товарищ прокурора окружного суда С. Н. Комаров, медицину — городской врач И. М. Шаттенштейн, ветеринарию — ветеринарный врач Ф. М. Трояновский; пожарное дело — брандмейстер А. И. Дареунов, Закон Божий — священник церкви при губернской тюрьме отец Н. Немчинов и др.²

Иллюстрацией серьёзности подходов к подбору кадров может быть следующий факт: в сентябре 1912 г. губернатор, «признав необходимым преподавание стражникам Воронежской учебной команды-школы русского языка», лично пригласил для этого «сверхштатного старшего чиновника особых поручений при г. Губернаторе губернского секретаря Вонсяцкого». При этом, очевидно, с учетом оценки уровня

¹ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 100. — Л. 103—103 об.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 430 об.; ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 1298. — Л. 22.

компетентности предложенной кандидатуры, было указано, что преподавание стражникам русского языка будет вестись «по программе, на которой остановится преподаватель»¹.

Существенной проблемой оказалась оплата преподавательского труда. Учитывая отмеченное выше устойчивое стремление руководства МВД минимизировать расходы на полицейские школы, по общему правилу преподаватели в таких образовательных организациях начинали работу на безвозмездной основе. Так, в частности, безвозмездным был труд преподавателей во Владимирской школе по подготовке урядников, в Ставропольской подготовительной школе для урядников и полицейских служащих городской полиции² и т.д.

Это часто вызывало недовольство привлекаемых к преподаванию лиц и в ряде случаев становилось поводом для конфликтов. Так, в письме волынского губернатора в Департамент полиции от 20 сентября 1913 г. извещалось об отказе начальника губернского жандармского управления выделить одного из подчиненных офицеров для проведения занятий в школе урядников полицейской стражи по учебному курсу «Краткие сведения по Государственным преступлениям и политическому розыску»³. Среди оснований для отказа, наряду с большой загруженностью офицеров службой, упоминалось и о безвозмездности занятий со стражниками. Но в приказе по Отдельному корпусу жандармов от 26 октября 1913 г. № 314 подобный отказ не был признан «ни уважительным, ни основательным». Шефом жандармов было указано, что «занятия этого рода со стражниками входят в задачи офицеров Корпуса Жандармов, как органов, на которых возложены обязанности по инспектированию стражи»⁴, за что им уже была с 1906 г. начислена надбавка к окладу⁵, и дополнительно уточнено: «Занятия в школах полицейской стражи по другим предметам производятся должностными лицами других ведомств совершенно бесплатно»⁶.

К чести воронежского губернатора С. И. Голикова, он неуклонно стремился сделать преподавательский труд в команде-школе привлека-

¹ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 939. — Л. 47.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 48. — Д. 325. — Л. 21, 21 об., 28.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 82.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 84 об.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 63. — Д. 32. — Ч. 2. — Л. 23—24.

⁶ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 84, 84 об.

тельным и с финансовой стороны. В архивах сохранилось, как минимум, 3 его Отношения министру внутренних дел с просьбой разрешить оплачивать работу преподавателей, не являющихся офицерами полиции (в т.ч. жандармерии).

В частности, в Отношении от 20 июня 1910 г. № 2729 С. И. Голиков писал: «преподаватели в школе исполняют эти обязанности независимо от своих служебных дел и, при том, посещая школу, находящуюся на окраине города, несут материальный расход на разъезды». Губернатор испросил разрешения «выдавать им, хотя одновременно, некоторое вознаграждение; преподавателю же русского языка подлежит производить определенное содержание по числу уроков, но не более 25 рублей в месяц» Средства для осуществления оплаты предлагалось изыскать, производя «на означенный предмет расходы в размере до 1000 рублей из остатков от кредита на содержание полицейской стражи»¹.

Однако инициативы губернатора далеко не сразу встретили понимание в МВД. Первоначально, в Отношении воронежскому губернатору от 5 августа 1910 г. № 19828 П. Г. Курлов дал разрешение «назначить чинам полиции за преподавание в школе вознаграждения не свыше 150 руб. каждому с отнесением потребного на этот предмет расхода на сбережения в кредит на содержание полицейских стражников». Прочим же преподавателям «за труды их по школе может быть выражена через начальство благодарность, так как означенный выше кредит не может быть расходуем на вознаграждение лиц, не имеющих прямого отношения к стражникам»². Практически аналогичный ответ был получен и на второе Отношение С. И. Голикова — от 25 сентября 1910 г. № 4465³.

В 1913 г. воронежским губернатором была предпринята третья попытка добиться оплаты труда преподавателей, не относившихся к чинам полиции (а таковых уже насчитывалось пять). Отношением в МВД от 2 июля 1913 г. № 1992 он ходатайствовал о разрешении оплачивать труд данных преподавателей в сумме до 100 рублей в год⁴.

Судьба данного ходатайства оказалась более счастливой: Отношением от 28 июля 1913 г. № 1992, подписанным товарищем министра

¹ ГАРФ. — Ф. 102 — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 430 об. — 431.

² ГАРФ. — Ф. 102 — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 432 об.

³ ГАРФ. — Ф. 102 — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 432 об. — 434 об.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102 — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9 А. — Л. 11.

внутренних дел Свиты Его Величества генерал-майором В. Ф. Джунковским, такое разрешение было дано¹. Правда, это произошло после того, как на заседаниях Особого совещания по вопросам реформы полиции 12—13 февраля 1913 г. было зафиксировано принципиальное соображение о том, что для организации школ для чинов полицейской стражи реформой полиции должен быть предусмотрен «отпуск... особых средств из государственного казначейства». Помимо этого было указано на «необходимость изыскания источников, на которые могли бы быть отнесены издержки по вознаграждению педагогического персонала как существующих в некоторых губерниях школ, так и вновь открываемых»².

Учетом и еще один факт: выбор самого названия «учебная команда-школа уездной полицейской стражи» также во-многом был обусловлен финансовыми проблемами — при трудностях с финансированием собственно полицейских школ средства на учебные команды, преимущественно осуществлявшие военно-прикладную подготовку, получить было несколько проще. Именно на этом акцентировал внимание С. И. Голиков: «В случаях особой надобности команда-школа употребляется мною как резерв полицейской стражи для подавления беспорядков в губернии и, будучи прекрасно дисциплинирована и подготовлена к своим обязанностям, она представляет собою лучшую и надежную силу»³.

Наличие такой организованной и подготовленной полицейской команды было остро необходимо в непростых условиях тех лет, когда усилия одиночных и даже парных стражников не только оказывались малоэффективными, но могли закончиться и трагически. 25 февраля 1910 г. в селе Средний Карачан Новохоперского уезда местные урядник Барабанов и конный стражник Бубнов попытались арестовать и доставить в волостное правление М. Языкова, обвиненного в нанесении тяжких телесных повреждений. Однако отец М. Языкова, не сумев уговорить урядника отпустить задержанного, обратился к односельчанам с ложной информацией о том, что полицейские его сына убили. Разъяренная толпа буквально растерзала Барабанова и Бубнова. 27 февраля замученные по-

¹ ГАРФ. — Ф. 102 — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9 А. — Л. 12.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 70. — Д. 14. — Ч. 1. — Л. 60 об.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 433 об.

лицейские были похоронены с отдаением воинских почестей в присутствии специально прибывшего вице-губернатора графа Апраксина, начальника губернского жандармского управления полковника Тархова и отряда команды-школы. 12 сентября 1911 г. на могиле погибших при исполнении служебного долга полицейских был освящен мраморный памятник, созданный на народные средства¹.

Переменный состав команды-школы формировался по утвержденному губернатором распределению путем командирования исправниками из уездов: 1) двух отрядов конных стражников по 20 человек каждый с тем же числом лошадей, вооружением и снаряжением и 2) одного отряда в 20 человек пеших стражников с соответствующим вооружением². Наибольшее число обучавшихся достигало 70 человек, как минимум по одному стражнику из каждого уездного конного и пешего отрядов³. Размещались они на казарменной основе.

В случае отчисления стражников из команды-школы в течение первого от начала курса месяца, взамен выбывших, по распоряжению губернатора, вызывались другие из тех же уездов. Отчисление могло осуществляться как в связи с выявившейся «неспособностью к учебе», так и за дисциплинарные проступки. В частности, конный стражник Воронежского уезда Пахомов был отчислен уже в октябре 1909 г. за нахождение в казарме в нетрезвом виде и небрежное отношение к амуниции⁴, конный стражник Нижнедевицкого уезда П. Буханцев был отчислен в марте 1911 г. за «неотдание при входе в конку чести» адъютанту Воронежского губернского жандармского управления ротмистру Хорошилову, а также за то, что он «по натуре груб и нахален»⁵. Лица, отчисленные из команды-школы, как правило, увольнялись и из уездной полицейской стражи⁶.

Достаточно интенсивным был распорядок дня команды-школы. Курс обучения был рассчитан на 6 месяцев, что составляло максимальный по общероссийской статистике срок (диапазон, в зависимости от

¹ Вестник полиции. — 1911. — № 1. — С. 9—11.

² ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 100. — Л. 103—103 об.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 430.

⁴ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 75. — Л. 18.

⁵ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 100. — Л. 51, 51 об.

⁶ См., напр.: ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 100. — Л. 51—51 об.; Ф. И-1. — Д. 939. — Л. 60.

учебной программы и общеобразовательного уровня слушателей, колебался от 1,5 до 6 месяцев)¹.

Первый курс, начавший учебу с 1 ноября 1909 г., закончил обучение 1 мая 1910 г.² К 15 июля 1911 г. было выпущено три курса общим числом 185 человек³, а к 1914 — 7, более 350 человек соответственно⁴. В марте 1916 г., очевидно, начал учебу 12 курс⁵, данных по 13 курсу, который мог проходить обучение в сентябре 1916 — феврале 1917 г., пока не найдено.

Характерной чертой начального этапа функционирования школ уездной полицейской стражи стало отсутствие единых учебных планов и программ. Решение данного вопроса осуществлялось на местном уровне, с ориентацией на содержание дисциплин, преподаваемых в ранее созданных аналогичных образовательных структурах. Кроме того, как верно подметила С. Н. Токарева, содержание обучения кадров для стражи во многом «основывалось на программах подготовки военных, и поэтому некоторые аспекты (знание военного устава, верховая езда, владение оружием) с учетом специфики полицейской службы были заимствованы»⁶. Преподавательский состав разрабатывал собственные программы, часто представлявшие собой списки конкретных вопросов по изучаемой дисциплине, строившиеся с учетом уровня развития обучающихся. При этом, по точному замечанию Ч. Н. Ахмедова, большинство школ с каждым годом расширяли перечень изучаемых предметов. «Если на начальном этапе формирования руководители этих школ ограничивались только изучением инструкции, то в дальнейшем программы обучения были значительно расширены»⁷.

Следует учесть и роль профессионального полицейского журнала «Вестник полиции», который был не только важным средством формирования общественного мнения, касающегося работы полиции, но и

¹ Климачков В. М. Шатилов, С. П. Указ. соч. — С. 87—88.

² ГАРФ. — Ф. 102 — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 433 об.

³ ГАРФ. — Ф. 102 — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9. — Л. 448.

⁴ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 1015. — Л. 53—54.

⁵ ГАВО. — Ф. И.-1. — Оп. 1. — Д. 1298. — Л. 29.

⁶ Токарева С. Н. Профессиональная подготовка служащих полиции начала XX столетия (по материалам Центрального Черноземья России) // История государства и права. — 2012. — № 24. — С. 35—38.

⁷ Сборник инструкций, законоположений и распоряжений для нижних чинов полиции и полицейских урядников. — СПб., 1908; Ахмедов Ч. Н. Исторический опыт профессиональной подготовки полицейских урядников в Российской империи. — С. 23—30.

способствовал профессиональной подготовке полицейских. Редакция журнала писала: «Помогая... преимущественно низшим чинам приобретать полезные сведения, мы хотели бы им помочь выработать известные традиции, правила чести... Чтобы и среди полиции явилась своего рода честь мундира»¹. Большое место в журнале было предоставлено характеристике процесса полицейской учебы на специальных курсах и в школах, в том числе по итогам личного опыта². В журнале был специальный отдел, в котором печатались материалы о новейших методах профессиональной деятельности в России и за рубежом³. Развитию практических навыков полицейских помогали «уроки» борьбы и «занятия» по обучению захвату опасных преступников⁴. Отдельными выпусками в качестве бесплатного приложения издатели «Вестника полиции» публиковали «Сборник инструкций для урядников и нижних чинов полиции».

Положением о Воронежской команде-школе предусматривался курс обучения, заключавшийся «в прохождении строя и в изучении обязанностей полиции и общеобразовательных предметов»⁵.

«Строевое образование» проводилось под руководством заведующего школой и состояло: «а) в обучении конному строю, езде и выезде лошадей, б) пешему строю, в) владению оружием, стрельбе, фехтованию и рубке, г) вольтижировке и гимнастике и д) изучению уставов строевых гарнизонной и внутренней службы применительно к службе стражника»⁶.

Курс обязанностей полиции и общеобразовательных предметов заключался: «1) в преподавании а) полицейских обязанностей службы урядников и стражников, б) законоведения, в) сысского дела, г) русского языка и арифметики, д) элементарных сведений

¹ Вестник полиции. — 1907. — № 1. — С. 5.

² И. Краткий очерк истории Санкт-Петербургской полиции // Вестник полиции. — 1909. — № 37. — С. 785—786; К вопросу об устройстве полицейских школ и занятий с городскими и околоточными надзирателями // Там же. — 1910. — № 4. — С. 106—108; О школах для чинов полиции // Там же. — 1910. — № 24. — С. 585—588 и др.

³ В. Л. Новый облегченный универсальный фотографический аппарат А. Бертильона // Вестник полиции. — 1908. — № 12. — С. 16—17; Петров Р. Защитные панцири // Там же. — № 11. — С. 14—15; XX. Что такое дактилоскопия // Там же. — 1907 — № 1. — С. 16—19 и др.

⁴ Приемы полицейской самообороны // Вестник полиции. — 1908. — № 28. — С. 8—10; Капитан Д. Жиу-Житсу // Вестник полиции. — 1909. — № 27. — С. 572.

⁵ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 3. — Д. 100. — Л. 103—103 об.

⁶ Там же.

по медицине и е) таких же сведений по ветеринарии и 2) в ознакомлении с пожарными машинами и приемами тушения»¹.

Сохранившиеся расписания занятий² свидетельствуют о том, что по общему правилу учебные занятия начинались в 6.30—7.00 и продолжались до 16.00 (в 1916 г. по четвергам с 18.00 до 20.00 преподавался Закон Божий), с перерывом на обед с 12.00 до 14.00. Занятия проводились 5 дней в неделю, но время с 10.00 субботы в 1916 г. посвящалось хозяйственным работам и помывке в бане. Распределение занятий между «строевым образованием» и курсом обязанностей полиции и общеобразовательных предметов было равномерным: по 13 из общего числа 26 (табл. 4).

Таблица 4

Расписания занятий нижних чинов полицейской стражи учебной команды Воронежской губернии³

1909 г.

Время	понедельник	вторник	среда	четверг	пятница	суббота
6 ½—7 ½	Сменная езда 2-я см.	Сменная езда 1-я см.	Сменная езда 2-я см.	Сменная езда 1-я см.	Сменная езда 2-я см.	Взводное ученье
8—10	Русский язык	Обязанности полиции	Арифметика	Обязанности полиции	Русский язык	Обязанности полиции
10—12	Обучение стрельбе	Пеший строй, фехтование, ружейные и шапечные приемы	Сыскное дело	Обучение стрельбе	Ветеринария	Пеший строй, фехтование, ружейные и шапечные приемы
14—16	Судебная часть	Уставы строевые, дисциплинарные и внутренней службы	Пожарное дело	Медицина	Политические преступл. 1 час. Сборка и разборка оружия 1 час.	Вольтижировка и приемы самообороны. Пешее взводное ученье

¹ Там же. — Л. 103 об.

² ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 1. — Д. 939. — Л. 43; Д. 1298. — Л. 29. Учтем, что расписание 1916 г. относилось к военному времени.

³ ГАВО. Ф.И-1. — Оп.1.— Д. 939. — Л.43; Д. 1298. — Л. 29.

1916 г.

Время	понедельник	вторник	среда	четверг	пятница	суббота
7 – 9	Сменная езда с барьерами и рубкой					Въезд в полк и взводное учение
9 – 10	Пеший строй	Шашечные приемы и фехтование	Прицелка, прикладка и стрельба дробинками	Отдание чести	Вольтижировка.	Ружейные и шашечные приемы
10 – 11	Полицейские обязанности	Уставы: гарнизонный и внутренней службы	Полицейские обязанности	Устав дисциплинарный	Полицейские обязанности	Уборка помещения, конюшни и двора. Баня
11 – 12	Сыскное дело	Ветеринария	Арифметика	Отечественная история	Сыскное дело	
14 – 15	Медицина	Русский язык	Пожарное дело	Медицина	Законоведение	
15 – 16	Строевые уставы	Сигналы	Сборка и разборка винтовки и револьвера	Ветеринария иковка	Прицелка, прикладка и наводка со станка	
18 – 20				Закон Божий		

Из года в год занятия открывала практическая отработка конной езды с барьерами и рубкой (6 занятий в неделю). Так же стабильным было проведение по субботам взводных конных и пеших учений. Последовательность изучения прочих предметов варьировалась. При этом непосредственному изучению обязанностей полиции на начальном этапе функционирования команды-школы отводилось три занятия в неделю, их работы сыскное дело, «судебная часть» и «политические преступления» (по одному занятию). Достаточное внимание уделялось изучению русского языка (два занятия в неделю). В 1916 г. в расписании появились новые дисциплины: законоведение, отечественная история.

Преподавателями команды-школы был подготовлен ряд учебных программ, из которого в архивах сохранились пять: по законоведению, общим обязанностям полиции, сысному делу, отечественной истории и медицине¹.

Общее количество вопросов, предлагавшихся на изучение, в зависимости от конкретной дисциплины распределялось так: 58 — по медицине; 68 — по законоведению; 84 — по общим обязанностям полиции;

¹ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 1015. — Л. 8—16.

89 — по сыскному делу; 144 — по отечественной истории. Оценка количества вопросов, вкупе с анализом их содержания, позволяет сделать вывод о том, что преподавание далеко не всегда сводилось к предоставлению минимальных базовых знаний, как это традиционно принято считать, но было достаточно углубленным.

Нижние чины уездной стражи, конечно, должны были отвечать на вопросы, касавшиеся их непосредственных обязанностей, к примеру: «как поступать с задержанными лицами»; «обязанности урядника и стражника при погоне гуртов скота по дорогам»; «как рассматриваются брови и из каких частей они состоят». Но наличествовали и вопросы, требовавшие основательной общей подготовки, такие, как: «административное деление Российской империи»; «отношение чинов полиции к прокурорскому надзору»; «действия полиции по делам, подсудным общим судебным установлениям»; «что должен чин полиции выдвигать на первый план в борьбе с преступниками и преступностью»; «что сказал Владимирский митрополит, узнав о смерти Александра Невского»; «из-за чего началась первая турецкая война, каким миром и чем она закончилась».

Образовательный процесс предполагал достаточно гармоничное сочетание теоретического и практического обучения. Последнее велось в том числе и по составленной В. М. Левандовским программе топографических и тактических занятий. Она включала «ориентировку и чтение карт; донесение с описанием пути; отыскивание и распознавание следов; приемы преследования по ним; прохождение и осмотр лесов, оврагов; практические решения задач по розыску, преследованию, бою и захвату разбойничьих шаек»¹. Приобретенные в ходе обучения навыки демонстрировались в ходе строевых смотров, предусматривавших среди прочего умения «сборки и разборки оружия, стрельбы по подвижной мишени, фехтования и рубки, верховой выучки»².

Общим правилом для школ, готовивших чинов уездной полицейской стражи, было завершение программы обучения итоговым испытанием. В ряде губерний, в зависимости от успешности его сдачи, формировался особый список, по которому замещались открывавшиеся вакансии или пополнялся резерв³.

¹ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 1015. — Л. 66.

² ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 939. — Л. 40.

³ См.: Государственный архив Тамбовской обл. — Ф. И-2. — Оп. 149. — Д. 3. — Л. 218—222; Токарева С. Н. Указ. соч. — С. 35—38.

Экзамены включали в себя как ответы на теоретические вопросы, так и практические задания. Обязательно проводился строевой смотр, на котором вновь проверялись умения «сборки и разборки оружия, стрельбы по подвижной мишени, фехтования и рубки, верховой выучки»¹.

Первые экзамены состоялись с 29 апреля по 30 мая 1910 г. Уже тогда была заложена традиция высокого уровня представительства экзаменационной комиссии. Первую из них возглавлял сам губернатор, последующие обычно вице-губернатор. Членами комиссии были прокурор окружного суда, губернский инспектор полицейской стражи, советник губернского правления, управляющий канцелярией губернатора и преподаватели школы.

Результат был достаточно успешным: из 65 чел., подвергавшихся экзамену, были «признаны подготовленными превосходно 8, отлично 18, очень хорошо 21, хорошо 21 и удовлетворительно 2. Из них с правом на должности урядника или старшего стражника 33, только урядника 21, только старшего стражника 2 и простого стражника 9»². Кандидаты, показывавшие высокие достижения в учебе, награждались денежными премиями, ценными подарками: в частности, сохранилось отношение и. д. воронежского губернатора в Департамент полиции от 16 июля 1913 г. № 2224 о разрешении выдать победителям экзаменационных стрельб 5 выпуска УКШ УПС стражникам Павловского уезда М. Шилову и П. Гарковенко соответственно серебряных и никелевых часов с портретом государя императора «с отнесением необходимого на этот предмет расхода ...на остатки от кредита по содержанию полицейской стражи»³.

Выпускник получал свидетельство, в котором указывались сроки учебы, изученные предметы, оценки за поведение и выпускной экзамен, должностная категория, на которую он может претендовать⁴. К сожалению, сохранялась и печальная тенденция текучести кадров выпускников. Их, как более развитых, охотно принимали в корпус жандармов, на низшие должности по железной дороге, в лесную стражу и т.д. Причиной текучести кадров, как нами уже отмечалось ранее, являлась низкая

¹ ГАВО. — Ф. И-1. — Оп. 2. — Д. 939. — Л. 40.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17 — Ч. 34/9. — Л. 431.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34/9А. — Л. 15—16.

⁴ ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 9. — Д. 164. — Л. 10.

материальная обеспеченность стражников, исправить которую возможно было только путем кардинальных перемен в области социальной политики государства по отношению к нижним полицейским чинам¹.

С течением времени активизировался процесс обмена накопленным опытом. Сохранились документы о командировке В. М. Левандовского в Саратовскую школу с целью изучения особенностей организации образовательного процесса². Кроме того, как сообщал редактор журнала «Вестник полиции» О. Г. Фрейнат директору Департамента полиции в письме 20 февраля 1914 г., «...среди чинов полиции замечается возрастающий интерес к самосовершенствованию... поднялась творческая работа самих чинов полиции по изданию разных специальных руководств и комментариев по полицейской части»³.

В большинстве школ были разработаны отдельные программы по преподаваемым предметам, подготовлены ответы на наиболее сложные вопросы, составлены задачи, которые должны были решаться в процессе практического обучения, разрабатывались и утверждались билеты для принятия выпускных экзаменов⁴. Значительно увеличился объем издававшейся учебно-справочной литературы⁵. В целом ряде губерний сами губернаторы, используя местные типографии, издавали программы и материалы, необходимые для подготовки урядников уездной полицейской стражи⁶.

¹ Лысенко В. В. Полиция дореволюционной России. — С. 188—189.

² Связи воронежских и саратовских полицейско-милиейских образовательных организаций проявятся практически в каждый период их истории.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 28. — Д. 882. — Л. 202.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр.— Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 243—255.

⁵ Левкович В. К. Руководство для полицейских стражников уездной полиции. — Бельск, 1913; Моллериус И. В. Руководство для полицейских чинов. Т.1. — СПб., 1911; Нестеров М. Д. Курс общеполцейских обязанностей для школы урядников уездной полицейской стражи Уфимской губернии. — Уфа, 1914. — 86 с.; Попов Р. Наставление для нижних чинов уездной полицейской стражи и подготовка их на должность урядника. — Вильно, 1908 и др.

⁶ Программа курса подготовительной школы для лиц, желающих занять должность полицейского урядника. — Саратов, 1913; Программа курса подготовительной школы на должности урядников полицейской стражи в Минской губернии. — Минск : Губернская типография, 1913 // ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 100—113; Программа курса подготовительной школы на должности урядников полицейской стражи Киев, 1911 // ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 256.

Велась подобная деятельность и в Воронеже. В частности, было издано пособие по отечественной истории, составленное А. Гасплем¹, и сохранились архивные свидетельства о попытках губернатора С. И. Голикова добиться в МВД распространения данного пособия как единого для всей Российской империи². В письме воронежскому губернатору от 30 января 1914 г. из Департамента полиции по поводу этого учебника сообщалось, что «товарищ министра внутренних дел свиты его императорского величества генерал-майор Джунковский не признал возможным рекомендовать составленный г. Гасплем учебник отечественной истории в качестве пособия в уряднических школах, так как преподавание этого предмета в каждой губернии должно быть связано с местными историческими и другими особенностями»³. Чуть раньше, 25 января 1914 г., в справке Департамента полиции пособие критиковалось за «излишнюю детализацию при описании отдельных эпох в жизни государства, а также слишком большое внимание, которое уделяет автор более древней истории по сравнению с новейшей»⁴.

Отношением от 19 марта 1913 г. № 895 Воронежским губернатором была «препровождена в Департамент Полиции программа, введенная в курс занятий учебной команды-школы и выработанная на основании опыта за время существования школы»⁵. Но, к сожалению, свидетельства о ее судьбе не сохранилось.

Существенный толчок процессу активизации организационных усилий дало существенное усиление внимания руководства МВД к централизации подготовки полицейских кадров, наблюдавшееся с 1911 г. в рамках подготовки общей реформы российской полиции.

Согласно циркуляру Министерства внутренних дел от 14 декабря 1911 г. № 20808, «заботы о возможно лучшей подготовки нижних полицейских чинов привели Министерство к необходимости содействовать учреждениям особых школ для подготовки урядников полицейской стражи»⁶.

¹ Гасплем А. И. Курс отечественной истории, проходящийся в Воронежской учебной команде полицейских стражников. — Воронеж : Типо-лит. Губ. правл., 1913. — 24 с.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 138, 140, 140 об.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10 — Ч. 90 А. — Л. 140—140 об.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10 — Ч. 90 А. — Л. 140.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17 — Ч. 34/9 А. — Л. 10.

⁶ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68 — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 70.

Обращаясь к губернаторам 14 декабря 1911 г., министр внутренних дел потребовал, чтобы каждый из них заботился об образовании соответствующих школ у себя в губернии¹. Началась унификация методического обеспечения образовательного процесса. Начальным серьезным шагом на этом пути стала разработка первого варианта единой программы для подготовки чинов уездной полицейской стражи², который вместе с циркуляром от 14 декабря 1911 г. № 20808, был направлен в губернии³. Непосредственным разработчиком данной программы стал вице-директор Департамента полиции статский советник С. П. Белецкий, который в бытность свою самарским вице-губернатором разработал программу для школы урядников в Самаре⁴.

Утвержденной программой по подготовке урядников полицейской стражи было рекомендовано изучение следующих предметов: 1) Закон Божий; 2) исторические, географические, экономические и статистические сведения о губернии; 3) общие сведения о государственном устройстве Российской империи; 4) права и обязанности полиции; 5) обязанности полиции по обнаружению и преследованию преступлений и по исполнению поручений судебных учреждений; 6) сыскное дело; 7) медицина и санитария; 9) обязанности полиции по уставу строительному и местным обязательным постановлениям по строительной части; 10) строевая часть⁵. Программа была направлена всем губернаторам. При этом министр внутренних дел позволял вносить изменения в программу подготовки урядников в зависимости от местных условий губернии, изучать те правовые вопросы, которые часто встречались по месту службы урядников.

Несколько позже был разработан новый вариант программы курса подготовительной школы для лиц, желавших занять должность полицейского урядника. Он был одобрен Особым совещанием, созданным в феврале 1913 г. из губернаторов, утвержден 29 марта 1913 г. товарищем министра внутренних дел генерал-майором В.Ф. Джунковским⁶ и направлен губернаторам циркуляром Министерства внутренних дел от

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10 — Ч. 90. — Л. 70.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 11—18 об.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68 — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 70 об.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68 — Д. 10. — Ч. 90. — Л. 97—118.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 11—18 об.

⁶ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 70. — Д. 14. — Ч. 1. — Л. 166—183.

7 мая 1913 г. № 14 532¹. Программа для всех школ состояла из двух разделов — правового и специального. Предусматривалось изучение особых частей уголовного и уголовно-процессуального уставов Свода законов Российской империи, определявших административную и уголовно-процессуальную деятельность урядников, а также нормативных актов МВД и постановлений губернаторов. В циркуляре указывалось, что программа «представляет собой максимум тех сведений, усвоение коих урядникам желательно», но «если прохождение курса в полицейской школе по этой программе представится по местным условиям невыполнимым», от усмотрения губернатора зависело внести некоторые изменения в программе «в смысле ее сокращения»².

Отношением Департамента полиции от 27 июня 1913 г. № 17293 Воронежский губернатор уведомлялся об отправке ему 25 экземпляров программы³. В ответном Отношении от 2 июля 1913 г. № 1992 Воронежский губернатор указал: «Так как программа Воронежской учебной команды-школы почти тождественна с утвержденной Министерством программой, в первой отсутствует только программа занятий по Закону Божьему, каковой предмет в Воронежской учебной команде-школе введен лишь в 1913 году, и так как по программе Воронежской учебной команды-школы занятия на 2 курсе ведутся уже в течение более 3 месяцев (курс 6-месячный), то вновь присланная программа мною передана преподавателям команды-школы только для руководства»⁴.

Серьезные организационные инновации во всей системе образовательных организаций Министерства внутренних дел были связаны с попыткой построения их общероссийской унифицированной структуры. В 1914 г. было подготовлено несколько вариантов «Правил о полицейских школах и курсах», предусматривавших создание двух типов образовательных организаций⁵.

В каждой из 49 губерний, «управляемых по Общему Учреждению Губернскому, и в губернии Ставропольской», должна была создаваться

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 70. — Д. 14. — Ч. 1. — Л. 310—310 об.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 9.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 68. — Д. 10. — Ч. 90 А. — Л. 35.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 57. — Д. 17. — Ч. 34 А. — Л. 10.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 8—17.

«особая школа для специальной подготовки лиц, желающих занять низшие полицейские должности»¹. В каждой из них должны были бы проходить начальное обучение по 40 обучающихся из числа лиц «всех состояний, достигших 25-летнего возраста», обладающих «достаточным умственным развитием», грамотных, «по преимуществу из запасных или отставных воинских чинов».

Обучение планировалось бесплатное, с выдачей «от казны» пособия в 25 копеек в сутки, проживание — на казарменной основе. Трехмесячный курс обучения (по 2 смены в год) предусматривал занятия: «1) по Закону Божию; 2) о государственном устройстве Российской Империи; 3) об устройстве полиции /Учреждение Полиции/; 4) о правах и обязанностях чинов полиции /Полицейский Устав/; 5) о судебных функциях полиции; 6) о розыскной деятельности полиции; 7) об оказании первоначальной помощи при внезапных заболеваниях и несчастных случаях; и 8) по строевой части и гимнастике» по программам, утвержденным «Товарищем Министра Внутренних Дел, заведующим полицией»².

По окончании курса школы лица, «успешно выдержавшие надлежащее испытание», получали бы «о том свидетельство» и преимущества «по занятию низших полицейских должностей»³.

В свою очередь, в Архангельске, Владимире, Вологде, Воронеже, Вятке, Гродно, Житомире, Курске, Петрозаводске, Пскове, Симбирске, Смоленске, Ставрополе, Туле, Херсоне, Уфе, Ярославле, а также в тех городах, в которых уже работали школы полицейского резерва, планировалось также создать «особые курсы для специальной подготовки лиц, желающих занять классные должности в полиции»⁴. Воронежские курсы, управляемые полицмейстером, должны были бы обслуживать Воронежскую и Тамбовскую губернии⁵. Помещение для школы и курсов планировалось использовать одно, с посменными заездами.

Численность курсантов определялась в 25 человек из числа лиц «всех состояний», достигших 25-летнего возраста и имевших право на

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 5.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 5 об.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 6.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 6 об.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 16—16 об. Подобная территориальная взаимосвязь будет прослеживаться и в советское время.

занятие полицейских должностей. Обучение планировалось бесплатное, с выплатой курсантам стипендии в 30 рублей в месяц.

Курс обучения также предусматривался трехмесячный, по утвержденным товарищем министра внутренних дел программам, содержащим сведения: 1) по государственному праву); 2) по административному праву; 3) по уголовному праву; 4) о научных методах расследования преступлений; 5) о приемах оказания первоначальной помощи при внезапных заболеваниях и несчастных случаях и др.¹ Лица, успешно выдержавшие по окончании курсов итоговые экзамены, должны были получать свидетельства и преимущества «по занятию классовых полицейских должностей»².

Проект подвергался неоднократной переработке, о чем свидетельствует наличие нескольких вариантов текстов и многочисленных исправлений на них. Большое внимание было уделено составлению подробной сметы расходов, в том числе и на оплату труда преподавателей. Суммарно предусматривались ассигнования в 414084 руб. в год³, годовые расходы на стипендии и оплату труда преподавательского состава планировались в 3510 руб. на каждую школу и 3714 руб. на каждые курсы⁴.

Таким образом, как мы видим, в рамках кардинальной реформы российской полиции планировалось и изменение статуса Воронежской учебной команды-школы уездной полицейской стражи, открывавшее перед ней новые перспективы для развития.

Однако, к сожалению, мировая война не дала этим планам реализоваться⁵. Добровольцами на фронт ушли десятки офицеров, в том числе В. М. Левандовский и И. Я. Хазбиевич, резкое сокращение роста численности уездной полицейской стражи, в том числе «вследствие создавшихся, ввиду повсеместной дороговизны жизни, крайне тяжелых условий быта стражников», породило ряд циркуляров МВД, в т.ч. от 24 мая и 17 июня 1916 г., предусматривавших полный переход на казарменное проживание и артельные формы закупки провианта и фуража, фактически снижавшие уровень централизации

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 6 об.

² ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 5—7.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 13.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 262. — Д. 81 А. — Л. 15.

⁵ Романов К. С. Департамент полиции МВД накануне и в годы Первой мировой войны (1913—1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2002. — С. 130—133, 155—162.

управления и вновь усиливавшие зависимость уездной полицейской стражи от местных властей¹.

Рост потребностей в призывниках обернулся неоднократными требованиями военного министерства начать массовый призыв нижних полицейских чинов, заменяя их тяжелоранеными фронтовиками². Несмотря на попытки МВД противостоять этим инициативам, снижавшим профессионализм полиции, в Государственную Думу 28 июля 1915 г. было внесено законодательное предложение «Об упразднении уездной полицейской стражи и о призыве на действительную службу в войска чинов запаса и ополчения, состоящих на полицейской службе»³, 1 августа — дополнявшее его второе⁴. Хотя оба проекта так и не стали законами, общая тенденция была очевидна: в формулу «перехода к очередным делам» депутаты Думы 19 августа 1915 г. включили п. 4: ««О немедленном приступе к привлечению на действительную военную службу состоящих в запасе чинов уездной и городской полиции и чинов Отдельного корпуса жандармов»»⁵.

Общее состояние дел точно передает сообщение пермского губернатора летом 1916 г. в Департамент о «крайне бедственном положении низших чинов полицейской стражи»: «...Все низшие чины полиции и их семейства вследствие переживаемой теперь дороговизны жизни, положительно голодают, сильно обносились, новую одежду им приобрести абсолютно не на что... Стражники, не стесняясь, заявляют, что лучше идти на позиции, чем голодать на полицейской службе. И, действительно, некоторые добровольно идут на войну»⁶. Общий некомплект стражников в губерниях европейской России составлял 13%, но в отдельных доходил до 60%⁷. Произошло резкое ухудшение качества оснащения полиции: «винтовки, коими уездная стража была вооружена, от стражников отобраны и переданы армии, стражники же вооружены

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 7-е делопр. — 1916. — Оп. 260. — Д. 148. — Л. 30—31 об.

² По сути это означало возврат к порочной системе, отмененной в 1873 г.

³ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 73. — Ч. 1. — Д. 5 А. — Л. 1.

⁴ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 73. — Ч. 1. — Д. 5 А. — Л. 46.

⁵ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 73. — Ч. 1. — Д. 5 А. — Л. 50.

⁶ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 125. — Д. 105. — Л. 14 об.

⁷ Романов К. С. Департамент полиции МВД. — С. 163—164.

японскими карабинами, негодными к употреблению в войсках, за неимением у этих карабинов штыков, и лишь отчасти винтовками Бердана старого образца»¹.

Не могло не коснуться все это и Воронежской губернии, в том числе и Воронежской команды-школы. В 1915 г. все 33 урядника Богучарского уезда были грамотными, но 21 (63,6%) из них не окончил никакого учебного заведения, остальные обучались в приходской школе, народном или уездном училище, один окончил педагогическое училище².

О снижении общего уровня подготовки свидетельствует рапорт инспектору полицейской стражи Воронежской губернии от помощника начальника Воронежского губернского жандармского управления в Задонском, Землянском, Нижнедевицком, Коротоякском, Бобровском и Новохоперском уездах от 28 марта 1915 г. № 28 о результатах присутствия на выпускном экзамене в команде-школе 18 марта. В рапорте отмечалось, что, по предложению преподавателей, из 63 человек стражников, прошедших курс учебной команды, следовало «подвергнуть устным испытаниям только 22 стражника, которые по своему развитию и способностям оказались успешными настолько усвоить требуемую программу и инструкцию курса, что в состоянии на экзамене проявить познания в объеме пройденного курса и удовлетворить требуемым испытаниям, остальные же 41 стражник, вследствие крайне ограниченного времени, в период которого с ними велись занятия, курса не усвоили, подготовлены слабо». Вице-губернатором было принято решение этих «41 человек откомандировать обратно по местам в уезды и выйти с ходатайством на имя Воронежского Губернатора о назначении их в ближайшем будущем на повторный курс». Из 22 проэкзаменованных «оказались выдающиеся по своим познаниям 5 стражников, которые по определению всей комиссии представлены к утверждению в должности урядника, остальные удостоены назначения старших и младших стражников» (результаты, по сравнению с первым выпуском просто удручающие). Вместе с тем весь состав учебной команды на строевом смотре как в конном, так и в пешем строю показал вполне удовлетворительную строевую подготовку³.

¹ ГАРФ. — Ф. 102. — 2-е делопр. — Оп. 74. — Ч. 1. — Д. 5 А. — Л. 12—12 об.

² ГАВО. — Ф. И-2. — Оп. 8. — Д. 39. — Л. 3—74 об.; Д. 30. — Л. 1—18 об.

³ ГАВО. — Ф. И-1. — Д. 1170. — Л. 10—11.

Тем не менее организация подготовки полицейских стражников в Воронеже по-прежнему оставалась на высоком уровне. В начале весны 1916 г. находившийся в распоряжении Главного начальствующего над Отдельным корпусом жандармов министра внутренних дел генерал-лейтенант Л. М. Слезкин проинспектировал полицейскую стражу Самарской, Тамбовской и Воронежской губерний. В рапорте от 6 марта он докладывал: «в Воронежской губернии организована образцовая школа стражников и при ней заведена швальня для обмундирования полицейской стражи и полиции всей губернии»¹. В ходе инспекции выяснилось, что «прохождение курса учебной команды в достаточной мере подняло знание и подготовку к полицейской службе»². Школа представляла собой конный отряд, в который на летние месяцы зачислялись по пять лучших стражников из всех уездов. Тяготы военного времени все же сказывались, и проверяющий отметил низкое материальное обеспечение образовательной организации: швальня не работала по причине полного отсутствия материала, а в помещении располагалась не только школа, но и городской конный отряд Воронежского уезда. Л. М. Слезкин особо подчеркивал, что это каменное сооружение, принадлежащее частному лицу, переделано из конного двора и оснащено хорошими конюшнями, однако «представляется невероятно сырым и несоответствующим громадной цене (до 7 тыс. рублей в год), уплачиваемой за него»³. Проверяющий констатировал, что «необходимость улучшения материальной обеспеченности стражи по Воронежской губернии сознается в одинаковой мере, как и в прочих губерниях»⁴.

Революционные события февраля — марта 1917 г. поставили окончательную точку в истории Воронежской учебной команды-школы уездной полицейской стражи. Точная дата ее закрытия пока неизвестна. По имеющимся данным, стихийное разоружение полиции, в целом прошедшее без вооруженных столкновений, хотя и с неоднократным применением насилия, в Воронежской губернии началось с первых дней марта 1917 г. Воронежский городской исполнительный комитет постановил «отклонить ходатайство полицейских чинов об оставлении их на службе в милиции» и предложил «начальнику охраны города» И. В. Шаурову «при первой же возможности

¹ ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 11. — Д. 986. — Л. 28.

² ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 11. — Д. 986. — Л. 28 об.

³ ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 11. — Д. 986. — Л. 28.

⁴ ГАРФ. — Ф. 110. — Оп. 11. — Д. 986. — Л. 28 об.

отправить данных чинов в распоряжение воинского начальника»¹. В свою очередь, другими постановлениями предписывалось «всех чинов жандармского корпуса, как железнодорожного, так и городского, арестовать»², бывших жандармских офицеров, находившихся в 58-м и 59-м запасных пехотных полках, «заключить в городскую тюрьму»³. Однако процесс окончательной ликвидации и разоружения полицейских структур в Воронеже явно затянулся, о чем свидетельствует требование Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов от 27 апреля 1917 г. к начальнику охраны города: «Немедленно принять меры к отбиранию всех имеющихся шашек, портупей, ремней, револьверов офицерского образца и предоставить полную опись имеющегося такого имущества с указанием лиц, у кого вещи находятся»⁴.

Подводя итоги главы, отметим, что становление и развитие образовательных организаций по подготовке чинов уездной полиции, в том числе и Воронежской учебной команды-школы уездной полицейской стражи, — важный и яркий этап развития отечественной системы полицейского образования. Будучи порожденным объективным повышением требований к уровню профессионализма чинов общей полиции, формирование и функционирование полицейских школ урядников и стражников стало примером реализации инициатив губернских властей. Воронежская учебная команда-школа уездной полицейской стражи была в числе первых по времени создания и активно развивавшихся образовательных структур, создаваемых непосредственно для уездной полицейской стражи, чему способствовала и активная позиция губернатора. К сожалению, «инициативы с мест» получили слишком запоздалую поддержку Департамента полиции и МВД в целом, во многом порожденную финансовыми проблемами министерства, а впоследствии и начавшейся мировой войной.

¹ Шевцова О. А. Создание милиции в Воронежской губернии в 1917 году // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. — 2012. — № 1. — С. 193.

² ГАВО. — Ф. 217. — Оп. 1. — Д. 324. — Л. 3.

³ ГАОПИ ВО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 321. — Л. 22.

⁴ ГАВО. — Ф. 2393. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 37.

Вместе с тем было бы ошибочным считать, что опыт, накопленный данными образовательными структурами, пропал бесследно. Мы разделяем точку зрения Ч. Н. Ахмедова об его использовании, как минимум, на ранних этапах становления органов милиции¹. Действительно, уже материалы прошедшего 15 октября 1917 г. совещания, посвященного рассмотрению проекта устава и программы Московской школы Главного управления по делам милиции², показывают, что при подготовке уездной милиции использовались дореволюционные правила о полицейских школах и курсах, в которых слова «полиция» и «низшие полицейские должности» вычеркивались и заменялись на «милиция» и «младшие милиционеры»³.

К сожалению, в последующем, преимущественно по идеологическим соображениям, история полицейского образования в Воронеже оказалась забытой почти на столетие.

¹ Ахмедов Ч. Н. Указ. соч. — С. 29.

² ГАРФ. — Ф. 1791. — Оп. 7. — Д. 86. — Л. 1.

³ ГАРФ. — Ф. 1791. — Оп. 7. — Д. 86. — Л. 1, 4.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ В ВОРОНЕЖСКОМ РЕГИОНЕ В 1919—1942 гг.

1. Первые попытки формирования образовательных организаций по подготовке сотрудников рабоче-крестьянской милиции в Воронежской губернии (1919—1922 гг.)

Исторический общественный разлом первых двух десятилетий прошлого века, принесший нашему Отечеству трагические испытания революционными потрясениями и кровопролитные итоги первой мировой и гражданской войн, радикально повлиял на все стороны государственного строительства, в том числе на облик и функционирование российской правоохранительной системы. Февральская революция 1917 г. и последовавшие вслед за ней радикальные политические процессы положили начало сразу нескольким противоречивым тенденциям в развитии органов охраны правопорядка.

С одной стороны, Временное правительство, начавшее слом государственных структур Российской империи, приступило к формированию так называемой «народной милиции», мыслившейся либеральными политическими деятелями как орган муниципальной власти.

С другой стороны, под различными названиями («рабочая милиция», «боевые дружины», «рабочие дружины», «рабочая гвардия» и т.д.), возникли милицейские формирования, подчинявшиеся Советам рабочих и солдатских депутатов, а также некоторым политическим партиям, смыслом существования которых было деятельное участие в продолжении социальной революции. При этом легитимация «народной милиции» Временного правительства и ее кадровое пополнение за счет бывших полицейских остро критиковались радикальными революционерами, моделировавшими в тот период собственное видение будущей государственности. Так, находившийся в эмиграции В. И. Ленин 11 марта 1917 г. писал: «Народу нужно поголовно учиться владеть оружием и поголовно входить в милицию, заменяющую полицию и постоянную армию. Рабочим нужно, чтобы не было оторванной

от народа армии, чтобы рабочие и солдаты сливались в единую всенародную милицию»¹. После Октябрьской революции эти взгляды в определенной степени повлияли на первоначальный облик рабочей милиции, созданной на основе Постановления НКВД РСФСР от 28 октября 1917 г. (10 ноября по новому стилю)².

С третьей стороны, структуры власти, возникшие в ходе гражданской войны на территориях, первоначально неподконтрольных большевикам, создавали собственные правоохранительные органы. Впрочем, создание «народной милиции» Временного правительства и милиции «белых» правительств в основном заканчивалось на этапе принятия первых нормативных правовых актов, регулировавших самые принципиальные основы этих структур³. До непосредственной реализации принятых документов дело подчас не доходило, в том числе и по причине стремительного развития революционных событий. К примеру, командированный 31 июля 1917 г. в Воронежскую губернию комиссар Главного управления по делам милиции Временного правительства В. Н. Боев, побывав в Курске и Донецке, так и не смог прибыть к месту назначения⁴.

Таким образом, революционная трансформация 1917 г. на первых порах стимулировала, как и во многих других областях общественной и государственной жизни, альтернативные тенденции развития и в правоохранительной сфере. Только стабилизация государственной власти после победы большевиков в гражданской войне дала реальную возможность сформировать системный правоохранительный институт рабоче-крестьянской, позднее советской, милиции, реформировавшийся и функционировавший почти 75 лет.

¹ Ленин В. И. Письма из далека. Письмо 3. О пролетарской милиции // Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах. — Т. 31. — С. 34.

² О рабочей милиции : постановление по Народному комиссариату по внутренним делам от 28 октября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1942. — С. 16.

³ См., напр.: Малыгин А. Я., Никитин А. Н. Милиция белых правительств // Юрист. — 1997. — № 9. — С. 39—64; Малыгин А. Я., Степанов М. М. Правоохранительные органы белых правительств. — М. : Юридический институт МВД России, 1998. — 169 с.; Петров А. В. К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2012. — Вып. 1 (15). — С. 35—41 и др.

⁴ ГАРФ. — Ф. 1797. — Оп. 1. — Д. 17. — Л. 1—9.

Именно системный характер позволяет, несмотря на серьезные различия в организации и деятельности, сравнивать (в том числе и на предмет эффективности выполнения имманентных задач) две важнейшие в истории российских органов внутренних дел структуры — императорскую полицию и советскую милицию. Трехсотлетний юбилей российской полиции в качестве одной из основных рубежных памятных дат интегрирует столетие образования рабоче-крестьянской милиции РСФСР.

Как и в период институционального оформления императорской полиции, уже в первые месяцы функционирования рабочей милиции РСФСР обнаружилась настоятельная потребность в совершенствовании кадрового обеспечения, одним из важнейших факторов которого являлось создание системы профессиональной подготовки и образования. По мере стабилизации советского государственного строя в прошлое начали отступать романтические представления политиков о милиции как структуре, формируемой из привлеченных к осуществлению правоохранительных функций вооруженных представителей революционных классов. В мае 1918 г. Коллегией НКВД РСФСР было принято решение, которое разъясняло местным советским органам две характерные особенности милиции: во-первых, что она является структурой, укомплектованной на постоянной основе; во-вторых, что особенно важно, имеет свои собственные функции, которые настоятельно требуют выработки специальных правил ее формирования независимо от организации Красной Армии¹.

Одним из первых серьезных шагов в длительном и противоречивом процессе профессионализации милиции стало принятие 12 октября 1918 г. совместного Постановления НКВД и Наркомюста РСФСР «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции», представлявшего собой по форме инструкцию советским органам власти на местах. В ней, в частности, указывалось, что члены формируемых на основе повинности Советских отрядов милиции «состоят на учете уездных и городских учреждений Советской Милиции и должны являться для *обучения* (курсив наш. — Авт.) и для исполнения возлагаемых на них поручений по вызову Заведующего

¹ Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк. — М., 1996. — С. 217—218.

Отделом Управления Исполнительного Комитета Уездного или Городского Совета Депутатов»¹. В условиях продолжавшейся гражданской войны в Декрете Совета народных комиссаров РСФСР «О советской рабоче-крестьянской милиции» от 3 апреля 1919 г. для милиции устанавливалось обязательное обучение военному делу по красноармейским уставам².

Организационное оформление милиции в первые годы существования Советской России было в основном завершено утверждением 10 июня 1920 г. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР Положения «О Советской рабоче-крестьянской милиции», в котором к ведению Главного управления милиции НКВД РСФСР была отнесена «организация специальных курсов по милиции»³. Таким образом, нормативное закрепление основ организации милиции вполне логично предусматривало и создание предпосылок для формирования системы профессионального милицейского образования.

Исторически первой организационной формой подготовки сотрудников рабоче-крестьянской милиции в начальный период существования советской власти стали курсы и школы.

Терминологическое различие в данном временном контексте не определяло отличий первых от вторых по формально-содержательным характеристикам. Фактически это были кратковременно организованные, как правило, локализованные занятия с целью формирования элементарного общеобразовательного уровня и некоторых базовых профессиональных навыков определенных категорий милиционеров. Целесообразность создания таких организационных форм диктовалась потребностями в подготовке кадров, востребованных в соответствующих общественно-политических условиях и опосредованных минимальными обра-

¹ Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция) : постановление Народных Комиссариатов по Внутренним Делах и Юстиции от 12 октября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1942. — С. 1032.

² Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции : декрет Совета народных комиссаров от 3 апреля 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. / Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1943. — С. 194.

³ О Советской рабоче-крестьянской милиции : положение, утвержденное Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров от 10 июня 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений... за 1920 г. — С. 560.

зовательными целями, а также наиболее актуальными проблемами правоохранительной деятельности в данный исторический период. По справедливому замечанию В. М. Шамарова, «обучение кадров в подобных организационных формах нельзя отождествлять с их названиями, так как они по способам и методам подготовки кадров "в ударном порядке" во многом копировали деятельность широко распространенных в тот период курсов по ликвидации неграмотности и малограмотности»¹.

Именно поэтому начальный период формирования организаций профессиональной подготовки советской милиции представляется уместным назвать «курсовым». В дальнейшем оформление системы милицейских образовательных организаций неизбежно предопределило организационно-правовые и функциональные различия между ведомственными курсами и школами.

В обобщающих и узкоспециальных научных работах по истории органов внутренних дел предпринимались отдельные попытки выстроить периодизацию эволюции образовательных организаций советской милиции. Методологически убедительным в этой связи представляется выделение трех этапов формирования милицейских образовательных организаций в 1918—1930 гг., предложенное В. М. Шамаровым². Основанием такой периодизации является анализ нормотворческой деятельности, методического руководства и организационных мероприятий, осуществлявшихся Главным управлением милиции (Главмилицией) НКВД РСФСР, для создания системы ведомственных организаций по профессиональной подготовке милиционеров. Начальным этапом выступает период с 1918 по 1920 г. Как правило, среди его основных особенностей исследователи выделяют:

— постепенное осознание руководством центрального аппарата НКВД РСФСР и губернской милиции необходимости повышения общеобразовательного, политического и профессионального уровня милиционеров, а также ознакомления их с основами военного дела;

— «стихийную и бессистемную» организацию курсов и школ в регионах страны, практически полное невмешательство Главмилиции в данный процесс, обусловленные ходом гражданской войны и

¹ Шамаров В. М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР : Становление и развитие правовых и организационных основ : дис. ... д-ра юрид. наук. — М. : Академия управления МВД России, 1999. — С. 168.

² Там же. — С. 166.

структурно-функциональными проблемами начального периода становления советского государственного аппарата как в центре, так и на местах;

— административное подчинение курсов и школ губернским, областным, городским и уездным советским органам власти, финансирование этих структур из местного бюджета;

— основную функцию курсов и школ по ликвидации неграмотности и малограмотности среди сотрудников милиции;

— краткосрочность и слабую методическую базу образовательного процесса и, как следствие, неспособность курсов и школ реализовать декларируемые задачи по повышению общекультурной и профессиональной подготовки милиционеров¹;

— признание первых милицейских курсов и школ учебными заведениями, осуществляющими образовательную деятельность на основании документов, регламентирующих учебный процесс (учебные планы и программы, расписания занятий и т.д.), и фактически осуществляющими первичное профессиональное обучение в рамках государственной системы общего и специального образования².

Потребность в элементарной подготовке милиционеров стимулировала открытие милицейских образовательных организаций в Советской России уже во второй половине 1918 г. Московская школа комсостава милиции осуществила первый выпуск в октябре 1918 г., а в 1919 г. на ее основе была организована Всероссийская школа инструкторов милиции³, первыми воронежскими выпускниками которой в октябре 1919 г. стали Л. Д. Замуэль, В. В. Масквитис, О. Л. Левенберг, «тов. Карра-Горбачев» и будущий начальник воронежской губернской милицейской школы И. П. Бородин⁴.

В Петрограде в октябре 1918 г. приступила к работе школа дружинников народной охраны, набор в которую осуществлялся из милиционеров, прибывших из регионов. В декабре 1918 г. состоялся первый выпуск курсантов Петроградских курсов милиционеров⁵. Для подготовки руководящего состава НКВД, включая милицию, в январе 1919 г.

¹ Там же. — С. 167—168.

² Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918—1991 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С. 76, 87.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 6. — Д. 20. — Л. 14.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 15. — Д. 16. — Л. 66—72.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 1. — Д. 58. — Л. 266.

в Москве были открыты шестинедельные курсы ВЦИК, впоследствии ставшие Центральной школой советской и партийной работы¹. В сентябре 1919 г. Главмилицией была предпринята неудачная попытка создать Всероссийские курсы уголовного розыска, слушателями которых сроком на три месяца должны были стать сотрудники, откомандированные из губерний². В Петрограде в июле 1919 г. на организационной и методической базе созданного во второй половине 1918 г. Рабоче-крестьянского университета, в структуре которого были факультеты советской милиции и уголовного розыска, была создана инструкторская школа милиции³.

При формировании столичных милицейских курсов изначально обнаружилось, что направлять на учебу курсантов из регионов является дорогостоящим и с точки зрения бесперебойной организации службы неэффективным мероприятием. Поэтому с 1919 г. началось формирование курсов в губерниях, городах и даже в уездах. Так, в январе 1919 г. были открыты курсы начальников милиции во Владимире⁴, в августе 1919 г. — милицейские курсы в Тульской губернии⁵. Состоявшийся 29—30 января 1920 г. III Всероссийский съезд заведующих отделами управления исполнительных комитетов принял резолюцию о необходимости создания милицейских курсов и школ во всех губерниях⁶. Впрочем, их формирование под различными названиями («школы милиционеров», «курсы красных милиционеров», «милицейские курсы» и т.д.), на разные сроки функционирования (от 2 до 9 месяцев), с различным количеством слушателей (от 30 до 200) в инициативном порядке началось еще до руководящих указаний «сверху». С 1920 г. открытие таких курсов и школ стало повсеместным явлением⁷. В 1919—1920 гг. в стране функционировали более десятка образовательных организаций, готовивших работников милиции и уголовного розыска⁸. Активная де-

¹ Власть Советов. — 1919. — № 1. — С. 6—8; № 8/9. — С. 7—23.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 15. — Д. 1 а. — Л. 114.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 6. — Д. 106. — Л. 35.

⁴ Власть Советов. — 1918. — № 29. — С. 31.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 12.

⁶ Власть Советов. — 1920. — № 2—3. — С. 5.

⁷ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 78.

⁸ Гольдман В. С. Из истории школ и курсов милиции РСФСР в 1917—1925 гг. // Труды Высшей школы Министерства охраны общественного порядка СССР. — М., 1968. — Вып. 20. — С. 83.

тельность по формированию организационных основ профессиональной подготовки милицейских кадров осуществлялась в Сибири, особенно в Омске¹.

Программа пензенских милицейских курсов, открывшихся 18 декабря 1919 г., была рекомендована приказом Главмилиции от 9 февраля 1920 г. для всех губернских управлений милиции². Программа включала в себя восемь разделов, содержащих темы занятий по истории рабочего и коммунистического движения в России и на Западе, методам культурно-просветительной работы в милиции и ее значению; основам общей теории права, советского государственного права и законодательства, судопроизводству, основным отраслям права и вспомогательным юридическим дисциплинам, а также основам взаимоотношений советского государства и церкви; деятельности наружной, уголовно-розыскной и железнодорожной милиции; организации и функционированию губернской чрезвычайной комиссии. Если первый и второй разделы были нацелены в основном на формирование общекультурного уровня милиционеров, то последующие структурные блоки программы были посвящены сугубо профессиональным вопросам подготовки сотрудников милиции³. Анализ содержания пензенской программы приводит к выводу о том, что ее вряд ли можно считать руководящими типовыми методическими рекомендациями для милицейских курсов по причине отсутствия в ней материалов, поясняющих цели, задачи и ход образовательного процесса. Целесообразно поэтому согласиться с мнением В. М. Шамарова, рассматривавшего приказ Главмилиции от 9 февраля 1920 г. только в качестве информации «о накопленном опыте по профессиональному обучению в целях разработки и принятия в губернских и областных управлениях милиции подобных планов»⁴.

Формирование рабоче-крестьянской милиции и создание милицейских курсов в Воронежском регионе проходило в сложных политических и социально-экономических условиях. На создание и подготовку милицейского кадрового аппарата существенное влияние оказали

¹ См.: Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 83—84.

² Милиция России : документы и материалы (1917—1999 гг.). — Саратов, 2001. — С. 75.

³ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 9—9 об.

⁴ Шамаров В. М. Указ. соч. — С. 169.

два фактора — гражданская война на территории Воронежской губернии и ожесточенная борьба крестьянства с советской властью в условиях затянувшейся в регионе политики «военного коммунизма».

Сразу после Февральской революции в Воронежской губернии, как и в других аграрных регионах страны, одним из основных вопросов стал передел земли. Он сопровождался серьезными столкновениями среди крестьянства, вызванными в том числе и весьма слабой позицией «временных» губернских и уездных органов, проводивших довольно умеренную политику товарообмена с деревней, основанного, в свою очередь, на допущении частной торговли сельскохозяйственной продукцией. Ситуация мало изменилась и непосредственно после прихода в конце октября — первой половине ноября 1917 г. к власти большевиков в союзе с левыми эсерами¹. Причем последние имели значительное влияние именно в сельских уездах². В дальнейшем проведение большевистским руководством политики продовольственной диктатуры неизбежно привело к началу вооруженного противостояния крестьянства с властью, которое на первых порах, вплоть до конца 1918 г., не выходило за рамки локальных мятежей. В немалой степени этому способствовали боевые действия в период гражданской войны на территории Воронежской губернии, которые привели к временному союзу крестьянства с советской властью для противодействия нашествию немецких интервентов, белоказаков и белогвардейцев³.

Отдельные белоказачьи отряды вступали в соприкосновение с отрядами, подчинявшимися советской власти, еще в ноябре 1917 г., однако полномасштабные бои начались с марта 1918 г., после вторжения немецких войск группы «Киев» под командованием фельдмаршала Г. фон Эйхгорна и наступления Донской армии атамана П.Н. Краснова, занявшей к концу того же года города Бобров, Богучар, Борисоглебск, Павловск, слободу Калач, станцию Лиски и пытавшейся ата-

¹ Сиволов Д. В. Борьба воронежской губернской большевистской организации за создание и укрепление советского государственного аппарата (1917—1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 1968. — С. 67.

² Лесных А. В. Отношение крестьян к советской власти в Воронежской губернии (1917—1921 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 54. — С. 127.

³ Борисов Д. А. Крестьянское повстанческое движение в Воронежской губернии в 1920—1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2011. — С. 17.

ковать Воронеж. В ходе зимнего 1918—1919 гг. наступления Красной Армии территория Воронежской губернии была очищена от красновцев.

Вторая половина 1919 г. стала временем ожесточенных сражений между Добровольческой армией генерал-лейтенанта А.И. Деникина, отдельными белоказачьими подразделениями, с одной стороны, и частями Красной Армии, входившими в состав Южного и Юго-Восточного фронта, — с другой. В августе — сентябре 1919 г. 4-й Донской корпус генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова совершил сорокадневный рейд по тылам Южного фронта, захватив на короткое время г. Воронеж и нанеся существенный ущерб и без того находившейся в плачевном состоянии экономике Воронежской губернии. После разгрома остатки подразделений Мамонтова соединились с 3-м Кубанским корпусом генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро, которому в октябре 1919 г. почти на месяц удалось овладеть г. Воронежем. После проведения Воронежско-Касторненской операции 24 октября 1919 г. 1-й Конный корпус под командованием С. М. Буденного и отдельные дивизии 8-й армии под командованием Г. Я. Сокольниковича очистили губернский город от белоказачьих и белогвардейских войск.

Победы Красной Армии не стимулировали ликвидацию в Воронежском регионе политики продовольственной диктатуры, более того, продовольственная разверстка приобрела еще более широкие масштабы, усилились реквизиции и конфискации. Все это в конечном итоге привело к падению сельскохозяйственного производства, распространению голода, размаху бандитизма и мешочничества¹, а также к настоящему крестьянскому партизанскому движению², «малой гражданской войне».

4 ноября 1920 г. с выступления крестьянства в слободе Старая Калитва Острогожского уезда началось восстание под предводительством бывшего командира царской армии и красноармейца И. С. Колесникова, охватившее к концу месяца южную часть Воронежской губернии и насчитывавшее до десяти тысяч повстанцев. Фактически регулярная

¹ Лесных А. В. Указ. соч. — С. 128.

² Борисов Д. А. Указ. соч. — С. 19.

дивизия под командованием Колесникова, действовавшая между Россошью и Богучаром, к концу ноября 1920 г. в своем составе имела 5500 штыков, 1250 сабель, 6 орудий и 7 пулеметов. Только к исходу 1921 г. основные силы повстанцев удалось разбить, но весь 1922 г. проходили акции по ликвидации отдельных групп, которые зачастую приобретали явно выраженный уголовный характер.

Сложившаяся в Воронежском регионе в 1918—1922 г. социально-экономическая и общественно-политическая ситуация обусловила характерные черты формировавшегося кадрового состава воронежской милиции:

— преимущественное внимание к военному делу, необходимость поддержания постоянной боеготовности, вплоть до периодического непосредственного участия милиционеров, в том числе и проходивших курсовую и школьную подготовку, в боевых действиях с отрывом от повседневной службы или в ходе оперативной мобилизации на фронт;

— регулярное отвлечение от текущей служебной деятельности и учебы для «силового» обеспечения мероприятий по продовольственной разверстке, подавления сопровождавших их крестьянских бунтов, а также преследования и ликвидации бандформирований;

— текучесть милицмейских кадров, нередкие случаи дезертирства сотрудников из состава губернской и уездных милиций;

— частая смена руководства губернской и уездных милиций, отсутствие сбалансированной кадровой политики¹;

— проникновение в ряды милиции лиц, служивших в «белой» армии и участвовавших в крестьянских выступлениях.

Указанные особенности воронежской милиции неизбежно накладывали отпечаток на формирование и функционирование первых милицмейских образовательных организаций в регионе.

Процесс организации первых милицмейских курсов в Воронеже начался в конце декабря 1919 г. К этому времени губерния была в основном освобождена от белогвардейских войск, в ходе нападения которых «милиция всей губернии», по словам начальника Губернского управления милиции (Губмилиции) Д. Г. Лихачева, была «разрушена

¹ Так, в отчете губернского инспектора А. П. Драчева 20 ноября 1920 г. указывалось, что «за последние четыре месяца сменилось 3 начальника Губмилиции, 4 его заместителя и 3 помощника. В Губмилиции остался один помощник со служебным стажем. В уездах дело состоит еще хуже. Начальники Умилиции меняются по два-три раза в месяц» (ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23. — Д. 71. — Л. 22).

почти до основания... Приступая к воссозданию сызнова рабоче-крестьянской милиции на определенных началах... Губернское управление милиции не может обойти молчанием те дефекты, какие наблюдались ранее...». Циркуляр Губмилиции от 9 декабря 1919 г. № 938, обращенный к уездным милицейским начальникам, извещал об открытии курсов для того, чтобы сформировать такую милицию, которая «как народная охрана должна служить олицетворением Советской власти, не имея ничего общего с бывшей полицией, отошедшей в область предания и безвозвратности»¹. Слушатели курсов должны были пройти «необходимую школу», для того чтобы иметь возможность «вполне справляться с предстоящей работой»².

Важность открытия милицейских курсов в Воронеже была настолько велика, что руководство Губмилиции не слишком пугали потенциальные материальные трудности. Ведь еще совсем недавно, 19 июня 1919 г. начальник воронежской милиции в телеграмме в Главмилицию взывал: «Отпустите средства на содержание милиции. По губернии денег нет. Милиционеры оставляют службу»³.

Таким образом, создание первой образовательной организации по профессиональной подготовке милиционеров на Воронежской земле было напрямую связано с задачей формирования профессиональных навыков сотрудников милиции, а не только с повышением их общеобразовательного уровня и ликвидацией неграмотности. Примечательно, что это начинание имело характер сугубо местной инициативы, причем информация о первых воронежских милицейских курсах, по всей видимости, не поступала в Главмилицию. Так, в одной из первых республиканских сводок о состоянии школьно-курсового дела на июнь 1922 г. указывалось, что в Воронежской губернии курсы милиции были открыты только в 1921 г.⁴ Это соответствует действительности, только речь в данном случае идет о воронежских курсах «второй волны», которые будут проанализированы ниже. Впрочем, неполнота и искаженность информации были в то время нередким явлением. К примеру, в докладе о школьно-курсовом деле в милиции РСФСР по состоянию на 1 октября 1922 г., подготовленном отделением подготовки административно-строевого подотделения отдела

¹ ГАВО. — Ф. 736. — Оп. (8) 9. — Д. 1. — Л. 57.

² ГАВО. — Ф. 736. — Оп. (8) 9. — Д. 1. — Л. 57 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 15. — Д. 16. — Л. 21.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 28.

милиции НКВД РСФСР, сообщалось, что в 1919—1920 гг. были открыты милицейские курсы всего лишь в четырех местах — в Туле, Москве, Пензе и Сибири¹.

Руководство воронежской милиции отдавало себе отчет в том, что курсы на первых порах не смогут полностью обеспечить профессиональными кадрами правоохранительную деятельность, поэтому начальникам уездной милиции рекомендовалось принимать на службу грамотных, дисциплинированных, «наиболее сознательных рядовых рабочих и крестьян», «желательно... бывших солдат и красноармейцев, вернувшихся из плена, уволенных вследствие ранений»². Большое значение уделялось организации в милиции коммунистических ячеек, а также лекторской работе и изучению военного дела.

Первые двухмесячные губернские советские милицейские курсы (так они официально именовались в приказах по Воронежской губмилиции) открылись в феврале 1920 г. Всего было набрано 100 человек, преимущественно из уездной милиции. Курсы располагались в Воронеже, на ул. К. Маркса, д. 33. При них имелось общежитие, а на содержание курсантов были выделены денежные средства³.

Заведующим курсами был назначен инспектор административного отдела губисполкома Александр Павлович Драчев, бывший учитель с двенадцатилетним стажем, участник гражданской войны. Интеллектуальный уровень этого человека, в последующем стоявшего у истоков 3-й Воронежской областной школы младшего комсостава милиции, вероятно, был достаточно высок. Так, например, в 1911 и 1912 гг. он в составе научной экскурсии, организованной московским Обществом распространения технических знаний, побывал в Германии, Австрии, Италии и Швейцарии⁴. После окончания деятельности первых курсов приказом по Губмилиции от 3 января 1921 г. № 2 он был временно назначен на должность начальника милиции Воронежской губернии⁵.

Несмотря на то, что в Воронежскую губмилицию поступил циркуляр Главмилиции от 9 февраля 1920 г. о необходимости использования

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 54 об.

² ГАВО. — Ф. 736. — Оп. (8) 9. — Д. 1. — Л. 57 об.

³ Смирных В. М. Люди тревожного времени : очерки истории воронежской милиции 20—30-х гг. 20 в. — Воронеж, 2010. — С. 32.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 1097. — Л. 1.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 10.

для подготовки сотрудников милиции программы пензенских милицеевских курсов, в Воронеже была выработана собственная программа обучения, включавшая четыре раздела: «Военное дело», «Милицеевское дело», «Общеобразовательные дисциплины» и «Политическая подготовка»¹. Специальную подготовку, по-видимому, осуществляли привлеченные сотрудники милиции и губвоенкомата.

Для работы на курсах и ведения общеобразовательных дисциплин были привлечены и поставлены «на все виды довольствия» профессиональные преподаватели — Евгений Васильевич Снесарев (история и география), Наталья Михайловна Зеленская (математика), Мария Дмитриевна Мьякинникова (русский язык), Константин Васильевич Мьякинников (пение). Курс политической грамоты вел лектор Иван Яковлевич Глевцов².

Курсы были организованы по армейской структуре и формировались в курсовую роту, состоящую из взводов, в которых поддерживался уставной порядок. Командовал курсовой ротой Ф. Лихачев, который после ее расформирования на основании приказа по Губмилиции от 7 февраля 1921 г. № 24 был командирован со службы в милиции в выездную сессию Революционного трибунала³. К окончанию второго потока в основном стабилизировался командный состав курсов: командиры взводов — А. В. Лихачев (занимал эту должность с первого набора), С. С. Романов, Т. Н. Родионов (выпускники первого набора), А. К. Калашников; командиры отделений — Т. А. Лихачев, В. Н. Кутепов, Ф. Е. Жуков, А. И. Батвиньев, И. Т. Пешков, Г. Д. Прощенко, И. Д. Пядухов, Я. П. Рогозян⁴. На всем протяжении существования первых курсов приказом по Губмилиции назначался ежедневный наряд по взводам, роте и классам. Эти же приказы регулировали все перемещения личного состава курсов — увольнение, пополнение, отбытие в отпуск и возвращение из отпуска, дисциплинарные взыскания, причем не только за нарушение устава, но и за халатное отношение к занятиям.

Курсовая рота, таким образом, являлась особым подразделением Воронежской губмилиции, а курсанты в любой момент могли быть перемещены непосредственно в оперативные структуры. Так, например,

¹ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 32.

² ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 1—1 об.

³ ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 41.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23. — Д. 71. — Л. 11 об.

приказом по Губмилиции от 27 марта 1920 г. № 70 младший милиционер курсовой роты И. Ольшевский был переведен в водно-речную морскую милицию, приказом от 23 апреля 1920 г. № 90 старшина курсовой роты А. Есипов откомандировывался в распоряжение начальника милиции Придаченского района¹ и т.д. Исключение из курсовой роты за дисциплинарное взыскание, как правило, влекло за собой увольнение из милиции. Таков был, например, приказ по Губмилиции от 20 октября 1920 г. № 237 в отношении младших милиционеров Г. Костенко, А. Шмойлова и В. Петракова, прибывших на курсы из Придаченского района².

Первыми окончили курсы 88 младших милиционеров³, второй выпуск составил 161 курсант⁴. Пока не совсем ясной остается процедура формирования первых воронежских курсов милиции. По всей видимости, наряду с «общими сменами», при которых замещается весь личный состав курсов⁵, существовала также практика постепенной ротации курсантов. Судя по доступным приказам Воронежской губмилиции за февраль — декабрь 1920 г., срок обучения в два месяца был весьма условным, а состав курсовой роты доукомплектовывался постоянно.

Прошедшие двухмесячную подготовку курсанты распределялись по территориальным подразделениям. Так, например, приказом от 9 сентября 1920 г. № 204 по Губмилиции 59 младших милиционеров, закончивших курсы, откомандировались в городские районные и уездные органы РКМ. 23 сотрудника были назначены на соответствующие должности во 2-й, 3-й, Ямской, Придаченский районы и Воронежский уезд, остальные отбыли в сельские уезды. Примечательно, что в богучарскую уездную милицию был назначен некто Иван Колесников⁶. Мы не располагаем прямыми свидетельствами о том, что это именно тот будущий руководитель крестьянского восстания, о котором говорилось выше. Но некоторые опубликованные факты об И. С. Колесникове весьма интересны. Так, в частности, Д. А. Борисов с опорой на архивные данные сообщает о том, что И. С. Колесников с мая 1919 г.

¹ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 31, 49 об.

² ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 30.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23. — Д. 71. — Л. 8—10.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23. — Д. 71. — Л. 11—14.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 107.

⁶ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 107 об.

по июнь 1920 г. последовательно занимал должности красноармейца и командира взвода конной разведки, коменданта штаба, командира батальона 107-го (с августа 1919 г. — 357-го) стрелкового полка 40-й Богучарской стрелковой дивизии. 18 июня 1920 г., вероятно, после второго ранения, он был назначен казначеем того же полка и в конце июня отправился в командировку в отдел снабжения дивизии. Как пишет Д. А. Борисов, «на этом след Колесникова в архивных документах обрывается. По недокументальным данным, казначей 357-го полка И. С. Колесников проворовался и дезертировал, а когда добрался домой, в Старую Калитву, там уже началось восстание, военным руководителем которого он вскоре стал»¹. Так или иначе, но по времени, как нам кажется, этот человек вполне мог бы успеть устроиться в богучарскую уездную милицию и пройти двухмесячные милицейские курсы, чтобы в сентябре вернуться назад в Богучар, а затем возглавить крестьянское восстание на юге Воронежской области. Впрочем, не в пользу совпадения говорит достаточно часто встречающееся в Воронежском регионе сочетание имени и фамилии этого человека.

Трудности с финансированием и материальным обеспечением, грядущие изменения отношения к школьно-курсовому делу в Главмилиции, возможно, кадровые перестановки в руководстве Воронежской губмилицией предопределили расформирование первых воронежских курсов милиции. События развивались весьма стремительно. Приказом по Губмилиции № 263 от 19 ноября 1920 г. за подписью начальника И. А. Волгина первая большая группа младших милиционеров из 23 человек с собственными лошадьми была зачислена в курсовую роту². А уже 15 декабря 1920 г. были прекращены занятия и уволены «приватные» преподаватели³. На основании рапортов командира курсовой роты Ф. Лихачева, снабженных резолюциями заведующего курсами А. П. Драчева, 25 декабря 1920 г. начальник губмилиции Вознесенский подписал приказ № 295 об откомандировании 61 бывшего курсанта в распоряжение местных начальников милиции⁴. Этот процесс продолжался, по-видимому, до

¹ Борисов Д. А. Колесниковщина. Антикоммунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920—1921 гг. — М., 2012. — С. 21.

² ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 50—50 об.

³ ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 1 об.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 93, 94.

февраля 1921 г.¹ Окончательно курсы были закрыты 8 февраля 1921 г. приказом по Губмилиции №31. Имущество курсов после обследования специально созданной для этого комиссией, было передано в отделение снабжения Губмилиции, документы — в архив. Сотрудники курсов были переведены в другие подразделения: старшина роты Соседов и младший милиционер Крикунов — в распоряжение начальника Воронежской уездной милиции, младшие милиционеры Проскуряков и Киреев — в культпросвет, младшие милиционеры Болдырев и Тихонов — в хозяйственную команду, делопроизводители Рябенко и Тестова — в распоряжение инспекторского подотдела, письмоводительница Краманова — в Управление губмилиции. Шестнадцать милиционеров, имеющих собственных лошадей, включили в конную милицию с прикомандированием к отделу снабжения².

В центральном аппарате милиции уже в 1920 г. сформировалось представление о необходимости существенно улучшить и централизовать подготовку кадров. Так, приказом Главмилиции №4 в 1920 г. была предпринята попытка внедрения программы занятий с сотрудниками милиции, но она, согласно более поздней характеристике, представляла собой «сырой необработанный материал, предоставляющий местам возможность творить по своему разумению»³.

Рубежом, который заканчивает начальный период формирования системы образовательных организаций милиции, совершенно справедливо считается 1921 г. Окончание гражданской войны в европейской части России, совершенствование центрального и региональных милицейских аппаратов, а также потребность в более профессионально-качественном командном составе милиции в условиях стабилизации общественного развития и государственного строительства — все это стимулировало процесс централизации и создания методического обеспечения школьно-курсового дела. Более серьезной стала теоретическая проработка планирующихся мероприятий по формированию сети милицейских школ. Так, в частности, был изучен опыт первоначальной и профессиональной подготовки полицейских в странах континентальной Европы и Великобритании⁴.

¹ ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 99—99 об.

² ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 51.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 23.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 22.

Приказом Главного управления милиции Республики от 17 апреля 1921 г. № 69 было предложено открыть курсы командного состава милиции при всех губернских и областных управлениях милиции. На этих курсах должна была осуществляться подготовка сотрудников милиции от старших милиционеров до начальников уездных милиций¹. 15 апреля 1921 г. было подготовлено первое Положение о курсах командного состава при губернских и областных управлениях милиции². В нем устанавливались единые для всей республики организационные параметры курсов комсостава милиции. Вводился трехмесячный срок обучения, количество курсантов могло в зависимости от местных условий колебаться от 100 до 150. В качестве основных требований к поступающим на курсы Положение устанавливало умение бегло читать и писать, знать четыре правила арифметики, прохождение службы в «старой армии» или Красной Армии, а также отменное физическое здоровье.

В строевом отношении курсы должны были представлять собой отдельное подразделение, расквартированное по казарменному принципу и осуществлявшее внутренний распорядок согласно требованиям Устава внутренней службы Красной Армии. Общее руководство возлагалось на начальника курсов, назначаемого начальником милиции соответствующей губернии или области. Руководитель региональной милиции также назначал помощника начальника курсов по политической работе и начальника учебной части курсов.

Для организации строевой части учреждались должности 2-3-х взводных командиров, непосредственно подчинявшихся начальнику курсов. Из числа курсантов должны были назначаться командиры отделений.

В компетенцию начальника учебной части по согласованию с начальником курсов входило формирование преподавательского состава, который подлежал обязательному утверждению начальником региональной милиции. По окончании курсов слушатели должны подвергаться проверке знаний комиссией в составе начальника региональной милиции и назначаемых им председателя и двух членов. Выдержавшим испытание полагалось удостоверение об окончании курсов с отзывом о результатах экзамена и отметкой о должности, на которую комиссия рекомендует выпускника.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 55.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 а. — Л. 1—1 об.

Приказ № 69 утвердил единые план и программу преподавания, разработанные 12—15 апреля 1921 г. Программа курсов состояла из учебной и строевой частей. Учебную часть составляли три отделения:

— общее, содержавшее общеобразовательные предметы (русский язык, арифметику, географию, советскую Конституцию и законодательство, законоведение, форму советского судопроизводства, политэкономии, историю рабочего движения в России и за рубежом);

— специальное, включавшее в себя предметы, раскрывающие специфику милицеейской деятельности и взаимоотношения милиции с другими административными органами (общие сведения об административных органах, прежде всего НКВД, ВЧК, местных исполнительных комитетах, а также предметы, характеризующие организационно-правовые основы советской милиции, делопроизводство и основные сферы ее деятельности, включая наиболее актуальные, например борьбу с бандитизмом или специфику работы милиции на территориях, занятых неприятелем);

— отделение политической грамоты (изучение истории Февральской и Октябрьской революций, организации советской власти и диктатуры пролетариата, экономических основ системы Советов, национального вопроса, политики в области просвещения, взаимоотношений государства и церкви, охраны труда и социальной политики Советского государства, проблем империалистической и гражданской войны, строительства Красной Армии, профсоюзов и коммунистической партии).

Строевая часть программы включала изучение воинских уставов — внутренней службы, строевого, гарнизонной службы, полевого и дисциплинарного, а также основ стрелкового, окопного и пулеметного дела, военной топографии¹. Наличие такого большого количества предметов, которые должны были быть изучены в течение трех месяцев, логично приводило к мысли о том, что эти дисциплины могли быть освоены только весьма поверхностно².

Издание приказа № 69 ускорило образование губернских и областных курсов комсостава. По данным доклада «О ходе подготовки к школьно-курсовому делу и милиции РСФСР по состоянию на 1-ое октября 1922 года», к 1 января 1922 г. в стране существовало уже 46 курсов комсостава милиции, которые в общей сложности осуществили

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 а. — Л. 2—3 об.

² Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 92.

51 выпуск — 2553 выпускников, которые в большинстве своем были использованы на местах в качестве младших и старших милиционеров, а наиболее успешно окончившие курсы были назначены на руководящие должности, вплоть до начальников районных милиций¹. Немаловажным фактором, способствовавшим подготовке поступающих на курсы комсостава и оптимизации их учебы, являлось усиление борьбы за грамотность среди милиционеров. Так, за 1921 г. было обучено 6412 неграмотных и 500 малограмотных сотрудников милиции, а в 1922 г. — соответственно 10702 и 3592².

Реализация задач по централизации системы образовательных организаций милиции потребовала создания специальной структуры. 6 ноября 1921 г. начались заседания комиссии по организации и подготовке милиции³, которая приказом начальника милиции Республики от 14 ноября 1921 г. была преобразована в постоянную комиссию по выработке устава, наставлений и руководств по школьно-курсовому делу⁴. В ее составе были сформированы три секции: по школьно-курсовому делу, выработке положения о милиции, выработке формы одежды милиционера и норм его снабжения. На первом заседании постоянной комиссии 18 ноября 1921 г. было утверждено положение о школьно-курсовой секции, а также впервые были рассмотрены и с небольшими изменениями утверждены предложения о типах образовательных организаций милиции:

— «школы, которые должны давать старших милиционеров и первоначальных агентов угрозыска» (одна школа на губернию);

— «второй тип школы должен давать работника милиции повышенной сравнительно с первым типом квалификации» (областной или окружной принцип);

— «третий тип школы должен давать работника милиции высшей квалификации» (не более двух-трех на Республику)⁵.

После недолгого обсуждения секция по школьно-курсовому делу 23 ноября 1921 г. в целом одобрила Положение о типах школ в милиции⁶. Задача создания постоянных милицейских школ как для рядового, так и

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 56.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 47. — Л. 86.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 328. — Л. 115.

⁴ Бюллетень Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). — 1921. — № 8. — С. 45.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 328. — Л. 6.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 328. — Л. 138.

для командного составов в Главмилиции связывалась с исключительно с положительными последствиями, позволяющими «поднять уровень личного состава» и создать возможность «назначать на ответственные должности людей, обладающих образовательной и специальной подготовкой»¹. Симптоматично, что совершенствование подготовки милицейских кадров должно было осуществляться параллельно с чисткой рядов милиции, освобождением их «от темного элемента»².

Первоначальное обучение милиционеров должны были осуществлять 6—8-месячные курсы или «учебные милицейские школы». Согласно первому проекту Положения такие школы учреждались «в целях поднятия познаний и общего развития младшего милицейского комсостава состава, административно-хозяйственного персонала, административно-политического состава, агентов 2-го разряда Уголпрозыска, а также в целях углубления в них классового самосознания и воспитания сознательных борцов за торжество социализма». Школы должны были формироваться при каждом управлении милиции губерний, областей, автономных республик, автономных областей и находиться в непосредственном ведении соответствующего начальника РКМ. Общее руководство возлагалось на начальника школы и подчиненных ему начальника учебной части, помощников по политчасти и строевой части. Более точно определялись критерии приема: первоначальное обучение в резерве, пребывание на милицейской службе не менее шести месяцев, грамотность и физическое здоровье. Предполагалось в первую очередь через школы пропустить всех старших милиционеров, агентов уголовного розыска, политруков, каптенармусов³.

Планировалось, что срок обучения будет составлять 8 месяцев, в течение которых должны быть изучены общеобразовательные (русский язык, арифметика, политграмота и т.д.) и специальные (партийное строительство, задачи милиции и уголовного розыска, военные уставы и т.д.) предметы. Особое внимание в проекте акцентировалось на политико-просветительской работе в школах. Так, в частности, помощник начальника школы по политчасти должен был назначаться начальником политсекретариата Губмилиции, политчасть школы планировалась

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 23 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б. — Л. 23.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 337. — Л. 82.

как самостоятельное структурное подразделение, на выпускных экзаменах должен был в обязательном порядке присутствовать представитель от Губполитпросвета, предполагались инспекционные проверки преподавания общеобразовательных и политических предметов со стороны политических и партийных органов милиции. В проекте впервые появились указания касательно практических занятий и видов выпускных экзаменационных оценок. Были сформулированы общие положения об общем собрании учащихся, педагогическом совете, внутреннем распорядке и хозяйственной жизни, помещениях и довольствии учащихся, а также медицинской части. Проект содержал довольно подробный табель инвентарного имущества школы.

Выпускники школы должны были поступать в распоряжение начальника Губмилиции и Политсекретариата. В проекте особо подчеркивалось, что «окончившие школу имеют преимущества перед неокончившими школу к занятию должности по своей специальности и при вступлении в школы младшего комсостава».

Первый проект Положения о милицеских школах, осуществлявших подготовку милиционеров, по сути, заложил основы для организации не только будущих школ-резервов, но и школ младшего комсостава милиции. В конце 1921 г. школьно-курсовой секцией были разработаны и одобрены первые проекты положений о курсах командного состава при губернских, областных, дорожных и продовольственных управлениях милиции¹, об окружных школах² и высших курсах милиции³.

На губернских курсах комсостава и в окружных школах должна была осуществляться подготовка младшего командного состава, например, начальников отделений или агентов уголовного розыска первого разряда. Губернские курсы в строевом отношении должны были представлять из себя роту, состоящую из двух-трех взводов. Хозяйственное обслуживание курсов возлагалось на соответствующие территориальные управления милиции. Руководство составляли начальник курсов, комиссар, начальник учебной части, командир курсовой роты. Обучение должны были осуществлять приглашенные начальником учебной части преподаватели, оплата труда которых определялась исходя из существовавших к тому времени профессионально-тарифных ставок.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 328. — Л. 76—77.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 328. — Л. 159.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 328. — Л. 145.

На курсах учреждались коллегиальные органы — педагогический совет и общее собрание курсантов. В качестве цели обучения определялась «подготовка старших милиционеров-инструкторов милицейского дела, стоящих на платформе Советской власти»¹. Преподаваемые дисциплины имели общеобразовательный (русский язык, арифметика, география и т.д.), специально-профессиональный («милиционная система», уголовный розыск) и строевой (военные уставы, строевая подготовка) профиль. Выпускникам присваивалось звание старших милиционеров с правом занятия вакантных должностей командного состава.

В конце 1921 г. приказом Главмилиции № 314/с было предложено реорганизовать существующие по приказу № 69 курсы младшего комсостава в губернские школы милиции.

К 1 июня 1922 г. таких школ было уже 48. В период с 1-го января по 1 июня 1922 г. было произведено 27 выпусков, выпущено 1059 курсантов². При двадцати одном управлении милиции учреждение школ и курсов было задержано в связи с недостатком денежных средств, помещений, оборудования, лекторского персонала и учебных пособий, а также по причине разразившегося в 1921 г. голода³. В связи с бурным открытием милицейских образовательных организаций, а также обособлением милицейского образования от военной подготовки у сотрудников центрального аппарата даже стала обнаруживаться некоторая эйфория. Так, в частности, в докладе о деятельности отделения подготовки административно-строевого подотдела милиции за период с 1 января по 1 июня 1922 г. указывалось, что «неудовлетворительная подготовка младшего комсостава и милиционеров в связи с введением режима Красной Армии в милиции изжита с введением планомерной подготовки...»⁴.

Особняком в формировавшейся системе образовательных организаций милиции стояли высшие милицейские курсы, выпускники которых должны были стать кандидатами на должности начальников уездных и городских отделов милиции, помощников по политической части, инспекторов уголовного розыска и т.д. Приказом Главмилиции от 15 ноября 1922 г. высшие курсы комсостава в Петрограде и Омске были переименованы соответственно в Первую Петроградскую и Вторую

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 328. — Л. 77.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 Б. — Л. 56

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 Б. — Л. 39.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 Б. — Л. 39.

Омскую школы среднего комсостава милиции¹. Приказом от 1 декабря 1922 г. в Ростове-на-Дону² была создана Третья школа среднего комсостава, переведенная 1 июля 1923 г. в Новочеркасск³.

Формально вся территория республики к концу 1922 г. была покрыта сетью курсов и школ, однако говорить о «фактическом завершении формирования единой школьно-курсовой сети»⁴, на наш взгляд, было бы преждевременно. Еще не сформировались четкие организационно-правовые основы образовательных организаций милиции, ведомственные нормативные правовые акты не носили долговременного характера, не сложилась прочная унифицированная учебно-методическая база, не был налажен механизм централизованного республиканского административного контроля за функционированием курсов и школ. Безусловно, это был шаг вперед в сравнении с первыми милицейскими курсами, однако в большей степени, как кажется, опыт 1921—1922 гг. стал первым опытом более или менее успешного апробирования деятельности центрального аппарата милиции по формированию системы ведомственных образовательных организаций, положительные черты и недостатки которого были учтены в последующие годы. Поэтому можно согласиться с мнением М. А. Кожевиной о том, что к концу 1922 г. «сложились необходимые условия для развития системы профессиональной подготовки кадров милиции»⁵.

Воронежские курсы для подготовки комсостава милиции (с начала 1922 г. — губернская милицейская школа) были учреждены приказом от 19 июля 1921 г. № 96, подписанным начальником Губмилиции И. А. Шевелевым⁶. Открытие курсов совпало с реализацией решений I-го Съезда начальников уездных милиций Воронежской губернии, одним из важнейших постановлений которого относительно совершенствования административно-кадрового обеспечения борьбы с бандитизмом и преступностью стали меры по «искоренению из рядов милиции преступного элемента», прежде всего из командного состава⁷. Во исполнение решений съезда во второй половине 1921 г. развернулась

¹ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 115.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 331. — Л. 642.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 29. — Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 210.

⁷ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 28.

чистка губернской милиции, для чего были созданы специальная межведомственная аттестационная комиссия по фильтрации комсостава, состоявшая из представителей Губчека, Губкома, Губвоенкома и Губмилиции в г. Воронеже, а также соответствующие учреждения на местах. Работа комиссий в конечном итоге не ограничилась искоренением только «преступного и зарвавшегося элемента», а развернулась в более широкий формат определения профессиональной пригодности милиционеров. Примечательно, что весь командный состав милиции подвергался «тщательному испытанию по вопросам военных наук, милицейского и судебного дела и политического характера»¹. Таким образом, вновь учреждаемые в Воронеже милицейские курсы оказались как нельзя более востребованными в условиях активной выработки необходимых образовательных критериев для занятия должностей младшего командного состава.

Первоначально переменный штат курсов определялся в 150 человек. Начальником курсов был назначен Сергей Вениаминович Радкевич-Успенский. Ему было дано поручение не позднее 30 июля приступить к организации курсов с тем, чтобы занятия начались 1 сентября. С этой целью до 25 июля он должен был представить начальнику губернской милиции кандидатов на должности своего помощника по политической части и начальника учебной части, а также не позднее 15 августа сформировать штат преподавателей. К 20 августа на утверждение начальника Губмилиции должно было быть представлено расписание занятий. Начальнику административного отдела было приказано отвести под курсы соответствующие помещения при Резерве Губмилиции.

Принимая во внимание требования, изложенные в Положении о курсах комсостава, в приказе № 96 по Губмилиции всем начальникам уездной и городской милиции и начальнику резерва предписывалось назначить лиц, командруемых для поступления на курсы. Из 150 поступающих были определены квоты в 30% для начальников районной милиции (37 человек), 40% — для помощников начальников районных милиций (45 человек), 20% — для старших милиционеров (25 человек) и 10% — для младших милиционеров (23 человека). Самое большое количество откомандированных вызывалось из бобровской уездной (22 человека) и воронежской городской (20 человек) милиции. Одного

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 31.

представителя делегировал Резерв Воронежской губмилиции¹. Будущие слушатели должны были прибыть 26 августа 1921 г. с обмундированием и вооружением в распоряжение начальника курсов.

Фактическое открытие курсов и начало регулярных занятий состоялось 19 сентября 1921 г., о чем 12 октября было сообщено в рапорте начальнику Главмилиции. Всего первоначально принятыми оказались 80 курсантов², затем «после тщательной фильтрации» осталось 69 человек³, которые были размещены в оборудованном койками и постельными принадлежностями общежитии. Открытие курсов сопровождалось серьезными трудностями. Начальник курсов в своем первом рапорте указывал на недостаточный размер пайка и острую нужду в некоторых предметах повседневной необходимости, которые невозможно было приобрести без «кредитов из центра»⁴. Недостаточное продовольственное обеспечение в начале 1922 г. отчасти удалось компенсировать путем перевода курсантов на «боевой паек»⁵, однако «довольствие» обучающихся оставалось весьма скромным на всем протяжении существования комкурсов. Тем более, что приказ от 11 февраля 1922 г. № 62 по Главмилиции разъяснил, что «школа милиционеров, существующая по штатам приказа № 314/с приравнивается к войсковой школе Красной Армии, а потому пайком, установленным для курсов комсостава военного ведомства, не пользуется»⁶. Так, к примеру, в марте 1922 г. на жалование всем слушателям было выделено всего 50 млн. рублей в месяц. Для сравнения — младший милиционер в Воронежской губернии в это время ежемесячно получал 2 млн рублей⁷.

Функционирование курсов в значительной степени затрудняло отсутствие подходящего помещения. Судя по всему, опыт первых курсов, когда в здании на ул. К. Маркса, д. 33 совмещалась классная комната и общежитие, уже не мог соответствовать более качественной организации учебного процесса. Так, на заседании ячейки РКП(б) Губмилиции 4 февраля 1922 г. А. П. Драчев указал на то, что сразу после

¹ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 210 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 700. — Л. 1—2.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 32 об.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 700. — Л. 1 об.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 32.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 13. — Л. 80.

⁷ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 137—138.

майского 1921 г. приказа Главмилиции об открытии воронежских курсов к Губисполкому «было возбуждено ходатайство об отводе помещения», которое рассматривалось до января 1922 г., причем в конце концов вся переписка была «затеряна» и «завалилась». Опытный сотрудник Губмилиции, хорошо осведомленный об основных проблемах обустройства первого в Воронеже образовательного учреждения милиции, сетовал на то, что такое положение дел является «тормозом скорейшей организации курсов для выпуска более работоспособного комсостава»¹. Отчаявшись добиться помощи от советских органов, члены партячейки постановили «просить Губком об оказании содействия отвода 2-й половины церкви Богослова» для использования в качестве дополнительного помещения курсов милиции².

Первым начальником курсов был С. В. Радкевич-Успенский³. В письме, направленном в Главмилицию 5 марта 1921 г., он, тогда еще будучи заместителем начальника воронежской губмилиции, характеризовался как «один из нескольких старых работников, специалистов милицейского дела», входивших в то время в губернский милицейский корпус. Успенский, несмотря на молодой возраст (родился 12 января 1902 г.), принял самое активное участие в гражданской войне на Южном фронте против Добровольческой армии А. И. Деникина, участвовал в подавлении восстания левых эсеров на Харьковщине в г. Купянске. После демобилизации в ноябре 1919 г. он поступил на службу в воронежскую милицию, где последовательно занимал должности делопроизводителя, помощника начальника района, районного начальника, помощника губинспектора⁴. Инспектируя милицию в уездах, он приобрел значительный опыт административной работы. Это стало решающим фактором, обусловившим его назначение на должность начальника штаба 4-й милиционной бригады г. Воронежа, где ему «путем подбора опытных работников-специалистов удалось достичь высокой продуктивности работы бригады»⁵.

В руководящий состав воронежских комкурсов милиции в июле—августе 1921 г. вошли также помощник начальника по строевой части Дмитрий Иванович Санин и первый комиссар курсов, бывший боец

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 334 А. — Л. 123—123 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 2. — Д. 334 А. — Л. 123.

³ В 20—30-е гг. XX в. в официальных документах он подписывался «Успенский».

⁴ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 31. — Д. 3921. — Л. 23—24.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 207. — Л. 28—28 об.

отряда особого назначения по борьбе с бандитизмом Феоктист Яковлевич Истратов¹.

Особенный интерес вызывает назначение помощником начальника курсов по учебной части Владимира Емельяновича Пржелуцкого — генерал-лейтенанта в отставке, командующего в годы Первой мировой войны 64-й пехотной дивизией, кавалера орденов Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 1-й степени с мечами, Св. Анны 1-й степени с мечами². Его младший брат, генерал-майор М. Е. Пржелуцкий был активным участником Белого движения в составе созданных в январе 1919 г. под командованием генерал-лейтенанта А. И. Деникина объединенных Вооруженных сил юга России, а затем, вплоть до своей смерти в 1940 г. в эмиграции, входил в Комиссию по делам русских граждан в Северной Африке³.

Судьба В. Е. Пржелуцкого после начала 1921 г. неизвестна, однако назначение шестидесятилетнего специалиста старой школы заведующим учебной частью курсов комсостава милиции в помощь молодым революционно настроенным административным работникам (С. В. Успенский — 19 лет, Д. И. Санин — 21 год, Ф. Я. Истратов — 20 лет) весьма показательны. Для формирования элементарных методических основ учебного процесса в своих первых образовательных организациях руководство милиции на местах пыталось использовать опыт, накопленный еще в императорский период. Кроме того, на фоне преимущественно начального образования представителей новой власти свою роль сыграл и достаточно высокий интеллектуальный уровень «старых специалистов». Не случайно с начала 1921 г. практически бесменным заведующим учебной частью воронежских школ милиции в 20-е гг. стал Павел Валерианович Рождественский — выпускник историко-филологического отделения Высшей Петроградской Духовной академии, преподаватель Гатчинского института, Лодзинского коммерческого училища, директор Алексеевской мужской гимназии Воронежской губернии. Приняв революцию 1917 г., П. В. Рождественский, прежде чем возглавить учебную работу в Воронежской губернской милицеейской школе, продолжал накапливать педагогический опыт, работая на различных образовательных курсах и в школах⁴. В декабре 1920 г.

¹ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 1501. — Л. 19 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 208. — Л. 12 об. — 13.

³ Волков С. В. Офицеры российской гвардии : опыт мартиролога. — М., 2002. — С. 392.

⁴ Смирных В.М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 142—143.

Рождественский был назначен библиотекарем Первых воронежских милицейских курсов, затем с августа 1920 г. работал преподавателем по русскому языку, возглавляя учебную часть. После ликвидации курсов вплоть до открытия 3-й Воронежской школы РКМ Рождественский работал преподавателем русского языка в 22-й Воронежской пехотной школе и на рабфаке недавно образованного Воронежского госуниверситета¹. Путь Рождественского к руководству учебным процессом в воронежских милицейских образовательных организациях не был простым. 20 августа 1920 г. он был арестован, а 14 ноября 1920 г. Постановлением коллегии Воронежской Губчека осужден по обвинению в службе у белогвардейцев. Однако приговор был достаточно мягким, и Рождественский был освобожден из-под стражи, что позволило ему и дальше заниматься преподавательской деятельностью. Окончательно реабилитирован он был только 25 марта 2003 г.²

После перевода С. В. Успенского на должность начальника административно-строевого отдела Губмилиции на должность руководителя переименованной Воронежской губернской школы комсостава приказом от 4 января 1922 г. № 3³ был назначен Иван Петрович Бородин, командир роты в годы Первой мировой и гражданской войн, участник обороны Воронежа от отрядов Мамонтова в составе особого милицейского подразделения. В марте 1920 г. он был назначен начальником гормилиции Воронежа, а затем исполнял обязанности начальника 4-й Воронежской милиционной бригады⁴. С именем И. П. Бородина связаны важнейшие события функционирования Воронежской губернской школы комсостава милиции, прежде всего два первых ее выпуска. В ноябре 1922 г. на посту начальника школы Бородина на очень непродолжительный срок сменил его бывший помощник по строевой части Леонид Леонидович Гельднер, подпоручик царской армии, перешедший в годы гражданской войны на сторону большевиков⁵.

Политическую подготовку курсантов осуществляли последовательно сменявшие друг друга комиссары курсов Ф. Я. Истратов,

¹ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 3239. — Л. 3 об.

² Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. — URL: <http://lists.memo.ru/index17.htm> (дата обращения: 10.10.2017).

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 208. — Л. 54.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 421. — Л. 41—41 об.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 766. — Л. 1—2.

Д. И. Комаров и А. П. Дронов. Их деятельность регламентировалась Положением о комиссарах и помощниках по политической части в рабоче-крестьянской милиции, утвержденным приказом Главмилиции от 7 июня 1921 г. № 117/с¹. Институт комиссаров был введен «в целях проведения действительного политического контроля и непосредственного наблюдения за правильностью и успешностью работы командного и хозяйственно-административного состава рабоче-крестьянской милиции; поднятия боеспособности и укрепления трудовой революционной дисциплины в частях и управлениях милиции, содействия и руководства милиционерами в отношении развития в них классового самосознания и коммунистического мировоззрения»². Комиссары наделялись самыми обширными полномочиями, в том числе и в сфере взаимоотношений с внешними для милиции структурами. В случае обнаружения действий со стороны командного и хозяйственно-административного состава, направленных против Советской власти или противоречащих распоряжениям центра, комиссар был обязан принимать «самые решительные меры для предотвращения таких действий, сообщая немедленно о принятых им мерах высшему в порядке подчинения комиссару и помощнику по политической части». Комиссарам предоставлялось право возбуждать вопрос об отводе командного состава в случае служебного и политического их несоответствия³.

Комиссару, исполняющему свои обязанности в образовательной структуре, помимо твердого следования курсу РКП(б) требовались еще и развитые морально-нравственные качества, позволяющие наладить доверительные отношения с обучавшимися. В целом помощники начальников Воронежской губернской школы милиции соответствовали предъявляемым требованиям. Так, в частности, курсанты последнего выпуска поблагодарили Алексея Петровича Дронова, указав, что его отличительными качествами являются «вежливость, простота и главным образом энергия и настойчивость в укреплении дисциплины для подготовки работников к борьбе за идеалы коммунизма»⁴.

Штат курсов, в целом установленный приказом по Губмилиции от 28 октября 1921 г. № 122, после некоторого сокращения включал должности начальника, двух помощников, четырех старших милиционеров,

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 22. — Л. 22—23 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 22. — Л. 22 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 22. — Л. 23 об.

⁴ Смирных В.М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 142.

каптенармуса, переплетчика-машиниста, повара и хозработника. Количество курсантов также было сокращено до 60 человек¹. Главмилиция в приказе № 399 от 14 августа 1922 г. требовала «принять за руководство», что губернские милицейские школы должны быть укомплектованы не менее как на 50% коммунистическим составом². Источником комплектования должны служить коммунистические кадры милиции, в случае же недостаточности таковых рекомендовалось подавать соответствующие представления в Губкомы РКП(б).

Перед началом занятий все присланные на курсы милиционеры подвергались медицинскому освидетельствованию и вступительному испытанию по общеобразовательным предметам. На основании полученных результатов курсанты были разделены на два отделения. Часть откомандированных для поступления были отправлены по местам прежней службы, как неудовлетворяющие условиям приема на курсы.

Для повышения продуктивности работы во втором отделении, которое составили менее подготовленные курсанты, основное внимание было обращено на увеличение занятий по русскому языку и арифметике.

Занятия начались при почти полном отсутствии учебных пособий. Самостоятельно решить эту проблему руководство курсов оказалось не в состоянии, несмотря на предпринятые попытки достать учебные материалы в Москве и наладить контакты с Губполитпросветом. В результате библиотеку курсов составили лишь несколько экземпляров воинских уставов и наставлений. Ни по одному из трех отделений учебной части программы курсов учебников и пособий найти не удалось. Для выхода из создавшегося положения преподавателям было рекомендовано во время чтения лекций содержать блоки, требующие особого внимания курсантов записывать под диктовку³.

Для чтения лекций первоначально были приглашены 12 опытных преподавателей с солидным стажем⁴. В числе других на курсах работали Петр и Иван Щемелиновы, Дмитрий Терентьев, Владимир Шурупов, Николай Недохляев и др.⁵ Уровень их профессиональной подготовки был достаточно высок. Так, в частности, Петр Иванович

¹ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 273.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 13. — Л. 50.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 700. — Л. 1.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 700. — Л. 1 об.

⁵ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 139.

Щемелинов с 1918 г. состоял в должности члена следственной комиссии при Воронежском народном окружном суде¹. К чтению лекций привлекались также наиболее опытные сотрудники милиции².

Приказом по Главмилиции от 15 июня 1922 г. № 240 был установлен порядок оплаты труда штатных преподавателей губернских и областных милицейских школ, которые приравнивались к 10-му разряду. Была определена норма обязательных занятий в месяц — 32 часа. Почасовое вознаграждение за ведение занятий сверх указанной нормы составляло 2,5%. При этом занятия по физической культуре, а также преподавание уставов в тех случаях, когда оно производится не в часы строевых занятий, оплачивалось в размере 2,5% месячного оклада 9-го разряда. Вознаграждение за практические занятия в поле, предусмотренные программами, утвержденными Управлением Милиции Республики, оплачивались в размере почасового вознаграждения с 25%-й надбавкой. Также было предусмотрено вознаграждение за руководство экскурсиями, производимое из обычного расчета почасового вознаграждения с уменьшением на 25% и не свыше как за 6 часов. Перерывы в занятиях, произошедшие по независящим от преподавателей причинам, подлежали оплате по среднему заработку за последние 3 месяца³.

Ввиду того что программа, объявленная в приказе Главмилиции № 69, не давала исчерпывающих указаний по объему общеобразовательных предметов, учебной частью были сделаны соответствующие методические указания преподавателям. Так, по русскому языку главное внимание было обращено на формирование у курсантов умений излагать свои мысли устно и письменно, на приобретение необходимых сведений о грамматике, этимологии и орфографии, а также на чтение произведений народных писателей. По арифметике кроме действий с целыми числами было рекомендовано отработать также упражнения на счетах, понятие дробей и действий с ними, сформировать представление о процентах и метрических системах. Важнейшими результатами обучения по географии должно было стать знание карт Воронежа и уездов Воронежской губернии, административного деления РСФСР, а

¹ В прокуратуре области состоялось открытие музея // Прокуратура Воронежской области [Электронный ресурс]. — URL: http://prokuratura-vrn.ru/sv/n_3202_.html (дата обращения: 10.10.2017).

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 32 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 13. — Л. 303.

также краткое знакомство с общей географией (форма и виды суши и воды, атмосфера, флора и фауна Земли, народонаселение планеты, государственное устройство главных государств Европы и Азии, а также США)¹. В докладе в Главмилицию о деятельности административно-строевого отдела Воронежской губмилиции за февраль 1922 г. указывалось, что поставлена цель «провести через школу всех милиционеров губернии», а сама школа «должна сыграть крупную роль в деле постановки милиции на должную высоту»².

В разгар функционирования курсов начальник губмилиции И. А. Шевелев 4 декабря 1921 г. провел их внезапную проверку и остался в целом доволен ее результатами. В частности, он указал на правильное несение дежурства суточным нарядом, удовлетворительный внешний вид курсантов и качество пищи в столовой, порядок в помещении курсов. Начальник объявил благодарность дежурному и «старшим команды», а также комиссару курсов Ф. Я. Истратову, который, «находясь на своем посту, по силе возможности входит в нужды курсантов и стремится к удовлетворению их личных потребностей». Курсантам из Самары было сделано замечание за неряшливый внешний вид. Отсутствовавшему в расположении курсов временно исполнявшему должность начальника курсов В. Е. Пржелуцкому было рекомендовано «уделять больше внимания курсам» и приказано «относиться к делу с полной серьезностью, имея ввиду, что курс обучения заканчивается и в самом недалеком будущем курсанты..., получив соответствующие своим успехам назначения, должны будут соприкоснуться непосредственно с самыми суровыми условиями действительности, отдав свои силы служению социалистическому отечеству»³.

Учитывая объективные обстоятельства создания и функционирования, все же трудно говорить об организационном совершенстве образовательной организации воронежской милиции. Предпринятая в конце апреля 1922 г. проверка делопроизводства продемонстрировала, что в школе «учет обмундирования ведется небрежно, в книге вещевого довольствия масса помарок, ведомость обмундирования, состоящего на людях, ведется по отдельной тетрадке, которая вся засалена и помята, время выдачи обмундирования не указывается». Сходная ситуация

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 700. — Л. 1 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 5 об.

³ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 304.

была обнаружена и в документах о продуктивном довольствии, а также в 15 делопроизводственных делах, названия которых не всегда соответствовали содержанию хранившейся в них переписки, причем треть из них давно подлежала уничтожению. Ответственные работники Губмилиции, осуществлявшие проверку школы, констатировали, что в ней «постановка отчетности и делопроизводства слабая». Приказом по Губмилиции от 29 апреля 1922 г. № 72 начальнику школы И. П. Бородину был объявлен строгий выговор¹.

Первый выпуск Воронежских курсов комсостава состоялся 17 февраля 1922 г. В приказе начальника Губмилиции от 18 февраля 1922 г. № 21 отмечалось «необходимое усердие» курсантов «к наукам и воинской дисциплине»². Всего курсы закончили 38 человек³. На основании заключения экзаменационной комиссии для занятия должностей начальников районных милиций были направлены 27 бывших курсантов, по одному выпускнику было рекомендовано назначить на должности помощника начальника уездной милиции, начальника и агента уголовного розыска. Восемь человек были назначены старшими милиционерами⁴.

Востребованность школы милиции для совершенствования милицейских кадров была практически сразу же отмечена губернскими органами власти. В ежемесячном докладе за март 1922 г. отдела управления Воронежского губисполкома отмечалось, что «выпуск... курсантов... влил свежую и здоровую струю в ряды милиции»⁵. По словам начальника административно-строевого отдела Воронежской губмилиции С. В. Успенского, «первым выпуском курсантов были заменены по губернии лица, наиболее слабо развитые, что повлекло за собой значительное повышение процента вполне соответствующего комсостава»⁶. Бывший начальник курсов был убежден, что «главную роль в обучении милиционеров безусловно должны сыграть командные школы, ибо

¹ ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 310. — Л. 178.

² ГАВО. — Ф. Р-4. — Оп. 1. — Д. 310. — Л. 44.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 50. — Л. 184.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 17 об.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 35. — Д. 86. — Л. 266.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 17 об.

только при долгосрочной выучке, казарменном положении, приучением к дисциплине, путем общего развития и вообще расширения кругозора может быть создан высококвалифицированный... милиционер»¹.

Для приема новых курсантов практически сразу после первого выпуска была сформирована экзаменационная комиссия, утвержденная начальником адмотделом Губисполкома И. А. Шевелевым. Ее возглавил заместитель начальника Губмилиции по политчасти Я. Т. Плаксин. В состав комиссии вошли также начальник школы И. П. Бородин, комиссар Ф. Я. Истратов, а также некоторые преподаватели. Медицинский отбор осуществляли врач Бунькин и лекпом Маевский². Второй набор курсантов в количестве 33 человек приступил к занятиям 20 марта 1922 г.³ Неудачным оказался опыт с включением в состав курсантов женщин, все семь представительниц «прекрасного пола» в мае 1922 г. «как неподготовленные к милицейской службе» были отчислены⁴.

Руководство Губмилиции неоднократно отмечало, что работу школы существенно тормозят слабое продовольственное снабжение, «более чем недостаточное», учитывая интенсивность умственных и строевых занятий в строгих казарменных условиях при оторванности от семей. В связи с этим школой была предпринята попытка с наступлением весенне-летнего периода собственными силами осуществить посевные работы. Незначительно были увеличены нормы продовольственного пайка курсантов⁵.

В апреле 1922 г. школа была переведена в новое помещение по адресу ул. 11 Мая, д. 5⁶. Несмотря на существенное улучшение размещения школы, многие вопросы по-прежнему оставались нерешенными. В июле 1922 г. в помещениях школы недостаточным было освещение, ощущалась нехватка учебных столов, в общежитии не было умывальника и кухни, отсутствовал цейхгауз. Как и прежде, ощущался недостаток учебных и настенных наглядных пособий по общеобразовательным и специальным предметам, а также станков

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 17.

² Смирных В. М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 144.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 50. — Л. 184.

⁴ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 144.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 17 об.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 55; Смирных В. М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 137.

для наводки винтов прицельных зеркал и учебных патронов, отсутствовали шомпола¹.

Подготовка второго набора осуществлялась в условиях продолжения чистки Губмилиции, которая несколько оздоровила ее состав. Однако, как справедливо указывал в своем майском 1922 г. докладе в Главмилицию С. В. Успенский, чистка позволяет лишь осуществлять «филтрацию состава (милиции. — Авт.) в отношении его политической благонадежности». «Новые юридические формы» деятельности милиции требовали от командного состава «высокой специализации и значительного общего культурного уровня». Воронежский губисполком неоднократно указывал на необходимость обращения серьёзного внимания на обучение милиционеров, «так как условия жизни при новой экономической политике требуют строгую юридическую законность от всех представителей административной власти»². В условиях нэпа стало возникать все больше вопросов, разрешение которых потребовало от «милицийских работников некоторой юридической компетенции»³. Так, например, начальник административно-строевого отдела Губмилиции был убежден, что с введением с 1 августа 1922 г. прокурорского надзора произойдет «массовое привлечение к судебной ответственности работников милиции за недостаточно законное оформление разнovidных актов»⁴. В связи с этим в губернии были организованы восьминедельные курсы милиционеров. Но при реализации текущей задачи по «созданию высококвалифицированного милиционера» Успенский возлагал «большие надежды» прежде всего на губернскую школу командного состава⁵. Как следствие, внимание руководства школы было обращено на то, что при изучении специальных предметов, касающихся административной практики милиции, больше места должно было отводиться практическим навыкам. В итоге курсанты стали значительно чаще привлекаться к дознанию, посещать судебные процессы⁶.

При обучении в школе второго набора значительно больше внимания уделялось политической подготовке. В неделю, как правило, под

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 72. — Л. 110 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 35. — Д. 86. — Л. 235 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 68.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 82.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 68.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 101. — Л. 83 об.

нее отводилось от пяти до семи академических часов. Как было отмечено в майском 1922 г. докладе начальника политического секретариата Воронежской губернской советской милиции М. Л. Минакова, «курсанты к политзанятиям относятся весьма доброжелательно, имеют настроение деловое»¹. В июне 1922 г. он докладывал, что как строевые, так и классные занятия в школе ведутся аккуратно, «без всяких перебоев». Особый интерес у курсантов вызывал введенный в программу обучения новый предмет «Церковь, школа и государство». По воскресеньям организовывались собрания для изучения «Азбуки коммунизма», а также «кружковые беседы по докладам»². Политактив школы составляли четверо членов и четверо кандидатов в члены РКП(б)³.

24 сентября 1922 г. обучение было завершено. Из 35 выпускников экзамен на «отлично» выдержали 5 курсантов, 19 — на «хорошо», 7 — на «удовлетворительно» и 4 — на «слабо». Курсанты, показавшие наиболее впечатляющие успехи, были «удостоены занесения на Красную доску»⁴. Андреан Кузьмич Бавыкин за отличие в учебе был награжден серебряными часами⁵. Он был назначен на должность помощника Землянской уездной милиции. 24 выпускника Воронежской губернской школы комсостава получили назначения на должности начальников районных милиций, 3 — старших милиционеров, 2 — милиционеров и 1 — делопроизводителя⁶. Начальника Богучарской уездной милиции А. Шкодина, не сдавшего экзамен, отправили на учебу повторно⁷, судьба остальных «неудачников» неизвестна. Вероятно, они были уволены из рядов милиции.

В целом, как было отмечено в октябрьском 1922 г. докладе начальника административно-строевого отдела Воронежской губмилиции, проверка знаний выпускников «показала вполне разумное мышление выпускаемых красных командиров в обстановке условий НЭПа», а их владение

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 72. — Л. 66 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 72. — Л. 80.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 72. — Л. 129.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 72. — Л. 148 об.

⁵ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 146.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 50. — Л. 409.

⁷ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 146.

законами и ведомственными актами достаточным для того, чтобы быть «вполне пригодными для повседневной работы милиции»¹.

Выпуск курсантов второго набора был ознаменован парадом, после которого состоялся прощальный обед².

Третий и последний набор курсантов из 34 человек приступил к занятиям 28 октября 1922 г. В 1922 г. милиция была переведена на местное финансирование. Но средств в бюджете губернии катастрофически не хватало. В режиме жесткой экономии, среди прочего, пришлось пожертвовать и курсами. «Скудость отпускаемых средств на содержание губмилиции поставила дилемму: или милиции постепенно приходиться в разрушение, или сократиться до минимума и остаться той крепкой организованной силой, какой она была до сего времени, — говорилось в обращении начальника Организационного Управления и губернской советской милиции И. Шевелева в Президиум ГИКа 14 ноября 1922 г., — Курсы милиции, несмотря на их громадное значение, закрыть, но впоследствии открыть курсы областного значения на средства целой области». 22 ноября 1922 г. был издан приказ по Воронежской губмилиции № 6-145, содержавший следующие предписания: «Ввиду абсолютного отсутствия средств: 1. Школу состава к 1 декабря ликвидировать. 2. Программу сократить, оставив три вида специального обучения: а) общеобразовательные, б) уголовное право, в) служба милиции. 3. Обучение 3-го набора провести ускоренным темпом 4. Всех курсантов к моменту ликвидации школы пропустить через аттестационную комиссию и дать назначение на должность»³. Последний начальник школы Л. Л. Гельднер был назначен инструктором обще-административного отдела Воронежской губмилиции⁴. В истории милицейских образовательных организаций в Воронеже наступил почти трехлетний перерыв, закончившийся созданием в 1925 г. 3-й Воронежской областной школы младшего состава милиции⁵.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 164 б. — Л. 157.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 72. — Л. 148 об.

³ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 148.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 169. — Л. 20.

⁵ Нахимов А. П., Киринос А. В., Колесников В. А. Периодизация истории образовательных организаций по подготовке сотрудников органов внутренних дел в г. Воронеже: к постановке проблемы // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 16.

Ликвидация Воронежской губернской школы осуществлялась в общем русле кризиса подобных образовательных организаций в других губерниях. Тем более, что центральное руководство официально констатировало в конце 1922 г. эту печальную тенденцию. Так, в циркуляре губернским и областным исполкомам, утвержденном приказом Главмилиции от 19 декабря 1922 г. № 594 указывалось, что в том случае, если за счет местных бюджетов не представляется возможным одновременно содержать милицейские школы и резервы, «надлежит закрыть школы, оставив резервы для планомерного последовательного пропуска через них всего младшего строевого состава милиции и систематической подготовки его по учебному плану и программам, выработанным Главным управлением милиции...»¹.

Анализ опыта создания и развития в Воронеже в 1919—1922 гг. милицейских курсов приводит к выводам о поразительной схожести судьбы первых образовательных организаций императорской полиции и советской милиции. Действительно, и те, и другие, возникнув в качестве местной инициативы, после принятия центральными органами власти соответствующих нормативных установлений несколько унифицировали свое функционирование в общегосударственном масштабе, чтобы затем уступить место вновь созданным структурам, входящим в систему образовательных организаций правоохранительных органов в пределах всей страны.

2. Предпосылки и основные направления перестройки милицейского образования (1923—1925 гг.)

Первая четверть 1920-х гг. обозначила очередной рубеж в развитии милицейского образования в стране в целом и в Воронежском регионе в частности. При этом сам временной промежуток с 22 ноября 1922 г. по 17 сентября 1925 г., на первый взгляд, включает в себя немного событий, непосредственно связанных с функционированием милицейских образовательных организаций в Воронежской губернии. Однако внимательное изучение всей совокупности явлений, относящихся к данному хронологическому отрезку, позволяет утверждать, что именно в это время активно формировался многоуровневый комплекс предпосылок, непосредственно обусловивших переход к важ-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 13. — Л. 741.

ному усовершенствованию советской системы милицейского образования в России — появлению в ее рамках важного структурного элемента — школ младшего командного состава рабоче-крестьянской милиции (РКМ). Местом дислокации одной из них в конечном счете и стал Воронеж.

Новый виток изменений был обусловлен комплексом взаимосвязанных причин. Одни из них были связаны со спецификой общей социально-политической ситуации, порожденной переходом к новой экономической политике. Другие, носившие более субъективный характер, вытекали из изменений самого статуса НКВД РСФСР и тех его подразделений, которые непосредственно отвечали за организацию и функционирование рабоче-крестьянской милиции.

Из структуры, способствовавшей организации органов советской власти на местах, наркомат внутренних дел преобразовывался в государственный институт, преимущественно занятый охраной правопорядка. При этом он был вынужден перестраиваться в условиях строжайшей экономии, порожденной спецификой перехода общества и государства к элементам рыночной системы.

В начале 1920-х гг. была сделана попытка перевода милиции на финансирование из местных бюджетов. Но «на местах» денег катастрофически не хватало: в среднем на нужды подготовки милиции выделялось до 7% от необходимого количества средств¹. Шло и массовое сокращение сотрудников милиции. С сентября 1922 г. по сентябрь 1923 г. комсостав РКМ сократился на 70%. Одновременно резко уменьшилось и количество милицейских образовательных организаций: к началу 1924 г. в стране осталось всего 13 губернских школ². В циркуляре региональным исполкомам, утвержденном приказом Главмилиции от 19 декабря 1922 г. № 594 указывалось, что в том случае, если за счет местных бюджетов не представляется возможным одновременно содержать милицейские школы и резервы, «надлежит закрыть школы, оставив резервы для планомерного последовательного пропуска через них всего младшего строевого состава милиции и систематической подготовки его по учебному

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 12. — Л. 30.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 20. — Л. 5 об.

плану и программам, выработанным Главным управлением милиции...»¹.

Все эти процессы затронули и Воронежскую губернию, ударив, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, по, казалось бы, эффективно работавшей с начала 1922 г. милицейской школе.

В сложившихся условиях обнаружилось две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, усилия центрального руководства были сосредоточены на сохранении любыми средствами школьно-курсовой сети за счет усиления внимания к менее затратным формам, прежде всего к обучению в школах-резервах², с другой стороны, местные органы власти вновь приступили к поиску способов организации краткосрочных нестационарных милицейских курсов. Так, к примеру, раскритиковав практику организации губернских школ, руководители Вологодской губмилиции настаивали на смещении акцента в профессиональном ведомственном обучении на подготовку волостных милиционеров на местах³.

Но практика подобной «экономии» не оправдала себя. Кадровая проблема в милиции по-прежнему оставалась одной из самых острых.

Переход на финансирование из местных бюджетов не привел к росту заработной платы основной массы сотрудников РКМ. В среднем зарплата в производящих отраслях народного хозяйства была в два и более раза выше, чем в милиции. Даже работникам непроектной сферы платили больше. Ниже были оклады только в сфере социального обеспечения⁴. Средние оклады существенно варьировались и в зависимости от региона страны (табл. 5).

Это повышало криминогенные риски в РКМ: в таких условиях весомая часть ценных работников стремилась уйти из милиции туда, где их труд и энергия оценивались бы в «большем соответствии с требованиями жизни, а в милиции остаются лишь рядовые работники, которым

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 13. — Л. 741.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 42. — Д. 18. — Л. 29 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 333. — Л. 81.

⁴ См.: Ярославский статистический вестник. Отчет 16-му очередному губернскому съезду Советов (окт. 1924 г. — окт. 1925 г.). — № 8. — С. 61; На посту. — 1926. — № 7. — С. 242; № 8. — С. 326.

некуда уйти, или, к сожалению, те, которые и поступали на службу из-за каких-либо корыстных побуждений»¹.

Таблица 5

Средние оклады сотрудников, 1925 г. ²

Наименование региона	Городская милиция				Во- лостная мили- ция	Уголовный розыск			
	Губ. город		Проч. гор.			Губ. город		Проч. города	
	Нач. мил.	Мл. мил.	Нач. мил.	Мл. мил.		Нач. У. Р.	Агент	Нач. У. Р.	Агент
Самарская губ.	85,80	17,60	77,50	12,50	25	113	37	56,50	19
Ярославская губ.	168	20	100	20	37	141	37	77	37
Воронеж- ская губ.	124	26	75	17	16	124	28	50	90
Дальневост. окр.	110	29	93	28	32	109	45	57	37

Финансовые проблемы порождали усиление текучести кадров (табл. 6).

Таблица 6

Стаж службы сотрудников милиции на 1 января 1926 г.³

Состав РКМ	до 6 мес.	до 1 года	до 3 лет	свыше 3 лет
Мл. милиционер	32,2%	23,8%	30,5%	14,5%
Мл. комсостав	22,3%	22,2%	38,7%	16,8%
Ср. комсостав	12,7%	15,8%	42,7%	28,7%

Более того, в милиции, как и в целом по стране, финансовые проблемы дополнялись проблемами мировоззренческими. Тяготами предыдущего десятилетия был выкован тип государственного служащего, прошедший, по словам Н.А. Бердяева, «через дисциплину военную и партийную»⁴, но вместе с тем привыкший решать большинство задач через применение административного принуждения, вплоть до

¹ См.: История милиции Украинской ССР в документах и материалах. Т.1. 1917—1937 гг. — Киев, 1969. — С. 275.

² Построено на основе: Макеев М. К. Об улучшении условий работы административного аппарата // Административный вестник. — 1925. — № 12. — С. 35. Первые три губернии — за апрель — июнь, ДВО — за январь — март.

³ Построено на основе: ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 47. — Л. 84.

⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1989. — С. 101.

прямого насилия. В новых условиях этот тип работника оказался фрустрирован явным несоответствием собственного образовательно-интеллектуального уровня новым задачам, отходом от привычных упрощенческо-уравнительных идей, необходимостью по-новому строить социальные, в том числе и управленческие, отношения.

Как отмечалось в печати, «если из гражданской войны милиция всегда выходила с честью, то в условиях НЭПа отдельные работники попадают под влияние нэпмана и кулака»¹. В 1924 г. — первой половине 1925 г. преступность среди милиционеров в Центральном Черноземье выросла на 50%².

Пополнение кадров осуществлялось преимущественно за счет мобилизаций в советских и партийно-комсомольских органах. При этом сохранение классового подхода при комплектовании не давало возможности включить в ряды РКМ дореволюционных специалистов, а регулярные чистки вымывали и тех, кто попал на службу в предыдущее десятилетие: на 1 сентября 1924 г. в 43 субъектах РСФСР в уголовном розыске служили всего 79 бывших полицейских (1,7% личного состава)³. Профессиональное ядро так и не было сформировано.

К середине 1920-х гг. кадровый состав РКМ в образовательном плане характеризовался следующим образом (табл. 7).

Таблица 7

Образовательный ценз сотрудников милиции на 1 января 1926 г.⁴

Состав РКМ	высшее	среднее	низшее	неграмотн.	спец. обр.
Средний комсостав	0,3%	10,5%	85,9%	0	3,3%
Младший комсостав	0,1%	7,6%	92,3%	-	-
Младшие милиционеры	-	2,5%	96,4%	-	1,1%

Как писал один из руководителей аппарата РКМ В. Постников, «большинство работников, вступивших в ряды милиции, оказываются в затруднительном положении при несении ими тех или других обязанностей. Или они недостаточно грамотны в области правовых предметов,

¹ Шумяцкий В. Я. Что нужно знать рабочему и крестьянину о Рабоче-Крестьянской милиции (Доклад на собрании Московской милиции 31 марта 1926г.). — М., б/г. — С. 17.

² ГАТО. — Ф. Р-527. — Оп. 1. — Л. 47.

³ Малыгин А. Я. Органы внутренних дел в период проведения новой экономической политики (1921—1929) // Полиция и милиция России: страницы истории. — М., 1995. — С. 118—119.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 47. — Л. 84.

или теряются в тех многообразиях, которые преподносит им ежечасно практика милицейской службы, или, наконец, они не обладают соответствующим багажом теоретических знаний»¹. Тем самым «дешевая» милиция слишком дорого обходилась государству. По признанию начальника отдела милиции нового, созданного в августе 1923 г., Центрального административного управления НКВД РСФСР (ЦАУ) С. А. Седова, «дело подготовки работников милиции проделало круг, и работа к концу 1923 г. ... мало чем отличалась от работы в 1921 году... Перевод милиции на местные средства не привел к улучшению и развитию школьной работы, наоборот, разлагающе повлиял на нее»². Вновь в полный рост вставал вопрос о соответствии качества кадров РКМ тем задачам, которые ставила перед ними новая ситуация в стране.

По мере развития новой экономической политики начали все более отчетливо проявляться врожденные противоречия нэпа. Он был хрупким компромиссом между тактическими задачами ускоренного вывода страны из порожденного войнами и революциями острейшего кризиса, и стратегической целью построения общества, основанного на принципиально новых для того времени социалистических доктринальных началах.

Декларирование относительной свободы предпринимательства и торговли входило в диссонанс со стремлением государства закрепить за собой «командные высоты» в хозяйстве, контролировать ценообразование и противостоять «спекуляциям». Попытки сохранять приоритеты «государственного сектора» в рамках многоукладной экономики порождали стремление прочих ее сегментов найти лазейки для перераспределения ресурсов, что при хроническом недофинансировании государственного аппарата в условиях растущего социального расслоения обостряло конфликтность и криминогенность ситуации.

Специфику Центрального Черноземья, «самого крестьянского региона в крестьянской стране»³, существенно влиявшую на деятельность милиции, характеризовала, как уже отмечалось ранее, исторически сложившаяся отсталость данной территориальной единицы,

¹ Постников В. По пути самообразования (В порядке обсуждения) // Административный вестник. — 1925. — № 12. — С. 59.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 20. — Л. 5 об.

³ Мигущенко О. Н., Фомина П. П. Социально-экономические и политические условия деятельности милиции в 1928—1934 годах (на материалах Центрально-Черноземной области) // История государства и права. — 2010. — № 18. — С. 34—37.

обусловленная своеобразием ее экономического развития как специфически аграрной¹. К середине 1920-х гг. эта отсталость была дополнительно усугублена тяготами гражданской войны, во время которой регион стал своеобразной «донорской базой», «на которую, — как указывал зам. председателя СНК РСФСР А. М. Лежава, — мы опирались в своих победах. К этому надо добавить ряд неурожайных лет, (потому что мы ее экономически истощали особенно напряженно и долгое время)»². К 1925 г. промышленное производство составило около 50%, а по сельскому хозяйству — 60% к уровню 1913 г.³ По плотности населения (до 57,5 чел. на 1 км²) регион занимал второе место по РСФСР и при крайне слабом развитии промышленного сектора не имел возможности самостоятельно справиться с огромным «избытком» рабочих рук на селе, составлявшим в 1925—1926 г. до 50% всего трудоспособного населения⁴. Торговый оборот и наполняемость местного бюджета были в 2,5 раза ниже аналогичных показателей по РСФСР, уступая даже Казахской⁵ и Киргизской АССР⁶.

При этом собственно Воронежская губерния в экономическом и культурном отношении находилась в еще более тяжелом состоянии: грамотных на 1000 человек здесь было 230, а в среднем по региону — 276, в фабрично-заводской промышленности было занято лишь 2,9% самодеятельного населения губернии при 17,4% в среднем по европейской части РСФСР⁷.

¹ Материалы по районированию Центрально-Черноземной области. Т.1—2. — Воронеж : Облплан ЦЧО, 1925; Народное хозяйство Центрально-Черноземной области. Кн. I—VIII. — Воронеж : Облплан ЦЧО, 1924—1925.

² Лежава А. М. Речь на заседании Президиума Госплана РСФСР // Народное хозяйство. Кн.5. — Воронеж, 1926. — С. 6.

³ Логунов В. И. Значение исторического опыта восстановления сельского хозяйства Центрального Черноземья (1921—1927 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: http://rushist.narod.ru/files/saint_work/art/art_16.htm (дата обращения: 23.09.2017).

⁴ Минц Л. Отхожие промыслы в СССР // Статистич. обозрение. — 1928. — № 2. — С. 11.

⁵ Тогда — «Казахской» АИЦ ГУ МВД РФ по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 92. — Л. 24.

⁶ Тутькин Б. Центрально-Черноземная область. — М. : Плановое хозяйство, 1929. — С. 23.

⁷ Бергман М. М. Города Центрально-Черноземной области // Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства ЦЧО. — Воронеж : Изд-во плановой комиссии ЦЧО, 1927. — С. 631.

21 сентября 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР даже приняли специальное постановление: «О мерах восстановления Центрально-Черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношении»¹. Но, как отмечал один из оценивавших регион специалистов, Ф. К. Рындин, «это возможно только при одном условии, если население будет настойчиво учиться, если будет упорно трудиться и получит действительно хозяйственную свободу...»².

Переход к рыночным правоотношениям обусловил не только усиление внимания к юридической грамотности административных работников, но и отказ от унаследованного от «военного коммунизма» директивно-командного стиля в пользу обеспечения законности. Народный комиссар юстиции РСФСР Д. И. Курский отмечал: «Та ответственная роль, которая принадлежит милиции, особенно ее низовому аппарату, в настоящее время в деле проведения революционной законности на местах настойчиво требует укрепления и качественного ее улучшения, и прежде всего ее низового аппарата, как путем усиления правовой грамотности ее работников через учебу, так и путем дальнейшего совершенствования методов практической работы»³. При этом сохранялся взгляд на милицию как на составную часть того «силового механизма», который и в новых условиях должен был обеспечить сохранение за коммунистической партией и советским государством «командных высот» в политике и экономике.

Важным фактором укрепления законности стала масштабная кодификационная деятельность: уже к концу 1922 г. в РСФСР действовало более 4 тыс. правовых актов⁴. Принятие ряда отраслевых кодексов, подзаконных актов повысило требования к уровню профессиональной подготовленности представителей всех звеньев правоохранительной системы.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР за 1925 г. — № 65. — Отд. 1. — С. 523

² Рындин Ф. К. Наш край. Опыт характеристики губернии в естественно-историческом и экономическом отношениях. — Воронеж. — С. 72.

³ Курский Д. Сдвиг и сторону улучшения // Административный вестник. — 1925. — № 12. — С. 5.

⁴ Колтунов О. А. Революционная законность и особенности ее обеспечения в деятельности российской милиции в первые годы советской власти, 1917—1925 гг. : Историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Ростов н/Д, 2003. — С. 107.

Как указывал начальник милиции Республики П. К. Сергиевский, «обширность задач, возлагаемых на Милицию, как по охране революционного порядка и борьбе с преступностью, так и по содействию целому ряду ведомств в деле упрочения хозяйственной и экономической мощи, требует от каждого работника Милиции не только знания службы, но общего и политического развития, соответствующего воспитания. Каждый работник Милиции должен быть не только спецом своего дела, но и проводником революционной законности»¹. Саму же «воспитанность работников милиции» зав. подотделом службы милиции В. Померанцев призывал трактовать «в смысле правильного осознания своих прав и обязанностей как должностного лица — органа сов. власти — призванного СЛУЖИТЬ населению, а не НАЧАЛЬСТВОВАТЬ над ним»². Это прямо подчеркивали и статьи «Административного вестника»: «Главнейшие задачи Милиции, вытекающие из директив, данных Советской властью и РКП(б), заключались в устранении административных приемов, препятствующих развитию... народного хозяйства страны; в приближении милиции к населению и приспособлении ее аппарата к осуществлению нового курса... объявив суровую борьбу с методами и приемами, выработавшимися в период военного коммунизма»³.

Учтем и существенные изменения, произошедшие в структуре преступности. На первый план выходили новые составы преступлений: из 70589 дел, поступивших в 1924 г. в губернские суды РСФСР, преступления «контрреволюционные» и бандитизм теперь составляли лишь 2,1%; против порядка управления — 9%; тогда как должностные — 30%; имущественные — 29%; против личности — 26,9%⁴. Если раньше большая доля преступлений совершалась на селе, то в 1925 г. почти 80% — в городе⁵. Увеличилась рецидивная преступность: с начала 1924 г. по конец 1927 г. — с 11,4% до 17,4%⁶. По оценке руководства милиции республики, преступность все больше становилась

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 47. — Л. 84.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 152. — Л. 10.

³ 8-я годовщина Р.-К. Милиции // Административный вестник. — 1925. — № 11. — С. 3.

⁴ Сводный отчет о деятельности губернских, областных, краевых судов и подведомственных им судебно-следственных учреждений за 1924 год. — М. : Издательство НКЮ РСФСР, 1925. — С. 51.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-1235. — Оп. 101. — Д. 261. — Л. 159; Д. 621. — Л. 43.

⁶ Административный вестник. — 1929. — № 6-7. — С. 71; Милиция Челябинской области. 1802—2002. Страницы истории. — Челябинск, 2004. — С. 119.

«уделом... более или менее стойкой группы деклассированных элементов¹». Бедствием стало массовое хулиганство: обзор политического состояния СССР за ноябрь 1926 г. содержал информацию из регионов: «Такого хулиганства у нас и при царе не было»². Стойкая тенденция к профессионализации и одновременно «пролетаризации» преступности начинала разрушать прежний подход к преступности как пережитку эксплуататорского строя. Вновь все отчетливее стал проявляться разрыв между ростом жестокости и профессионализма преступного мира и уровнем подготовки кадров милиции³.

Подводя итоги 1924 г., начальник милиции Республики П. К. Сергиевский вынужденно констатировал, что «систематическая школьная работа отсутствует в республиканском масштабе на 40%; причем в целом ряде губерний и областей никакой работы по поднятию квалификации милицейских работников не ведется», имеющиеся школы в целом ряде губерний по оборудованию и кадровому обеспечению вообще «не могут быть признаны школами, отвечающими всем требованиям современной педагогики», а краткосрочность обучения в школах-резервах, заменивших губернские школы, не обеспечивает должную подготовку. По его мнению, «такое положение с состоянием дела учебы и подготовки не может быть признано нормальным»⁴.

В свою очередь, начальник отдела милиции созданного в августе 1923 г. Центрального административного управления НКВД РСФСР (ЦАУ) С. А. Седов вынужден был заметить: «... Дело подготовки работников милиции проделало круг, и работа к концу 1923 г. ... мало чем отличалась от работы в 1921 году.... Перевод милиции на местные средства не привел к улучшению и развитию школьной работы, наоборот, разлагающе повлиял на нее»⁵. По сути, это было признание провала попыток центрального аппарата НКВД переложить финансовое бремя в школьно-курсовом деле на местные органы

¹ См.: Камалова Г. Т., Зорина Р. Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2012. — № 43. — С. 14.

² Центральный архив ФСБ Российской Федерации. — Ф. 2. — Оп. 4. — Д. 439. — Л. 349—350.

³ Богданов С. В, Ельчанинов П. М. Преступность и борьба с ней на территории Центрального Черноземья в 1920-е годы (на материалах Курской и Воронежской губерний) : монография. — М. : РУСАЙНС, 2017. — 274 с.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-285. — Оп. 2 — Д. 285. — Л. 31—32.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 20. — Л. 5 об.

власти. Очевидной становилась потребность в формировании общегосударственного бюджетного фундамента для развития системы профессиональной подготовки милиции.

По мнению одного из руководителей РКМ В. Г. Постникова, «уже не приходится доказывать, как это было в 22-23 году, о необходимости проводить подготовку работников милиции и что эта работа срочная и ударная. Не подлежит сомнению, что подготовка работников милиции является одной из необходимейших предпосылок к надлежащему построению милиции, как органа защиты порядка в Советской республике»¹.

Реформирование школьно-курсовой системы велось в рамках общего обновления организационно-правовой структуры НКВД РСФСР. 28 сентября 1925 г. было утверждено «Положение о службе в Рабоче-крестьянской милиции». В нем, наряду с прежними нормами о классовом принципе набора в РКМ, с приоритетом у отслуживших в РККА, указывалось, что «прошедшие обучение в специальной милицейской школе», обязаны «прослужить в рядах милиции то время, какое было затрачено на это обучение, но не менее одного года»².

Как уже отмечалось выше, еще в августе 1923 г. в НКВД было образовано Центральное административное управление, включившее отделы милиции и уголовного розыска, а начальник ЦАУ с 1924 г. одновременно стал и начальником милиции Республики³. Сходные преобразования были проведены и в регионах, где создавались административные отделы соответствующих исполкомов Советов⁴. Согласно принятому ВЦИК 11 августа 1924 г. «Положению об административном отделе губернских и областных исполкомов», среди задач региональных адмотделов предусматривалось также «проведение в жизнь мероприятий по комплектованию, обучению службе и снабжению милиции»⁵.

¹ Постников В. Подготовка работников милиции за 1925 г. // Административный вестник. — 1925. — № 11. — С. 81.

² СУ РСФСР. — 1925. — № 68. — Ст. 539.

³ СУ РСФСР. — 1924. — № 70. — Ст. 690.

⁴ В 1925 г. начальник адмотдела губисполкома стал одновременно и начальником губернской милиции. См.: Бюллетень НКВД. — 1925. — № 4. — С. 117.

⁵ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1924. — 20 августа.

Роль внутриведомственного центра, организующего, координирующего, контролирующего школьно-курсовую работу в РКМ, осуществлял подотдел службы и подготовки ЦАУ НКВД РСФСР, реформированный в 1924 г. из созданной еще в 1921 г. комиссии по вопросам организации и образования милиции при начальнике милиции Республики. Подотдел концентрировал всю информацию о работе школ и курсов, через него осуществлялась связь руководителей милицейских учебных учреждений с вышестоящими инстанциями. Подотдел оказывал поддержку и помощь школам и курсам, преследуя единственную цель — «сохранить и преумножить эту систему»¹. Именно здесь зарождались и обсуждались проекты положений о школах, учебные планы и программы, устанавливалось соответствие учебных программ требованиям Наркомата по просвещению и других заинтересованных организаций. Только за сентябрь 1924 г. в подотделе 55 раз рассматривались вопросы о проведении школьных и внешкольных занятий, 50 — об утверждении учебных программ и планов, 14 — об обеспечении программами и планами школ и курсов, 10 — о краткосрочных курсах и 3 — об областных школах².

Активно велась нормотворческая деятельность. Лишь за период 1921—1926 гг. были подготовлены: 1) положения и планы школ среднего (приказ ЦАУ № 172-24 г.) и младшего (приказы № 149-25 г.; № 184-26 г.) комсостава, 2) программа приема (испытания) в школы (приказ № 104-25 г.); 3) учебные планы школ среднего (приказы № 215-24 г, № 158-26 г.) и младшего (приказы № 149-25 г., № 162-26 г.) комсостава; 4) программы школ среднего (приказы № 226-24 г.; № 07-25 г.) и младшего (приказы № 190-25 г.; № 154-26 г.) комсостава; инструкции: 5) о взаимоотношениях начальников школ с начальниками местных адмотделов; 6) о медико-санитарном обслуживании школ (приказ № 41-26 г.); 7) об ознакомлении местных органов с общественными профессиональными и партийными организациями и деятельностью школ (приказ № 14-26 г.); 8) о комплектовании школ среднего (приказы № 26/с - 26 г.; № 216-26 г.) и младшего (приказы № 101-25 г.; № 162-25 г.) комсостава; 9) о проведении практических занятий (приказ № 98-105-26 г.); 10) о порядке откомандирования (приказ № 233-25 г.); 11) об организации школьной выставки (приказ № 32-21 г.);

¹ Кожевина М. А. Указ соч. — С. 138.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 25. — Л. 93.

12) об организации кабинетов и лабораторий (приказ № 216-25 г.); 13) по учету кредитно-денежных операций, материальной отчетности и учету довольствия (приказ № 36-26 г.)¹. Все проекты намечаемых актов направлялись на предварительное заключение в школы РКМ.

Принципиальным новшеством данного периода стало резкое усиление централизации руководства образовательными организациями РКМ в системе НКВД РСФСР и контроля за ними. Только начальником Отдела милиции в 1925 — начале 1926 г. было проведено 8 выездов для обследований работы школ, в результате которых принимались соответствующие меры к устранению замеченных недочетов. В ЦАУ готовились, как минимум, полугодовые подробные отчеты, проводились самообследования, регулярные проверки образовательных организаций.

Безусловно, рост централизации имел серьезные положительные последствия: был положен действительно серьезный задел в формировании единой сети милицейских школ, централизованное финансирование укрепляло материальную базу, начали выстраиваться системность и единообразие в унифицирующемся образовательном процессе. Но вместе с тем нельзя не видеть и двойственности этих последствий: жесткий контроль сверху лишал преподавание индивидуальности и ориентированности на местные особенности, создавал условия для «диктата сверху», все более ориентированного на «генеральную политическую линию партии и правительства», что в те непростые годы порождало условия для «кампанейщины»².

В течение 1922—1923 гг. важным результатом ведомственного правотворческого процесса стало издание Главным управлением милиции республики приказа от 27 октября 1922 г. № 42/с, которым отменялись приказы №№ 69 и 314/с и утверждались положение, учебный план и штаты губернских (областных) милицейских школ³.

Приказом Главмилиции 1922 г. № 46/с определялись организационные и методические параметры функционирования трех школ среднего состава. Целью обучения в них, согласно положению⁴, утвержденному приказом № 42/с, была объявлена подготовка «младших работников милиции, как по специальной и строевой службе, так и в культурно-просветительском и политическом отношениях». Учреждаемые

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 47. — Л. 95—96.

² Кожевина М. А. Указ соч. — С. 144—145.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 248. — Л. 5.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 248. — Л. 6—7 об.

при управлениях милиции губернии (области) на восемь месяцев школы должны были готовить старших милиционеров и агентов уголовного розыска 3-го разряда. Возглавлять школу должны были назначавшиеся начальником милиции республики начальник и комиссар, чьи должности приравнивались соответственно к должностям начальника уездной милиции и начальника уголовной милиции. Все распоряжения начальника должны были объявляться в форме приказа по школе. Губполитпросвет получал право инспектирования школ по вопросам преподавания общеобразовательных и политических предметов. Руководство учебным процессом возлагалось на начальника учебной части, строевой и стрелковой подготовкой — на начальника строевой части, чей статус приравнивался к должности помощника начальника уездной милиции. При школе должны были создаваться клуб и оружейная мастерская.

В положении содержалась специальная норма, которая обязывала приглашенных для работы в школе преподавателей подчиняться распоряжениям начальника учебной части. Совещательные полномочия вручались педагогическому совещанию при начальнике школы, состоявшему из руководства, педагогического состава, заведующего клубом и двух представителей от курсантов. В основные функции совещания входило обсуждение всех вопросов учебного процесса и преподавания, вступительных и выпускных экзаменов, а также решений об откомандировании или увольнении из школы.

Абитуриенты откомандировывались в школу по распоряжению начальников губернских милиций или розысков, а также по рекомендации от профессиональных, советских и партийных органов. 80% мест предоставлялось работникам милиции и 20% — сотрудникам уголовного розыска. Кандидаты в курсанты подвергались испытаниям на умение бегло читать и писать, знание четырех правил арифметики целых чисел, должны были пройти медицинский осмотр.

Обучающиеся должны были располагаться в общежитии, организованном по казарменному порядку. Внутренний распорядок школы устанавливался согласно Уставу внутренней службы милиции. Для обсуждения текущих вопросов и выборов во всех школьных организациях создавались общие собрания учащихся. Курсанты, успешно выдержавшие выпускные экзамены, поступали в распоряжение начальника милиции губернии (области) и имели преимущество перед лицами, не окончившими школу, в назначении на должность и при поступлении в милицейские школы высшего типа.

Курс обучения в губернских школах разделялся на два отделения — младшее (3 месяца) и старшее (5 месяцев). Учебный план¹ предусматривал деление предметов на общеобразовательные и политические, общеспециальные и узкоспециальные. В младшем отделении на общеобразовательные и политические дисциплины (русский язык, арифметика, основы советской Конституции, политграмота и др.) отводилось 288 часов, на старшем (русский язык, математика, основы советского права, политграмота и др.) — 240. Существенно увеличивалось на старшем отделении количество часов, отводимых на изучение общеспециальных предметов (основы топографии, скорая помощь, уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс, судебная медицина, политическая и просветительская работа и др.) — 360. На младшем отделении на овладение общеспециальными дисциплинами (строевой устав, уличный бой, пулеметное и гранатное дело, дисциплинарный устав милиции и др.) планировалось только 144 часа. Узкоспециальные предметы (положение о милиции, устав милиции, практическое изучение службы в милиции, уголовно-розыскная служба, техника уголовного розыска, практическое изучение уголовно-розыскного дела) преподавались только на старшем отделении — 120 часов.

Приказы 1922 г. № 42/с и № 46/с несколько упорядочили школьно-курсовое дело. К 1 января 1923 г. количество губернских милицейских школ увеличилось до 50 с 4500 обучающимися². Интенсивно развивалось обучение в резервах, чему в немалой степени способствовало начало перелома в борьбе с бандитизмом и, соответственно, увеличение количества времени милиционеров, которое могло быть отведено на учебные занятия.

К 1924 г. в советской милиции существовали следующие организационные формы общеобразовательной и специальной подготовки:

- школы среднего состава с двухлетним сроком обучения (на основании приказа Главного управления милиции 1922 г. № 46/с);
- губернские школы с восьмимесячным сроком обучения (на основании приказа Главного управления милиции 1922 г. № 42/с);
- четырехмесячные школы-резервы для подготовки младших милиционеров (приказ ЦАУ 1924 г. № 59);

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 23 а. — Д. 248. — Л. 8—8 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 20. — Л. 5.

— четырехмесячные школы упрощенного типа наподобие губернских школ для подготовки младшего комсостава (приказ ЦАУ 1924 г. № 59);

— регулярные занятия с комсоставом и милиционерами, имевшие характер переподготовки и инструктирования личного состава (приказы Главного управления милиции 1923 г. №№ 152 и 186)¹.

Теперь предполагалось «пропустить через школы, находящиеся на госбюджете, 20% среднего комсостава и около 25% младшего комсостава, а через школы-резервы, находящиеся на местном бюджете — до 50% младших милиционеров»². Как писал В. С. Гольдман, «НКВД РСФСР предпринял энергичные меры, направленные на то, чтобы не только сохранить школы милиции, но и вновь пойти по пути расширения их сети»³.

В ходе ряда прошедших в 1924—1925 гг. совещаний было выработано общее представление о реформировании, оформленное в проекте перспективного плана работы ЦАУ НКВД на период 1925—1930 гг. Целью виделось «усиление и углубление дела подготовки работников милиции и придание этой работе планомерного характера»⁴. Среди важнейших направлений реформ выделялись централизация руководства милицейским образованием; формирование многоуровневой системы обучения, начиная с местных школ резерва и краткосрочных курсов и заканчивая школой по подготовке высших кадров РКМ; разработка точного производственного плана по переподготовке работников милиции; оборудование школ «в полном соответствии с требованиями современной педагогики», в том числе их снабжение необходимой учебной литературой; разработка современных справочных материалов для практических работников.

Серьезные усилия были предприняты по улучшению образовательного процесса в созданных в предыдущий период школах среднего комсостава. 23 февраля 1924 г. председателям региональных исполнительных комитетов Советов и партийных органов было направлено циркулярное письмо НКВД РСФСР № 74 «О принятии соответствующих мер по усилению учебы среди работников милиции и об оказании

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 20. — Л. 5 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 152. — Л. 11 об.

³ Гольдман В. С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917—1925 годах // Труды : Высшая школа МООП СССР. — М., 1968. — Вып. 20. — С. 90.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 152. — Л. 11.

материальной поддержки милицейским школам и резервам»¹. На основании резолюции «Об укомплектовании школ среднего комсостава милиции», принятой в январе 1924 г. Съездом начальников школ и учебных частей, началось упорядочение системы отбора абитуриентов по новой квоте: 60% от милицейских органов и уголовного розыска, 20% — от партийных организаций, 20% — «со стороны», с приоритетом для членов партии (не менее 75%) и лиц «пролетарского происхождения»². Начальники школ имели право комплектовать их сами, если «центр» не сделает этого за месяц до экзаменов³. В каждой школе открывалось одногодичное отделение по подготовке работников уголовного розыска. Позже была принята резолюция об установлении единых сроков приема в школы (с 1 сентября по 1 октября)⁴ и единых правил прохождения вступительных испытаний.

Особое внимание следует уделить и письму ЦАУ НКВД в СНК РСФСР, содержащему важные требования: 1) утвердить «Положение о школах среднего командного состава милиции», *«какое введет эти школы в общегосударственную сеть учебных заведений Республики»* (курсив наш. — Авт.) и 2) поручить Наркомату финансов совместно с НКВД разработать оклады содержания курсантов этих школ, чтобы он был «не ниже средней ставки среднего командного состава милиции»⁵. Оценивая данные предложения, нельзя не согласиться с тезисом М. А. Кожевниной о том, что это свидетельство признания «руководства НКВД РСФСР в необходимости отказаться от ведомственных барьеров в системе профессионального образования и возникшей потребности активного внедрения в государственную систему профессионального образования»⁶.

Определенные предпосылки для постепенного встраивания милицейских образовательных организаций в общегосударственную систему профессионального образования к тому времени уже существовали. Формально не входя в определенную Декретом СНК

¹ Сборник приказов начальника ЦАУ НКВД — начальника милиции Республики. — 1924. — № 5. — С. 2—3; Бюллетень НКВД. — 1924. — № 8. — С. 34.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 12. — Л. 3.

³ Некий аналог современного «целевого набора».

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 12. — Л. 24.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 145. — Л. 23.

⁶ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 135.

РСФСР от 20 августа 1923 г.¹ сеть учреждений Народного комиссариата просвещения, они тем не менее были ему подконтрольны, в частности в учебно-методической сфере². Учебные планы всех лицейских образовательных структур и программы по каждому предмету подлежали экспертизе в программно-библиографическом подотделе Главного политико-просветительного управления Наркомпроса³. Кроме того, учебно-методические материалы рассматривались и в подсекции «работы со взрослыми» научно-политической секции Главного ученого совета⁴. Подготовленные к изданию учебники и учебные пособия нуждались в положительной рецензии от Главного управления государственным издательством, обладавшего в РСФСР исключительным правом выпуска учебной литературы⁵. Контроль за учебно-методической работой в школах РКМ также реализовывали Главное политическое управление и Главное управление военно-учебными заведениями Наркомата по военным делам, проводившие экспертизу обучения по общественно-политическим и военным предметам⁶.

Важным новшеством стала перестройка подготовки младшего командного состава. Приказ по административному отделу Губисполкома и милиции Воронежской губернии от 28 ноября 1925 г. по содержанию поразительно напоминал прежние циркуляры Департамента полиции МВД Российской империи: «Недостаточно подготовленный к розыскной работе, слабо квалифицированный сотрудник милиции, имея слабое представление об элементарных требованиях техники розыска, являясь, зачастую, в особенности в уездах, первым на место преступления, сплошь и рядом делает непоправимые ошибки, которых исправить за упущением времени и за невозможностью установить первоначальную обстановку преступления не представляется возможным»⁷.

¹ СУ РСФСР. — 1923. — № 73. — Ст. 711.

² Декрет СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. // СУ РСФСР. — 1921. — № 61. — Ст. 430; Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 6 ноября 1925 г. // СУ РСФСР. — 1925. — № 71. — Ст. 561.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 386. — Л. 6.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 34. — Л. 5.

⁵ О порядке издания учебников : декрет СНК от 16 августа 1921 г. // СУ РСФСР. — 1921. — № 61. — Ст. 430.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 24. — Л. 10, 11, 20.

⁷ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 22. — Л. 232—232 об.

Важная роль в подготовке младшего комсостава милиции отводилась новым, заменявшим губернские, областным школам, финансирование которых вновь планировалось преимущественно из федерального бюджета.

Переходя к углубленному рассмотрению вопроса об организации школ младшего начальствующего состава милиции в РСФСР 1924—1925 гг., следует поддержать точку зрения М. А. Кожевиной о том, что принятие такого решения, равно как и определение конкретных географических точек для локализации этих образовательных организаций, были отнюдь не спонтанными¹. Они явились следствием реализации целого комплекса предварительных мер, носивших достаточно разноплановый характер.

С одной стороны, как следует из подписанного 30 апреля 1925 г. начальником Отдела милиции ЦАУ НКВД С. А. Седовым «Ориентировочного плана работ административных отделов губернских (областных) исполкомов на 1925-26 год», на период с октября 1925 г. по май 1926 г., в случае, «если вопрос об областных школах будет отрицательно разрешен в законодательных органах», ставилась задача «усилить занятия в губ. школах или школах-резервах». Для ее реализации было бы необходимо: а) произвести комплектование школ на основе директив центра; б) добиться улучшения материального положения школ; в) довести снабжение школ учебными пособиями до норм, преподанных центром; г) оборудовать милицейские военные кабинеты при школах; д) произвести пересмотр педагогического состава и улучшить методы преподавания; е) полностью провести учебный план, преподанный центром².

С другой же стороны, начал реализовываться комплекс мер по подготовке к открытию областных школ нового типа. В январе 1925 г. вопрос о целесообразности создания таких школ был поднят на Первом Всероссийском съезде начальников адмотделов, делегаты которого отметили, что «отсутствие кадра вполне подготовленных работников Милиции и Уголовного Розыска... ощутительно чувству-

¹ Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России. — С. 143.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 152. — Л. 30.

ется на местах, служа препятствием к должному выполнению обязанностей, возложенных на Милицию», и в соответствующей резолюции одобрили инициативы НКВД¹.

Отделом милиции НКВД РСФСР было организовано широкое обсуждение данного вопроса. 23 апреля 1925 г. заместителем наркома внутренних дел РСФСР М. Ф. Болдыревым был подписан и впоследствии разослан на места циркуляр НКВД № 223 с большим комплексом приложений². В циркуляре вновь декларировалось, что «основной задачей, вставшей перед НКВД, явилось обращение серьезного внимания на подготовку работников Милиции и Уголрозыска»³. До руководства местных исполкомов доводилась информация о том, что к середине 1920-х гг. ряд народных комиссариатов, в частности по военным делам, просвещения и юстиции, существенно углубили «школьную работу», начав «переход от системы краткосрочного обучения к созданию школ с долгосрочным сроком обучения и к оборудованию последних в соответствии с требованиями педагогики»⁴. Вместе с негативной оценкой состояния данной работы по обучению РКМ была выражена недвусмысленная позиция руководства НКВД: «надлежащая постановка обучения милицейского состава может быть осуществлена лишь путем коренной переорганизации всего школьного строительства Милиции, ... создания мощных школ областного или краевого характера, материально обеспеченных и при большем внимании мест к делу подготовки работников Милиции и Уголовного Розыска»⁵.

В качестве базовых условий, на которых должно было строиться создание областных школ, выделялись: 1) расформирование всех уже существовавших губернских школ и школ-резервов; 2) организация новых школ на принципе экономического районирования по схеме Госплана в крупных культурно-промышленных центрах; 3) финансирование новых школ за счет концентрации средств нескольких регионов при долевого участии госбюджета; 4) комплектование школ всеми адмотделами, которые будут входить в «район обслуживания школы»; 5) ведение преподавания в школах по учебным планам и программам, разработанным либо одобренным ЦАУ НКВД; 6) увеличение срока

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 32.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 30—33.

³ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 30.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 31.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 32.

обучения минимум до одного года; 7) несмотря на нахождение школ в непосредственном ведении местных адмотделов, их организационное построение и функционирование должно было осуществляться на базе положений и штатов, разработанных НКВД и утвержденных в законодательном порядке.

Среди ожидаемых результатов отмечались: 1) обеспечиваемые централизацией и аккумулярованием средств: а) рост экономии в оборудовании школ и хозяйственных расходах, что привело бы к удешевлению содержания курсантов по сравнению с прежними губернскими школами; б) упрочение материального базиса школ; 2) расположение школ в культурно-промышленных центрах позволило бы: а) лучше использовать педагогические силы, идеологическое руководство и содействие методических органов Наркомпроса; б) усовершенствовать систему преподавания; в) усилить плановость организации занятий, возможность формирования «производственного плана работы по переподготовке работников милиции и Уголовного розыска».

В циркуляре содержалась просьба руководства Наркомата внутренних дел к президиумам местных исполкомов «обсудить вопрос об организации областных школ, дать согласие на организацию таковых и заключение, «как о целесообразности таковой реорганизации школьного дела, так и о практической возможности проведения этого вопроса, равным образом указать в какой степени необходимо участие госбюджета в содержании школы»¹.

В качестве приложений к циркуляру были разосланы проекты Положения об областных школах младшего комсостава милиции, их штатов и учебного плана, примерная смета расходов на их содержание² и Инструкции по организации таковых.

Планировалось создать 17 таких школ, разделив их на 3 разряда, различавшихся по статусу, штату и материальному обеспечению³. Они должны были бы обслуживать по пять-шесть губерний и строиться на принципе территориального районирования РСФСР.

В письме от 12 июня 1924 г. из ЦАУ НКВД РСФСР в комиссию по районированию при ВЦИК СССР указывалось: «...Пере-

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 33.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 1—10, 13—19.

³ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 10

ходя к созданию областных школ милиции... просим выслать список городов, намечаемых областными центрами»¹. При этом выделялись две группы таких зон: 1) там, где районирование было уже завершено, школы должны были бы организовываться непосредственно при административном отделе облисполкома (крайисполкома) и подчиняться его начальнику; 2) в зонах незавершенного районирования школы должны были состоять при адмотделах тех губерний (областей), где они расположены, подчиняться начальникам данных административных отделов и обслуживать ряд губерний и областей, непосредственно примыкавших к местам их расположения (табл. 8).

Как следует из данной таблицы, изначально размещение областной школы в Воронеже не планировалось.

Приоритет г. Орла отчасти обуславливался наличием в нем достаточно успешно действовавшей милицейской школы и повторных курсов младшего комсостава при ней. К 18 марта 1925 г. школа и курсы сделали уже четвертый успешный выпуск².

Не отставал и Тамбов: действовавшая там в 1925 г. губернская милицейская школа младшего комсостава «неуклонно стремилась выработать из курсанта не только механического исполнителя приказов и распоряжений, но и сознательного проводника советской власти и культурного строителя новой жизни»³. Таким образом, на первый взгляд, у Воронежа, где функционирование губернской школы было свернуто к концу 1922 г., шансов стать центром для открытия областной школы было немного. Кроме того, Воронежская губерния в те годы была одной из самых отсталых и бедных в Центрально-Черноземном регионе.

Но здесь свою роль сыграла активность руководства Воронежского губернского адмотдела. Уже 10 мая 1925 г. заместителем заведующего организационным отделом Воронежского губисполкома Воскобойниковым в губернский адмотдел было отправлено отношение № 6807, содержащее проект НКВД об организации областных школ милиции и предложение выразить свое отношение к нему⁴.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 7. — Л. 25.

² Пашин Н. Орловская школа дала четыре выпуска // Административный вестник. — 1925. — № 7. — С. 53.

³ Как работала учебная часть Тамбовской губернской милицейской школы младшего состава // Рабоче-крестьянская милиция. — 1924. — № 7—8. — С. 28.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 28—28 об.

План размещения областных школ младшего комсостава милиции¹

Название школы	Разряд	Зона обслуживания
<i>В местностях, где экономическое районирование произошло</i>		
6-я Уральская областная школа	3	Уральская область
10-я Ростовская краевая школа	1	Северо-Кавказский Край
<i>В местностях, где экономического районирования не произошло</i>		
1-я Московская областная школа	вне разряда	1) Московская, 2) Владимирская, 3) Иваново-Вознесенская, 4) Калужская, 5) Костромская, 6) Нижегородская, 7) Рязанская, 8) Тверская, 9) Тульская и 10) Ярославская губернии
2-я Ленинградская областная школа	1	1) Ленинградская, 2) Новгородская, 3) Псковская, 4) Череповецкая губернии; 5) Карельская АССР
3-я Вологодская областная школа	2	1) Архангельская, 2) Вологодская, 3) Мурманская, 4) Коми-Зырянская; 5) Северодвинская губернии
4-я Смоленская областная школа	3	1) Брянская, 2) Гомельская и 3) Смоленская губернии
5-я Вятская областная школа	3	1) Вятская губернии 2) Вотская, 3) Марийская автономные области
7-я Казанская областная школа	2	1) Татарская АССР, 2) Пензенская, 3) Самарская, 4) Ульяновская губернии; 5) Чувашская автономная область
8-я Орловская областная школа	2	1) Воронежская, 2) Курская, 3) Орловская и 4) Тамбовская губернии
9-я Саратовская областная школа	2	1) Астраханская, 2) Саратовская, 3) Царицынская губернии, 4) Калмыцкая авт. обл.; 5) Немцев Поволжья АССР
11-я Ново-Николаевская областная школа	2	1) Омская, 2) Алтайская, 3) Ново-Николаевская, 4) Томская, 5) Енисейская губернии, 6) Ойратская автономная область
12-я Иркутская областная школа	2	1) Якутская АССР, 2) Бурято-Монгольская АССР, 3) Иркутская, 4) Амурская, 5) Забайкальская, 6) Камчатская, 7) Приморская губернии
13-я Ташкентская областная школа	2	Туркестанская АССР
14-я Оренбургская областная школа	3	Киргизская АССР
15-я Симферопольская областная школа	3	Крымская АССР

¹ Построено на базе «Инструкции по организации областных школ младшего комсостава и с порядком их подчиненности» // ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 11—12.

Ответ был незамедлительным: врид. начальника административного отдела губисполкома Тимашов указал на то, что участились случаи поступления в АО ГИК сообщений структур прокурорского надзора, судебно-следственных властей с указаниями на упущения в работе органов местной милиции, причем анализ этих фактов показал, что основной причиной этих нарушений стало «недостаточное знание и усвоение работниками милиции... норм уголовного, уголовно-процессуального и гражданского права». Кроме того, низкая квалификация работников милиции, особенно на местах, дополнительно фиксировалась как «рядом инспекторских обследований», так и 13-м Губернским Съездом Советов, высказавшимся «за немедленное поднятие работоспособности низовых милицейских аппаратов»¹ Соответственно, Адмотдел ГИК считал, что открытие в Воронеже областной школы младшего состава 2-го разряда было бы «не только желательным и крайне необходимым», а, «учитывая прошлый опыт, ... организация школы и последующие выпуски красных милиционеров будут являться основным стимулом к оздоровлению и поднятию работоспособности личного состава милиции»².

Параллельно был осуществлен примерный, но весьма подробный подсчет расходов на открытие областной школы в Воронеже. Он исходил из того, что планируемая школа 2-го разряда должна будет принимать 150 курсантов переменного состава, иметь «14 человек руководителей, инструкторов, преподавателей и технического персонала» и, «согласно экономическому принципу районирования», должна обслуживать Воронежскую, Курскую, Тамбовскую и Орловскую губернии с общим населением 10758246 человек³.

Общие расходы «на оборудование и содержание школы» были оценены в 105486 руб. 13 коп., в том числе единовременные на первоначальное оборудование — 11349 руб.⁴

Планирование распределения долевого участия обслуживаемых губерний в финансировании будущей школы реализовывалось на основании исчисления коэффициентов присылаемых курсантов, произ-

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 85. — Л. 29—29 об.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 85. — Л. 29 об.

³ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 85. — Л. 50—56.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 54—56 об.

водных от численности населения конкретной губернии в пропорции: на каждые 71722 жителя губернии приходится 1 курсант, месячное содержание которого оценивалось в 28 рублей (табл. 9).

Таблица 9

План квотирования расходов губерний на создание 3-й Воронежской школы младшего комсостава¹

Наименование губернии	Число жителей	Количество командированных курсантов	Причитающиеся суммы на содержание и обучение с губернии
Воронежская	3217100	45	25079 руб. 17 коп.
Курская	3002359	42	23407 руб. 03 коп.
Тамбовская	2737187	39	21735 руб. 28,5 коп.
Орловская	1751570	24	13375 руб. 56 коп.
ИТОГО	10758246	150	83587 руб. 05 коп.

В заключении к смете расходов говорилось: «Принимая во внимание, что организация Областных школ младшего комсостава является предметом неотложной необходимости настоятельно диктуемой правовыми нормами, Административный Отдел полагает, что затраты Облисполкомом на содержание школы в 83.587 р. 05 к. при правильной пропорции раскладки расхода по содержанию курсантов на бюджеты входящих в область четырех губерний не являются чрезмерными». Вместе с тем в качестве варианта для снижения расходов с учетом имевшихся ограничений местных бюджетов губерний адмотделом предлагалось исключить расходы на обмундирование, что дало бы 15908 руб. экономии в год и сократило бы общие дотации губерний на содержание областной школы до суммы в 67689 руб. 05 коп.²

В свою очередь, первичная реакция присутствовавших на заседании Президиума Воронежского губисполкома 27 июля 1925 г. на доклад начальника облмилиции Я. Т. Плаксина о перспективах открытия школы РКМ оказалась более сдержанной. В соответствующем постановлении отмечалось, что, признавая «в принципе организацию в гор. Воронеже Областной школы младшего комсостава необходимой», необходимо отнести ее непосредственное содержание

¹ Построено на основании: ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 54—56 об.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 56

«целиком... на средства госбюджета, ввиду абсолютной невозможности выделения местных средств из-за тяжелого положения губернского бюджета и крупных затруднений, которые, несомненно, будут при согласовании с соседними Губисполкомами вопроса об участии их в расходах по содержанию Областной школы»¹.

К концу лета 1925 г. стало очевидным, что амбициозные планы руководства НКВД по открытию целых 17 новых областных школ младшего комсостава РКМ оказались нереализуемыми, в первую очередь, по финансовым причинам. Внесли свою лепту и предложения комиссии по районированию, равно как и конкретные «ответы с мест»: при уточнении вопроса из пяти губадмотделов, которым предлагалось непосредственно осуществлять формирование новых школ, дали согласие лишь четыре². В частности, в телеграмме из Воронежа, полученной НКВД 10 сентября 1925 г., было указано: «Воронежский ГИК на открытие школы дает согласие. Расходы оборудования, оплаты помещения принимает. Зампредгубисполкома Шевелев»³.

В сентябре 1925 г. вопрос об открытии новых областных школ был рассмотрен на заседании Совета народных комиссаров РСФСР⁴, после чего приказом ЦАУ № 149, подписанным 17 сентября 1925 г. врид. начальника ЦАУ НКВД — Начальника милиции Республики Зайцевым, было объявлено о создании с 1925/26 бюджетного года при народном комиссариате внутренних дел лишь трех областных школ младшего комсостава милиции: 1-й — в Свердловске, 2-й — в Саратове и 3-й — в Воронеже. Приказом также объявлялись Положение об областных школах младшего комсостава и их штаты⁵.

Новая образовательная организация, открытая в г. Воронеже, первоначально официально именовалась «III-я Областная Школа Младшего Комсостава Милиции при Административном отделе Воронежского губисполкома»⁶. Позже, с подписанием в ноябре 1926 г. наркомом

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 36.

² Кожевина М. А. Милицеекое образование в Советской России. — С. 143.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 7.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 52.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 154; Сборник приказов Начальника Центрального Административного Управления Народного Комиссариата Внутренних Дел — Начальника Милиции Республики. — 1925. — № 15. — С. 241.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 62.

внутренних дел А. Г. Белобородовым нового Положения о школах младшего начальствующего состава милиции, школа получила новое наименование: «3-я Воронежская областная школа младшего начальствующего состава милиции»¹.

23 сентября 1925 г. заместителем наркома внутренних дел М. Болдыревым был подписан циркуляр НКВД № 587, в котором наряду с сообщением об открытии областных школ фиксировались конкретные территориальные зоны, обслуживаемые ими². Суммарно новыми школами должно было быть охвачено 25 республиканских, губернских и областных адмотделов, т.е. примерно 30% всего состава РКМ РСФСР³. Наибольшее их количество должна была обслуживать как раз 3-я Воронежская школа (табл. 10).

Таблица 10

Распределение адмотделов субъектов РСФСР, обслуживаемых областными школами младшего состава милиции в 1925/26 бюджетном году⁴

№ областной школы	Обслуживаемые субъекты РСФСР
1-я Свердловская	6 — Уральская область, Вятская губерния, Вотская, Марийская, Чувашская автономные области, Башкирская АССР
2-я Саратовская	9 — Астраханская, Самарская, Саратовская, Смоленская, Сталинградская, Оренбургская, Ульяновская губернии, Калмыцкая автономная область, АССР немцев Поволжья
3-я Воронежская	10 — Брянская, Воронежская, Гомельская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тульская, Тамбовская губернии, Карельская АССР

С этого момента окончательно сформировались предпосылки для продолжительного непрерывного функционирования в г. Воронеже специализированной милицейской школы, продлившегося до лета 1942 г.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 28.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 58.

³ Постников В. Подготовка работников милиции за 1925 год // Административный вестник. — 1925. — № 11. — С. 82.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 386. — Л. 41.

3. 3-я Воронежская областная школа младшего начсостава милиции в системе милицейского образования (1925—1928 гг.)

Общее руководство созданием новых областных школ осуществляло ЦАУ НКВД РСФСР, в частности отдел подготовки¹. Непосредственная же реализация всего комплекса многотрудных задач по организации 3-й Воронежской областной школы младшего комсостава милиции легла на плечи руководителей административного отдела губернского исполнительного комитета и начальников новой образовательной организации.

На начальника школы, согласно «Положению об областных школах младшего комсостава 1925 г.», возлагалось «общее руководство деятельностью школы в учебном, строевом и административно-хозяйственных отношениях, за каковую он и несет полную ответственность». Он пользовался правами начальника уездной милиции и назначался на должность по представлению начальника соответствующего адмотдела губернии (области), губернским (областным) исполкомом и начальником милиции Республики².

В свою очередь, в новом Положении о школах от 22 ноября 1926 г. статус начальника школы был уточнен: 1) указывалось, что ему «подчиняется в служебном отношении весь личный состав школы»; 2) определялось, что ответственность за свою деятельность он несет непосредственно перед начальником ЦАУ НКВД — начальником милиции Республики; 3) фиксировалось, что взаимоотношения начальников школ с начальниками адмотделов исполкомов краев, областей, губерний и округов, на территории которых эти школы расположены, определяются особой инструкцией ЦАУ НКВД³.

В первый год существования новых образовательных организаций при оформлении делопроизводства возникали многочисленные неточности в фиксации наименований должностей начальников школ и лиц, их замещающих. Это привело к изданию 13 декабря 1926 г. циркуляра ЦАУ НКВД. В нем указывалось: «Исходящие отношения должны иметь подпись в редакции: Начальник школы (в скобках фамилия

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 28; ГАВО. — Ф. Р-285. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 1—2.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 285. — Л. 1; Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 154.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 28.

начальника и скрепа Помощника по той части, по которой исходит отношение)», а также уточнялось, что «отношения в ЦАУ НКВД должны представляться за подписью Начальника Школы, а не за подписью его Помощников без указания, что они в данный момент подписывают отношение за Начальника школы или как временно исполняющий эту должность»¹. Подобное уточнение существенно облегчило нашему авторскому коллективу процесс выявления персонального состава начальников 3-й Воронежской областной школы младшего начсостава милиции.

Вопрос о полном списке конкретных лиц, осуществлявших функции начальника 3-й Воронежской школы милиции, в отечественной историографии долгое время оставался открытым. В частности, С. Н. Токарева указывала, что «временно исполняющим ... был Безгин»². В свою очередь, В. М. Смирных, ссылаясь на воспоминания ветеранов милиции, писал, что первым начальником школы «временно назначили инспектора адм.отдела губисполкома А. Драчева», которого позже сменил В. Г. Косарев³.

Но изучение архивных материалов позволило нам выявить, что еще 12 сентября 1925 г. врид. начальника ЦАУ Зайцевым было подготовлено предписание на имя начальника административного отдела Воронежского губисполкома. В тексте его указывалось: «назначенному на должность начальника П/отдела Милиции Адм. отдела Воронежского губисполкома т. Фернебок Илье Исаевичу поручается организация в г. Воронеже Областной Милицейской Школы»⁴. Такая же информация содержится и в распоряжении врид. начальника ЦАУ, подготовленном в тот же день на имя И. И. Фернебока⁵. В выписанном И. И. Фернебоку удостоверении уточнялось, что «на него возлагается под его личную ответственность организация областной школы младшего комсостава Милиции в г. Воронеже и ему поручается вести по данному вопросу переговоры со всеми советскими общественными и партийными органами и организациями. Действительно по 1 января 1926 г.»⁶.

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2. — Д. 472. — Л. 21.

² Токарева С. Н. Профессиональная подготовка милиционеров Центрально-Черноземной области // Концепт. — Киров, 2016. — Т. 15. — С. 2446—2450.

³ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 153, 155.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 3.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 4.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 5.

Однако дополнительных документальных свидетельств непосредственного участия И. И. Фернебока в процессе создания 3-й Воронежской областной школы младшего комсостава милиции в архивах найдено не было. Более того, согласно выписке из приказа от 14 октября 1925 г. № 4 по административному отделу Воронежского губисполкома, «временно начальником III-й Областной школы младшего комсостава милиции» с 15 октября 1925 г. был назначен «Инспектор Адмотдела т. Драчев»¹.

Учитывая педагогическое образование и жизненный путь Александра Павловича Драчева, его участие в формировании первых губернских милицейских курсов в г. Воронеже, выбор данной кандидатуры на должность начальника новой школы был вполне объясним. Но практика, отраженная в архивных материалах, показала несколько иную картину. Проводивший в декабре 1926 г. обследование школы представитель ЦАУ НКВД Зайцев дал ему следующую характеристику: «Начальник школы — беспартийный, хороший педагог, энергичный, но как администратор в условиях школы... слаб, а отсюда и авторитет последнего целиком в руководстве жизнью школы не может стоять на должной для него высоте, о чем высказал опасение и Нач. Адмотдела тов. Плаксин в вопросе организации ячейки и Месткома при школе...»². Более того, 9 марта 1926 г. народным следователем 2-го участка г. Воронежа Тишкевичем было вынесено постановление об отстранении А. П. Драчева от должности в связи с привлечением его в качестве обвиняемого по ст. 108 ч. 1 и ст. 116 Уголовного Кодекса, так как «дальнейшее пребывание его на службе в означенной должности может иметь влияние на ход следствия и ... по роду совершенного им преступления пребывание его в этой должности невозможно»³.

Судя по тому, что А. П. Драчев впоследствии был назначен на должность инспектора губадмтдела и преподавал в школе милиции, вопрос о привлечении к ответственности закончился для него относительно благополучно, но к руководству школой он возвращен больше не был. Более того, в докладе начальника ЦАУ НКВД — начальника милиции Республики Сергиевского на коллегии НКВД о подготовке

¹ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 1097. — Л. 4.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 36.

³ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 1097. — Л. 6 об.

личного состава милиции и угрозыска (1927 г.) было указано: «При выяснении *непригодности к исполнению служебных обязанностей* были сняты с работы начальник 1-й Ленинградской школы, Начальник 3-й школы среднего состава Милиции, *Начальник 3-й школы младшего командного состава* (курсив наш. — Авт.)»¹.

После отстранения А. П. Драчева временное исполнение должности с 16 по 29 марта 1926 г. было возложено на Якова Трофимовича Плаксина². Впоследствии эти полномочия сначала на временной³, а потом и на постоянной основе перешли к Василию Григорьевичу Косареву, ранее занимавшему должность начальника милиции Воронежского уезда. В. Г. Косареву, выходцу из крестьянской семьи, в 1926 г. исполнилось всего 28 лет, он имел, согласно анкете, «низшее образование», но зато являлся членом РКП(б) с 1918 г. и имел 9-летний стаж службы в РКМ⁴. Косарев так характеризовался руководством адмотдела ГИК: «Инициативу в своей работе проявляет. Умеет подобрать работников и хорошо руководит ими. С работой справляется и может поставить ее на должную высоту. Настойчив. Работе предан. Вполне улучшил ее. Возможно использовать в более высших органах милиции, на административной работе»⁵. Как ответственный сотрудник, он неоднократно выполнял задания уездного комитета партии и уисполкома, прямо не связанные с деятельностью школы. Неоднократно награждался, в том числе в 1927 г. — орденом Трудового Красного Знамени и именованным оружием⁶. Самоотверженная служебная деятельность оказала негативное влияние на состояние его здоровья: материалы медицинского обследования 1928 г.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 47. — Л. 95.

² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 9. — Д. 538.

³ Как минимум до 28 мая 1926 г. См.: ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 48; Оп. 65. — Д. 74. — Л. 1—2.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 157.

⁵ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 155.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 43. — Л. 74 об. К чести В. Г. Косарева, укажем, что в представлении на поощрение по поводу 11-й годовщины РКМ (1928 г.) преподавателей, работавших «непрерывно с начала организации Школы, ...принесших своими трудами, инициативой и особой преданностью много пользы в деле воспитания и обучения курсантов», он включил и А. П. Драчева. См.: ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 43. — Л. 76.

выявили у 30-летнего мужчины целый букет серьезных заболеваний¹, а в обращении ячейки РКП(б) в ЦАУ ходатайство о предоставлении Косареву полуторамесячного отпуска с санаторным лечением мотивировалось тем, что он «как коммунист, потерял здоровье на поприще революционной работы»².

Именно В. Г. Косарев занимал должность начальника 3-й Воронежской школы младшего комсостава милиции (3-й ВШМКСМ) со второй половины 1926 г. до ее коренной реорганизации в 1928 г. В период его отсутствия по причинам нахождения в командировках или в отпусках обязанности начальника школы обычно исполнял начальник учебно-строевой части П. В. Рождественский и, реже, начальник административно-хозяйственной части В. К. Безгин³, речь о которых пойдет ниже.

Сложности, возникавшие при реформировании школ РКМ, были фиксированы в докладе начальника отдела милиции Республики И. Ф. Киселева на совещании начальников школ 25 сентября 1926 г.: «Приходилось одновременно и проводить колоссальную организационную работу, и оборудовать школы и начинать обучение, при отсутствии опыта в отношении подготовки мл. комсостава»⁴. Одними из острейших проблем начального этапа стали финансирование, материально-техническое оснащение и размещение школы в г. Воронеже.

Среди отечественных исследователей долго доминировало представление о том, что новые школы изначально «находились на полном содержании государства, но при этом административные отделы должны были обеспечить направляемых на учебу лиц обмундированием и деньгами»⁵. Углубленное изучение архивных документов позволяет утверждать, что ситуация была значительно более сложной.

В уже упомянутом Циркуляре НКВД от 23 сентября 1925 г. № 587 указывалось: «Принимая во внимание маломощность местного бюджета, Совет Народных Комиссаров, идя навстречу нуждам и потребностям мест в квалифицированном милицейском составе, взял на себя полностью содержание вышеуказанных 3-х областных школ, за исключением арендной платы за помещение и организационных расходов по первоначальному оборудованию школы (курсив

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 53. — Л. 107.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 53. — Л. 108.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 45. — Л. 67; Д. 56. — Л. 76.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 30.

⁵ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 144.

наш. — Авт.)» Таким образом, на долю местных бюджетов ложилась еще одна немаловажная статья расходов, проблемы с которой в начальный период сыграли серьезную негативную роль.

От НКВД РСФСР 3-й школой младшего комсостава милиции на 6 декабря 1925 г. было получено 24815 рублей (табл. 11)¹.

Что же касается расходов на «первоначальное оборудование областных школ милиции», то циркуляром НКВД от 4 ноября 1925 г. № 22379/2 была утверждена их разверстка между теми милицейскими организациями, которые обслуживались конкретными областными школами младшего комсостава милиции². Примерный расход по данной статье определялся для каждой школы в 11000 руб., а штат переменного состава — в 184 чел., что давало в среднем по 60 рублей расходов на одного принимаемого курсанта. Соответственно расходы на первоначальное оборудование были разверстаны между адмотделами, обслуживаемыми конкретной школой, в зависимости от количества присылаемых обучающихся (табл. 12).

Таблица 11
Сведения о кредитах по 3-й ВШМКСМ на 6 декабря 1925 г. (руб.)

№§	Ст.	Наименование кредита	Открыто	Израсходовано	Остаток
15		Зарплата	19848	14905,54	4942,36
16	1	Канцелярские принадлежности	250	250	-
	2	Освещение, водоснабжение, канализация	241	141,60	99,40
	3	Отопление	720	-	720
	4	Разные хозяйственные расходы, мелкий ремонт	739	440	298
	5	Почтово-телеграфные и телефонные расходы	18	18	-
19		Учебная часть	1000	804	195
21		Вещевое довольствие	226	-	226
37		Отчисление на соц. страхование	1775	808,11	996,80

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 44.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 56—57.

Разверстка расходов на первоначальное оборудование областных школ¹

Субъект	Командирует (чел).	Долевая сумма	Субъект	Командирует (чел).	Долевая сумма
<i>Уральская обл.</i>	100	6000	Смоленская губ.	20	1200
Вятская губ.	20	1200	Оренбургская губ.	15	900
Вотская авт. обл.	15	900	<i>Воронежская губ.</i>	30	1800
Марийская авт. обл.	9	540	Курская губ.	20	1200
Чувашская АССР	15	900	Орловская губ.	20	1200
Башкирская АССР	25	1500	Пензенская губ.	20	1200
<i>Саратовская губ.</i>	35	2100	Рязанская губ.	20	1200
Самарская губ.	25	1500	Тульская губ.	20	1200
Ульяновская губ.	15	900	Тамбовская губ.	20	1200
Сталинградск. губ.	22	1320	Гомельская губ.	15	900
Астраханская губ.	22	1320	Брянская губ.	10	600
Калмыцкая авт. обл.	10	600	Карельская АССР	9	540
АССР немцев Поволжья	20	1200			

Указанные долевые суммы должны были незамедлительно высываться по принадлежности в распоряжение исполнительных комитетов Уральской области, Саратовской и Воронежской губерний. Каких-либо критических замечаний «с мест» на данном этапе эта разверстка не вызвала. Более того, Свердловский областной, Саратовский и Воронежский губернские исполнительные комитеты, как центры размещения школ, проявили инициативу, внося суммы, существенно превысившие

¹ Построено на основе: ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 52, 52 об., 56, 57. Курсивом выделены регионы, последовательно относимые к 1, 2, 3-й школам.

разверстку: 13 тыс., 12 тыс. и 5,5 тыс.¹, рассчитывая погасить данные затраты за счет присылаемых другими ГИК сумм. Во многом, как отметил нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов, «только потому, что упомянутые исполкомы пошли навстречу... школы могли быть своевременно открыты и начали функционировать»². 9 ноября 1925 г. в ЦАУ НКВД была отправлена телеграмма, подписанная начальником адмотдела Воронежского ГИК Я. Т. Плаксиным и А. П. Драчевым: «Довольствие, общежития налажены. Работы мандатной, медицинской, экзаменационной комиссии окончены — материалы высылаются. Занятия начались третьего ноября»³.

Позиция большинства остальных исполкомов, увы, оказалась диаметрально противоположной: проведенное в конце 1925 г. обследование школы показало, что «до середины декабря ни один губисполком не выслал денег на первоначальное оборудование»⁴. До конца года из 10 регионов, относившихся к «зоне обслуживания» Воронежской школы, лишь Брянский губисполком выслал свою долю в размере 600 руб.⁵.

Сложным было и положение с размещением школы. Еще 14 сентября из ЦАУ НКВД поступила телеграмма: «Приступайте подготовке помещения. Открытие школы 1 октября»⁶. Изначально Воронежский ГИК выделил под нужды школы 5 комнат общей площадью 597,4 м² в доме № 45 по проспекту Революции, том же самом, где располагался и сам адмотдел⁷. Впоследствии число комнат увеличивалось.

Первичные усилия были сконцентрированы на подготовке помещений под общежития, классы и учебные кабинеты. А. П. Драчев докладывал 2 декабря 1925 г. в ЦАУ: «Организационная работа, предшествовавшая началу классовых занятий: оборудование общежития — снабжение необходимым инвентарем, оборудование кухни-столовой, организация довольствия учащихся и оборудование классов закончено. Естественно-анатомический и физико-химический

¹ Уже 19 ноября 1925 г. Президиум Воронежского ГИК отношением № 1614 уведомил Отдел милиции ЦАУ НКВД о том, что означенная сумма уже внесена. См.: ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 19.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 52 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 11.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 33.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 52 об.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 6.

⁷ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 158 об.

кабинет открыты... В общем хозяйство школы возможно считать близко к удовлетворительному»¹.

Однако обследование ЦАУ, проведенное в середине месяца, в целом согласившись с такой оценкой, все же отметило, что для одного из учебных классов, равно как и для столовой, используется зрительный зал клуба «Красный милиционер»². Безусловно, большим достижением была полная электрификация школы, но зато из-за забитой канализации туалеты приходилось организовывать во дворе, что для многолюдной организации в центре города было весьма неудобно. Для увеличения площади здания позже предпринималась широко разрекламированная в местной прессе попытка надстройки его дополнительными двумя этажами без разборки крыши, но из-за конструктивных ошибок она оказалась неудачной и в итоге была проведена обычным методом³.

В мае 1926 г. новый начальник АО Воронежского ГИК Малышев в связи с группировкой частей адмотдела предложил администрации школы подыскать новое помещение⁴. Переезжать пришлось недалеко: общежитие из двух больших и двух малых комнат общей площадью 470 м² осталось по прежнему адресу, а классы, канцелярия, столовая, учебные кабинеты, кухня и цейхгауз общей площадью 612 м² оборудовались в соседнем доме № 50 по улице Плехановской⁵. Как докладывал В. Г. Косарев, «пришлось в самый разгар учебы переходить в новое помещение, не вполне подходившее к учебным целям, в силу чего безотлагательно необходимо было должным образом его приспособить... при полном почти безденежье, так как Адмотделы не высылали и до сих пор не высылают причитающихся с них долевых взносов; приходилось всячески изворачиваться. Одновременно с этим выполнялась заготовка топлива на предстоящий зимний сезон»⁶. Критическая ситуация с утеплением помещения (отсутствие зимних рам, необходимость перекладки печей) вызвала очередное обращение в ЦАУ с просьбой временно выделить минимум 1000 руб. в счет будущих кредитов, положительного ответа не получившее⁷.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 25—26.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 36.

³ Коммуна. — 1929. — 7 июля; 16 августа.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 158 об.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 158.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 19.

⁷ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 20—21.

Тяжелая ситуация складывалась с денежным и вещевым довольствием. Согласно п. 47 Положения об областных (краевых) школах младшего командного состава милиции 1925 г., работники милиции и уголовного розыска при откомандировании местными адмотделами в школы «должны быть полностью удовлетворены вещевым довольствием, по установленным НКВД нормам, путевым довольствием в оба конца, а также денежным довольствием по ранее занимаемой должности по день зачисления в школу приказом по школе»¹.

Но средств не хватало: в рапорте А. П. Драчева в ЦАУ НКВД от 1 ноября 1925 г. № 163 отмечалось: «Ограниченная материальная обеспеченность учащихся школы, выражающаяся в 19 рублях², дает достаточный повод и основание к массовой подаче заявлений об откомандировании... я пока задерживаю учащихся, однако в случае длительной задержки в высылке дополнительных кредитов на оплату содержания переменного состава является опасение за уход большого количества... Суточное довольствие курсантов выражается при самом хозяйственном ведении его в 50 копеек, таким образом, в распоряжении учащихся остается четыре рубля в месяц»³.

Уже упоминавшаяся декабрьская проверка показала, что «обмундирование с мест не выслано в полной мере», «постоянный состав школы обмундирования не имеет»⁴. Как отмечалось на совещании начальников школ в 1926 г., «ощущается недостаток в винтовках, недостает учебного оружия, прибывшие с мест кандидаты в значительном количестве не были удовлетворены Адмотделами положенным обмундированием... Школами принимались меры к сбережению обмундирования: донашивание старого отмененного образца, ношение летних гимнастеров и собственной одежды,... переделки и починки»⁵.

Руководство Воронежской школы пыталось воздействовать на региональные исполкомы, посылая соответствующие отношения⁶. Но скоро стало очевидным, что и административного ресурса самого ЦАУ

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 58.

² В 1925 г. зарплата курсанта школы среднего комсостава — 40 руб.; средняя зарплата рабочего — 46,4 руб., служащего — 61,6 руб. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 30; Рашин А. Заработная плата и производительность труда в восстановительный период хозяйства СССР // Экономич. обозрение. — М., 1928. — № 9. — С. 78.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 13—14.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 33.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 35.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 33.

оказалось недостаточно: из регионов пошли уведомления о невозможности высылки долевых сумм в связи с дефицитностью местных бюджетов, неурожаем, непредусмотренностью подобных статей расходов в «Положении о местных финансах»¹ и т. д. Все это вынудило руководство НКВД вынести в марте 1926 г. на заседание Малого Совнаркома РСФСР «ходатайство о побуждении ряда губисполкомов к высылке долевых сумм на первоначальное оборудование областных школ младшего комсостава милиции»². Но Малый СНК посчитал, что данный вопрос не входит в сферу его компетенции и предложил НКВД урегулировать его «в ведомственном порядке с заинтересованными губисполкомами»³. Однако самостоятельные усилия НКВД в этой сфере (циркуляры от 11 января № 388/2 и от 1 апреля 1926 г. № 4444⁴) также успеха не принесли. При этом если в 1-й Свердловской школе разверстка по выплате адмотделами долевых сумм к середине 1926 г. была все же выполнена, то ситуация во 2-й Саратовской и, особенно, 3-й Воронежской школах была предельно сложной (табл. 13)⁵.

Хроническое недофинансирование являлось серьезным препятствием в дальнейшем развитии системы профессиональной подготовки кадров милиции. Качественно изменить ситуацию в школах РКМ можно было лишь переводом их на полное государственное обеспечение⁶.

Таблица 13

Внесение долевых сумм на первоначальное оборудование областных школ младшего начсостава милиции к концу 1925/26 бюджетного года

Ситуация	2-я Саратовская школа	3-я Воронежская школа
Сумма отнесена на 1926-27 бюджетный год	Смоленская губ.	Тамбовская губ. Орловская губ.
Отказались выслать ввиду неимения средств	Ульяновская губ., АССР немцев Поволжья	Курская, Пензенская, Рязанская, Тульская губ.
Вопрос не выяснен	Сталинградская губ., Калмыцкая авт. обл.	Гомельская губ.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 19, 38, 48, 53.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 50.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 50.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 49—49 об., 55.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40. — Л. 12—13, 25—26.

⁶ Кожевина М. А. Указ соч. — С. 141.

Однако сам НКВД все чаще концентрировал усилия лишь на обеспечении жесткой экономии: в циркуляре Отдела милиции НКВД от 31 января 1928 г. указывалось: «Категорически предлагается никаких расходов по расширению помещений, ремонту и переоборудованию до получения соответствующих кредитов не производить и отпускаемые средства тратить более рационально; в случае выхода из сметных предположений и проявления бесхозяйственности... на виновных будут налагаться дисциплинарные взыскания, вплоть до смещения и предания суду»¹.

Тем не менее поступательное организационное развитие школы набирало темпы, активно формировался костяк ее личного состава.

В организационно-структурном (административном) плане 3-я Воронежская школа, согласно Положениям о школах 1925 и 1926 гг.², подразделялась на учебно-строевую и административно-хозяйственную части. Личный состав школы разделялся: на постоянный — «начальствующий, административный и обслуживающий персонал» и на переменный — курсантов. В строевом отношении, в целях удобства управления и проведения обучения, переменный состав изначально сводился в батальон двухротного состава³.

Постоянный состав школы назначался согласно «Положению о службе Р.-К. Милиции» и специальных инструкций. Так, увольнение слушателей и служащих школ РКМ по болезни осуществлялось согласно трудовому законодательству и Приказу начальника милиции Республики 1922 г. № 207⁴.

В 1925/1926 и 1926/1927 учебных годах штатный состав школы был укомплектован согласно Приказу НКВД 1925 г. № 146. Он включил в себя 15 человек (в т.ч. повар с помощником и 4 уборщицы) (табл. 14).

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 50 а. — Л. 2.

² Далее — Положения.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 27; ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 154.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 331. — Л. 577, 579, 582.

Первоначальный постоянный состав 3-й ВШМКС на декабрь 1925 г.¹

Должность по штату.	Фамилия имя и отчество	Возраст	Стаж РККА/РКМ	Образов. ценз		Соц. положение
				общее	спец.	
Начальник школы	Драчёв Александр Павлович	38	4/5	средн.	учит.	служ.
Начальник учеб.-строев. части	Рождественский Павел Валерианович	58	2/2	высш.	филол. воен.	служ.
Нач. админ.-хозяйств. части	Артемов Митрофан Герасимович		3/5	средн.	воен.	служ.
Помощник зав. строев. обуч.	Виноградов Николай Александрович	31	6/1	средн.	воен.	служ.
Помощник зав. строев. обуч.	Смелков Вениамин Вениаминович	30	7/1	средн.	воен.	служ.
Ст. делопроизводитель	Лазаренко Иосиф Романович			средн.		крест.
Мл. делопроизводитель.	Певцова Вера Адамовна			высш. незак.		служ.
Машинистка	Дианова Зинаида Кузьминична			средн.		крест.
Каптенармус	Аристов Николай Николаевич			средн.		служ.

Согласно штатному расписанию, начальник школы имел двух помощников: по учебно-строевой² и по административно-хозяйственной части.

Должность помощника по учебно-строевой части на протяжении существования 3-й Воронежской школы занимал Павел Валерианович Рождественский, первоначально — единственный специалист с высшим образованием среди штатных сотрудников, сыгравший, как уже отмечалось, огромную роль в учебно-методическом обеспечении курсовой подготовки милиции, пожилой опытный работник с 35-летним (к 1927 г., в возрасте 60 лет) педагогическим стажем, высоко оценива-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 27 об. — 28, 42.

² Начальник учебно-строевой части, одновременно — заместитель начальника школы.

емый как руководством школы, так и лицами, проверявшими ее: «старый педагог», «отношение к работе глубоко-серьезное; решителен и тверд, благодаря чему имеет большой авторитет среди учащихся»¹.

Обязанности начальника административно-хозяйственной части (АХЧ) первоначально по совместительству исполнял Митрофан Герасимович Артемов, бывший по основной должности заведующим строевым и милицейским обучением (командиром батальона). Это был единственный на 1925 г. член партии в штатном составе сотрудников школы, охарактеризованный как «военный человек с большой инициативой и выдержкой»². Однако проработал он недолго: полномочия начальника АХЧ у него вскоре принял Н. И. Копытин, а с должности комбата он был освобожден «по личной просьбе» с 15 августа 1926 г.³ В свою очередь, Н. И. Копытина с 25 мая 1926 г. заменил бывший начальник женского отделения государственного исправительно-трудового дома Василий Кузьмич Безгин, утвержденный в должности приказом ЦАУ НКВД от 1 июня 1926 г. № 97. В. К. Безгин, 39-летний выходец из крестьян, с начальным образованием, член партии с 1919 г., с 8-летним стажем службы в РКМ, бесспорно и достаточно успешно исполнял эту должность в течение всего времени последующего существования 3-й школы⁴.

Должности командиров рот заняли Н. А. Виноградов, бывший помощником командира полка РККА, и В. В. Смелков, пришедший в школу с должности помощника начальника штаба дивизии. Они характеризовались как «командиры... с достаточным военным образованием и могущие вполне справиться с работой»⁵. Н. А. Виноградов, впоследствии назначенный комбатом, зарекомендовал себя и на новой должности. По характеристике, данной В. Г. Косаревым, «имеет достаточный военный стаж, а также в части милицейской работы вполне подготовлен; глубоко-серьезно относится к своей работе и имеет большую любовь к ней. Тверд, настойчив и решителен»⁶.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 19; Д. 64. — Л. 35.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 35.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 18.

⁴ Там же; ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 157.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 35.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 19.

На должность ротного командира вместо Виноградова с 24 августа 1926 г. был назначен Митрофан Петрович Галдыкин, еще один выходец из крестьян, член партии с 1919 г., «командир запаса средней группы» с 5-летней выслугой в РККА¹. Но приказом по школе от 7 октября 1928 г. № 140 в соответствии с приказом Начальника ЦАУ от 25 августа 1927 г. № 124 одна из должностей командиров рот была сокращена. В. В. Смелков приказом по школе № 142 с 11 октября 1927 г. был уволен, а его полномочия были вновь возложены на командира батальона Н. А. Виноградова². В свою очередь, в том же 1927 г. командиром 2-й роты стал И. Т. Елесеев³.

В течение 1926—1928 гг. в штатном составе школы произошел еще ряд изменений: появилась должность помощника начальника школы по политической части, делопроизводитель остался лишь один, но были добавлены должности счетовода, машинистки и повозочного, каптенармус стал исполнять обязанности кассира, у школы появился собственный врач⁴.

В ходе ряда проверок начальствующий состав школы оценивался достаточно высоко: его качества «не вызывают сомнения в том, что как руководство Школой, Учебно-строевой и Хозяйственной частями, так и обучение военному делу находится в надежных руках»⁵, он «представляет собой спаянное и авторитетное в глазах курсантов ядро, способное повлиять на них морально и поддерживать достаточную дисциплину. Персонально каждый член данного состава в достаточной степени дисциплинирован, проявляет самостоятельность и инициативу в своей работе, соответствует своему назначению. Дисциплинарных взысканий по отношению к кому-либо из них ни разу не было применено»⁶.

Преподавательский состав школы первоначально был внештатным (как определялось в те годы — «приватным») и приглашался начальником учебно-строевой части обычно сроком на один семестр, исходя из специфики текущего учебного плана. Соответствующие кандидатуры рассматривались на педагогическом совете и утвержда-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 18.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 20.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 53. — Л. 25.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 19; Оп. 78. — Д. 48. — Л. 120.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 157.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 20.

лись начальником школы при обязательном соответствии ряду критериев: это должны быть «лица, обладающие достаточным педагогическим и научным стажем и имеющие права на преподавание в школах 2-й степени Наркомпроса, в губернских совпартшколах и в Военно-учебных заведениях (по военным предметам и спорту)»¹.

Хроническая нехватка компетентных специалистов привела к изданию еще 4 ноября 1924 г. циркуляра ЦАУ, согласно которому к преподаванию в школах РКМ начали допускать их начальников, комиссаров и начальников учебных частей. Вторым основанием для такого решения было стремление «к большему сближению работников указанных категорий с педагогической работой и к большему непосредственному ознакомлению с обучающимися». При этом вводились ограничения на общий объем преподаваемых часов (в целом до 30, максимум — 48 часов в месяц). В 1925 г. в 3-й Воронежской школе уже все представители начальствующего состава дополнительно проводили учебные занятия: А. П. Драчев — до 10 часов в неделю, П. В. Рождественский — 8 и по 4 — остальные².

Вторым ограничением для допуска начсостава к данной деятельности был профессионально-образовательный ценз: преподавание милицейских предметов требовало наличия минимум годового стажа на ответственных милицейских должностях или шестимесячного стажа при законченном милицейском образовании в объеме школ среднего комсостава милиции, для преподавания военных и правовых предметов — специальное образование или стаж не менее двух лет на командных и судебно-следственных должностях³. В феврале 1928 г. В. Г. Косарев обращался в ЦАУ с просьбой разрешить командиру 2-й роты И. Т. Елесееву, «получившему специальное военное образование, преподавать топографию во 2-ом семестре текущего учебного года по примеру минувшего учебного года». Разрешение было получено⁴.

В декабре 1925 г. ЦАУ был издан циркуляр «Об учете педагогического персонала по милицейским и уголовно-розыскным предметам школ среднего и младшего комсостава». Предусматривалось введение для данных категорий преподавателей месячного испытательного

¹ ГАВО. — Ф. Р-285. — Оп. 2 доп. — Д. 285. — Л. 3.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 27 об.

³ Бюллетень НКВД. — 1924. — № 41. — С. 1; Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 133.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 53. — Л. 24, 25.

срока и предоставление начальникам школ по согласованию с ЦАУ новой возможности зачислять наиболее значимых из таких преподавателей в постоянный штат¹. Однако подобные зачисления в Воронежской школе милиции начали производиться преимущественно в 1930-е гг. На период работы в школе «приватные» преподаватели находились в ведении начальника учебно-строевой части.

В состав первых приглашенных преподавателей вошло немало тех, которые уже успели зарекомендовать себя в ходе работы на прежних милицеских курсах. Все лица, читавшие общеобразовательные, правовые дисциплины и обществознание, имели высшее образование, милицеские и военные — среднее. Большинство преподавателей также работали в Воронежском государственном университете и на рабфаке. Среднее количество выполнявшихся ими часов в неделю было около 10 (табл. 15).

Таблица 15

Преподавательский состав 3-й ВШМКСМ на декабрь 1925 г.²

Фамилия имя и отчество	Образоват. ценз/специальность	Пед. стаж	Фамилия имя и отчество	Образ. ценз/специальность	Пед. стаж
Щемелинов Петр Иванович	Высшее / Юридич.	7	Юшков Петр Николаевич	Высшее / Физмат.	21
Панов Виктор Ива- нович	Высшее / Милиц.	5	Ватугин Михаил Тимофеевич	Высшее / Обществозн.	5
Щемелинов Дмит- рий Иванович	Высшее / Естеств.	20	Шугуров Владимир Георгиевич	Высшее / Военное	4
Томкевич Василий Васильевич	Высшее / Учит.	25	Павша Всеволод Николаевич	Высшее / Юридичес- кое.	10
Глушков Александр Иванович	Высшее / Естеств.	19	Александров Иван Константинович	Высшее / Обществозн.	5
Григоров Петр Андреевич	Высшее / Естеств.	7	Успенский Сергей Вениаминович	Среднее / Милиц.	4

¹ Бюллетень НКВД. — 1925. — № 45. — С. 443; Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 149.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 27—28, 42, 52, 52 об.

С течением времени преподавательский состав активно менялся, что объяснялось как его загруженностью по основной работе, переводами на новые места службы, так и спецификой распределения предметов в учебных планах. Тем не менее постепенно сложился относительно устойчивый костяк из 17 преподавателей, обладающих значительным педагогическим стажем и в большинстве своем имеющих «высший образовательный ценз» (табл. 16)¹.

Таблица 16

Преподавательский состав 3-й ВШМНСМ в 1926/27 учебном году

Фамилия, инициалы	Основная должность	Преподаваемый предмет	Фамилия, инициалы	Основная должность	Преподаваемый предмет
Нахамкин Н. Я.	Губпрокурор	Конституция	Глушков А. И.	Преподав. Рабфака	Физика химия
Александров И. К.	Преподав. Рабфака	Политграмота	Щемелинов Д. И.	Преподав. 2-й ступени	География
Станкевич	Зав. Губсобором / быв. учит.	Политграмота	Драчев А. П.	Инспектор Адм.отдела	Организация милиции
Щемелинов П. И.	Нач. инсп. части адм.дела	Совет. Право/кодексы	Фернебок И. И.	Помощн. Губпрокурора	Прох. службы, Дисц. Устав
Хромов	Зам. Губпрокурора	Политграмота	Успенский О. В.	Пом. Нач. Умилиции	Служба Милиции
Ватутин М. Т.	Преподав. 2-й ступени	Русский язык	Чертков Д. Д.	Пом. Губпрокурора	Советское право
Юшков П. Н.	Преподав. Рабфака	Математика	Паршин М.	Инструктор физкультуры	Физкультура
Шушоров В. И.	Бывш. учитель	Математика	Гельднер Л. Л.	Нач. 3-го Отд. Гормилиции	Письмовод. и делопроизв.
Григоров П. А.	Преподаватель университета	Естествознание			

Характерным для Воронежской школы было закрепление одной учебной дисциплины за несколькими преподавателями, что вызвало критику начальника Отдела милиции Республики И. Ф. Киселева на совещании начальников школ (25 сентября 1926 г.)².

Вместе с тем подобная практика в условиях, когда «приватные» преподаватели уходили в отпуск или откомандировывались по основному месту службы, позволяла несколько минимизировать потери учебных часов и впоследствии относительно безболезненно восполнять диспропорции в нагрузке между преподавателями: так, с

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 161.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 32.

1 сентября 1927 г. по 15 февраля 1928 г. в связи с болезнями было пропущено 14, а из-за командировок — 44 учебных часа, основная часть которых была возмещена¹.

Активным было и внеурочное взаимодействие преподавателей и курсантов школы, заключавшееся в беседах, экскурсиях, кружковой работе и посещениях курсантского общежития в свободные от занятий часы².

Оплата преподавательского состава за проведение лекционных, практических занятий, экскурсий, приемных и выпускных испытаний и за участие в заседаниях различных комиссий была «аккордной» и производилась по часовой норме тарифных ставок согласованных с профсоюзами. В частности, при заключении коллективного договора в губернском союзе работников просвещения в 1925 г. оплата за академический час лекции колебалась от 1,5 до 2,5 рублей³. Профсоюзы активно выступали за оплату труда преподавателей и в случае срыва занятий по вине школы. Это в глазах сотрудников адмотделов, проверявших школу, было дополнительным аргументом в пользу включения преподавателей в штат: «При этом условии Школа будет иметь в своем распоряжении состав, преданный исключительно интересам Школы, и будет иметь возможность бесплатного проведения Комиссий и экскурсий в любое время, в любом количестве, чего в настоящий момент не имеет»⁴.

Отметим и тот факт, что, согласно данным обследований, хорошо знакомой с практикой милицейской службы оказывались лишь та часть преподавателей, которая была непосредственно связана с ней по основным должностям, а также отдельные лица из начсостава, много лет служившие раньше в рядах милиции. Но проверяющие отмечали и то, что «значительный интерес к милицейской работе и стремление к изучению милицейского дела проявляет весь командный состав школы и та часть преподавателей, которая теснее связана со школой служба в ней с первых дней существования»⁵.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 25.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 28.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 28.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 173.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 21.

Вместе с тем в целом, как отмечалось в материалах проверок, «преподавательский состав школы безусловно должен быть признан сильным, авторитетным в глазах курсантов и со стороны методико-педагогической стоящим на должной высоте». Подавляющее большинство преподавателей «с интересом относятся к своей специальности и значительная часть преподавателей интересуется свежими течениями педагогической мысли». Ряд преподавателей работали методистами-руководителями по переподготовке работников школ 1-й и 2-й ступени и техникумов Воронежа и губерний, некоторые состояли «в Секции ученых работников при Воронежском Государственном Университете»¹.

Фиксированная в «Положениях» цель школ младшего начсостава РКМ — пополнение «органов Милиции и Уголовного Розыска на территории РСФСР подготовленным младшим начальствующим составом Милиции и активным составом Уголовного Розыска» обусловила особенности комплектования 3-й ВШМНСМ переменным составом. Правила приема в школу были нормативно закреплены в главе VII «Положения» 1926 г.²

Правом поступления в школу обладали сотрудники милиции и уголовного розыска, имевшие: а) служебный стаж в соответствующих органах от 6 месяцев до года без перерыва; б) хорошую служебную аттестацию; в) удовлетворительное состояние здоровья, соответствующее условиям приема на службу в милицию, согласно установленным правилам; г) познания в объеме программы временных испытаний, объявляемой ежегодно ЦАУ НКВД, в частности, в приказах №№ 101, 103/с, 26/с, 104, 216 1925 г.; №56 1927 г.³ При этом программные требования к уровню знаний абитуриентов возрастали: «время «хороший парень» прошло», — считало руководство ЦАУ⁴. Требовались не просто владение русским языком (беглое чтение, диктант) и арифметикой (четыре математических действия, проценты и меры измерения), но и сдача экзамена по политграмоте, начальные представ-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 17, 19; Оп. 78. — Д. 56. — Л. 21.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 19.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 27, 34, 35.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 34, 35; Оп. 65. — Д. 88. — Л. 41; В. М-ов. О комплектовании и учебных программах школ // Административный вестник. — 1929. — № 2. — С. 36.

⁵ Знаменский П. Больше внимания комплектованию школ // Административный вестник. — 1926. — № 7—8. — С. 69.

ления о советском праве, базовая военная подготовка (строевая, караульная службы, устройство оружия). При определении степени подготовленности следовало учитывать как формальные знания, так и степень общего развития поступающих, наличие практических навыков милицейской работы и пригодности к занятиям в школе¹.

Комплектование школ проводилось по специально издававшимся распоряжениям ЦАУ с прилагавшейся при этом разверсткой. В частности, в 1925—1926 гг. — по приказу ЦАУ № 149, а в 1926—1927 гг. — по предписаниям ЦАУ №№ 25/92122/17, 25/9210/10с и ориентировочной развёрстке². Готовились и отдельные специальные циркуляры, как, например, циркуляр от 12 мая 1926 г. «О более тщательном отношении к командированию работников милиции и уголовного розыска в школы среднего и младшего комсостава милиции», в котором были фиксированы основные недостатки приемной кампании в школы в 1925 г.³

Непосредственный отбор кандидатов на поступление вели административные отделы исполкомов субъектов РСФСР путем проведения собеседований, мандатных и медицинских комиссий и откомандирования кандидатов, удовлетворявших требованиям приема и желавших пройти курс обучения.

По прибытии командированные представляли набор документов, в том числе: а) личное дело со сведениями о службе; б) документ, удостоверяющий отношение к воинской повинности; в) служебную аттестацию; г) документы об образовании; е) аттестат на денежное довольствие⁴; ж) постановления местных предварительных испытательной и врачебной комиссии; з) личную расписку об ознакомлении с условиями приема и прохождения курса и др.⁵

¹ Кожевина М. А. Указ соч. — С. 150. Школа начсостава Рабоче-крестьянской милиции и Угро : справочник для командирующих организаций и для поступающих в школы / сост. И. Ю. Цветопольский, В. Г. Постников; под ред. начальника отд. мил. ЦАУ НКВД И. Ф. Киселёва. — М. : Изд-во нар. ком. вн. д., 1927. — С. 23, 25, 29, 30.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 154 об. — 155.

³ Бюллетень НКВД. — 1926. — № 13. — С. 159. См. и циркуляры НКВД № 163, 170-26 г., приказы ЦАУ №№ 200-25 г., 86-26 г.; ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 41.

⁴ Командированные на местах должны перед отъездом быть полностью удовлетворены вещевым довольствием, жалованием на 1-е число следующего за днем командирования месяца, деньгами на проезд в оба конца.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 34, 35.

В школе последовательно проводились медицинская, мандатная и испытательная комиссии. При этом не прошедшие одну из комиссий не допускались для прохождения следующей.

Медицинская комиссия организовывалась в целях определения пригодности абитуриентов по состоянию здоровья к учебе в школе, и испытания в ней проводились врачом школы согласно инструкции НКВД и Наркомздрава, объявленной в приказе ЦАУ за № 42-26 г.

Мандатная комиссия создавалась для определения соответствия командированных объявленным ЦАУ условиям приема в школы под председательством начальника или комиссара школы и членов — представителей от местных комитета ВКП(б), исполкома, совета профсоюзов.

Приемно-испытательная комиссия формировалась в составе начальника учебно-строевой части (председатель) и двух преподавателей. Они призывались «без всяких стеснений, не останавливаясь перед количеством» всех не выдержавших вступительных испытаний «откомандировывать обратно, сообщая в ЦАУ фамилию преподавателя, производившего на месте испытание... ЦАУ НКВД необходимо таких преподавателей (если окажутся) призывать к порядку через органы Наркомпроса...»¹.

Вместе с тем комплектование 3-й ВШМНСМ на протяжении всего ее существования оставалось проблемным вопросом, что было характерно и для прочих милицейских школ. Административные отделы на местах весьма халатно относились к своим обязанностям.

Одной из острых проблем стало затягивание откомандирования абитуриентов, что срывало графики начала образовательного процесса. Так, укомплектование школы в 1925/1926 году затянулось более чем на месяц (табл. 17):

Таблица 17
Динамика прибытия первых кандидатов на обучение в 1925 г.²

Дата	Прибыло	Дата	Прибыло	Дата	Прибыло	Дата	Прибыло
20/X	47	24/X	11	29/X	13	9-14/XI	1
21/X	37	26/X	12	30/X	6	15/XI	4
22/X	9	27/X	14	1/XI	8	19/XI	3
23/X	18	28/X	5	3/XI	1	27/XI	1

¹ Знаменский П. Больше внимания комплектованию. — С. 69.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 154 об. — 155.

Не лучшей была ситуация и в следующем году, когда «вследствие несвоевременного выполнения Начальниками Губадмотделов нарядов центра» укомплектование началось с 3 октября и, невзирая на обращения руководства школы (отношение № 1852), продолжалось до первой половины ноября, хотя сроком окончания было 29 сентября (предписание ЦАУ 1926 г. № 12126/2)¹.

Серьезные нарекания вызывал и качественный состав абитуриентов. По оценке лиц, проверявших школу, наблюдалась присылка «Адмотделами курсантов совершенно неподходящих для Школы: неразвитых, малограмотных, крайне недисциплинированных и отличающихся распущенностью, а в некоторых случаях даже преступный элемент... недостаточно внимательный осмотр курсантов на местах вследствие чего имелись случаи присылки больных туберкулёзом, венерическими болезнями и т.д.». Несколько человек из поступавших «было отправлено под конвоем к месту их службы по требованиям судебных властей»². Подобная ситуация в те годы была характерной для всей системы милицейских школ, что вызывало критику со стороны руководства ЦАУ: «Некоторые адмотделы комплектование школ используют как один из способов чистки аппарата с целью избавиться от плохих работников... А по возвращении таких товарищей из школы начинаются разговоры о том, что ...школы... зря только средства тратят ... в качестве подготовки повинны также и места, наплевательски относящиеся к комплектованию школ... лучшие... работники, изъявившие желание учиться, умышленно не посылаются в школы из-за боязни ослабить работу»³.

Все это приводило к серьезному отсеву курсантов уже на начальных этапах и напрасному расходованию денежных средств. Так, в 1926 г. из 80 человек, прибывших в Ленинградскую школу, было забраковано 43; в т.ч. по состоянию здоровья — 4, по нежеланию и отсутствию должного стажа — 8, по общей или политической неподготовленности — 16, как не служивших в рядах РКМ — 6, как подлежащих призыву — 2 и имеющих неудовлетворительную аттестацию — 1 чел. Из 158 абитуриентов 3-й Воронежской школы было откомандировано 36 чел. (23%), из них: а) по врачебной комиссии — 28 чел.;

¹ Там же.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 155 об., 156, 169.

³ Лебедев И. Недостатки в комплектовании школ в текущем году // Административный вестник. — 1929. — № 8. — С. 36.

б) по приемной комиссии — 2; в) по мандатной комиссии — 1; г) по семейным обстоятельствам — 1; д) за призывом в РККА — 4. Из 223 абитуриентов Свердловской школы откомандировано 52 чел. (28%), из них непринятых: а) мандатной комиссией — 18 чел.; б) поверочно-испытательной комиссией — 22; в) по медицинскому осмотру — 12 человек¹.

В целом численность переменного состава в 1925—1927 гг. колебалась от 140 до 198 чел. Сводные сведения о динамике и социально-политическом составе курсантов 3-й ВШМНМСМ приведены в табл 18.

Указанные ставки 1925/26 учебного года были введены предписанием от 18 октября 1925 г. № 23/24/2. В 1926/27 учебного году распоряжением начальника милиции Республики от 13 октября 1926 г. №25/9212/21 ставки комсостава были повышены на 25—40% (в т.ч. начальнику школы до 198 руб.) при условии образовавшейся экономии ассигнованного на зарплату кредитования. Но в условиях недополучения средств из регионов (до 50%) руководством школы было принято решение понизить ставки окладов комсостава, «дабы образовавшаяся экономия средств соответствующего кредита позволила регулировать бесперебойно зарплату в определённых размерах в период всего учебного года... и учитывая необходимость повышения зарплаты низшего состава Школы за счет сокращения ставок комсостава».

Сложной была ситуация и с продовольственным обеспечением. Питание курсантов осуществлялось за счет удержания из выплачивавшихся им средств — 50 коп. в сутки, сначала по договору с Комитетом помощи заключенных исправительно-трудового дома, а потом за счет самоорганизации: через выборных лиц из курсантов (заведующий столовой и его помощник), под контролем выборной ревизионной комиссии в составе 2 человек. Администрация школы вела общее наблюдение, содействуя путем подыскания более дешевой и лучшей по качеству продукции. Пришлось и уменьшить количество обеденных блюд в рабочие дни с 3 до 2 за счет повышения их калорийности. Проблемы с довольствием дополнительно обостряли ситуацию с дисциплиной.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 47. — Л. 98.

Укомплектование 3-й ВШМНСМ в первые два учебных года¹

Наименование	Уч. год	Воронежский	Брянский	Курский	Калужский	Рязанский	Орловский	Тульский	Тамбовский	Астраханский	Пензенский	Гомельской	Карельский об.	С. Кавказск. Кр.	Дагестанский	Всего
Намечено разверткой	25-26 26-27	30 31	10 10	20 20	- 10	20 18	20 20	20 20	20 20	- -	20 -	15 -	9 -	- 45	- 6	184 210
Прислано	25-26 26-27	Данных нет, так как учета не велось														
Возвращено	- 26-27	Учета не велось														
		84	20	19	2	4	20	15	22	10	-	-	-	-	-	196
По причинам:																
врач. комис.	25-26 26-27	Учета не велось														
		13	1	3	-	-	5	3	3	-	-	-	-	-	-	28
присм. комис.	25-26 26-27	Данных нет														
		1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
манд. комис.	25-26 26-27	Данных нет														
		1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
семейным обстоят.	25-26 26-27	Данных нет														
		1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
за призывом в армию	25-26 26-27	Данных нет														
		1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Принято	25-26 26-27	42 68	9 19	19 13	- 2	19 4	19 15	18 14	19 18	- 7	18 -	14 -	2 -	- -	- -	179 160
Откоман- дировано	25-26 26-27	Всего Не было														
Окончило	25-26 26-27	35 -	8 -	18 -	- -	19 -	18 -	15 -	18 -	- -	16 -	14 -	2 -	- -	- -	163 160
Из них:																
Работников милиции	25-26 26-27	28 64	7 18	15 12	2 2	16 4	17 15	15 14	16 17	- 7	15 -	14 -	2 -	- -	- -	145 153
Работников розыска	25-26 26-27	5 4	- 1	1 1	- -	- -	- -	- -	- 1	2 -	- -	1 -	- -	- -	- -	9 7
Рабочих	25-26 26-27	Всего нет														
		9														
Членов и кандидат. ВКП (б)	25-26 26-27	8 18	3 7	5 7	- 2	5 -	4 8	3 6	6 3	- -	9 -	3 -	- -	- -	- -	46 51
Крестьян	25-26 26-27	Всего нет														
		59	16	12	2	4	13	15	3	-	-	-	-	-	-	144 140
Рабочих	25-26 26-27	Всего нет														
		5	2	1	-	-	-	-	1	1	4	-	-	-	-	2 5
Со средн. образован.	25-26 26-27	Всего нет														
		10														
С низшим образован.	25-26 26-27	Всего нет														
		68	19	13	2	4	15	14	18	7	-	-	-	-	-	153 160
Со стажем до 1 года	25-26 26-27	17 20	1 3	10 7	- -	10 1	10 4	10 2	10 2	10 5	- 5	6 -	10 -	1 -	- -	85 47
До 3-х лет	25-26 26-27	14 32	7 10	4 4	- 1	7 3	6 9	5 10	8 10	8 1	- -	8 -	4 -	- -	- -	63 80
Выше	25-26 26-27	4 16	- 6	4 2	- 1	2 -	- 2	- 3	- 1	2 -	- -	1 -	1 -	- -	- -	15 33
Возраст до 25 лет	25-26 26-27	14 19	5 2	8 5	- 2	7 3	2 6	10 4	6 5	- 4	5 -	5 -	- -	- -	- -	62 50

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 155 об., 156.

Учетом и уже затрагивавшуюся выше недостаточность имевшегося денежного и вещевого довольствия (табл. 19).

Таблица 19

Ставки окладов содержания постоянного и переменного состава 3-й ВШМНСМ в 1925/26 и 1926/27 учебных годах (рублей)

Наименование должности	Месячный оклад		Наименование должности	Месячный оклад	
	1925/26 г.	1926/27 г.		1925/26 г.	1926/27 г.
Начальник школы	120	160	Машинистка	40	40
Нач.уч.-строев. части	100	120	Каптенармус	30	35
Нач. адмхозчасти	100	120	Повар	30	35
Зав. строевым и милиц. обучением	80	95	Пом. повара	25	30
Комроты	75	85	Уборщица	20	25
Ст. делопроизводитель	50	60	Курсант	19,5-33-35	35
Мл. делопроизводит.	40	45			

Помимо уже отмеченных качественных проблем курсантского состава следует учесть и еще один аспект: ряд поступивших, в том числе ранее уже занимавших командные должности, объективно оказался морально не готов к жестким казарменным условиям курсантского быта, что потенциально порождало конфликты. Руководство ЦАУ указывало, что это происходило «не только вследствие поведения курсантов, являющихся недостаточно дисциплинированными, о чем свидетельствуют неоднократные случаи грубости и даже оскорблений должностных лиц, появления в нетрезвом виде, но и по вине руководящего персонала школ, допускающих такие явления, как командирование курсантов по различным хозяйственным надобностям, неравномерное распределение нарядов, частые отпуска на несколько суток, произвольное зачисление на продуктовое довольствие, несоблюдение норм Дисциплинарного Устава, наряды на работы, не входящие в круг обязанностей курсантов», и рекомендовало начальникам школ наказывать нарушителей дисциплины вплоть до отчисления, с отправкой соответствующих характеристик в комплектующий орган¹.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 34; Киселев П. Ф. Итоги совещания начальников милицейских школ // Административный вестник. — 1926. — № 11. — С. 38.

Особенно жесткие дисциплинарные меры руководство 3-й ВШМНМСМ вынужденно предпринимало в первом семестре 1925/26 уч. года (табл. 20).

Таблица 20

Дисциплинарная практика 3-й ВШМНМСМ в 1925/26 учебном году¹

Вид дисциплинарного взыскания	Количество взысканий		
	1 семестр	2 семестр	Уч. год
Выговоры в приказах	2	2	4
Отмена увольнений	193	156	349
Аресты	36	17	53
Исключения в дисциплинарном порядке	1	2	3
Итого	232	177	409

Постепенно, после ряда «дружных мероприятий со стороны Комсостава и усиленной воспитательной работы», ситуация начала выправляться: в феврале 1928 г. руководство школы докладывало: «в отношении дисциплины, как в учебное, так и во внеурочное время, курсанты не заслуживали упрека, и общая дисциплина их стоит на должной высоте. Интерес к учебному делу у курсантов большой; усидчивость в работе, самостоятельность, активность выше средней и с этой стороны курсанты данного набора превысили курсантов предыдущих двух составов». Но жесткие меры по-прежнему применять приходилось: так приказом по школе от 13 марта 1928 г. № 35 был отчислен и откомандирован в распоряжение адмотдела Орловского ГИК курсант 1-й роты А. Де-мушкин, «ввиду того, что разлагающе действует на остальную курсантскую массу»².

Внутренний распорядок 3-й ВШМНМСМ определялся «Положениями о школе» и «Инструкцией внутреннего распорядка школ милиции», объявленной в приказе Начальника ЦАУ НКВД — Начальника милиции Республики от 22 ноября 1926 г. № 183 и введенной в действие с 1 декабря 1926 г.³

Инструкция, структурно состоявшая из 7 глав, объединявших 132 параграфа, регламентировала: 1) внутреннее устройство школы, 2) обя-

¹ Построено по: ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 169, 169 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 18 об.; Оп. 78. — Д. 56. — Л. 12, 20.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 51—85.

занности ее переменного и постоянного состава; 3) размещение курсантов в общежитии школы и правила внутреннего распорядка; 4) распределение времени и повседневный порядок; наряды на внутреннюю службу; 6) порядок ареста; 7) обязанности по сохранению здоровья.

Следует отметить, что первоначальный распорядок дня, установленный в 3-й ВШМКСМ с 1925 г., отличался от рекомендованного ЦАУ и впоследствии закрепленного в приложении к главе IV Инструкции (табл. 21).

Таблица 21

Соотношение распорядков дня 3-й ВШМНСМ и установленного ЦАУ¹

Мероприятие	Время		Мероприятие	Время	
	3-я школа	ЦАУ		3-я школа	ЦАУ
Подъём	6.00	7.00	Обед и отдых	12.30 - 15.30	16.00 - 18.00
Умывание, чистка обуви и одежды	6.00 - 6.30	7.00 - 7.20	Классные занятия	15.30 - 17.40	
Проверка, гимнастика	6.30 - 7.20	7.30 - 7.40	Ужин	17.40 - 18.30	21.00
Чай	7.20 - 8.00	7.40 - 8.10	Кружки и подготовка	18.30 - 23.00	18.00 - 21.00
Классные занятия	8.00 - 11.30	10.00-16.00	Личное время		21.00 - 23.00
Строевые занятия	11.30 - 12.30	8.20 - 9.20	Отбой	23.00	23.00

В отзыве на проект «Инструкции» (Отношение от 24 марта 1926 г. № 1005) А. П. Драчев обосновывал необходимость сохранения старого варианта тем, что «большинство преподавателей по общеобразовательным предметам одновременно работают в ВГУ и Рабфаке и располагают свободным временем с 8.00 до 10.00, а «послеобеденные часы предоставлены специальным предметам, которые читаются ответственными работниками, занятыми в часы службы»². Однако тенденция к унификации со временем восторжествовала.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 80; ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 169, 169 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 130.

Определенные эксперименты проводились в 3-й Воронежской школе и при структурировании переменного состава. Согласно «Положениям о школе» в целях удобства управления и проведения обучения переменный состав школы сводился в батальон двухротного состава. В 1925/26 учебном году была предпринята попытка разделения всего поступившего контингента по уровню первоначальной подготовки на 2 разряда: «более успевающих и менее успешных», причем первые два отделения комплектовались из первой, а третье и четвертое — из второй группы. Однако такой подбор неблагоприятно отразился на учебе в связи с отсутствием в двух последних отделениях «основного, сильного ядра, могущего дать опору преподавателю»¹.

В свою очередь, специфика выделения помещений в здании школы, с одной стороны, приводила в 1925/26 учебном году к завышению численности учебных отделений: 1 и 4-е — по 40, 3-е — 41 и 2-е — 29 человек) при нормативных требованиях в 30 курсантов². С другой же, она обусловила стремление руководства школы при обсуждении проекта «Инструкции» ходатайствовать о сохранении принятой ранее организации батальона и рот с разделением последних не на 3, а на 2 взвода с числом отделений по 4 в каждом. Мотивировалось это тем, что «такая организация более подходит к современной стрелковой роте РККА и местным условиям Школы, так как весь батальон делится на 4 классных отделения по 2 в роте»³.

Принципиальным новшеством стало введение согласно приказу ЦАУ № 33 от 7 марта 1927 г. в 3-й ВШМКСМ с 1926/27 учебного года особой группы по подготовке специалистов уголовного розыска⁴.

Образовательный процесс в 3-й Воронежской школе строился на базе «Положений о школах», «Инструкции внутреннего распорядка» и ежегодно присылаемых ЦАУ учебных планов, а впоследствии и рабочих программ⁵. Так, в 1925/26 учебном году обучение велось на основе учебного плана и программы, утвержденных приказами ЦАУ №№ 140 и 190 1925 г. и предписанием ЦАУ № 25/9210/22 1925 г. Срок обучения

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 162 об.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 163 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 130.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 9. — Л. 148.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 48. — Л. 373, 377, 380.

первоначально предусматривался годичный, но на практике, как минимум, в первые 2 учебных года оказался сильно сокращен из-за задержки с организационными работами, комплектованием и досрочным сокращением в связи с требованием ЦАУ перейти на обучение с сентября по сентябрь¹. Ряд попыток В. Г. Косарева убедить руководителей ЦАУ, что потери в часах в текущем учебном году ухудшат качество подготовки в итоге привели к жесткой реакции: «Ведение переписки по вопросам, по которым имеются определенные решения, отдел милиции считает излишним и школе впредь от таковой переписки предлагается воздержаться»².

Уже с 1926/27 учебного года циркуляром ЦАУ от 15 октября 1926 г. № 25/9210/40 «в целях единообразия в проведении обучения во всех школах милиции и создания планомерности в проведении занятий и в распределении программногo материала» вводился новый календарный план, включавший в себя два «учебных полугодия».

Первое, с 1 сентября 1926 г. по 6 марта 1927 г., распределялось так: а) 1.10.26 — 20.12.26 — учебные занятия; б) 20.12.26 — 4.01.27 — каникулы; в) 5.01.27 — 18.02.27 — учебные занятия; г) 1.03.27 — 5.03.27 — зачеты. Второе, с 6 марта по 30 августа 1927 г., имело следующее распределение: а) 6.02 — 1.08 — учебные занятия; б) 2.08 — 23.08 — практики в) 24.08 — 30.08 — выпускные испытания; г) 31.08. — выпуск и откомандирование. При этом выпускные испытания могли делиться на два этапа: по общеобразовательным и политическим предметам — до выхода на практику и по праву и милицейским предметам — после практики³.

Непосредственную организацию образовательного процесса обеспечивала функционирующая на основе особой инструкции учебно-строевая часть⁴. На нее возлагались: а) руководство учебно-воспитательной деятельностью школы; б) оптимизация проведения в жизнь учебных планов и программ; в) наблюдение за регулярностью проведения занятий и успешностью прохождения курса обучения и принятие мер к устранению помех; д) «проведение милицейской дисциплины» и поддержание внутреннего порядка.

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 161 об.; Ф. Р-285. — Оп. 2. — Д. 85. — Л. 6.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 83, 83 об.; Оп. 78. — Д. 48. — Л. 341, 342.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 127—127 об.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 60.

Начальником учебной части был помощник начальника школы по учебно-строевой части, в числе полномочий которого были: а) по учебной части: руководство работой подчиненных преподавателей и начсостава; составление расписаний занятий, производственного плана работ и отчетов об учебной деятельности; наблюдение за точным выполнением преподавателями учебного плана и программ, за исправным посещением занятий преподавателями и курсантами, принятие мер к лучшему усвоению курсантами учебного материала и, в целом, создание в школе таких условий, которые обеспечили бы нормальное течение учебной жизни; б) по строевой части: общее руководство работой заведующего милицейско-строевым обучением и преподавателей, проводящих военное и физическое обучение; наблюдение за успешностью прохождения военного курса обучения и принятие мер к устранению тормозящих причин; общее руководство воспитательной работой; наблюдение за внутренним порядком и за поддержанием дисциплины.

Для обсуждения вопросов, связанных с постановкой учебно-воспитательной работы, при начальнике школы функционировал совещательный орган — педагогический совет в составе 27 человек, в том числе представителей руководства губернского адмтдела, всех начальников отделов, служб, преподавателей школы, трех избираемых представителей от курсантов и представителя от бюро школьной ячейки ВКП(б)¹.

В целях детальной разработки методических вопросов при педагогическом совете организовывались цикловые комиссии, которых первоначально было 4, а впоследствии — 3: а) по общеобразовательным и политическим предметам в составе 12 человек; б) по милицейско-правовым и уголовным предметам, объединившая две ранее самостоятельные комиссии (7 чел.); в) по военному и физическому обучению (4 чел.). На комиссии возлагались: а) обсуждение вопросов, связанных с применением учебного плана и программ; б) проработка и конкретизация предметных программ; в) разработка производственного плана по прохождению курсов данного цикла; г) учет методического опыта по данному циклу предметов и усовершенствование методики преподавания; д) определение степени успешности прохождения курсантами предметов данного цикла; е) наблюдение за оборудованием кабинетов, лабораторий по предметам данного цикла в соответствии с современными требованиями педагогики.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 36 об.; Оп. 78. — Д. 56. — Л. 23 об.

Для руководства и координации работ цикловых комиссий и объединения их работ было создано учебное бюро в составе председателя — начальника учебно-строевой части и трех ответственных секретарей цикло-методических комиссий. Все вышеперечисленные органы функционировали на базе соответствующих положений о таковых и в их работе участвовали представители от курсантов¹.

Работа данных органов разворачивалась постепенно, в ней присутствовало достаточное число недочетов, в общем характерных для всех школ РКМ. Подводя итоги первого года работы новых школ, начальник Отдела милиции Республики И. Ф. Киселев отмечал, что педсоветы и предметные комиссии собирались крайне нерегулярно, в работе нередко выходя за пределы своей компетенции. В частности, вместо изыскания способов применения программ они занимались вопросами одобрения либо изменения учебного плана и программ ЦАУ, «которые в этом не нуждались»².

В этом плане педсовет Воронежской школы, сначала именовавшийся «школьным советом», заслуживал минимальной критики: на двух его первых заседаниях были рассмотрены вполне актуальные вопросы: 1) о подборе «учебников по всем предметам школьных курсов для повседневного руководства учащимся и пособий в школьную библиотеку»; 2) о выборах преподавателей «в предметные комиссии и в учебное бюро»; 3) о показательной школьной выставке; 4) о дисциплине в часы учебных занятий; 5) о посещении уроков преподавателями; 6) о контрольных нарядах³.

По мере накопления опыта работа все больше диверсифицировалась, расширялся круг рассматривавшихся вопросов: о неуспевающих курсантах и необходимых мерах по поднятию успеваемости, об организации Ленинского уголка, о библиотеке-читальне, об увязке клубной работы с учебной, о контрольных работах, о дооборудовании кабинетов, о проведении плана практических занятий курсантов, о порядке проведения выпускных испытаний и т.д.⁴

Уже в отчете 1926 г. В. Г. Косарев писал: «Педагогический Совет Школы, весьма сильный по своему составу в педагогическом отноше-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 37.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 31.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 57—63.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 22; Оп. 78. — Д. 56. — Л. 20, 60—62.

нии и вполне авторитетный в глазах курсантов... Деятельность его, благодаря тому, что члены Совета, в подавляющем большинстве, проявляли большой интерес к учебно-воспитательной работе Школы и стремились поставить ее на должную высоту, была вполне продуктивной». Все постановления совета «проводились в жизнь в кратчайший срок», исключая те, затраты денежных средств на проведение которых превышало имевшиеся в школе резервы. «Исполнение этих последних временно откладывалось до изыскания необходимых сумм»¹.

Аналогичная ситуация складывалась с работой цикловых комиссий и учебного бюро. В 1-м семестре 1925/26 учебного года они функционировали в режиме «частных совещаний», собирались эпизодически, так как из-за отсутствия соответствующих кредитов преподавателям за участие в их работе не платили. Со 2-го семестра, «с образованием остатков от кредитов, ассигнованных на оплату лекционных часов», работа комиссий приобрела регулярный и официальный характер. Теперь на них рассматривались и присылаемые ЦАУ на обсуждение рабочие программы. Так, в частности, члены общеобразовательно-политической цикло-методической комиссии на заседании 13 января 1928 г. критически отнеслись к предложенным ЦАУ в рамках кампании усиления профессиональной специализации проектам сокращенных программ по естествознанию, географии и математике. Выступавшие отметили, что данные программы можно рассматривать лишь как «необходимый минимум» и в целом недопустимо уменьшение внимания к данным дисциплинам, как имеющим «весьма важное общеобразовательное значение в смысле расширения умственного кругозора курсантов»².

Компетентность представителей цикло-методических комиссий 3-й ВШМНСМ в ЦАУ ценилась достаточно высоко: на совещании начальников милицейских школ НКВД в 1928 г. представители 1-й Ленинградской школы старшего начсостава делали доклад, а 3-й Воронежской школы младшего начсостава — содоклад о программе правовых и милицейских предметов³. Преподаватель милицейских предметов школы Чертков вне разрядки принял участие в работе совещания, первым выступал в прениях и вошел в состав комиссии по обсуждению учета работы курсантов (Косарев — в комиссию по военным предметам, Рождественский — по учебному плану подготовки сотрудников уголовного розыска)⁴.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 22.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 49. — Л. 90—90 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 46. — Л. 1 и др.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 46. — Л.40.

В соответствии с учебным планом предметы, изучавшиеся в 3-й ВШМНСМ в 1925/26 учебном году, подразделялись на 4 цикла: общеобразовательно-политический, военный, правовой и милицейский, на освоение которых было соответственно отведено: 598, 273, 273 и 718 часов (в т.ч. 144 — практических). Основными предметами были милицейские и правовые, в общей сложности охватывавшие 991 учебный час (табл. 22)¹.

Таблица 22

Примерный учебный план школ младшего начсостава милиции²

Младший семестр		Старший семестр	
Предмет	Часы	Предмет	Часы
Русский язык	73	Русский язык	84
Обществоведение	105	История РКП(б) и Ленинизм	84
География	42	География	21
Математика	105	Советское право	126
Естествознание	63	Тактика пехоты с уличным боем	84
Конституция и кодексы	105	Техника расследования преступлений и ознакомление со службой УР	42
Строевой и гарнизонный уставы	21	Топография	42
Оружие (винтовка, револьвер, пулемет)	42	Милицейские предметы (письмоводство и делопроизводство с производством дознания; служба милиции)	126
Кавалерийский устав и верховая езда	21		
Организация милиции	52		
Прохождение службы	21		
Письмоводство и делопроизводство	42	Административное право	42
Анатомия и физиология	21	Скорая помощь, санитария и судебная медицина, анатомия и физиология	63
Служба милиционера	42		
Всего	756	Всего	576

Сохранилось и первое расписание занятий (табл. 23)³.

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 163 об., 164; Ф. Р-285. — Оп. 2. — Д. 85. — Л. 52 об., 53.

² Строевая подготовка и стрельбы по 2 часа в неделю во внеурочное время, физическая подготовка по 3 часа в неделю во внеурочное время (гимнастика, джиу-джитсу, рубка шашкой и плавание — спасение на водах) в обоих семестрах.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 52 об. — 53.

Таблица 23

	От- де- лен.	8.00- 8.45	8.55- 9.40	9.50-10.35	10.45-11.30	15.30- 16.15	16.25-17.10
Понедельник	1	Арифметика	Арифметика	География	Биология	Обществоведение	Обществоведение
	2	Русский яз.	Биология	Арифметика	Арифметика	Конституция	Конституция
	3	География	Русский яз.	Биология	Труд. Кодекс	Физика	Труд. Кодекс
	4	Служба милиции	География	Русский яз.	Строев. гарн. устав	Орган. милиции	Письмов. и делопр.
Вторник	1	Русский яз.	Русский яз.	Обществоведение	Обществоведение	Служба милиции	Обществоведение
	2	Обществоведение	Обществоведение	Организ. милиции	Организ. милиции	Физика	Служба милиции
	3	Арифметика	Арифметика	Русский яз.	Служба милиции	Письмов. и делопр.	Физика
	4	Физика	Ознакомл. с оружием	Служба милиции	Русский яз.	Орган. милиции	Письмов. и делопр.
Среда	1	Физика	Биология	Организ. милиции	Строев., гарн. устав	Конституция	Конституция
	2	Русский яз.	Ознакомл. с оружием	Строев., гарн. устав	Труд. Кодекс	Орган. милиции	Труд. Кодекс
	3	Обществоведение	Обществоведение	Обществоведение	Биология	Письмов. и делопр.	Орган. милиции
	4	Арифметика	Арифметика	Биология	Обществоведение	Труд. Кодекс	нет
Четверг	1	Арифметика	Арифметика	География	Труд. Кодекс	Дисц. уставн. сл.	Труд. Кодекс
	2	Русский яз.	География	Арифметика	Арифметика яз.	Письмов. и делопр.	Дисц. устав вн. сл.
	3	Арифметика	Арифметика	Русский яз.	Русский яз.	Конституция	Конституция
	4	Физика	Ознакомл. с оружием	Труд. Кодекс	География	Обществоведение	Обществоведение
Пятница	1	Русский яз.	Ознакомл. с оружием	Арифметика	Ознакомл. с оружием	Письмов. и делопр.	Труд. Кодекс
	2	География	Арифметика	Ознакомл. с оружием	Труд. Кодекс	Физика	Письмов. и делопр.
	3	Ознакомл. с оружием	География	Строев., гарн. устав	Служба милиции	Обществоведение	Обществоведение
	4	Арифметика	Арифметика	Русский яз.	Русский яз.	Конституция	Констит. и сов. право
Суббота	1	Физика	Русский яз.	Организ. милиции	Орган. мил.	Письмов. и делопр.	Служба милиции
	2	Русский яз.	Обществоведение	Биология	Обществоведение	Служба милиции	Обществоведение
	3	Арифметика	Орган. мил.	Ознакомл. с оружием	Орган. мил.	Дисц. уставн. сл.	Труд. Кодекс
	4	Обществоведение	Арифметика	Обществоведение	Биология	Труд. Кодекс	Дисц. уставн. сл.

В последующие учебные годы в распределение учебных дисциплин вносились отдельные изменения, преимущественно связанные с перераспределением учебных часов. В частности, было в пользу углубления изучения русского языка сокращено на 20 часов изучение кавалерийского устава и на 1 час — математики¹, усиленное изучение вновь принятых кодексов было реализовано за счет сокращения на 20 часов времени изучения Конституции².

Появлялись и новые предметы, в частности военно-химическая оборона³. Формирование уголовно-розыскного отделения повлекло за собой разработку в школе обширной программы по уголовно-розыскным предметам, рассчитанной на 504 учебных часа и включившей в себя следующие тематические блоки: а) «Организация и прохождение службы Угрозыска» (63 ч.); б) «Оперативное делопроизводство» (21 ч.); в) «Дактилоскопия» (34 ч.); г) «Основы фотографии и химический фотопроект» (42 ч.); д) «Сигналетическая фотография» (21 ч.); е) «Основы уголовной техники» (84 ч.); ж) «Основы уголовной тактики» (63 ч.); з) «Методология» (84 ч.); и) «Словесный портрет» (42 ч.)⁴.

Затронула 3-ю Воронежскую школу и осуществлявшаяся в регионе политика «украинизации»: летом 1928 г. в школе была разработана, утверждена в ЦАУ НКВД и Наркомате Просвещения программа по украинскому языку, а для преподавания его в 1928/29 учебном году среди «курсантов-украинцев» (выходцев из юго-западных районов губернии) за счет сокращения на 10% преподавания остальных предметов в школу был приглашен инспектор национальных меньшинств губернского отдела народного образования Костев⁵.

По-прежнему сохранялось повышенное внимание к изучению комплекса военных предметов. В данной сфере ситуация существенно облегчалась, с одной стороны, тем, что более 90% курсантов уже имели первичные военные навыки, а, с другой — наличием в школе опытных командиров, обеспечивавших милицейско-строевое обучение, активно использовавших в своей деятельности «принципы, принятые в РККА при обучении младшего и среднего комсо-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 7.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 163 об., 164.

³ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 164.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 48. — Л. 330, 331—334, 418—425.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 48. — Л. 239—254.

става: рассказ, показ самодеятельности и проверка всего проработанного материала как в военном уголке, так и в военном кабинете, открытом в новом помещении Школы». Весомую часть чертежей и плакатов курсанты изготовили самостоятельно, сложные наглядные пособия (показные мушки, диафрагмы, станки для наводки) были получены в централизованном порядке¹.

Для расширения военного кругозора курсантов, помимо регулярных занятий в военных кружках, был совершен ряд экскурсий в военный городок имени Фрунзе 55-го полка 19-й стрелковой дивизии и в военные кабинеты Госуниверситета. Была существенно усилена практическая ориентация: летом по 2 раза в неделю проводились полевые занятия, в 1927/28 учебном году в общежитии курсантов был устроен тир для стрельбы дробинками, на заседании военной цикло-методической комиссии 8 апреля 1928 г. рассматривался вопрос о приспособлении разрушенного здания бывшего цейхгауза Петра I для практических занятий по изучению отдела «Уличные бои и роль и обязанности милиции в них»².

Со временем существенно изменилось отношение к физической подготовке. Ярким признаком усиления внимания к данному компоненту образовательного процесса стало введение приказом начальника ЦАУ от 31 марта 1925 г. № 43 в целях учета физического состояния курсантов, выявления степени влияния физкультуры на общее развитие и возможности рациональной постановки физкультуры в милицейских школах индивидуальных карточек физического состояния с обязательными специализированными осмотрами и обмерами по установленным показателям через каждые 4 месяца после проведенного при поступлении медосмотра с отправкой собранных данных в ЦАУ НКВД³.

В 1925—1926 гг. занятия по физической подготовке в 3-й ВШМНСМ проводились преимущественно летом, что обуславливалось: 1) расположением школы недалеко от пойменных лугов, позволявших наряду с гимнастикой, спортивными играми, метанием ядра, диска, преодолением препятствий в длину и высоту, боксом, борьбой, фехтованием «уделить должное внимание спорту на воде, как-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 22; Д. 64. — Л. 27.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 22; Оп. 78. — Д. 56. — Л. 31 об., 68—69.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 15. — Л. 18—19.

то: «водному поло», плаванию, нырянию, гребле, и изучить приёмы и способы спасания на водах»; 2) отсутствием зала гимнастических снарядов, спецодежды и спортивного инвентаря¹.

В последующие годы, особенно после привлечения к преподаванию инструктора физкультуры М. Паршина, по оценке В. Г. Косарева, «сильного специалиста, с увлечением работающего в своей области и достигающего хороших результатов», а также получения школой во временное пользование гимнастических снарядов от клуба «Медико-сантруд» качество проведения занятий резко возросло². Большое внимание уделялось «прикладной гимнастике», занятиям джиу-джитсу, боксом, борьбой, фехтованием на винтовках и сабельному бою, методике проведения инструкторских занятий, необходимых, по мнению экспертов тех лет, «для каждого милицейского командира»³.

Все усиливающееся внимание уделялось строевой подготовке. В 1925 г. она велась бессистемно, в первую очередь из-за нехватки у 50% курсантов форменной одежды и обуви, а также из-за низкой дисциплины. Часы, предусмотренные для строевых занятий, использовались для восполнения потерь времени на изучение прочих предметов, возникших в результате задержек с началом учебного года и необходимости его досрочного окончания⁴. С начала 1926 г., и особенно в 1927/28 учебном году, ситуация начала радикально меняться «благодаря резкой измене обстоятельств: полное удовлетворение курсантов обмундированием, освоение командного состава, отмена льгот по освобождению от строевых занятий, а также ряд решительных мер в отношении симулянтов, манкирующих занятиями»⁵. В итоге в ходе парада, посвященного 10-летию РККА, курсанты школы «были отмечены, как лучшая по строю часть»⁶.

Обобщая опыт преподавания разных циклов предметов, В. Г. Косарев в своем докладе о состоянии школьного дела за период с 1 сен-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 22—22 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 25, 26 об., 31 об.

³ Аврамов Н. Физкультура в школах милиции // Административный вестник. — 1925. — № 7. — С. 42—45; Аврамов Н. О физкультуре (Из практики 3-й школы комсостава) // Административный вестник. — 1925. — № 12. — С. 65—67.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 164 об.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 169.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 20.

тября 1927 г. по 15 февраля 1928 г. отмечал, что из всех учебных дисциплин наиболее благоприятно обстояло дело с циклом общеобразовательно-политических предметов.

Причины тому: а) «нет... того программного параллелизма между отдельными дисциплинами, который наблюдается, например, в милицейских предметах»; б) по этим предметам есть учебники, в отличие от ряда иных, «по которым учебников подходящих нет вообще на книжном рынке»; в) весь закрепленный преподавательский состав с высшим образованием и значительным педагогическим стажем; г) возможность «использовать солидные кабинеты и лаборатории местного Университета и Губсовпартшколы»; д) особый интерес учащихся (особенно к обществоведению и русскому языку); е) многочисленные экскурсии «в научные кабинеты и лаборатории Физмата и Педфака Воронежского Университета и в Физический кабинет Губаппаратшколы», в Музеи Революции и культурных ценностей Госуниверситета (хранитель музея прочитал каждому взводу двухчасовые лекции по истории культуры «со строго-марксистским и антирелигиозным уклоном»¹.

Следующими шли «военные предметы, в области которых, в силу исключительных требований данного момента, всегда и везде и всюду проводится военизация».

В третьей группе — милицейские и правовые предметы, одной из причин сложностей в освоении которых была занятость соответствующих преподавателей по основной работе. В связи с этим началось «омоложение» преподавательского состава. В частности, чтение курса «научная техника раскрытия преступлений» начала молодой работник З. Г. Хихина, год отработавшая «уголовно-техническим экспертом научного кабинета под руководством профессора Игнатовского»².

Проблема учебников и наглядных пособий в силу недостаточности снабжения также традиционно относилась к числу острых и дополня-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 24.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 23 об.

лась, как отмечал на совещании начальников школ И. Ф. Киселев, нерациональным распределением полученных средств¹ и отсутствием бережного отношения к книжному фонду: «закупаемые книги не переплетались, благодаря чему они скоро изнашивались» и их списывали². В Воронежской школе изначально пошли неординарным путем, предложив курсантам за свой счет оплатить закупку необходимых учебников на льготных условиях с рассрочкой на 3—6 месяцев, а средства, выделенные из центра, потратить на формирование небольшой общешкольной библиотеки, предназначенной в первую очередь для повышения уровня подготовки преподавательского состава. На формирование этой библиотеки в 1925/26 учебном году было потрачено 92 руб., а в 1926/27 учебном году — 400 руб., что позволило закупить суммарно 244 книги, в том числе по милицейским предметам не более 10³. В свою очередь, для курсантов в 1925/26 г. было заказано суммарно 3406 книг по разным учебным дисциплинам, но вследствие отсутствия некоторых из них на рынке было получено и роздано курсантам немногим более 2000 книг. В 1 семестре 1926/27 г. курсантами было закуплено 1319 учебников (табл. 24).

Таблица 24

Учебники, закупленные курсантами 3-й ВШМНСМ
в 1 семестре 1926/27 учебного года⁴

Предмет	Всего книг		Предмет	Всего книг	
	получено	роздано		получено	роздано
Русский язык	125	125	Кодекс законов о труде	125	125
Естествоведение	140	129	Математика	252	228
Биология	128	126	География	126	126
Лесной кодекс	127	127	Полиграммота	40	40
Земельный кодекс	125	125	Итого	1319	1292
Обществознание	121	121			

¹ «Учебные пособия по правовым и милицейским предметам занимали самое маленькое место в расходовании отпускаемых средств ... закупились книги, которые не имели прямого отношения к прохождению курса». ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 32.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 32.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 22 об.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 163.

Недостаточная обеспеченность учебниками (75% от необходимого) неблагоприятно отражалась на учебе наиболее слабых курсантов. Дополнительным способом решения проблемы помимо выдачи особо нуждавшимся части пособий из школьной библиотеки было размножение учебной частью школы конспектов лекций преподавателей путем их перепечатки на машинке¹. Ситуация начала улучшаться в 1927/28 учебном году, когда библиотека школы была значительно пополнена. Более того, успешно продолжились тенденции, заложенные еще в команде-школе уездной полицейской стражи: 3-й Воронежской школой был издан учебник по естествознанию, специально составленный для школ РКМ преподавателем школы Петром Андреевичем Григоровым², впоследствии принятый в качестве пособия во всех школах НКВД³.

Важную роль в процессе обеспечения образовательного процесса необходимыми наглядными пособиями сыграли активные усилия по оснащению научно показательных кабинетов (естественно-анатомического, милицейского с уголовно-розыскным и военного), а также предметных классов (географического, естествоведческого и общественно-правового), на что только в 1925/26 учебном году было затрачено 908 руб. В соответствии с методическими веяниями тех лет естественно-научный кабинет был радиофицирован для учебных целей: применялась методика радиолекций⁴.

Традиционным для Воронежской школы было активное участие курсантов в изготовлении макетов, карт, диаграмм, большого глобуса, иных наглядных пособий, существенно активизировавшееся в процессе подготовки к инициированным в 1926—1928 гг. ЦАУ НКВД в соответствии с приказом № 32-26 г. специальным школьным выставкам, именованным «общественными» экзаменами для школ⁵ и неизменно вызывавшими большой интерес горожан⁶.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 37.

² Впоследствии, в период военной эвакуации и в первые послевоенные годы возглавлял факультет естествознания Воронежского госпединститута [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vspu.ac.ru/univer/egf.html> (дата обращения: 22.09.2017).

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 43. — Л. 76; Оп. 78. — Д. 56. — Л. 26, 31.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 22 об.; Оп. 78. — Д. 56. — Л. 31.

⁵ Постников В. Показательные выставки при школах милиции // Административный вестник. — 1926. — № 3. — С. 33—35; Бюллетень НКВД. — 1928. — № 17. — С. 318.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 58—66; Д. 88. — Л. 24—42.

В целом по итогам обследований школы указывалось: «Кабинеты не отличаются богатством экспонатов, но все же, несмотря на ограниченность отпускаемых средств, стараниями Администрации и курсантов сделано многое благодаря чему является возможность проведения на месте ряда простейших лабораторных работ и опытов..., вследствие чего тот или иной предмет становится ...интересным и не теряется время на посещение чужих кабинетов»¹.

Большое внимание в школе уделялось организации практических занятий. На съезде начальников школ милиции РСФСР в январе 1928 г. отмечалось: «На увязку теоретического курса обучения с практикой службы и милицейского и уголовно-розыскного дела должно быть обращено самое серьезное внимание, чему и должны в значительной степени способствовать практические занятия курсантов, проводимые в процессе прохождения всего учебного года, главным образом по милицейским и уголовно-розыскным предметам, ... в милицейских объединениях, к которым на известный срок прикомандировываются курсанты школ». Нормативной основой для организации практик являлась разработанная ЦАУ НКВД РСФСР «Инструкция о проведении практики в школах милиции»².

Отмечалось, что от практики необходимо отличать практические занятия в процессе прохождения теоретической части курса по отдельным отделам программы, проводимые по мере надобности в местных административных органах во время, отведенное на классные занятия. Эти занятия должны содействовать закреплению теоретических познаний на определенных этапах курса. В 3-й Воронежской школе такие практические занятия с курсантами проводились в течение двух месяцев в городских отделениях РКМ (Ямском, Троицко-Привокзальном, 1-м и 3-м) и губрозыске по вторникам, четвергам и субботам — с 13 до 15 часов, по воскресеньям — с 10 до 13 часов. Практические занятия в первую очередь проводились с 52 курсантами, служившими ранее младшими милиционерами, и курсантами, прибывшими из армии. В ходе такой практики курсантам было необходимо «провести от 2 до 3-х дознаний, составить не менее 3-х административных протоколов, провести самостоятельное дежурство по отделению, практикантам специ-

¹ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 162.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 50 а. — Л. 23; 24—24 об.

ального уголовного отделения провести все виды регистрации при регистрационном бюро губрозыска и провести с полным окончанием на менее 2 дознаний каждому под наблюдением Инспектора губрозыска»¹.

Был составлен и специальный план проведения практических работ с курсантами вновь созданного уголовно-розыскного отделения 3-й ВШМНСМ. Для этого из состава курсантов отделения формировалась группа лиц, ранее не работавших по уголовно-милицейской линии, в количестве 62 человек. Практика проводилась с 17 апреля по 20 июня «исключительно в губрозыске для ознакомления со специфической работой уголовного розыска во всех ее отраслях»².

Выделенная группа разбивалась на 4 подгруппы, работавшие: а) в составе активной части по производству дознаний и розыскной работы; б) в составе комендатуры по приему арестованных, их осмотру, приему передач и осмотра их, приему вещественных доказательств и на случай отбытия на место происшествия с дежурным инспектором; в) в столе привода по регистрации преступного элемента; г) в столе розыска по проведению всех видов, как письменного, так и активного розыска лиц, скота, вещей и документов. Через каждые две недели подгруппы чередовались между собой³.

Основная практика проводилась в специально отведенные учебными планами временные промежутки исключительно по предметам милицейско-правового цикла и имела своей задачей: а) закрепление в сознании курсантов «всех обязанностей по службе милиции и УРО и положений и инструкций, которыми эти обязанности определяются»; б) показ методов и способов применения на практике обязанностей по службе и наилучших форм их выполнения; в) выявление градации степеней значимости обязанностей; г) выработку умений «быстро и без колебаний применять к конкретным случаям все законодательные положения и самостоятельно выполнять службу милиции и УРО», руководить работой подчиненных; критического отношения к своей работе и умений «дать о ней полный и сознательный отчет», «увязать милицейскую работу с работой советских, партийных и общественных организаций и правильно поставить отчетность перед широкими слоями

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 65.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 67—67 об.

³ Там же.

населения», д) практическое ознакомление с подлежащими применению в работе адморганов формами делопроизводства, правильной постановки статистики о наличии работы. Также практики должны были содействовать правильной оценке знаний на итоговой аттестации выпускников и проверке учебных планов и программ «в целях приближения их к текущей жизни и устранения из них излишней академичности»¹.

Время, отводившееся на практику — месяц для младшего и два для старшего курсов. Практики строились по принципу самостоятельного выполнения курсантами-практикантами обязанностей по соответствующей административно-милицейской или уголовно-розыскной должности в строго определенном порядке. Также практикант должен был изучить обслуживаемый район, ознакомиться с организацией и работой советов, связями с судебными и следственными органами, ролью партийных и профессиональных организаций, с бюджетом района и постановкой отчетности административных органов перед населением.

Младший курс милицейского отделения проходил практику в следующих должностях: 1) постовой милиционер, 2) старший милиционер, 3) участковый надзиратель и 4) начальник команды ведомственной милиции. «Прохождение по должностям» должно было идти снизу вверх, и практикант должен был задерживаться на должности до усвоения им исполняемых обязанностей.

Во время практики курсанты и их руководители составляли отчеты в установленной форме. По окончании каждый курсант был обязан выполнить отчетную работу на конкретную тему, которая должна была выявить «его теоретическую подготовку, ее применение на практике, умение самостоятельно разбираться в вопросах службы, руководства и практическое отношение к обстановке его практической работы». По окончании практики проводились двухнедельная обработка ее результатов и итоговая конференция по итогам проведенной практики². Практику требовалось проводить по месту прежней службы курсантов, но иногда, как, например, в 1928 г., в связи с отсутствием у школы средств на откомандирование курсантов она просила у ЦАУ разрешения проводить практику на территории области и такое разрешение, как правило, получала³.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 50 а. — Л. 24—24 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 50 а. — Л. 23, 24—24 об., 69—69 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 74—75.

В целом практики давали достаточно позитивные результаты¹. Так, в Отношении адмтдела Воронежского губисполкома от 13 сентября 1927 г. указывалось: «Курсанты школы в общем, за редким единичным исключением, проявили вполне достаточную теоретическую подготовку и умение применить ее на практике. Особенно рельефно были выявлены знания административного права, службы милиции, по производству дознаний и гражданскому процессу в отношении исполнения решений и определений судов. Курсанты в практической работе проявили достаточную внимательность и интерес, широко проявили инициативу в области наилучшего обслуживания населения». Помимо специальной милицейской работы проводилась общественная работа, оказывалась юридическая помощь гражданам, читались доклады и т. д. «В обращении с населением курсанты проявили достаточно такта, взаимоотношения с местной властью и различными организациями были вполне хорошие, что свидетельствовало большое количество отзывов Сельсоветов и ВИКов, а также и партийных ячеек. В общем необходимо констатировать, что практические занятия протекали в благоприятной обстановке, принесли реальную пользу в работе волостных милиций и закрепили творческие познания приобретенные в школе». В числе замечаний фиксировались: 1) незнание местности, что приводило к ошибкам в расчетах времени и расстоянии при исполнении поручений; 2) проведение практики в самый разгар полевых работ; 3) недостаток времени на анализ достижений и недочетов².

Проверка степени успеваемости усвоения курсантами материала производилась преподавателями в формах бесед, разнообразных письменных работ, проверки конспектов, вычерчивания обучавшимися отчетных диаграмм, картограмм и т. д. Общий учет успеваемости осуществлялся на основании периодических докладов преподавательского состава на цикло-методических комиссиях и педагогическом совете. Учебная часть и комиссии требовали от преподавателей строгого подхода к организации занятий, а вот «к оценке следует подходить осторожно: лучше недооценить, чем переоценить». С 1926 г. был введен новый по тому времени метод ежемесячного индивидуального учета преподавателями результатов каждого учащегося по контрольным журналам путем внесения в таковые соответствующих оценок. Жестко контролировалась и деятельность самих преподавателей: они должны были

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 21.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 50 а. — Л. 27—29.

иметь план занятия, фиксировать прошедший урок в соответствующем журнале, указывая тему, процент выполненного задания и свои «соображения по поводу работы»¹. Контроль за текущей посещаемостью и успеваемостью курсантов демонстрировал в целом позитивные результаты.

Доля пропусков занятий в 1926 г. колебалась в районе 3-4%, в том числе 1-2% по болезни и 2% в связи с несением нарядов. Рост непосещаемости в июле и ноябре 1926 г. (до 8-9% и 6,75% соответственно), обуславливался ростом числа нарядов, вызванным «привлечением курсантов к охране заключенных гитдома², силами которых проводился ремонт помещения школы». Типовой же суточный наряд по школе включал в себя: а) дежурного по школе; б) дежурного по канцелярии и кухне; в) двух дневальных по роте; г) пост у ворот общежития (4 чел.)³.

Сведения о текущей успеваемости курсантов фиксированы в табл. 25⁴.

В школе велась дополнительная работа с неуспевающими, в рамки которой входили: 1) моральное воздействие педагогического и командного состава; 2) организация товарищеской помощи с привлечением к ней наиболее сильных курсантов; 3) привлечение в порядке общественной работы преподавательского состава для работы во внеурочное время⁵.

Среди причин снижения успеваемости, помимо общего низкого начального уровня курсантов и проблем материального обеспечения, П. Ф. Киселев на совещании начальников школ в 1925 г. выделил такой фактор, как «необычная нагрузка курсантов учебными и иными занятиями». В некоторых школах, как например, 1-й Ленинградской и 3-й Воронежской, она доходила до 12 часов в сутки⁶. Отчасти подобная перегрузка в 1925/26 учебном году объяснялась необходимостью восполнить потери часов, вызванные задержкой начала занятий: дополнительно вводились в 1-м семестре 96 часов в вечернее время и со 2-го семестра учебный день вместо 6 часов был доведен до 7⁷. Также местные адмотделы подчас без

¹ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 133.

² Губернский исправительно-трудовой дом.

³ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 167.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 168 об.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 168.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 33.

⁷ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 164 об.

особой нужды использовали школы для содействия милиции, что нарушало планомерность проведения занятий¹.

Таблица 25

Успеваемость курсантов 3-й Воронежской школы в 1925/26
и 1927/28 уч. гг.²

Наименование предмета	Оценка в %					
	Хорошо		Удовлетв.		Неудовлетв.	
	25/26	27/28	25/26	27/28	25/26	27/28
Русский язык	12	24	75	70	3	5
Математика	28,5	25	50,5	72	31	2
Естествознание / Анатомия / Физиология	40	92	45,5	8	14,5	-
Физика и химия	35		50,5		14,5	
География	28	35	25,5	52	25,5	1
Обществоведение	30	14	42	81	28	5
Конституция	33	37	45,5	52	21,3	
Советское право	30		49		21	
УК и УПК		18		82		-
Административное право		45		52		2
Строевой и Гарнизонный Устав	24,5	27	58	53	17,5	-
Ознакомление с оружием	42,5	35	53,5	54	4	-
Организация милиции	25,5		58,6		16,5	
Прохождение службы и Дисциплинарный Устав	2,5		72		25,5	
Служба милиции	23,5	42	57	58	19,5	-
Письмоводство и делопроизводство		32		55		2
Техника раскрытия преступлений		-		100		-
Тактика раскрытия преступлений		32		58		-
Физкультура		14		85		-

¹ Постников В. Подготовка работников милиции за 1925 г. // Административный вестник. — 1925. — № 11. — С. 81—84; Зыбин С. Ф. Становление и развитие кадровых и воспитательных аппаратов... // Избранные труды. — С. 158—159.

² Построено на материалах: ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 26 об.; ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 168.

Однако гораздо более значимой причиной были существенные затраты времени на внеурочную, в том числе политико-воспитательную, работу, характерные для всех школ РКМ и даже повлекшие за собой издание соответствующего приказа начальника ЦАУ НКВД от 11 октября 1926 г. о пропусках занятий в связи с культурно-просветительской работой и командировками по делам школы¹. Это было отмечено и в докладе о состоянии дел в 3-й ВШМНСМ в 1 семестре 1927/28 учебного года: «Давались курсантам по целому ряду предметов и задания на дом, но для выполнения их у курсантов времени сравнительно мало, так как в Школе по вечерам, от 7 до 9 часов вечера, широко развернута общественно-политическая работа»².

Определяющим ее фактором стало резкое усиление степени влияния на положение дел в РКМ со стороны правящей партии — ВКП(б). Еще в начале 1925 г. при подготовке тезисов о реформировании работы милиции один из руководителей ЦАУ В. Померанцев, мог позволить себе записать: «Наблюдаются случаи вмешательства в деятельность милиции со стороны местных партийных органов и известного рода давления местной власти /исполкомов/ на милицию. Это несомненно вносит дезорганизацию в работу последней... Поэтому отделу милиции необходимо разработать обращение от имени НКВД к соответствующим органам об устранении этого давления»³. Теперь же планирование и реализация практически любого вида деятельности не обходились без участия и контроля со стороны партийных организаций. Требование увеличения «партийной прослойки» среди как постоянного, так и переменного состава было лейтмотивом для практически всех обследований⁴, а данные о доле членов партии и ВЛКСМ входили в обязательную графу отчетности⁵. ЦАУ НКВД РСФСР обязывал школы во время комплектования отдавать преимущество членам ВКП(б) и стремиться к увеличению партийной прослойки среди учащихся до 75%⁶.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6. — Л. 40—40 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 27 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 152. — Л. 10 об.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 38.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 91. — Л. 19.

⁶ Киселев П. Ф. Итоги совещания начальников милицейских школ. — С. 38.

Партийное руководство укреплялось и в кадровом плане: были избраны «партколлектив школы и профколлектив»¹. Приказом НКВД от 31 декабря 1925 г. № 207 с 1 января 1926 г. в штат 3-й ВШМКСМ была временно введена должность помощника начальника школы по политической части «с окладом жалования, одинаковым с начальником школы»², а приказом от 30 декабря 1925 г. № 221 на эту должность был назначен состоявший в резерве НКВД Алексей Григорьевич Зайцев³. Впоследствии его сменил Михаил Львович Верстаков⁴.

Основными формами внеклассной общественно-политической работы были агитационная, пропагандистская и культурно-воспитательная.

Согласно отчетам, политико-просветительная работа в школе в те годы проводилась в кружках: «политграмоты, безбожника, литературно-художественном, милицейском краеведческом, драматическом, хоровом, химико-биологическом, военном, физкультуры, борьбы и тяжелой атлетики и др.»⁵. Работа кружков велась по заранее разработанным планам и программам, рассмотренным и утвержденным политчастью⁶. Кружки собирались по собственным расписаниям раз в неделю, не более двух часов, под руководством преподавательского состава школы, привлеченного в порядке общественной работы. Каждый из курсантов был обязан состоять в том или ином кружке по собственному выбору, но не более чем в двух одновременно.

Курсанты были вовлечены и в работу кружков клуба «Красный милиционер» им. И. Сталина, общих с Адмотделом губисполкома: драмкружок (5 курсантов), хоровой кружок (10) и кружок безбожника (45). В клубе устраивались вечера вопросов и ответов на политические, профессиональные, юридические и медицинские темы. Также в клубе читались научно-популярные лекции, политические доклады. Посещение лекций и докладов достигало 99% состава (1% отсутствия — дежурные и больные)⁷. Активно показывались кинофильмы, проводились общие собрания.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64. — Л. 27 об.

² Приказ по народному комиссариату внутренних дел от 31 декабря 1925 г. № 207 // Бюллетень НКВД. — 1926. — № 3 (190). — 9 февраля. — С. 29.

³ А. Г. Зайцев (не путать с И. Ф. Зайцевым) до перевода в резерв НКВД занимал должность комиссара 3-й Школы Среднего Комсостава Милиции в Новочеркасске.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 53. — Л. 108.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 170.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 29.

⁷ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 29 об.

19 сентября 1926 г. на одном из торжественных собраний т. Морозов, представитель Президиума Воронежского губисполкома, взявшего шефство над школой, вручил коллективу Красное знамя. Приказом начальника ЦАУ НКВД от 5 октября 1926 г. № 153 знамя было официально закреплено за школой.

На еще одном общем собрании командного состава и курсантов школы, 5 июля 1926 г., был рассмотрен вопрос об избрании почетным курсантом 3-й Воронежской областной школы наркома внутренних дел РСФСР Александра Георгиевича Белобородова. Помощник начальника школы по политической части А. Г. Зайцев рассказал собравшимся о революционной деятельности А. Г. Белобородова в дореволюционный период и о работе на посту народного комиссара. Решение общего собрания коллектива Воронежской школы милиции было одобрено А. Г. Белобородовым и утверждено начальником ЦАУ НКВД РСФСР¹.

Представители курсантов были также включены во все общественные организации, имевшиеся при адм.отделе и гормилиции: «МОПР, Культшефство над деревней, Местком и его Комиссии, Экономкомиссию, комиссию по Охране Труда, Кассу взаимопомощи, Культкомиссию» и др. Курсанты получали, по согласованию с партийной ячейкой школы, разные задания: «проведение кампании в деревне по перевыборам, по кооперации, по проведению октябрьских торжеств. Приходилось курсантам неоднократно выступать и с докладами, и в Школе имеются весьма лестные отзывы о курсантах со стороны местных общественных и партийных организаций»².

Перед убытием курсантов на каникулы политчасть школы проводила работу по подготовке их к общественной деятельности на местах. На специально проведенных в школе двух общих собраниях докладчиками из обкома партии были наряду с тезисами о международном и внутреннем положении рассмотрены вопросы о задачах курсантов во время отпуска в деревне.

В общественной работе во время двухнедельных каникул принимало участие 99% из состава разъехавшихся курсантов. По прибытии на места «курсанты быстро связались с партийными, советскими и ком-

¹ Приказ от 29 июня 1926 г. № 103 // Сборник приказов Начальника ЦАУ НКВД — Начальника милиции Республики. — 1926. — № 13. — С. 192.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 28.

сомольскими организациями и разными общественными организациями... провели кампании по перевыборам кооперации, по требованию крестьянского населения делали доклады на темы о международном и внутреннем положении, по химобороне страны и проч. Курсантам удалось организовать 10 ячеек Осоавиахима и создать при некоторых из них стрелковые кружки»¹.

В общежитии курсантами была даже устроена копия мавзолея В. И. Ленина, в помещении которого находился ленинский уголок (библиотека-читальня), пополненный значительным количеством материала, в том числе выписывавшимися курсантами более чем 60 экземплярами газет².

С одной стороны, вся эта кипучая деятельность способствовала росту сознательности курсантского состава, но, с другой, как уже отмечалось, неизбежно влияла на эффективность учебы, что выявлялось в ходе сессионных испытаний, которые проводились в конце каждого из семестров.

Зачеты первоначально организовывались «в период учебы без соблюдения каких-либо формальностей, неблагоприятно отражающихся на психике обучающихся». Зачетные ведомости по каждому курсанту представлялись лекторами в учебно-строевую часть 15—20 апреля, где по таковым составлялась сводная ведомость, на основании которой педагогический совет выносил постановление о переводе, оставлении или увольнении того или иного курсанта.

По итогам первого семестра 1926/27 учебного года педагогическим советом было исключено 6 человек, переведено 170, из них: с отметкой «хорошо» 57 человек, «удовлетворительно» — 92 чел. и «условно» — 21 чел.³

В целом цифры отсева в 3-й ВШМНКСМ были относительно невелики: в Ленинградской школе за год отчислялось по причине «малоспеваемости» 11% учащихся и по здоровью — 5%⁴; 1-ю Свердловскую школу окончило только 76% поступивших, 1-ю Саратовскую — 75,5%,

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 29 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 31.

³ ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 168 об.

⁴ Знаменский И. Больше внимания комплектованию школ. — С. 67.

3-ю Воронежскую — 96%, в целом все школы окончило 82% поступивших¹.

Выпускную испытательную комиссию, как правило, возглавлял начальник местного административного отдела губисполкома. В состав комиссии, кроме сотрудников и преподавателей школы, входили представители местных партийных и советских органов, губполитпросвета.

Выпуск первого состава курсантов 3-й ВШМНСМ был произведен испытательной комиссией в период с 10 по 17 сентября 1926 г. на основании предписания ЦАУ № 3202/2-26 г. и приказа ЦАУ № 85-26 г. Из 170 курсантов, обучавшихся в школе во 2-м семестре, выпускные экзамены успешно сдали с получением соответствующих свидетельств 163. Из них, по постановлению испытательной комиссии, утвержденному педагогическим советом, с оценкой «хорошо» по четырем циклам предметов и с правом занятия должности помощника начальника волостной милиции — 101 человек; с оценкой «хорошо» и правом на занятие должности участкового надзирателя — 8, с преобладающей оценкой «хорошо» и правом на занятие должности агента уголовного розыска 1 разряда — 7; с оценкой «удовлетворительно» и правом занятия должности старшего милиционера — 47 человек². Начальник Воронежского губернского адмотдела М. А. Тимашов объявил, что «возложенные на школу задачи блестяще выполнены» и уточнил, что выпускники не только надежные защитники революционной законности, но и проводники культуры на селе³.

Школой была установлена достаточно тесная «обратная связь» с выпускниками. Бывшие курсанты очень часто писали в школу, сообщая о своей службе и интересуясь жизнью 3-й ВШМНСМ. Почти все они отмечали, что школа им дала очень многое для их практической работы на местах. Получаемые письма выпускников активно использовались «для изжития разных мелких недочетов в ходе работы и для усовершенствования учебно-воспитательной стороны в школе»⁴.

¹ Киселев П. Ф. Итоги совещания начальников милицейских школ // Административный вестник. — 1926. — № 11. — С. 37.

² ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13. — Л. 168 об., 169.

³ Смирных В. М. Люди тревожного времени. . . — Воронеж, 2010. — С. 160.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 23.

Успехи школы были высоко оценены и руководством НКВД РСФСР: в благодарности начальника милиции Республики отмечалось: «Воронежская школа милиции с первого же момента стала на верный и правильный путь, сумела в Воронеже подыскать педагогов, отвечающих своему назначению, близко стоящих к курсантской массе и чутко относящихся к их нуждам и потребностям. Много внимания уделяется в школе преподаванию для милицейско-уголовного розыска. В подготовке специалистов 3-я Воронежская школа милиции занимает одно из первых мест»¹.

Но реальная ситуация была гораздо сложнее². Достаточно часто выпускники, прибывшие по распределению, назначались на низшие милицейские должности, как это не раз было с лицами, окончившими Воронежскую школу, в Астраханском, Брянском, Орловском губернских административных отделах. Более того, в своих письмах и личных беседах при посещении школы выпускники часто жаловались на «несколько неприязненное отношение к курсантам как со стороны милицейского начсостава, так и товарищей по службе»³. Это отношение, отчасти обусловленное завистью и опасениями в карьерной конкуренции, неоднократно порождало негативные отзывы о качестве подготовки выпускников, якобы мотивировавшем принимавшиеся кадровые решения.

На совещании начальников школ 25 сентября 1926 г. была выражена просьба к Отделу милиции ЦАУ НКВД «обратить внимание Губадмотделов на необходимость создать окончившим школы по прибытии их на службу способствующую благоприятную обстановку для обеспечения нормального несения служебных обязанностей и дальнейшего продвижения». Также указывалось на желательность установления при выпуске из школ аттестации курсантов по установленной общей форме. Лист аттестации должен был приобщаться к личному делу, высылаемому по новому месту службы окончившего курс школы и учитываться руководством местных адмотделов при назначении на должность⁴.

В приказе начальника милиции Республики от 17 октября 1927 г. № 146 было прямо обращено внимание на неправильное использование

¹ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — Воронеж, 2010. — С. 160.

² В. П. Как использовать выпускников // Административный вестник. — 1925. — № 12. — С. 67—68.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 23.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 79—81.

местными адмотделами выпускников школ и дан ряд конкретных указаний, в том числе: 1) назначать окончивших школы не ниже одной из должностей, входящих в номенклатуру соответствующего начсостава милиции; 2) при невозможности такого назначения немедленно информировать об этом НКВД для перевода бывших курсантов в другие губернии или для получения разрешения на назначение их на низшие должности; 3) при выдвижениях на высшие должности окончившим школы предоставлять преимущества «перед неокончившими таковые»; 4) увольнение окончивших школы по собственному желанию до окончания обязательного срока службы не производить; 5) производить увольнение окончивших школы в административном порядке только начальниками адмотделов краевых, областных и губернских исполкомов; 6) ввести точный учет всем окончившим школы¹.

С другой стороны, руководство ЦАУ обращало внимание руководства школ на то, что «с мест поступает целый ряд материалов, указывающих... что некоторая часть товарищей, окончивших школы ЦАУ, отличаются излишним самомнением в смысле подготовки к немедленному назначению на любые должности по милиции и претендуют на занятие высших должностей». От руководства школ требовалось «широко разъяснить курсантам, что объем их будущей работы и занятие ими соответствующих должностей будет зависеть исключительно от накопленных знаний, умения претворять таковые в жизнь и насколько школой и жизнью они соответственным образом закалены» и что согласно Положениям о школах при выпуске курсанты аттестовались на должности без их конкретного указания и «для более ответственной работы в будущем товарищу, окончившему школу, полезно некоторое время работать на менее ответственной должности с тем, чтобы в будущем выдвигаться, согласно своих способностей». Одновременно ЦАУ НКВД обязалось «следить, чтобы при выдвижениях на высшие должности отдавалось бы преимущество бывшим курсантам»².

Общий процент подготовленных школами специалистов к концу 1927 г. по всей общегосударственной милиции увеличился до 12,4%, но по-прежнему был еще недостаточным (табл. 26).

¹ Знаменский. Об использовании курсантов, окончивших 1 Ленинградскую школу начсостава милиции за период 1924—1928 гг. // Административный вестник. — 1929. — № 6-7. — С. 37.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 88. — Л. 153.

Доля сотрудников РКМ, прошедших подготовку в школах милиции¹
(конец 1927 г.)

Категории кадров милиции	%	Категории кадров милиции	%
Высший и старший начсостав	6	Старшие милиционеры	17-19
Средний начсостав городской милиции	9,9	Младшие милиционеры (город)	11
Средний начсостав сельской милиции	17	Младшие милиционеры (село)	8
Младший начсостав: участковые надзиратели и волостные начальники	25	Ведомственная милиция	2,2

В руководстве как ЦАУ НКВД РСФСР, так и школ и местных адмотделов все более настойчиво формировались предложения об очередном реформировании школьно-курсовой системы.

4. Основные направления трансформации школьно-курсовой системы милицейского образования в Воронежском регионе в 1929—1942 гг.

С конца 1920-х гг. Советский Союз вступил в принципиально новую эпоху своего развития, в рамках которой практически все элементы отечественной социально-экономической и политико-правовой системы, включая органы охраны правопорядка, оказались подвержены радикальным преобразованиям. Страна с большим запозданием приступила к решению объективно давно назревших задач по завершению индустриальной модернизации, полноценному вхождению в уже реализуемую развитыми странами Западной Европы и Северной Америки стадильную фазу «индустриального общества».

Специфику форм и методов решения этих задач изначально предопределила марксистско-ленинская догматика, предписывавшая проведение «социалистического переустройства» народного хозяйства на основе крупного машинного коллективного производства². В те годы в условиях острого идеологического противоборства она дополнительно

¹ Киселев П. Ф. Рабоче-крестьянская милиция к 11-й годовщине Октябрьской революции. — С. 2.

² См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Т. 38. — М., 1967. — С. 434.

приобрела значительно более радикальную форму сталинской доктрины ускоренного получения экономической независимости в условиях все более агрессивного внешнего враждебного окружения¹. В официальном издании НКВД — «Административном вестнике» — писалось: «Или мы идем, преодолевая все и всяческие трудности, к социализму, или в царство крестьянской ограниченности, разгула стихии первоначального капиталистического накопления со всеми сопровождающими его огромными издержками, что для нашей страны неразрывно связано с превращением в колонию западно-европейского и американского капитала на основе раздела сфер влияния между крупнейшими представителями монополистического капитала»².

При этом в условиях параллельного формирования тоталитарного режима, использовавшегося как ключевой инструмент «революции сверху», все процессы, типичные для перехода в индустриальную фазу исторического развития, приобрели особые жестко-радикальные формы:

— активизация промышленного развития обернулась форсированной индустриализацией и широкомасштабной вынужденной урбанизацией³;

— модернизация сельского хозяйства превратилась в его насильственную коллективизацию, сопровождавшуюся «ликвидацией кулачества как класса», в конечном счете обернувшуюся массовым «раскрестьяниванием», которое ряд экспертов считает «лейтмотивом всей социальной и политической истории страны в XX веке»⁴;

— перестройка «социальных лифтов» социума и управленческих структур государственного аппарата реализовалась с использованием массовых политических репрессий.

Показательной была ситуация в Центральном Черноземье, которое с 1928 г. приобрело новую организационную форму: в рамках политики районирования постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г.

¹ См.: Сталин И. В. Сочинения. — Т. 13. — М., 1946. — С. 248; Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. — М.: ОГИ, 1998. — 432 с.

² Михайлов А. За укрепление классовой линии в административно-советском аппарате // Административный вестник. — 1929. — № 3. — С. 1—5.

³ Индустриализация Советского Союза: новые документы, новые факты, новые подходы / под ред. С. С. Хромова : в 2 ч. — М.: Институт российской истории РАН, 1997 и 1999.

⁴ Гончарова И. В. Крестьянство Центрально-Чернозёмной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928—1932 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2015. — С. 3.

на территории бывших Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний была образована Центрально-Черноземная область (ЦЧО) с размещением основных управленческих органов в Воронеже¹. ЦЧО просуществовала до 1934 г.²

ЦЧО первоначально оставалась аграрным регионом, которому к концу 1920-х гг. удалось несколько улучшить показатели развития: сельское хозяйство ЦЧО стало давать 11% всей сельхозпродукции РСФСР³. Но радикальных изменений не произошло: до начала индустриализации промышленность и сельское хозяйство на территории бывшей Воронежской губернии не достигли уровня 1913 г.⁴ Сам термин «индустриализация» при первичном планировании развития области относили преимущественно к сельскому хозяйству: предполагалось, что лишь его модернизация на базе механизации способна обеспечить «естественно-исторический» выход области из застоя и превратить ее в «житницу» страны⁵.

Однако доминирование мелкого крестьянского хозяйства, неспособного к самостоятельному приобретению машин и интенсификации производства, вкпе с новым вектором «генеральной линии партии» обусловили выбор руководством области во главе с И. М. Варейкисом иного пути. В аграрном регионе был сделан акцент на приоритетное построение изначально нетипичного для него промышленного сектора: за счет мощной и многоплановой трудовой мо-

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). — 1928. — № 54. — Ст. 406.

² В 1934 г. ЦЧО была разделена на Воронежскую и Курскую области, а в 1937 г. выделились еще 2 области с центрами в Орле и Тамбове. См.: Загоровский П. В. Политические причины образования Центрально-Черноземной области // Актуальные проблемы социально-экономических наук. — Воронеж, 1997. — С. 18—22.

³ Организация и современное состояние Центрально-Черноземной области. — Воронеж, 1928. — С. 88; Логунов В. И. Значение исторического опыта восстановления сельского хозяйства Центрального Черноземья (1921—1927 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: http://rushist.narod.ru/files/saint_work/art/art_16.htm (дата обращения: 26.08.2017).

⁴ Евстратов А. Г. Индустриализация Воронежской области в середине 20-х—40-х гг. XX в.: противоречивые тенденции, итоги, исторический опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Белгород, 2015. — С. 20.

⁵ См.: ГАВО. — Ф. 56. — Оп. 1. — Д. 3876. — Л. 3; Муралов Н. И. Центрально-Черноземная область // Пути сельского хозяйства. — М., 1925. — № 3. — С. 26; Татарчуков А. Н. Центрально-Черноземная область (Экономический очерк). — Воронеж: Коммуна, 1929. — 99 с.

билизации был совершен очевидный рывок. К 1941 г. объем промышленной продукции Воронежской области по сравнению с 1927—1928 гг. вырос в 13 раз, а сравнительно с 1913 г. — в 28 раз; удельный вес промышленности в общем объеме валовой продукции составил 62%¹. Численность населения Воронежа в 1926—1939 гг. выросла со 121 тыс. до 326 тыс. человек².

Важнейшим источником людских и материальных ресурсов для индустриализации стало крестьянство³. Коллективизация в области набрала предельно высокие темпы: уже к 1932 г. в колхозы вступило 58% крестьянских дворов, в 1934 — 71,3%, к концу 1937 — 90%, колхозы давали более 99% посевов зерновых и технических культур⁴.

Коллективизация быстро приобрела принудительный характер и сопровождалась кампанией по раскулачиванию: только за один 1930 г. было раскулачено 5558 хозяйств в Усманском округе, 5292 — в Борисоглебском и 11563 — в Россошанском⁵. В Острогожском округе только за первые 8 дней февраля 1930 г. раскулачили 5636 хозяйств⁶. При этом в информационной справке Обкома ЦЧО за 1930 г. отмечалось, что раскулачивание затронуло немало середняков⁷.

¹ Душкова Н. А. Региональный аспект промышленной модернизации России: история и современность (на примере Воронежской области) // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2014. — Т. 10. — Вып. 5. — С. 143.

² Евстратов А. Г. Индустриализация Воронежской области... — С. 24.

³ Именно с 30-х гг. началась постепенная убыль населения в Воронежской губернии, в первую очередь сельского: за 1926—1937 гг. его численность уменьшилась на 670491 человек. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. — М., 1991. — С. 48—49.

⁴ ГАРФ. — Ф. 5446. — Оп. 82. — Д. 29. — Л. 116—131; Галкин В. В. Воронежская экономика в период индустриализации и коллективизации (1928—1940 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://vadim-galkin.ru/politics/voronezh-economy/industrializationand-collectivization/> (дата обращения: 26.08.2017); Загоровский П. В. Социально-политическое развитие сельского населения Центрально-Черноземного региона России во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг. : дис. ... д-ра ист. наук. — Воронеж, 1999. — 463 с.; Тимошечкина Е. М. Раскулачивание крестьянства в Борисоглебском округе Центрально-Чернозёмной области: первая половина 1930 г. : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2014. — 304 с.

⁵ ГАОПИ ВО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1085. — Л. 9.

⁶ См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 7486. — Оп. 37. — Д. 49. — Л. 118—103; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы. — Т. 2 (ноябрь 1929 — декабрь 1930). — М. : РОССПЭН, 2000. — С. 225—235.

⁷ ГАОПИ ВО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1085. — Л. 2.

И. М. Варейкис докладывал в ЦК ВКП(б): «Имели место и факты мародёрства, когда забранное имущество расхищалось, портилось или уничтожалось. Даже член рабочей бригады одного из воронежских заводов, коммунист, взял себе отобранную у кулака шубу, зажарили взятую тут же утку»¹.

Все это, вкупе с очевидным нежеланием зажиточных крестьян лишаться своего экономического статуса в тогдашней деревне, приводило к обострению противостояния власти и части крестьянства. Оно все чаще приобретало характер прямого вооруженного противостояния: по данным ОГПУ по ЦЧО с января до середины декабря 1929 г. в области произошли 94 массовых выступления, в которых участвовали 33221 человек, а только за первые 45 дней 1930 г. было зарегистрировано 38 массовых выступлений с 25170 участниками². Существенно изменился и спектр преступности. Доля «контрреволюционных преступлений», существенно снизившаяся ранее, теперь вновь резко увеличилась. В РСФСР только в первом полугодии 1929 г. по сравнению с тем же периодом 1928 г. их число утроилось, что трактовалось как «значительное обострение классовой борьбы»³. В ЦЧО быстро росла и общеуголовная преступность: по сравнению с 1928 г. — на 19,5%, тогда как по Северному краю — на 9,5%⁴.

Это повлекло за собой общее ужесточение карательной политики Советского государства, которое первоначально мотивировалось так: «Если у власти рабоче-крестьянское правительство, это не значит, что рабочие и крестьяне могут злоупотреблять»⁵. Позже была развернута мощная пропагандистская кампания, обосновывавшая «ликвидацию кулачества как класса»: «перспективы вращивания кулака в социализм, мирное сотрудничество классов... иначе расценены быть не могут, как попытки мелкобуржуазных элементов вращивания, чтобы изменить и извратить нашу классовую линию путем использования нашего же аппарата.... Подобного рода «иллюзии»

¹ Трагедия советской деревни... — С. 225—235.

² Там же.

³ Халфин В. Жизненность статей действующего УК (К проекту нового УК) // Административный вестник. — 1930. — № 2. — С. 26.

⁴ Сводка о деятельности адморганов // Административный вестник. — 1930. — № 8-9. — С. 34—35.

⁵ Власть Советов. — 1926. — № 11-12. — С. 4.

сейчас рассеиваются под напором классовой политики партии, ...растущей активности ...пролетарских масс»¹.

О смене приоритетов ярко свидетельствовала произошедшая на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (6—11 апреля 1928 г.) замена лозунга «революционной законности» требованием «коммунистической бдительности и революционного чутья» в отношении «классовых врагов». На пленуме было предложено «беспощадно карать злостных саботажников и вредителей»².

Объективная необходимость подавления нараставшего сопротивления, равно как и противодействия растущей преступности, потребовала существенной активизации рабоче-крестьянской милиции, ее вовлечения в совместную с органами государственной безопасности деятельность.

В ЦЧО, в соответствии с приказом начальника областного административного отдела Зуева от 31 января 1930 г., на административные органы возлагалась «исключительно сугубая ответственность» за проведение в жизнь задач «по выкорчёвыванию капиталистических элементов — ликвидации кулачества, как класса»³. Предписывалось немедленно привести в боевую готовность органы милиции и уголовного розыска, «в исключительных случаях не останавливаться перед использованием всего личного состава работников»⁴.

Согласно директиве областного адмотдела от 24 января 1930 г., следовало проинструктировать личный состав милиции и уголовного розыска «на предмет проявления должной энергии с их стороны при отборе имущества от кулацких хозяйств и передаче такового в колхозы», принять все меры к выявлению кулаков, проникших и пытающихся проникнуть в колхозы, немедленно ставить об этом в известность соответствующие органы власти, своевременно сообщать в обладотдел обо всех террористических актах, совершаемых кулачеством»⁵.

¹ Михайлов А. За укрепление классовой линии в административно-советском аппарате // Административный вестник. — 1929. — № 3. — С. 15.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1970. — Т. 4. — С. 75—83, 88.

³ ГАВО. — Ф. Р-1988. — Оп. 1. — Д. 135. — Л. 10.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-1988. — Оп. 1. — Д. 135. — Л. 12.

⁵ ГАВО. — Ф. Р-1988. — Оп. 1. — Д. 135. — Л. 88 об.

Еще более симптоматичными были указания непосредственно «на местах»: в письме члена бюро Борисоглебского окружкома ВКП(б) Семеновских секретарю Таловского райкома Фролову от 27 января 1930 г. содержались рекомендации активно привлекать органы ГПУ и милиции, при этом в своей деятельности не ограничиваться «рамками законности», не искать «законных обоснований проводимых мероприятий»¹.

Подобные установки впоследствии широко применялись и при привлечении органов милиции к проведению массовых политических репрессий середины 1930-х гг. Сегодня ведутся активные дискуссии по вопросу о количестве жертв репрессий в Воронежском регионе. Будучи ограниченными объемом и связанными проблематикой исследования, мы приведем лишь два документальных источника. В оперативном приказе народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. № 00447 на Воронежскую область была выделена квота на репрессии 4,5 тыс. человек, в том числе 1 тыс. — на приговор о высшей мере социальной защиты². В свою очередь, в шифровке Воронежского обкома ВКП(б) 26 июля 1937 г. была выражена просьба «1) утвердить к репрессированию по области 11 тыс. человек кулацкого контрреволюционного элемента, в том числе по первой категории (к расстрелу. — Авт.) кулацкого контрреволюционного элемента 3 тыс., уголовников 700, по второй категории кулацкого контрреволюционного элемента 5 тыс. и уголовников 2300»³.

Существенные модификации в функциях рабоче-крестьянской милиции осуществлялись на фоне ее серьезных организационных изменений. С середины 1920-х гг. выявились две тенденции в определении дальнейших перспектив развития РКМ и НКВД в целом.

Первая из них была связана с резким сокращением полномочий НКВД РСФСР вплоть до его полной ликвидации и переходом к использованию классических милиционных принципов охраны правопорядка, «привлечения к повседневной работе милиции, в порядке общественной повинности, переменного состава из гражданского населения»⁴,

¹ ГАОПИ ВО. — Ф. 113. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 177.

² «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937—1941 гг. — Т. 1 (1937). — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 99—115.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 166. — Д. 576. — Л. 127.

⁴ Коковин Н. Пятилетний план административной работы // Административный вестник. — 1929. — № 5. — С. 14—15.

«имея в перспективе цель растворения милицейского аппарата в населении»¹. Задачей милиции в таких условиях виделись «постепенное обростание общественными элементами», передача им своих обязанностей и «оставление за собой на ближайший период лишь функций ин- структирования и руководства этими элементами»².

Вторая, диаметрально противоположная, тенденция — существенное расширение как полномочий НКВД, так и сфер компетенции милиции, превращение ее в жестко структурированный, построенный по военному образцу правоохранительный институт.

На специфику взаимопереплетения данных тенденций в не- малой степени повлиял субъективный, личностный фактор: два последних наркома внутренних дел РСФСР, А. Г. Белобородов и В. Н. Толмачев, оказались в оппозиции к партийной группировке И. В. Сталина, подверглись репрессиям, что повлекло за собой как изменения в концептуальных подходах, так и кадровые чистки.

В целом на положение и функционирование рабоче-крестьян- ской милиции существенное влияние оказали также структурные изменения высшего советского органа исполнительной власти в сфере правоохранительной деятельности (табл. 27).

Таким образом, доминирующей оказалась тенденция к жест- кой иерархизации и военизации милиции, централизации управле- ния ею, включению ее в состав широкомасштабного репрессив- ного аппарата³. Доклад НКВД о показателях работы РКМ и уго- ловного розыска в 1930 г. был заслушан на заседании СНК РСФСР⁴.

¹ Киселев И. Ближайшие задачи в деле укрепления органов Рабоче-Крестьянской милиции // Административный вестник. — 1930. — № 7. — С. 20.

² Там же. — С. 21. Определенными вехами на данном пути стало формирование в 1930—1931 гг. обществ содействия милиции (Осодмил), с 1932 г. преобразованных в бригады содействия милиции (Бригадмил). См.: О реорганизации обществ содействия милиции и уголовного розыска в бригады содействия при органах рабоче-крестьянской милиции : постановление СНК РСФСР от 29 апреля 1932 г. // СУ РСФСР. — 1932. — № 38. — Ст. 173.

³ См. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917—1941 гг.). — Уфа, 1994. — 465 с.

⁴ Постановление СНК РСФСР от 9 июля 1930 г. по докладу Наркома внутренних дел РСФСР о состоянии и работе рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска // СУ РСФСР. — 1930. — № 31. — Ст. 404.

Основные трансформации системы управления РКМ
в 1927—1941 гг.

Дата	Событие
1927 г. Декабрь	Ликвидировано Центральное административное управление; в составе НКВД создано 3 отдела: административного надзора, милиции и уголовного розыска
1929 г. Октябрь	Отдел милиции преобразован в Управление милиции НКВД РСФСР
1930 г. Декабрь	Ликвидирован НКВД РСФСР
1931 г. Декабрь	Создано Главное Управление рабоче-крестьянской милиции при СНК РСФСР
1931 г. Октябрь	В составе ОГПУ СССР создана Главная инспекция по милиции и уголовному розыску
1932 г. Декабрь	Образовано Главное управление рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР
1934 г. Июль	Создан союзно-республиканский Народный комиссариат внутренних дел. В его состав вошло ОГПУ СССР. В рамках НКВД образовано Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУ РКМ)
1941 г. Февраль	НКВД СССР разделен на НКВД СССР и НКГБ СССР
1941 г. Февраль	ГУ РКМ преобразовано в Главное управление милиции НКВД СССР
1941 г. Июль	НКВД СССР и НКГБ СССР вновь объединены в НКВД СССР
1941 г. Июль	Главное управление милиции вошло в состав образованного Административно-оперативного управления НКВД СССР

Первоначально было запланировано «весьма значительное повышение качественного уровня постоянного состава кадров милиции и уголовного розыска» за счет сокращения личного состава и усиления его профессиональной подготовки¹. Но позже требования к количественным показателям изменились: если с 1923 по 1930 г. численность милиции и уголовного розыска в РСФСР сократилась более

¹ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 25. — С. 506.

чем в 2,5 раза, то с 1930-х гг. начался рост их рядов. В 1927 г. в милиции служило более 40 тыс. человек, а к 1941 г. число ее штатных сотрудников достигло 227650 человек (рост в 5,5 раз)¹.

25 мая 1931 г. СНК утвердил новое «Положение о Советской рабоче-крестьянской милиции»², первое, которое стало единым для всех союзных республик. В его тексте был закреплён статус РКМ как административно-исполнительного органа советской власти, основной задачей которого объявлялась охрана необходимых для социалистического строительства революционного порядка и общественной безопасности. Среди функций РКМ выделялись: наблюдение «за проведением в жизнь законов и распоряжений центральных и местных органов власти, регулирующих революционный порядок и общественную безопасность»³; борьба с преступностью и расследование дел о преступлениях; охрана государственного и общественного имущества, личной безопасности граждан и их имущества. Фиксировалось структурное деление милиции на общую и ведомственную. При этом впервые прямо указывалось: «милиция имеет в своем составе учебные заведения для подготовки и переподготовки работников милиции» (п. 10)⁴.

Положением регламентировались порядок прохождения службы, назначение на должности руководящего состава. Устанавливалось деление сотрудников на высший, старший, средний и младший начальствующий состав, а также на оперативно-строевой и административно-хозяйственный состав, что имело важное значение так же и для структурирования ведомственной образовательной системы.

Расширение полномочий и штатной численности РКМ дополнительно актуализировало проблему качества ее кадрового состава. Для ее решения, по мнению начальника милиции Республики И. Ф. Киселева, были необходимы «соответствующие предпосылки: удовлетворительный с точки зрения классового подбора состав..., достаточная материальная обеспеченность работников, профессиональная подготовка их и

¹ Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк. — М. : Объед. ред. МВД России, 1996. — С. 237, 252; Департамент государственной службы и кадров МВД России. История кадровой службы [Электронный ресурс]. — URL: <https://дгск.мвд.рф/department/history> (дата обращения: 24.09.2017).

² СЗ СССР. — 1931. — № 33. — Ст. 247.

³ Там же.

⁴ Понятие «работник» в те годы было синонимом термина «сотрудник».

удовлетворительная объективная обстановка, обеспечивающая нормальную работу органов милиции»¹.

В рассматриваемый временной промежуток были внесены существенные изменения в количественные и качественные показатели материального обеспечения личного состава милиции. Во второй половине 1920-х гг., несмотря на периодические повышения зарплаты сотрудников РКМ, они по-прежнему были значительно ниже зарплат рабочих и служащих: в 1929 г. рядовой милиционер получал 30—35 рублей в месяц, тогда как чернорабочий — 40, дворник — 60². Но впоследствии ситуация начала меняться.

Уже к 1930 г. заработная плата в милиции была увеличена в среднем на 15%, коррелируя с зарплатой промышленных рабочих³. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 мая 1928 г. были введены периодические прибавки за выслугу лет, с 1929 г. распространенные на начальников и комиссаров школ НКВД, командиров батальонов, рот и взводов школ, курсантов школ и инструкторов по обучению строевому делу, «как относящихся к строевому составу милиции»⁴. С 1931 г. при начислении прибавки к заработной плате за выслугу лет для лиц, окончивших учебные заведения милиции, время обучения в них принималось в расчет в двойном размере⁵. Постановлением СНК РСФСР от 26 июля 1929 г. семейные курсанты школ и курсов НКВД получили право дополнительно получать 50% от оклада за счет местных бюджетов⁶.

¹ Киселев И. Ко дню 12-летия Р.-К. милиции // Административный вестник. — 1929. — № 11. — С. 1.

² Заседание коллегии НКВД 29 марта 1929 г. на фабрике Моссукуно и Мострикотаж в Ивантеевке. Задачи адморганов по борьбе с преступностью. Доклад т. Киселева // Административный вестник. — 1929. — № 5. — С. 25—26. Обратим внимание на открытость НКВД тех лет, проводившего выездные коллегии в присутствии широких масс трудящихся.

³ Состояние и работа местных органов НКВД // Административный вестник. — 1930. — № 4. — С. 37—38.

⁴ За 3 года непрерывной службы в милиции — 10%, за 6 лет — 20%, за 9 — 30% и за 12 лет — 50% основного оклада по занимаемой в данный момент должности. См.: Административный вестник. — 1929. — № 5. — С. 93.

⁵ СЗ СССР. — 1931. — № 33. — Ст. 247.

⁶ См.: Бюллетень НКВД. — 1930. — № 1. — С. 4.

Перевод общей милиции в соответствии с вышеупомянутым Положением от 25 мая 1931 г. на финансирование за счет общегосударственного бюджета обеспечил унификацию денежного и материально-технического снабжения ее личного состава и открыл возможности для дополнительного повышения его уровня¹. Вводились все новые материальные и иные льготы как для самих сотрудников милиции, так и для членов их семей, ранжируемые в зависимости от должностного статуса: налоговые, на получение и оплату жилья, на продовольственное обеспечение. Все это объективно создавало для сотрудников РКМ, включая личный состав их образовательных организаций, правовые и материальные гарантии и стимулы.

Важную роль в укреплении кадрового состава органов РКМ сыграло утверждение Советом Народных Комиссаров СССР 3 июля 1936 г. «Положения о прохождении службы, порядка аттестования и присвоения специальных званий начальствующему составу РК Милиции»². В зависимости от уровня квалификации и специальной подготовки, служебной аттестации и стажа работы начальствующему составу присваивались следующие специальные звания: сержант милиции, младший лейтенант милиции, лейтенант милиции, старший лейтенант милиции, майор милиции, старший майор милиции, инспектор милиции, директор милиции, главный директор милиции.

Первое звание «сержант милиции» присваивалось участковым инспекторам и их помощникам только в тех случаях, если 1) они проработали в этих должностях или приравненных им не менее двух лет; 2) на них имелась «исчерпывающая спецпроверка и положительные отзывы»; 3) они имели «общие и политические знания и сдали испытания по программе двухлетней средней школы РКМ».

Присвоению званий предшествовала аттестация, проводившаяся поэтапно. Воронежская область должна была к 10 августа 1936 г. представить «материалы аттестования на звание» в ГУ РКМ в составе 2-й группы из 10 регионов. Аттестация сотрудников школ старшего и среднего начсостава производилось аттестационными комиссиями УНКВД республик, краев и областей. Переменный состав школ среднего начсостава РКМ аттестовывался по окончании 2-годичного курса школы только при выпуске.

¹ СЗ СССР. — 1931. — № 33. — Ст. 247.

² ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп.12. — Д.38. — Л. 83—90.

В целях укрепления авторитета сотрудников РКМ все большее внимание стало уделяться унификации формы одежды и специальных петличных знаков различия. Новая унифицированная форма одежды для милиции и уголовного розыска была введена приказом НКВД РСФСР от 6 ноября 1928 г. № 190 и впоследствии претерпела несколько изменений¹.

Первоначально курсанты школ милиции обязаны были носить на петлицах нанесенные желтой краской цифры, обозначающие номер школы и буквы «Шк. НКВД». Некоторые обновления в форме и знаках различия для постоянного и переменного составов образовательных организаций НКВД РСФСР вводились в 1930 г. приказами НКВД № 208 и по Управлению кадрами НКВД № 18². В конечном счете наиболее распространенным для переменного состава школ старшего и среднего начсостава РКМ стало введенное приказом УРКМ при ОГПУ СССР от 31 марта 1934 г. № 42 ношение следующих отличительных знаков на петлицах в виде металлических букв золотистого цвета: 1) у слушателей школ старшего начсостава РКМ — «ШСМ»; 2) у курсантов школ среднего начсостава РКМ — отличительный знак из двух букв (первая — начальная буква наименования города, где расположена школа, вторая — литера «Ш» (например, курсанты Воронежской школы носили литеры «ВШ»)³.

Обязательность ношения формы сотрудниками РКМ и уголовного розыска была введена приказом ОГПУ 25 марта 1932 г.⁴ Правилам ношения формы одежды стало уделяться повышенное внимание, и за их нарушение несли ответственность все милиционеры, в том числе и из высшего и старшего начсостава. В приказе начальника милиции Республики от 16 февраля 1929 г. № 11 указывалось, что начальником Воронежской школы НКВД «Косыревым⁵ и зам. начальника адм. отдела Центрально-Черноземной области Фроловым было допущено нарушение приказа о форме одежды работников милиции, выразившееся в ношении одежды хотя и установленного образца, но другого цвета, а

¹ См.: Токарь Л. История российского форменного костюма. Советская милиция 1918—1991. — СПб.: Эксклюзив, 1995. — 188 с.

² См.: Бюллетень НКВД. — 1930. — № 24. — С. 485—486.

³ Токарь Л. Указ. соч. — С. 41—42.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-9414. — Оп. 3. — Д. 2. — Л. 52.

⁵ Так в оригинале приказа. Как отмечалось в предыдущем параграфе, в иных документах наиболее распространено написание фамилии «Косарев».

именно — цвета хаки». В приказе подчеркивалось, что подобное нарушение «недопустимо и в особенности со стороны начальника школы — руководителя и воспитателя будущего начсостава милиции и зам. начальника АО, бывшего во время совершения проступка временно исполняющим обязанности начальника адмотдела, т.е. являющегося высшим лицом начсостава в области». Косареву был объявлен выговор, а Фролову — строгий выговор¹.

Процессу укрепления дисциплины и правопорядка в рядах сотрудников милиции объективно способствовало утверждение ГУ РКМ СССР в июле 1931 г. нового Дисциплинарного устава рабоче-крестьянской милиции². В нем была дана детализированная правовая регламентация милицейской дисциплины, устанавливались новые меры поощрения и дисциплинарные взыскания.

Временным уставом внутренней службы рабоче-крестьянской милиции, утвержденным в августе 1931 г., регулировались порядок поступления на службу и ее прохождения, определялись условия труда в милиции и меры по сохранению здоровья ее работников. Определяя порядок ответственности за преступления по службе, совершенные сотрудниками РКМ, Устав отныне относил их к воинским преступлениям, подсудным военным трибуналам³. В феврале 1932 г. постановлением СНК СССР подсудность военным трибуналам работников милиции была дополнительно расширена. В 1935 г. к уголовной ответственности были привлечены 13,7 тыс. сотрудников РКМ⁴.

При этом еще в циркулярном письме ГУ РКМ НКВД РСФСР, направленном начальникам управлений милиции в мае 1931 г., подчеркивалось, что серьезных результатов в укреплении кадров милиции можно достичь, лишь если меры дисциплинарного и судебного порядка будут правильно сочетаться с политическим воспитанием милиции,

¹ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 8 (309). — 24 февраля. — С. 145.

² Главное управление рабоче-крестьянской милиции при Совете Народных Комиссаров РСФСР. Дисциплинарный устав рабоче-крестьянской милиции. — М. : ОГИЗ Советское законодательство, 1931. — 32 с.

³ Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк. — М., 1996. — С. 252—253.

⁴ История советской милиции: в 2 т. — М. : Академия МВД СССР, 1977. — Т. 2. — С. 216.

«которое является основным средством повышения дисциплины и сознательности»¹.

В 1930-е гг. в РКМ началось активное восстановление политаппарата. С октября 1930 г. в штаты краевых, городских и районных административных управлений и городских отделений милиции для руководства «политпросветработой» были введены должности политинструкторов; на рубеже 1930 и 1931 гг. началось образование политотделов. В августе 1937 года штаты политаппаратов были расширены, а 15 сентября 1939 г. ЦК ВКП(б) утвердил Положение о политическом отделе Главного управления (отдела) НКВД СССР². Эти меры, с одной стороны, способствовали повышению политической культуры, ответственности сотрудников РКМ, но, с другой, ставили милицию под строгий контроль партийного аппарата, отводя ей роль надежного инструмента для реализации политического курса руководства ВКП(б).

Весь комплекс вышеперечисленных мер объективно способствовал повышению качества кадрового состава РКМ. Но параллельно действовали и иные факторы, отнюдь не обеспечивавшие его стабильного поступательного развития. На сохранение высокой степени текучести кадрового состава милиции повлияли несколько волн массовых «чисток», проведенных в те годы.

Начало им положили решения XVI конференции ВКП(б) и постановления ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1929 г.³, впервые придавшие «чисткам» всесоюзный характер. Ситуация в милиции была дополнительно усугублена тем, что НКВД РСФСР циркуляром от 29 июля 1929 г. № 257 предложил заранее «к началу чистки ориентировочно, по имеющимся материалам, определить количество лиц, подлежащих увольнению, и подготовить резерв для пополнения» органов и подразделений милиции⁴. В циркуляре, разосланном ГУ РКМ при СНК РСФСР начальникам республиканских, краевых, областных управле-

¹ Цит. по: Гутман М. Ю. Совершенствование структуры и функций кадрово-воспитательных аппаратов НКВД СССР и правовое регулирование воспитательной работы в органах милиции (1921—1941 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 4. — С. 50.

² См. подр.: Гутман М. Ю. Совершенствование структуры и функций. — С. 43—52.

³ См.: XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.—Л.: ГИЗ, 1929. — 336 с.

⁴ Бюллетень НКВД РСФСР. — 1929. — № 29. — С. 580.

ний милиции и уголовного розыска, начальникам образовательных организаций предлагалось «немедленно приступить к подготовке и проверке компрометирующих материалов на работников милиции и уголовного розыска».

Предусматривалось деление личного состава на 3 категории: 1) «лучшая часть работников, ничем не скомпрометировавших себя ни своим прошлым, ни настоящей своей работой», которых нужно было «закрепить» на службе, улучшая материально-бытовые условия, активизируя среди них политико-воспитательную работу; 2) лица, которые не могли быть признаны «вполне удовлетворяющими новым требованиям» и подлежали «постепенной замене новыми кадрами»; 3) «чуждый, антисоветский, примазавшийся элемент, разлагающе действующий на остальной состав, подрывающий своим присутствием авторитет милиции и уголовного розыска» — о нем требовалось «собрать весь компрометирующий материал, проверить его и подготовить к замене его в первую очередь» или «удалить немедленно»¹.

В директиве Борисоглебского окружного адмотдела районным отделениям, отправленной 31 января 1930 г., приказывалось: «всё негодное вычистить из личного состава, заменив его членами ВКП(б) и комсомольцами», перебросить в другие районы тех милиционеров, «кои работают вблизи родственников, что не может гарантировать чёткости и беспрекословности выполнения лежащих на них задач»². Руководствуясь подобными положениями, на рубеже 1920—1930-х гг. по различным причинам из милиции уволили от 10 до 15% личного состава, попавшего под категорию «классово чуждых»³, в 1931—1932 гг. — более 30000 человек, т.е. 25—30%⁴. Эти процессы активизировались в 1930-е гг., особенно в 1937—1939 гг.

Отметим, что в данный временной промежуток под категорию «классово чуждых» попадали не столько бывшие представители армейского офицерства и правоохранительных органов, число которых

¹ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 247.

² ГАВО. — Ф. Р-1988. — Оп. 1. — Д. 135. — Л. 9.

³ Мулукаев Р. С., Карташов Н. Н. Милиция России (1917—1993 гг.). — Орел : Ока, 1995. — С. 53, 60; Шамаров В. М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — С. 206—207.

⁴ Департамент государственной службы и кадров МВД России. История кадровой службы [Электронный ресурс]. — URL: <https://дгск.мвд.рф/department/history> (дата обращения: 24.09.2017).

в составе РКМ тогда уже стремилось к нулю, сколько выходцы из относительно зажиточных (а значит, и объективно лучше образованных) селян и горожан. Кроме того, под увольнение попадали не только действительно плохие работники, но и те, кто не вписывался в рамки тоталитарной системы, а потому оказался негодным¹. Не будем забывать, что в ходе «большого террора» было репрессировано не менее 23 тыс. сотрудников РКМ, в том числе около тысячи руководящих работников².

Утрата кадров в ходе «чисток» дополнялась сохранявшейся их привычной «текучестью»: еще в начале 1928 г. комиссия ЦКК — НК РКИ, обследовавшая органы милиции, отмечала «чрезвычайно повышенную текучесть кадров милиции, выражавшуюся в среднем в 60%, в отдельных случаях доходящую до 200%»³. Если на 1 января 1928 г. текучесть составляла 46,8%, на 1 января 1929 г. — 54,8%, то на 1 января 1930 г. — 56,3%⁴. Поэтому процент подготовленных в системе милицейского образования и работающих в милиции объективно не мог быть высоким. На 1 января 1929 г. работники, прошедшие специальную подготовку, включая все виды, составляли 5,2%, на 1 января 1930 г. — 9,3%⁵. Но даже в относительно «благополучном» 1939 г. из милиции было уволено около 20% ее состава⁶. Личный состав находился в постоянном движении и сменяемости⁷: 25,2% служили в милиции менее года, а 60,9% считались молодыми по стажу⁸.

Все это ставило на повестку дня вопрос об источниках пополнения РКМ.

Одним из наиболее распространенных «резервов» новых сотрудников стали члены ВКП(б) и ВЛКСМ. Архивы пестрят упоминаниями о

¹ См.: Шамаров В. М. Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР. — М., 1997. — С. 62.

² Проценко Е. Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России (историко-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1998. — С. 20; История советской милиции : в 2 т. — М.: Академия МВД СССР, 1977. — Т. 2. — С. 187—188.

³ ГАРФ. — Ф. 374. — Оп. 7. — Д. 298. — Л. 165.

⁴ См.: Власов В. Проблемы кадров в административных аппаратах. — С. 12.

⁵ Там же.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 11. — Л. 6.

⁷ Недокомплект на 1 июля 1940 г. составлял по всей милиции 20423 человека, или 9%, среди начсостава — около 7%, среди рядового и младшего начсостава — 10,2%. См.: АРФ. — Ф. Р-9401. — Оп. 8. — Д. 58. — Л. 5, 20, 44.

⁸ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 11. — Л. 6.

массовом вливании в ряды воронежской милиции лиц, «мобилизованных по партийно-комсомольской линии»¹. Безусловно, это влияло на рост «идейной сплоченности» кадров РКМ. С другой стороны, милиция пополнялась весьма специфическим «человеческим материалом», обладавшим «черно-белым», контрастным мировосприятием, склонностью к «кампанейщине», готовностью бездумно выполнить любые руководящие указания партийной верхушки перед профессионально значимыми для специфической милицейской работы качествами.

Ужесточились требования к социальному происхождению милиционеров. В уже упомянутом выше циркуляре НКВД № 257 указывалось, что резерв для пополнения должен быть подготовлен «главным образом из рабочих, батраков, красноармейцев и рядовых милиционеров, достойных продвижения»². Вопрос об «увеличении рабочей и бедняцко-батрацкой прослойки в милиции и угрозыске» с 1930 г. определялся на уровне СНК РСФСР как «важнейший политический вопрос»³.

Характерной чертой данной эпохи стала ускоренная «фаворитизация бедноты» — переструктурирование общества с превращением бывших социальных аутсайдеров в политически привилегированные слои⁴. С одной стороны, по разделяемому нами мнению С. А. Красильникова, такая «социально-политическая инверсия, или переворачивание статусов посредством возвеличивания одних групп и маргинализации других, обладала ценнейшим для формировавшегося тоталитарного общества свойством — поддерживания иллюзий равенства и справедливости»⁵. Но, с другой, при подобной ситуации сложно было говорить не только о надлежащей профессиональной подготовленности новых кадров, но даже об их элементарном образовательном уровне.

¹ См., напр.: Архив Информационного центра Главного управления МВД по Воронежской области (АИЦ ГУ МВД по ВО). — Ф. 1. — Арх. № 74.

² Бюллетень НКВД РСФСР. — 1929. — № 29. — С. 580.

³ Власов В. Проблема кадров в административных органах // Административный вестник. — 1930. — № 7. — С. 12, 17.

⁴ См.: Гончарова И. В. Крестьянство Центрально-Чернозёмной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928—1932 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2015. — С. 213—214.

⁵ Красильников С. А. Дискриминации в постреволюционном российском/советском обществе как исследовательская проблема: некоторые заметки // История сталинизма: репрессированная российская провинция. — М., 2011. — С. 36.

Все это объективно обуславливало новое усиление внимания к проблеме организации профессионального обучения и подготовки милицйских кадров.

В рассматриваемый хронологический промежуток были проведены неоднократные изменения организационно-правовых основ управления системой подготовки сотрудников органов внутренних дел, претерпела многоразовые существенные трансформации система милицйских образовательных организаций, в том числе и Воронежская школа милиции.

Уже в совместном постановлении Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ СССР, принятом по результатам обследования милиции 28 июня 1928 г., предусматривалось наряду с улучшением материального положения сотрудников милиции организовать систематическое пополнение кадров РКМ демобилизованными из РККА, публиковать в местной печати списки лиц, изъявивших желание работать в милиции, чтобы трудящиеся могли дать отзывы о них, ввести месячный испытательный срок для всех вновь принятых в РКМ, расширить сеть школ и курсов¹.

При этом с учетом первоначально наметившегося вектора на переход к милиционной системе и поиска путей по реструктуризации школ милиции и улучшению их финансирования в условиях нэпа началась активная дискуссия о реформе школ. В частности, предлагалось по аналогии с единой трудовой школой общеобразовательной сферы, которая имела несколько ступеней образовательного процесса², создать подобную школу в системе НКВД, чтобы в ней обучались все категории работников одновременно. Высказывалось мнение, что создание такой единой школы административных работников решило бы проблемы средних школ, в которых комплектование старших курсов производилось за счет младших курсов³. Некоторые из участников дискуссии полагали, что «не должно быть узкой специализации милицйской или

¹ Административный вестник. — 1928. — № 11. — С. 1—3.

² Согласно Декрету ВЦИК от 16 октября 1918 г. «О единой трудовой школе РСФСР». См.: СУ РСФСР. — 1918. — № 74. — Ст. 812.

³ Фрейман С. К единой школе начсостава милиции и уголовного розыска // Административный вестник. — 1928. — № 2. — С. 30—31.

уголовно-розыскной, школы должны готовить административных работников»¹. Руководство 2-й Омской школы среднего начсостава милиции выступило с инициативой о передаче школ под управление соответствующих региональных адмотделов по месту их территориального расположения.

Руководство 3-й Воронежской школы младшего начсостава этой инициативы не поддержало, выступив, по сути, за расширение самостоятельности самих школ. В ходе заседания цикло-методической милицейско-правовой комиссии школы 8 апреля 1927 г. начальником школы Косаревым и преподавателями Гельднером, Драчевым и Метелкиным в пользу собственной позиции были высказаны следующие аргументы:

— децентрализация «вредно отразится на руководстве школьной работой ввиду того, что начальники губадмотделов и обладмотделов ... очень мало знакомы со школьным делом и методикой современного обучения»;

— аппараты этих отделов в силу перегруженности основной работой и неподготовленности работников в этой сфере «при всем желании не могут уделить должного внимания школам», учитывать опыт школьной работы «и не могут вносить живую струю в методическую часть руководства»;

— от наличествующей в последние годы номинальной опеки над школами со стороны местных адмотделов давно пора отказаться, «от этой опеки по нашей школе методических указаний никогда не было и не могло быть, а в некоторых случаях имели место препятствия и даже попытки расстроить школьное дело путем снятия преподавателей»;

— доводы, что «места лучше учтут, ...как надо обучать курсанта применительно к местным условиям, более чем не основательны», ибо местные адмотделы «не выполняют на 50% того, что усваивается курсантами в школах, так как... руководители на местах не имеют должной подготовки», и об этом свидетельствует опыт всех 11 закрепленных за школой губерний: «ни в одной губернии, по сведениям учащихся, данная работа не проводится достаточно удовлетворительно... по каждому основному виду милицейской работы»².

¹ Слонимский 10. К пересмотру программ школ среднего начсостава // Административный вестник. — 1928. — № 4. — С. 26.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 66.

В качестве альтернативы предлагалось усилить взаимодействие школ с губернскими отделами народного образования, то есть, по сути, предпринять еще один шаг по внедрению милицейского образования в структуру национальной образовательной системы¹. Однако данная точка зрения не была поддержана руководством НКВД РСФСР.

Приказом НКВД РСФСР от 19 мая 1928 г. № 74² все школы среднего и младшего начальствующего состава милиции, находившиеся на госбюджетном финансировании, были переименованы в школы НКВД административно-милицейских работников с передачей их под управление соответствующих региональных административных отделов. Они сохранили госбюджетное финансирование, имели единые учебные планы и готовили средний начсостав с годичным сроком обучения³. Нумерация трех бывших школ среднего начсостава (Ленинградской, Омской и Новочеркасской) не изменилась, бывшие школы младшего начсостава (Свердловская, Саратовская, Воронежская и Новосибирская) получили номера с 4-й по 7-ю⁴.

13 июля 1928 г. начальник Центрально-Черноземного облادмотдела Мазуров издал приказ № 9, в котором было указано: «На основании личного распоряжения и. об. народного комиссара внутренних дел тов. Егорова 6-я Областная (Воронежская) школа административно-милицейских работников сего числа» переходит в непосредственное подчинение начальника облadмотдела «под общим руководством Отдела Милиции НКВД РСФСР через последнего». Начальнику школы было приказано «по всем вопросам Школы обращаться непосредственно ко мне, а в мое отсутствие к моему заместителю»⁵.

¹ Там же.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 5. — Л. 65.

³ Начальника районного адмоддела, его помощника, инспектора РАО, инспектора уголовного розыска, заведующего бюро принудительных работ, пом. нач. мест заключения и принудработ, инспектора ведомственной милиции и др. Также в школах НКВД готовились лица, намеченные к продвижению из младшего начсостава, выдвиженцы, работавшие в районном аппарате. Срок обучения взят минимальный — 1 год. См.: Власов В. Проблема кадров... — С. 13.

⁴ 29 августа 1929 года 7-ю школу переводят во Владимир, а с апреля 1930 г. — в Нижний Новгород. С 1930 г. добавились 8-я школа в Благовещенске и 9-я — в Смоленске (ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 1. — Л. 74, 75).

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 93.

27 сентября 1928 г. приказом начальника милиции Республики была утверждена Инструкция о взаимоотношениях начальников школ НКВД и начальников адмотделов краевых и областных исполкомов¹. Начальники административных отделов, на территории которых находились школы НКВД, были обязаны оказывать содействие школам в их деятельности, лично участвовать в комплектовании школ, работе педагогических советов, организовывать и проводить практику курсантов, следить за правильным расходованием средств и инспектировать школы по указанию НКВД. В свою очередь, начальники школ должны были оказывать помощь адмотделам в школьной и внешкольной работе, предоставлять начальникам адмотделов сведения о работе школы, направлять личный состав школ для участия в постовой или иной службе (облавы, массовые демонстрации и т.п.), выполнять приказы начальников адмотделов краевых и областных исполкомов в пределах данной инструкции².

В 1928/29 учебном году в составе 1-го курса 6-й школы еще были милицейское и розыскное отделение. На втором курсе — только милицейское отделение. Общая численность личного состава составляла 165 чел.³ Постепенно шла переориентация этого отделения на подготовку и переподготовку старшего начсостава. В 1928 г. семь школ НКВД РСФСР выпустили 676 человек⁴.

В свою очередь, подготовка младшего начсостава РКМ отныне была сосредоточена в разворачивавшейся сети школ и курсов, финансируемой за счет местных бюджетов. На территории ЦЧО действовали четыре межокружные школы: в Старом Осколе с составом 36 человек, Тамбове — 45, Курске — 48 и в Орле — 45 человек⁵. Формировалась сеть курсов для различных категорий сотрудников. Постепенно в стране стала увеличиваться прослойка сотрудников РКМ, окончивших местные ведомственные образовательные организации. Так, если на 1928 г.

¹ Бюллетень НКВД. — 1928. — № 37. — С. 766.

² См.: Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 163.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 43 а. — Д. 1798. — Л. 56—59.

⁴ Департамент государственной службы и кадров МВД России. История кадровой службы [Электронный ресурс]. — URL: <https://дгск.мвд.рф/department/history> (дата обращения: 24.09.2017).

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 43 а. — Д. 1798. — Л. 56—59; Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). — Ф. 395. — Оп. 1. — Д. 248. — Л. 28,72.

числилось 2213 курсантов, окончивших 3-месячные курсы, то на 1929 г. количество их выпускников составило уже 4179 человек¹.

Таким образом, была создана относительно централизованная система профессиональной милицейской подготовки, шло формирование нормативно-правовой базы, регулировавшей ее деятельность. По мнению начальника милиции Республики И. Ф. Киселева, уже к концу 1928 г. была «создана система, позволяющая от младшего милиционера пройти полный курс законченного профессионального милицейского образования» до среднего начсостава милиции². Первая ступень — месячные курсы для лиц, начинавших службу в РКМ, далее — повторно-инструкторские курсы (4 часа в неделю) или 3-месячные краткосрочные курсы для младшего начсостава по типу переподготовки советских работников низового уровня. Отслужив в РКМ год, можно было претендовать на поступление в местную школу младшего начсостава. Отучившись в ней год и проработав еще год, сотрудники РКМ получали право продолжить учебу в школе среднего начсостава и после двухлетнего обучения получить соответствующую должность³. Кадры среднего начсостава готовили 9 школ, которые начали ежегодно выпускать более 1600 специалистов. Несколько позже начали предприниматься меры по созданию образовательных структур для старшего и высшего начсостава⁴.

Однако очень скоро тенденция стала ощутимо меняться. В качестве основного вектора развития в 1929—1942 гг., по разделяемому нами мнению В. М. Шамарова, можно определить гипертрофирование централизации руководства школами и курсами милиции, проявившееся не только в их переподчинении центральным структурам управления правоохранительными органами (НКВД РСФСР, ОГПУ, НКВД СССР), но и в «мелочной опеке и контроле за их деятельностью: увеличение количества нормативных документов, регламентирующих второ-

¹ Киселев И. Ф. Ближайшие задачи в деле укрепления органов Рабоче-Крестьянской милиции // Административный вестник. — 1930. — № 7. — С. 25.

² Киселев И. Ф. Вопросы подготовки на совещании начальников адмотделов крайоблсполкомов // Административный вестник. — 1929. — № 6-7. — С. 27.

³ Власов В. Проблема кадров... — С. 14; Киселев И. Ф. Указ. соч. — С. 27; Шамаров В. М. Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР (правовые и организационные основы): учебное пособие. — М.: Академия управления МВД России, 1997. — С. 86.

⁴ См.: Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 174.

степенные вопросы учебной и методической работы; установление порядка обязательной отсылки в центр протоколов заседаний педагогических советов, сведений о посещаемости курсантами занятий, данных о распределении после окончания учебы. Другими словами, закладываются первичные элементы бюрократизации в управлении учебными заведениями, так как значительная часть представляемой с мест информации была излишней и не влияла на анализ действительного состояния школьно-курсовой подготовки»¹.

В принятом в ноябре 1929 г. Положении № 60 об Управлении милиции НКВД РСФСР на него среди прочих возлагались: обязанности по изучению и учету опыта работы милиции; «руководство подготовкой работников полувоенного сектора и разработка учебных планов и программ по подготовке и переподготовке указанных работников» (п. 10); «организация сети школ НКВД для подготовки административно-милицейских работников и непосредственное управление и руководство этими школами в административно-организационном, финансово-хозяйственном и учебно-воспитательном отношениях» (п.11)²; «руководство и надзор в учебно-воспитательном отношении за местными школами и курсами административно-милицейских работников, а также руководство и надзор за деятельностью местных органов милиции в области внешкольной подготовки и переподготовки» (п. 12); «назначение начальников госбюджетных школ и курсов, а также утверждение в должностях других работников этих школ и курсов» (п. 13); руководство политико-воспитательной работой среди личного состава милиции (п. 14)³.

Для непосредственного решения учебно-методических вопросов была учреждена Учебно-методическая комиссия под председательством начальника милиции Республики, утверждавшего все ее постановления. Ее состав (начальники соответствующих управлений и отде-

¹ Самаров В. М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР. — С. 179.

² Комплектование уголовно-розыскных и пенитенциарных отделений школ, а также назначение, перемещение и увольнение начальников уголовно-розыскных и пенитенциарных отделений осуществлялось управлением милиции по согласованию с Отделом уголовного розыска НКВД и Главным управлением местами заключения по принадлежности.

³ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 42. — С. 779—781.

лов НКВД или их представители, эксперты, представители профсоюзных организаций, имеющие отношение к подготовке работников НКВД) утверждался народным комиссаром внутренних дел¹.

С 1930 г. постановлением коллегии НКВД РСФСР оперативное руководство учебными заведениями было возложено на вновь организованное Управление кадров НКВД РСФСР, в котором были предусмотрены 2 сектора: по подготовке и по распределению кадров². Отношения Управления, начавшего функционировать с 11 мая 1930 г., со школами и курсами регламентировал приказ от 4 июня 1930 г.³ Руководство внешкольной подготовкой в рамках Управления милиции НКВД осуществляла инспекция подготовки, функции которой определялись приказом начальника милиции Республики от 26 июня 1930 г.⁴ В числе прочего сотрудники инспекции совместно с представителями Управления кадров участвовали в обследованиях школ, фиксируя качество набора и уровень подготовки курсантов. Началось и создание краевых и областных специальных отделов по вопросам подготовки, учета и распределения кадров⁵, оказывавших содействие школьно-курсовой системе в подборе кадров постоянного и переменного состава, в том числе в открытии подготовительных курсов для местных школ, в организации производственной практики, формировании сети заочного обучения, оценке потребности в кадрах и обеспечении ее покрытия «путем подготовки и переподготовки ... младшего начсостава милиции и уголовного розыска»⁶.

¹ Черников В. В. Организационная деятельность НКВД РСФСР по руководству органами милиции: учебное пособие. — М., 1979. — С. 53—54; Зыбин С. Ф. Избранные труды. — СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. — Т. 1. — С. 165.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 84. — Д. 13. — Л. 1. В оперативно-строевом отношении школы и курсы находились в подчинении начальника милиции Республики. См. также: Распоряжение НКВД «О подчинении школ и курсов НКВД» // Бюллетень НКВД. — 1930. — № 18; Административный вестник. — 1930. — № 8-9. — С. 68.

³ Гладилин Л. А. Главное управление кадров // МВД России: энциклопедия. — М., 2002. — С. 118; Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 180.

⁴ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 21. — С. 414.

⁵ Начало им было положено формированием в составе краевых и областных коммунальных аппаратов ячеек (отделов) по кадрам. См.: Бюллетень НКВД. — 1930. — № 24. — С. 487; Зыбин С. Ф. Указ. соч. — С. 167—168.

⁶ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 26-а. — С. 8; Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 181.

Одновременно началось очередное реформирование системы милицеских образовательных организаций, во-многом обусловленное сохранением незначительной доли ее выпускников по отношению к численности милиции и уголовного розыска в целом: потребность в кадрах всей системой подготовки в те годы удовлетворялась не более чем на 9%¹. Важную роль в деле обеспечения системного подхода к профессиональной подготовке и обучению всех категорий сотрудников РКМ сыграл приказ начальника милиции Республики от 8 апреля 1930 г. «О поднятии квалификации работников милиции»², определивший требования к профессиональным и образовательным качествам всех категорий сотрудников РКМ. В приказе указывалось: «адмоделы должны в... три с половиной года добиться, чтобы весь личный состав милиции на все 100% отвечал своему назначению и имел подготовку: 1. Старший начсостав — в объеме программы Объединенных курсов НКВД усовершенствования старшего начальствующего состава; 2. Средний начсостав — в объеме программы курса второго года обучения в школах НКВД; 3. Младший начсостав — в объеме программы курса первого года обучения в школах НКВД; 4. Младшие милицеские работники — в объеме программы курсов для поступающих на должности младших милиционеров; 5. Преподаватели милицеских предметов в школах среднего и младшего начсостава — в объеме Объединенных курсов НКВД; 6. Преподаватели краткосрочных курсов (3- и 1-месячных) — в объеме программы курса второго года обучения в школах НКВД». Планировались многоуровневое обучение всех этих категорий для получения соответствующего минимума знаний и обязательные аттестации — проверки овладения им³.

Заслушав доклад НКВД «О состоянии и работе милиции и уголовного розыска», СНК РСФСР констатировал «слабое развитие школьной

¹ См.: Бюллетень НКВД. — 1930. — № 26-а. — С. 8.

² Бюллетень НКВД. — 1930. — № 6. — С. 309.

³ Старший начсостав проходил испытания при Объединенных курсах НКВД или в комиссиях при краевых или областных адмоделах, средний начсостав — при школах НКВД или в «особых комиссиях крайоблотделов», младший начсостав — при местных школах, курсах, а при отсутствии таковых — при школах НКВД, младшие милиционеры — при местных курсах. О сдаче испытаний делалась отметка в трудовой книжке.

сети по подготовке работников милиции и уголовного розыска» и принял постановление от 9 июля 1930 г.¹, дополненное постановлением ЦКК ВКП(б) и ЦК РКИ СССР, рядом директив по вопросу подготовки кадров административных работников². Предусматривалось: 1) организовать в Москве «полувоенный вуз» для подготовки «высококвалифицированных работников административного аппарата»³; 2) расширить в 1930/31 учебном году сеть госбюджетных школ НКВД путем организации новых школ с таким расчетом, чтобы в каждом крае и области было не менее одной школы для подготовки младшего (по проекту — и среднего) начсостава; 3) увеличить пропускную способность существующих школ НКВД; 4) сосредоточить подготовку кадров из национальных меньшинств в специальных отделениях в школах НКВД; 5) организовать систему заочного обучения младшего, среднего и старшего начсостава работников милиции и уголовного розыска⁴.

Была определена главная задача образовательных организаций РКМ: «готовить специалиста нового типа — организатора-инструктора в деле привлечения трудящихся к вопросам организации советской дисциплины на основе милиционной системы и других форм и видов связи административных органов с трудящимися. Этот принцип должен пронизывать собою все содержание учебных планов и программ»⁵.

Отметим, что при сохранении лозунгов о милиционной системе, суть ее восприятия начинала меняться: предусматривалось сочетание штатных сотрудников и «общественников». Тем не менее такие подходы обусловили тенденцию к упрощению образовательного процесса,

¹ Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк / А. В.Борисов [и др.]. — М. : Объед. ред. МВД России, 1996. — С. 255—256.

² О состоянии и работе Рабоче-Крестьянской Милиции и уголовного розыска: постановление СНК РСФСР от 9.07.1930 г. по докладу Наркома внутренних дел РСФСР // СУ РСФСР. — 1930. — № 31. — Ст. 404. Некоторые аспекты его реализации были рассмотрены на совещании начальников краевых и областных адмтделов в конце июля 1930 г., по итогам которого было принято постановление «Об очередных задачах НКВД и его местных органов в деле подготовки, учета и распределения кадров», утвержденное Коллегией НКВД 6 августа 1930 г. См.: Бюллетень НКВД. — 1930. — № 26-а. — С. 8; Власов В. Проблема кадров... — С. 16.

³ Таковым стал Институт административного строительства, дополненный Высшими курсами НКВД усовершенствования административных работников. Представители воронежской милиции регулярно отправлялись для прохождения обучения в данных организациях.

⁴ Власов В. Указ. соч. — С. 16.

⁵ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 25. — С. 508.

сокращению его сроков¹, что и было закреплено в приказе начальника Управления кадров НКВД от 29 июня 1930 г. Приказом объявлялись новые учебные планы для школ НКВД административных работников и школ краевых и областных административных управлений на 1930/31 учебный год². Приказом НКВД от 19 августа 1930 г. было утверждено новое Положение о школах НКВД³. Срок обучения сокращался до 1 года, сокращалось количество учебных циклов, перераспределялись часы между ними⁴. По разделяемому нами мнению М. А. Кожеввиной, «система профессионального образования утрачивала свое назначение, накопленный школами милиции опыт в полной мере не требовался для подготовки функционеров»⁵. Но одновременно следует учесть и тот факт, что в соответствии с новым Положением школы НКВД впервые должны были начать осуществлять переподготовку практических работников административных органов.

Очередной виток реформирования школьно-курсовой системы был начат после ликвидации НКВД РСФСР и ускорился в процессе передачи милиции под контроль ОГПУ.

В 1931 г. Положением о Главном управлении Рабоче-крестьянской милиции при СНК РСФСР в сфере кадрового обеспечения на ГУ РКМ возлагались: 1) подбор, учет и распределение кадров и руководство комплектованием местных органов милиции; 2) разработка планов подготовки и переподготовки кадров РКМ и установление типов, сети и штатов соответствующих учебных заведений; 3) укомплектование учебных заведений ГУ РКМ и руководство укомплектованием учебных заведений, находящихся в ведении местных органов милиции; 4) разработка учебных планов и программ, а также руководство в установленном порядке программно-методической работой учебных заведений⁶.

Принятие нового Положения повлекло за собой очередные изменения в школьно-курсовой сети. Циркулярным письмом начальника ГУ РКМ, разосланным 28 мая 1931 г., вводилась новая сетка учебных

¹ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 193.

² Бюллетень НКВД. — 1930. — № 20. — С. 395—399.

³ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 27. — С. 564.

⁴ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 22. — С. 432.

⁵ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 194.

⁶ Сборник приказов и циркуляров Главного управления Рабоче-крестьянской милиции при СНК РСФСР. — 1931. — № 4. — С. 289—290.

заведений¹. Одной из ключевых причин инноваций стала острая нужда в кадрах, порожденная, во-первых, массовыми «чистками» и, во-вторых, ростом рядов милиции. Все это дополнительно усугублялось сохранявшейся нехваткой госбюджетных средств на обучение всех категорий сотрудников: к тому времени лишь 8% лиц младшего начсостава РКМ РСФСР имели профессиональную подготовку².

В 1931 г. в РСФСР насчитывалось уже 33 школы начсостава милиции разных уровней, в которых обучалось 5320 человек. Теперь же за 2 года планировалось «пропустить» через них 37725 человек, т.е. переподготовить почти весь начальствующий состав³. Стремление к резкому увеличению «пропускной способности» школьно-курсовой системы и экономии бюджетных средств, с одной стороны, и очевидная необходимость в лимите времени для организации качественного обучения, с другой, повлекли за собой беспрецедентные изменения сроков обучения и источников финансирования (табл. 28)

Таблица 28

Изменение сроков обучения в Воронежской школе милиции
в 1930-е гг.

Год	Начало 1930 г.	Конец 1930 г.	1931 г.	1932 г.	1936 г.
Сроки обучения	2 года	1 год	5,5 мес.	1 год	2 года

В 1931 г. все школы, готовившие средний начсостав, включая воронежскую, были переведены на местные бюджеты и межобластное управление. В. С. Гольдман указывает, что в это же время произошло их переименование. В частности, школа в Воронеже получила наименование «6-я межкраевая школа милиции» вместо прежнего, сохранявшегося с мая 1928 г., «6-я Воронежская школа административно-милиционерских работников НКВД СССР»⁴. Позже в наименовании школы появился номер «17».

¹ Милиция России: документы и материалы (1917—1999 гг.). — Саратов, 2000. — Т. 1. — С. 304—306.

² Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 214.

³ Департамент государственной службы и кадров МВД России. История кадровой службы [Электронный ресурс]. — URL: <https://дгск.мвд.рф/department/history> (дата обращения: 24.09.2017).

⁴ ГАРФ. — Р-393. — Оп. 78. — Д. 5. — Л. 65.

В приказе полномочного представителя ОГПУ по ЦЧО Дукельского от 31 июля 1932 года № 203 предписывалось: «Во исполнение приказа ОГПУ № 486/с от 25/V- с. г. Воронежскую школу по выпуску курсантов реорганизовать в школу по подготовке и переподготовке среднего начсостава РК милиции, упразднив отделение старшего начсостава... Тамбовскую школу с 15/IX с. г. реорганизовать в 2-х месячные курсы по подготовке и переподготовке младшего начальствующего и рядового состава РК милиции»¹. В том же 1932 г. приказом Полномочного Представительства ОГПУ по ЦЧО от 5 августа № 212/с в Воронеже была создана школа-питомник служебного собаководства Полномочного Представительства ОГПУ по ЦЧО, просуществовавшая, однако, недолго².

Сроки проведения курсовой подготовки рядового и младшего начсостава тоже менялись: с трех месяцев в 1930 г. до двух месяцев в 1932 г. и до одного месяца к концу 1930-х гг. Определенное число вопросов было вынесено на самостоятельную подготовку или в специальные кружки и секции. В частности, в 1932 г. каждому постовому милиционеру предписывалось самостоятельно изучить «Справочник постового милиционера», который «был своего рода пособием не только для постового милиционера, но и для всех работников милиции»³, и Инструкцию для постового милиционера⁴.

Образование в 1934 г. НКВД СССР повлекло за собой очередной виток изменений, связанных с дополнительными упорядочением и рационализацией школьно-курсовой сети. В феврале-марте 1935 г. Воронежская школа была переименована в Воронежскую школу среднего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции. К 1936 г. в школах милиции обучалось 8270 человек, в иных учебных заведениях НКВД СССР — 4373 человека⁵.

В декабре 1936 г. на базе отдела кадров ГУГБ НКВД СССР был образован отдел кадров НКВД СССР. Предпринимались и попытки создания в рамках кадровых служб специальных подразделений для руководства учебными заведениями РК милиции. Приказом НКВД СССР от 19 апреля 1936 г. в составе отдела кадров НКВД СССР была

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л. 45.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л. 55, 55 об.

³ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 2. — Л. 41.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 2. — Л. 128; Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 227.

⁵ ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп. 8. — Д. 12. — Л. 5.

создана часть учебных заведений¹, но в конце 1936 г. она была расформирована². Вторая такая попытка была предпринята 8 марта 1941 г., когда приказом НКВД СССР было создано Управление учебных заведений милиции, но и оно подверглось расформированию 31 июля 1941 г., а созданный 3 марта 1942 г. отдел военно-учебных заведений войск НКВД проблемами милицейских учебных заведений фактически не занимался³.

В 1936 г. Центральная высшая школа и все школы старшего и среднего начальствующего состава были переведены на двухгодичное обучение. Воронежская школа милиции получила номер 17. 14 марта 1937 г. был издан Приказ НКВД СССР «Об упорядочении школьной подготовки РК милиции». С октября 1937 г. начали формироваться постоянно действующие курсы рядового и младшего начальствующего состава, в том числе специализированные, для отдельных категорий сотрудников⁴. В частности, в Воронеже были созданы курсы сержантов милиции⁵, действовали курсы переподготовки начсостава РК Милиции УРКМ УНКВД по Воронежской области⁶, курсы финансовых работников УНКВД по Воронежской области⁷ и др. По мере расширения полномочий НКВД в городе начали появляться и иные образовательные организации, готовившие сотрудников органов внутренних дел, в частности Воронежская школа начсостава городской пожарной охраны НКВД⁸.

Очередные изменения в школьно-курсовой сети и статусе Воронежской школы были связаны с изданием приказа НКВД СССР от 5 апреля 1940 года № 00410. В рабоче-крестьянской милиции устанавливались 4 типа образовательных организаций:

— школа первого типа — Центральная школа РКМ по подготовке старшего начальствующего, политического состава и работников научно-технических отделений с двухгодичным сроком обучения;

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп. 1 а. — Д. 34. — Л. 1.

² ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп. 1 а. — Д. 83. — Л. 1.

³ Лубянка ВЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, МВД, КГБ (1917—1960). — М., 1997. — С. 42.

⁴ Попытка использовать опыт единых школ НКВД 1920-х гг.

⁵ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 163. — Л. 422, 441, 464—464 об., 532 и др.

⁶ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 163. — Л. 71—72.

⁷ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 443, 503—505.

⁸ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 150. — Л. 301—302; Арх. № 151. — Л. 441; Арх. № 163. — Л. 413—414.

— школы второго типа — межобластные школы РКМ с двухгодичным сроком обучения, в стенах которых осуществлялась подготовка среднего начальствующего и политического состава РКМ;

— школы РКМ третьего типа с годичным сроком обучения по подготовке инструкторов и проводников служебных собак;

— курсы переподготовки начсостава РКМ с шестимесячным сроком обучения, организованные по служебно-специальному признаку¹.

Всего к марту 1941 г. в системе НКВД функционировала достаточно широкая и разветвленная сеть учебных заведений: по Главному управлению шоссейных дорог — 4 автодорожных института (Москва, Харьков, Саратов, Омск), 6 техникумов соответствующего профиля; по Главному архивному управлению — Московский историко-архивный институт, Ленинградский историко-архивный техникум; по Главному управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний — курсы ГУЛАГа в г. Люблино, Киеве, Вязьме, Куйбышеве, 3 школы ВОХР, школа служебного собаководства, курсы ВОХР в Тайшете; по Главному управлению пожарной охраны — 5 школ среднего начсостава, Ленинградский пожарный техникум, Харьковские курсы усовершенствования комсостава, факультет инженеров пожарной охраны при Ленинградском институте инженеров коммунального хозяйства; по Главному управлению милиции — 62 образовательных структуры, в том числе Центральная школа в Москве, Ленинградская школа политработников, 21 двухгодичная межобластная школа, 7 школ с годичным сроком обучения, 5 школ служебного собаководства, 27 милицеских курсов².

С апреля 1940 г. Воронежская школа носила наименование «Воронежская межобластная школа рабоче-крестьянской милиции».

Региональный опыт развития милицеской школы в Воронеже в 1930-е — начале 1940-х гг. демонстрировал специфику реализации ведомственного регулирования школьного дела в НКВД, а также некоторые местные особенности. Так, зачастую стратегические ориентиры совершенствования образовательной деятельности на некоторое время отступали на второй план перед текущими потребностями функционирования образовательной организации, такими, к примеру, как ее размещение.

После неоднократных обращений начальника Воронежской школы РКМ 23 мая 1928 г. нарком внутренних дел направил письмо в Президиум Воронежского губисполкома, в котором указал на то,

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп.12. — Д. 345. — Л. 399.

² Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк. — С. 257.

что помещение, которое занимала 3-я Воронежская школа «не обеспечивает вполне нормальное проведение учебных занятий. Недостаточность помещения не позволяет школе организовать учебные кабинеты и лаборатории и надлежащим образом разместить курсантов». Проинформировав руководство Воронежского губисполкома о расширении с 1928/29 учебного года школы в целях увеличения выпуска среднего начсостава, нарком обратился «с просьбой предоставить школе новое помещение или же предоставить школе дом, часть которого занимает школа, освободив остальную часть дома от второстепенных учреждений ГАО»¹.

В результате 6-я Воронежская школа ориентировочно в 1929 г. переехала в новое четырехэтажное здание по ул. Большая Манежная, д. 13, где раньше располагались Раевские казармы². Первые два этажа первоначально занимал конвойный батальон, для курсантов были отведены 3-й и 4-й этажи. Там в классах проходили занятия. Помимо этого, на 3-м этаже размещался спортивный зал, на 4-м — библиотека, в помещении которой хранилось знамя школы. Столовая находилась в пристройке³.

В 1928 г. штаты постоянного и переменного состава для каждой школы утверждались отдельно. В то же время сделан был большой шаг вперед на пути к унификации формирования штатов для всех образовательных организаций милиции. Штатное расписание для 6-й Воронежской школы административно-милицейских работников НКВД СССР⁴ предусматривало должность начальника, а также должности постоянных работников, сгруппированных по трем основным направлениям. Учебно-строевой частью руководил начальник, по своему статусу являвшийся помощником начальника школы. В его подчинении находились комбат, заведовавший милицейским строевым обучением и являвшийся командиром первой учебной роты, а также его помощник — командир второй роты.

На проходившем 26—30 апреля 1929 г. совещании начальников милицейских школ было принято принципиальное решение каждую школу НКВД в строевом отношении преобразовать в роту и упразднить должность комбата, заменив его тремя командирами взводов⁵.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 54. — Л. 14.

² Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С.162.

³ Там же. — С.173.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 48. — Л. 131.

⁵ Постников В. Итоги совещания начальников школ НКВД // Административный вестник. — 1929. — № 6-7. — С. 30.

Основной проблемой, которая достаточно остро стояла перед организационно-строевым построением образовательных организаций являлось то, что школа, рассматривавшаяся в качестве батальона, возглавляемого двумя командирами из постоянного состава, совсем не имела младшего командного состава. Назначение на должности командиров взводов и отделений курсантов на протяжении всего длительного времени показало свою неэффективность из-за того, что «отделкомы и комвзводы, выделенные из числа курсантов, были настолько перегружены воспитательной работой и военным обучением, что отставали в учебном отношении». В то же время участники совещания отдавали себе отчет в серьезных финансовых затруднениях в связи с введением трех новых должностей¹.

Основная масса штатных должностей была сосредоточена в административно-хозяйственной части, в которую входили заведующий, счетовод, делопроизводитель, машинопереписчица, каптенармус (кассир), повар, помощник повара, уборщица помещений, повозочный и дворник. Штатное расписание предусматривало также «приемный покой» с врачом.

Штат переменного состава школ устанавливался по-прежнему ежегодно. Так, приказом по НКВД СССР от 16 июня 1928 г. № 88 на 1928/29 учебный год для 6-й школы он составил 165 человек (табл. 29)². Больше количество курсантов было только в 3-й Новочеркасской школе административно-милицейских работников НКВД³. С 1928/29 учебного года в составе первого курса 6-й Воронежской школы были милицейское и розыскное отделение, на втором курсе — только милицейское отделение.

Должностные оклады по штатному расписанию для школ утверждались Постановлением Наркомтруда РСФСР от 2 февраля 1928 г. Примечательно, что месячный оклад начальника 6-й школы превосходил руководителей других образовательных организаций на 16 рублей⁴. Зарплата остальных должностных лиц не отличалась размерами от денежного содержания коллег в других милицейских школах (табл. 30).

¹ Там же.

² Бюллетень НКВД. — 1929. — № 22. — 7 июля. — С. 442.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 5. — Л. 78.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 48. — Л. 120.

Штаты переменного состава школ административно-милицейских работников НКВД СССР на 1928/29 учебный год¹

Школа	Количество курсантов
1-я Ленинградская школа административно-милицейских работников	165
2-я Омская школа административно-милицейских работников	150
3-я Новочеркасская школа административно-милицейских работников	190
4-я Свердловская школа административно-милицейских работников	165
5-я Саратовская школа административно-милицейских работников	150
6-я Воронежская школа административно-милицейских работников	165
7-я Новосибирская школа административно-милицейских работников	146
Всего	1131

Таблица 30

Штатное расписание для 6-й Воронежской школы младшего начсостава НКВД СССР на 1928 г.²

Наименование штатных должностей	Количество единиц	Месячная ставка заработной платы	Всего за год
Начальник школы	1	198	2376
Помощник начальника школы (начальник учебно-строевой части)	1	140	1680
Заведующий милицейско-строевым обучением (комбат, командир 1-й роты)	1	110	1320
Помощник заведующего милицейско-строевым обучением (командир 2-й роты)	1	90	1080
Счетовод	1	60	720
Делопроизводитель	1	55	6600
Машинопереписчица	1	45	540
Каптенармус (кассир)	1	45	540
Повар	1	40	480
Помощник повара	1	35	420
Уборщица помещений	2X30	60	720
Повозочный	1	30	360

¹ Там же.² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 48. — Л.131.

Дворник	1	30	360
Врач	1	90	1080
Итого	15	1138	13656

Основными тенденциями в развитии правового регулирования штатов и структуры милицейских школ стала, с одной стороны, их еще большая унификация, с другой стороны, появление новых должностей, как правило, по причине дифференциации функций прежних штатных единиц. В 1929 г. унифицированная шкала штатов стала фактом, для постоянного состава школ были установлены единообразные ставки зарплаты по 3 территориальным поясам. С реформированием школ в строевом отношении из батальонов в роты были введены две постоянные должности командиров взводов и должность библиотекаря¹.

Приказом ГУ РКМ от 19 августа 1930 г. было утверждено новое Положение о школах НКВД². В школах сохранялась воинская дисциплина и единоначалие. В то же время продолжали работать коллегиальные органы. К ним относился школьный совет при начальнике, собиравшийся не менее трех раз в год для обсуждения важнейших учебно-производственных и финансовых вопросов и включавший в себя весь постоянный состав и представителей (по одному от отделения) от курсантов. Учебно-методические вопросы входили в компетенцию трех циклических комиссий (общеобразовательной, военной и специальной), которые должны были собираться не реже одного раза в месяц. Комиссию составляли преподаватели данного цикла при участии представителей от курсантских отделений. Для оптимизации учебного процесса по отдельным дисциплинам в рамках циклических комиссий могли создаваться соответствующие подкомиссии.

Итоги эволюции структуры милицейских школ в первой половине 30-х гг. XX в. были закреплены в ряде ведомственных актов, сохранивших свою актуальность вплоть до 1941 г.

Приказом ГУ РКМ от 13 сентября 1934 г. № 28 с 1 октября 1934 г. были установлены штаты и оклады постоянного содержания школ среднего начсостава РКМ³. В сравнении с организационно-

¹ Новые штаты в школах НКВД // Административный вестник. — 1929. — № 12. — С. 54.

² Бюллетень НКВД. — 1930. — № 27. — С. 564.

³ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп.1. — Д. 11. — Л. 39.

штатным расписанием в момент формирования школ административно-милицейских работников НКВД в 1928 г. значительно выросло количество штатных единиц — с 15 до 46. Существенно дифференцировались функции по финансовой и медицинской частям, части материального обеспечения. Более четкое нормативное закрепление получили должности инструктора по физической подготовке, начальника клуба, киномеханика, фотографа и т.д. В перечень должностей постоянного состава школ были включены преподаватели (табл. 31).

Таблица 31

Перечень окладов содержания постоянного состава школ среднего начсостава РКМ, согласно приказу ГУ РКМ от 13 сентября № 28¹

Наименование должности	Оклад	Наименование должности	Оклад
Начальник школы	285	Начальник клуба	165
Помощник начальника школы	260	Повар	165
Начальник учебно-строевой части	260	Заведующий столовой	165
Секретарь партийного комитета	260	Заведующий библиотекой	165
Начальник санитарной части	300	Казначей ²	160
Врач	280	Старший музыкальной команды	150
Начальник финансовой части	250	Киномеханик	150
Помощник начальника учебно-строевой части	240 ³	Оружейный мастер	150
Бухгалтер 1 разряда	225	Фотограф	150
Начальник части материального обеспечения	225	Счетовод	150
Преподаватели	225	Библиотекарь	150
Командир дивизиона	225	Лекпом	140
Начальник музыкальной команды	225	Зав. делопроизводством	135
Капельмейстер	225	Пом. повара	135
Зав. лабораторией	225	Каптенармус	135
Бухгалтер 2 разряда	210	Машинистка	135

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 40.

² 50% за выгрузку.

³ Где нет начальника финчасти.

Командир взвода	180	Делопроизводитель-машинистка	130
Инструктор физподготовки	180	Шофер ²	130
Начальник боепитания	180	Делопроизводитель	115
Секретарь школы	180	Музыканты	105
Начальник военного довольствия	180	Санитар	93
Секретарь учебно-строевой части	165	Конюх, истопник, дворник	80
Комендант	165	Остальной обслуживающий персонал	73

Для отдаленных местностей ставки окладов содержания увеличивались на 10 рублей. Согласно приказу ГУ РКМ от 28 мая 1934 г. для всех должностей была введена «июньская надбавка».

Что касается курсантов, то порядок выплаты их зарплаты в период обучения определялся серией ведомственных актов начала 30-х гг. XX в., в том числе и приказом ГУ РКМ от 23 июня 1933 г. № 18, который требовал «строго соблюдать порядок оплаты переменного состава средних школ и курсов, не допуская никакого отступления от требований приказа ОГПУ от 14 августа 1932 г. № 777 и приказа ГУ РКМ 1932 г. № 27». Согласно установленным с 1932 г. данными нормативными правовыми актами правилам «переменный состав этих школ, курсов удовлетворяется зарплатой за счет того органа РКМ, который командировал курсанта в школу или на курсы»¹.

К середине 30-х гг. в руководстве РКМ, как в центре, так и в регионах, утвердилось понимание исключительной важности профессиональной подготовки кадров. В приказе УРКМ УНКВД по Воронежской области № 548/с от 28 июля 1935 г. устанавливалось первоочередное продвижение на более высокие должности начсостава «исключительно из окончивших высшую, старшую и среднюю школу РКМ». Для этого предполагалось строгое ведение учета всех выпускников школ, а также решительная борьба с «игнорированием работников милиции, окончивших специальные школы милиции», создание для этой категории лучших бытовых и культурных условий»². Такая постановка вопроса потребовала осуществления дальнейших мероприятий по совершенствованию школьного дела в РКМ.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 26.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 69. — Л. 244 об.

К весне 1936 г. в 17-й Воронежской школе среднего начсостава РКМ состояло 178 курсантов, 103 из которых в апреле 1936 г. должны были окончить обучение, а 75 — перевестись в начале августа на второй курс. Согласно утвержденным штатам, на первый курс к 20 августа 1936 г. набиралось 75 курсантов из Воронежской (45) и Курской (30) областей. Сокращение количества поступавших объяснялось недостаточной вместимостью общежития и аудиторного фонда. По количеству курсантов Воронежская школа РКМ сравнивалась с Горьковской, Полтавской и Тифлисской школами, существенно уступая образовательным организациям в Новочеркасске, Саратове, Куйбышеве и Смоленске (табл. 32).

Таблица 32

Динамика контингента обучающихся в школах старшего и среднего начсостава РКМ НКВД в 1936 г. в связи с переходом на двухлетний цикл обучения

Наименование школы	Количество курсантов		Фактическая вместимость школы	Набор 1936 г.	Комплектуемые субъекты/ количество обучающихся
	по плану	фактически			
Школы старшего начсостава					
Московская	200	-	160	80	Москва — 80
Тифлисская	200	157	200	100	Грузия — 50 Армения — 20 Азербайджан — 30
Ташкентская	100	102	100	50	Узбекистан — 20 Туркмения — 15 Таджикистан — 15
Ленинградская	450	419	450	225	
Киевская	300	239	250	125	Украина по своей разверстке
Школы среднего начсостава					
Новочеркасская	220		250	125	АЧК — 75 СКК — 30 Крым — 20
Воронежская	200	178	150	75	Воронеж — 45 Курск — 30
Горьковская	150	126	150	75	Горький — 45 Киров — 30
Минская	200	104	100	50	БССР — 50
Саратовская	300	181	250	125	Саратов — 65 Сталинград — 60

Харьковская	200	199	200	100	УССР по своей разверстке
Одесская	200	194	200	100	УССР по своей разверстке
Полтавская	200	148	150	75	УССР по своей разверстке
Куйбышевская	300	195	250	125	Вост. Сибирь — 35 Красноярск — 25 Куйбышев — 40 Оренбург — 25
Ленинградская	200	188	200	100	Ленинград — 75 Северный край — 25
Смоленская	250	206	250	125	Западная обл. — 50 ИПО — 50 Калининская обл. — 25
Омская	200	160	200	100	Омская обл. — 25 ЗСК — 35 ДВК — 40
Тифлисская	150	112	150	75	Грузия — 30 Армения — 20 Азербайджан — 25
Свердловская	300	200	200	100	Свердловск — 30 Челябинск — 25 Башкирия — 20 Татарстан — 25
Московская	150	-	200	100	Москва — 75 Московская область — 25
Алма-Атинская	180	147	180	90	Казахская АССР — 90
Итого	4650	3256	4240	2120	

К 1 сентября 1936 г. 17-я Воронежская школа РКМ была переведена на двухлетнее обучение.

Перестройка структуры обучения в школах старшего и среднего начсостава неизбежно повлекла за собой изменения в нормативном обеспечении организационных аспектов функционирования милицеских образовательных организаций в сторону еще большей его унификации.

Приказом № 036 были утверждены Положение о школах подготовки и переподготовки старшего начсостава РК милиции и Положение о школах подготовки среднего начсостава РК милиции¹.

Школы подготовки среднего начсостава РК милиции состояли в ведении ГУ РКМ НКВД СССР и непосредственно подчинялись начальникам УРКМ УНКВД краев и областей, на территории которых они были расположены.

Двухгодичный срок обучения предусматривал 22 месяца и 20 учебных дней, отводимых на теоретические занятия, лагерные сборы и практическую работу в органах РКМ, а также 1 месяц и 10 дней — на каникулы и отпуск.

Начальник школы назначался наркомом внутренних дел СССР по представлению начальника ГУ РКМ НКВД СССР по области. Он нес ответственность за всю работу и состояние школы, а также являлся распорядителем кредитов, ассигнуемых на содержание школы. Неизменным оставался принцип единоначалия.

За весь период, последовавший за преобразованием 3-й Воронежской школы младшего начсостава в 6-ю Воронежскую школу административно-милицейских работников НКВД, в ней сменилось четыре начальника. Главной причиной смены руководства 6-й Воронежской школы административных работников НКВД СССР, по-видимому, стало слабое здоровье В. Г. Косарева, который неоднократно был вынужден корректировать свою службу в милиции в зависимости от физического состояния². Через год, уже после смены названия школы В. Г. Косарев был вынужден оставить свой пост. На смену ему 19 марта 1929 г. пришел Дмитрий Иванович Понятовский³, по косвенным данным, до революции являвшийся офицером царской армии. Коллегам и курсантам он запомнился как чрезвычайно требовательный руководитель, «предъявлять к личному составу строгость» которого «обязывала непростая обстановка в стране, губернии: образование ЦЧО, проведение коллективизации, создание колхозов»⁴. Один из курсантов, И. К. Столбинухин вспоминал о нем: «Начальник школы Понятовский

¹ Гольдман В. С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР. — С. 80—98.

² ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2 доп. — Д. 11. — Л.19; ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 53. — Л.106.

³ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 18. — С. 348.

⁴ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С.160.

в петлицах носил ромб. Видный был человек»¹. Руководить 6-й школой РКМ Д. И. Понятовскому довелось недолго. По некоторым данным, он в 1932 году был переведен в г. Ростов-на-Дону, где, вероятно, был репрессирован². К сожалению, другой информации о нем найти пока не удалось.

Новым начальником школы, согласно приказу № 77 от 19 апреля 1932 г.³, стал Трофим Тихонович Седых, участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, дослужившийся до первого офицерского звания⁴. В дни Октябрьской революции он находился в эпицентре событий, командовал батальоном восставших солдат в боях за Гатчину и Пулково. Т. Т. Седых в качестве добровольца принимал активное участие в сражениях гражданской войны против войск Краснова и Махно, был начальником боеучастка по борьбе с бандитизмом в Острогожском, Павловском и Валуйском уездах. С 1922 г. он бессменно находился на административных должностях начальника Новохоперского, Воронежского, Острогожского уездных административных отделов, начальника подотдела воронежской губернской милиции, начальника воронежской городской милиции и т.д. Непосредственно перед назначением начальником Воронежской школы с августа 1930 г. Седых занимал должности вначале начальника Орловской школы РКМ, затем — начальника Управления РКМ г. Орла.

Отличительной особенностью стиля руководства Т. Т. Седых было исключительное внимание к военному делу, строевой, физической, стрелково-тактической подготовке. Он стал одним из инициаторов организации совместно с другими милицейскими подразделениями в летнее время двух-трехмесячных учебно-лагерных сборов. Спустя полтора года после назначения Седых на должность начальника 6-й школы РКМ он получил весьма показательную партийную характеристику: «Тов. Седых обладает административными и организаторскими способностями. Обладает способностью внедрять дисциплину и порядок в

¹ Там же. — С.162.

² Информационный центр Главного управления МВД России по Ростовской области обнародовал списки репрессированных, в которых значится Дмитрий Иванович Понятовский (Жертвы политического террора в СССР) [Электронный ресурс]. — URL: <http://lists.memo.ru/d27/f34.htm> (дата обращения: 24.10.2017).

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф.1. — Арх. № 30. — Л.102.

⁴ ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 3438. — Л. 2—3.

школе. Дисциплинирован и энергичен. Бывает вспыльчив, что объясняется расшатанной нервной системой. Несколько недостаточно внимания уделяет учебной, методической работе. Инициативу и энергию проявляет недостаточно. Авторитетом пользуется»¹.

Склонность к военизации образовательной организации, видимо, сопровождалась у Т. Т. Седых недостаточным вниманием к учебному процессу, что было отмечено в документах одной из очередных аттестаций, в которой указывалось, что он «отстает от повышенных требований в подготовке курсантов»². В немалой степени отрицательную роль в служебной репутации Т. Т. Седых сыграл в 1934 г. инцидент с «троцкистскими плакатами» историка Трофимова, о котором речь пойдет ниже. В 1936 г., уже занимая совершенно другую должность в воронежской милиции, он был вынужден оправдываться на одном из закрытых партсобраний УРКМ за то, что не разоблачил работавшего в школе педагогом «троцкистского последыша»³. Помимо этого, Т. Т. Седых неоднократно припоминали его «кулацкое» происхождение и «чрезмерную грубость» в отношении подчиненных, конфликты с политработниками. В итоге это обусловило его снятие с должности руководителя образовательной организации воронежских милиционеров на основании приказа начальника УНКВД по Воронежской области от 16 декабря 1935 г. № 50 «в связи с отсутствием у него соответствующей методической подготовки и в связи со слабым здоровьем».

Исполняющим обязанности начальника, а потом и начальником 6-й Воронежской школы среднего начсостава РКМ был назначен помощник начальника школы по политической части В. П. Пономарев⁴, проработавший в этой должности около двух лет. В русле политики развития партийной критики и самокритики «моральный облик» В. П. Пономарева, как и других видных руководителей воронежской милиции, уже после увольнения из школы стал предметом тщательного разбирательства со стороны специально созданной комиссии⁵.

В августе 1937 г. командовать школой был назначен начальник ее учебно-строевой части Василий Владимирович Федюков, которому

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 40705.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 40705.

³ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 54.

⁴ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 73. — Л. 52.

⁵ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 46. — Л. 117—118.

суждено было руководить Воронежской школой РКМ вплоть до ее расформирования в 1942 г. Примечательно, что В. В. Федюков сам в 1931 г. являлся выпускником Воронежской школы. До этого он служил старшим милиционером и участковым инспектором Ленинского и Ливенского районных административных отделов Орловской области. После досрочной аттестации как отличника учебы В. В. Федюкова назначили начальником милиции в Канышевский район ЦЧО. В 1933 г. Т. Т. Седых пригласил бывшего выпускника на должность преподавателя уголовного процесса. Одновременно В. В. Федюков поступил на заочное отделение Московской центральной школы РКМ, которую через три года закончил практически без троек. На основании приказа ГУ РКМ от 29 июня 1934 г. № 74 он был вновь направлен в Воронежскую область, работал начальником Лискинского районного отделения милиции. В феврале 1935 г. В. В. Федюков был назначен на должность начальника учебно-строевой части Воронежской школы среднего начсостава РКМ. Стремление к постоянному повышению своего образовательного уровня являлось отличительной чертой В. В. Федюкова. Так, в частности, он закончил в Воронеже вечерний коммунистический вуз, в 1939 г. стал студентом-заочником Московского юридического института.

На должности начальника учебно-строевой части, а впоследствии руководителя образовательной организации В. В. Федюкову удалось вывести учебно-методический процесс и внутреннюю служебную дисциплину в школе на качественно новый уровень. Выросло количество партийных работников школы. Была проведена «чистка» преподавательского состава. Это позволило сформировать работоспособное ядро педагогического коллектива. Существенно улучшилось комплектование библиотеки школы учебниками, учебными пособиями, нормативной и художественной литературой. Улучшилась дисциплина: к примеру, в первом полугодии 1938 г. курсантами и работниками было допущено всего лишь 4 нарушения.

Деятельность начальника школы неоднократно отмечалась руководством воронежской милиции. В наградном листе, подписанном начальником УРКМ УНКВД по Воронежской области майором милиции Чарским, у В. В. Федюкова отмечались «большие способности организаторского, методического и учебного характера, в результате чего школа изменила свое состояние»¹.

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 25865.

После перевода в 1936 г. на двухлетнее обучение в структуре школы РКМ выделялись учебно-строевая, политическая, финансовая, санитарная части, часть материального обеспечения и канцелярия школы.

Заместителем начальника школы по должности являлся назначаемый приказом по НКВД СССР начальник учебно-строевой части.

В учебной области на него возлагались:

- проведение в жизнь учебных планов, программного материала и планирование учебного процесса;
- организация и проведение систематического контроля за содержанием и качеством преподавания;
- руководство деятельностью предметных комиссий;
- подбор преподавателей, а также организация специальной помощи малоуспевающим и отстающим в учебе;
- своевременное снабжение преподавателей и курсантов учебной и учебно-методической литературой, а также организация библиотеки и учебных кабинетов;
- организация и проведение приемных, зачетных и выпускных испытаний, практической работы и контроль за их проведением;
- организация и проведение командирской учебы постоянного состава школы.

Руководство строевой частью предусматривало ряд важных функций:

- руководство строевой и стрелковой подготовкой курсантов;
- детальная проработка каждого отдельного тактического выхода, увязка всех военных предметов с оперативными задачами РКМ;
- организация и проведение физической и спортивной подготовки;
- изучение индивидуальных психологических особенностей курсантов;
- поддержание в школе образцовой дисциплины и наблюдение за исполнением правил внутреннего распорядка;
- руководство дисциплинарной практикой подчиненного ему комсостава.

По сути, начальник учебно-строевой части являлся фактическим руководителем самых важных сфер жизни школы. Не случайно, что эта должность могла, как в случае с В. В. Федюковым, стать своеобразным «карьерным трамплином» для занятия в будущем поста начальника

школы. Бывший начальник учебно-строевой части 6-й Воронежской школы РКМ Г. А. Олех-Райн (Олех-Райн? — Авт.) 9 июля 1930 г. возглавил 3-ю Новочеркасскую школу административно-милицейских работников НКВД¹. Руководство учебным процессом требовало солидного опыта, не только добротного запаса теоретических знаний, но и значительной практической компетентности, хорошей осведомленности в особенностях функционирования милиции, специфике реализации ею оперативно-служебных задач. Поэтому на эту должность назначались люди, обладавшие высоким уровнем подготовки. Так, к примеру, приказом начальника ГУ РКМ при СНК РСФСР от 5 июля 1931 г. № 37 начальником учебно-строевой части 6-й Воронежской школы ГУ РКМ был утвержден С. В. Успенский², успевший потрудиться и в практических подразделениях милиции, и в одной из первых в Воронеже милицейских образовательных организаций. При В. В. Федюкове эта должность была разделена.

Начальником учебной части в сентябре 1937 г. был назначен Анатолий Васильевич Кирякин, начальником строевой части с марта 1938 г. стал Константин Федорович Павлов. Жизненный путь А. В. Кирякина — типичный для первого поколения советских молодых людей. Выходец из бедной крестьянской семьи, он получил отличное образование: в 1930 г. закончил педагогический техникум, а в 1933 г. — Воронежский пединститут. С самого начала своей карьеры Кирякин активно участвовал в общественной жизни. В техникуме являлся секретарем комсомольской ячейки, избирался депутатом Моршанского городского Совета Тамбовской области, в вузе руководил кружком текущей политики в общежитии рабочих и т.д. Примечательно, что в 1930 г. А. В. Кирякин руководил бригадой по проведению коллективизации сельского хозяйства. Студентом он начал заниматься педагогической деятельностью. После мобилизации в 1932 г. в милицию он, будучи инспектором политотдела УРКМ, работал приватным преподавателем в школе милиции. В апреле 1934 г. А. В. Кирякин был назначен уже штатным преподавателем социально-экономических дисциплин. Служебные характери-

¹ Тархов Н., Сподобаев В., Авдиенко Г. Кузница милицейских кадров. — Ростов-на-Дону, 1973. — С. 61.

² ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 91.

стики особо отмечали исключительную политическую сознательность и инициативность комсомольца Кирякина. Он неоднократно избирался на районные, городские и областные конференции ВЛКСМ, организовал в школе милиции к XVIII съезду ВКП (б) комнату-читальню. А. В. Кирякин руководил учебной частью Воронежской школы милиции вплоть до очередной реорганизации. Приказом УНКВД по Воронежской области от 3 августа 1939 г. была вновь воссоздана должность начальника учебно-строевой части. А. В. Кирякин возглавил вновь образованный учебный отдел¹.

Несколько иначе складывалась до прихода в школу судьба К. Ф. Павлова — участника гражданской войны, выпускника Воронежской и Владикавказской пехотных школ комсостава, кадрового военного, дослужившегося до командира роты. В июле 1933 г. он был назначен преподавателем военных дисциплин, с ноября 1934 г. — командиром дивизиона Воронежской школы РКМ. Должность начальника строевой части, а затем учебно-строевой части он занимал до декабря 1940 г., затем после непродолжительной работы старшим инспектором кадров был мобилизован в октябре 1941 г. на фронт. После ранения в марте 1942 г. К. Ф. Павлов был назначен начальником учебной части Саратовского пехотного училища. По окончании войны он до 1952 г. руководил служебно-боевой подготовкой воронежской милиции. На всех должностях К. Ф. Павлов получал неизменно от руководства положительные характеристики, однако в качестве главных его недостатков неоднократно отмечались слабая требовательность к подчиненным и нерешительность².

Назначение В. В. Федюкова, А. В. Кирякина и К. Ф. Павлова продемонстрировало новую тенденцию в формировании руководства школой. Карьера всех троих была довольно длительное время связана с этой образовательной организацией. Впервые явно ощущалась преемственность в кадровом обеспечении Воронежской школы милиции.

Структурными подразделениями школы, смыслом существования которых было обеспечение непрерывного совершенствования учебного процесса, являлись предметно-методические секции. К их

¹ ГАОПИ ВО. — Ф. 15. — Оп. 2. — Д. 1043. — Л. 2—3 об.

² АИЦГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30853.

основным задачам относилось наблюдение за прохождением учебных программ, учет успеваемости курсантов, подбор учебников, проработка вопросов методики преподавания, руководство работой лабораторий и др.

Основными обязанностями предметно-методических секций являлись:

- разработка и представление к началу учебного года календарного плана распределения предметов;
- наблюдение за обеспечением необходимыми учебниками, литературой и наглядными пособиями;
- разработка диаграмм, картограмм и иного иллюстративного материала по предметам;
- наблюдение за своевременным пополнением кабинетов и лабораторий школы всеми необходимыми пособиями и приборами;
- организация и проведение лекций, экскурсий, показательных уроков по соответствующим дисциплинам, а также практических работ.

Заседания предметно-методических комиссий проводились не реже 1 раза в месяц. В состав комиссий входили преподаватели соответствующих дисциплин и представители учебных групп.

Руководство комиссиями осуществляли назначаемые начальником школы «из числа наиболее квалифицированных преподавателей» председатели, которые утверждались ГУ РКМ НКВД СССР по соответствующему региону. Так, в Воронежской школе с 1936 г. председателем секции по общеобразовательным дисциплинам неизменно являлась А. С. Федотова. Обязанности председателей предметных комиссий по уголовно-розыскной работе и охране общественного порядка возлагались на начальников соответствующих отделов УРКМ УНКВД областей, краев и республик. Председатели предметных комиссий подчинялись непосредственно начальнику учебно-строевой части. В числе ключевых обязанностей руководителей комиссий были организация и руководство всей работой комиссии, регулярное (не менее 3 раз в месяц) посещение классных занятий для контроля за качеством преподавания и оказания помощи преподавателям, организация обмена передовым опытом работы преподавателей, консультации, наблюдение за методикой преподавания, регулярное ознакомление преподавателей с директивными материалами и руководство стажировкой штатных преподавателей. Особое

внимание председатели предметных комиссий должны были обращать на соответствие содержания преподаваемых дисциплин текущим директивам партии, правительства и НКВД СССР.

На назначаемого начальником школы по согласованию с начальником УРКМ УНКВД и утверждаемого ГУ РКМ НКВД СССР командира дивизиона возлагались обязанности по осуществлению боевой и огневой подготовки курсантов, а также выработки у них строевой выправки; контроль за чистотой и опрятностью курсантов, за соблюдением правил ношения формы; изучение морально-волевых качеств, командирских навыков, а также мониторинг академической успеваемости всех курсантов; общее руководство работой среднего и младшего командного состава; наблюдение за неуклонным исполнением в дивизионе правил внутреннего распорядка, за содержанием, сохранением и сбережением оружия. К сожалению, сохранилось ничтожно мало точных данных о командирах дивизиона Воронежской школы РКМ. Одним из последних перед войной на эту должность с согласия ГУ РКМ НКВД СССР приказом УНКВД по Воронежской области от 15 января 1940 г. № 20 был назначен сержант милиции И. С. Замятин¹.

В непосредственном подчинении командира дивизиона находились курсовые командиры. Они назначались начальником школы и в своей деятельности руководствовались дисциплинарными правами, предусмотренными уставом внутренней службы РКМ для командиров взводов. В соответствии с приказом НКВД СССР от 8 августа 1939 г. № 00915 курсовые командиры стали именоваться командирами взводов. По приказу УНКВД по Воронежской области от 3 августа 1939 г. № 494 в 17-й школе РКМ было введено три должности комвзводов².

Из числа лучших курсантов начальником школы назначались командиры отделений.

Одной из важнейших составляющих профессиональной подготовки не только курсантов, но и постоянного состава школы с начала 30-х гг. являлась политическая учеба. Циркуляром ГУ РКМ от 9 октября 1932 г. во всех подразделениях милиции, в том числе и в обра-

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 164. — Л. 25.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 187.

зовательных организациях милиции, вводились обязательные политзанятия с рядовым и младшим начсоставом, а для среднего, старшего и высшего начальствующего состава организовывалась марксистско-ленинская учеба¹.

Уровень политической грамотности стал одним из критериев профессиональной пригодности личного состава милиции. Наиболее подготовленными являлись, безусловно, члены партии и комсомольцы. Именно из их числа в 1935 г. в воронежской милиции планировалось создавать «резерв кандидатов на пополнение высшей, старшей и средней школ РК милиции»².

В милицеских образовательных организациях в 30-е гг. помимо традиционной задачи формирования политически грамотного и идеологически выдержанного милиционера серьезное значение имел воспитательный сегмент политподготовки. В этой связи серьезными полномочиями обладал помощник начальника школы по политической части, который назначался приказом НКВД СССР по представлению ГУ РКМ НКВД СССР и непосредственно подчинялся начальнику школы. В его обязанности входило:

- руководство всей партийной, комсомольской, профсоюзной работой, организация политического и общего воспитания курсантов;
- политическое обеспечение мероприятий командования по проведению учебных планов и боевой подготовки курсантов;
- учет и изучение партийно-комсомольского состава школы;
- организация и развертывание в учебе социалистического соревнования и ударничества;
- организация и руководство политической подготовкой обслуживающего состава школы;
- организация и проведение политических кампаний и культурно-массовой работы в клубе, ленинских уголках;
- обеспечение политической и культурно-массовой работой семей сотрудников школы;
- руководство работой школьной печати.

Руководство политчастью Воронежской школы РКМ в 30-е гг. XX в. осуществляли как сотрудники милиции со значительным партийным стажем, так и относительно недавно вступившие в ряды

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 2. — Л. 248—249.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 69. — Л. 244.

ВКП(б), однако приобретшие солидный запас политических знаний, зарекомендовавшие себя с положительной стороны в практической работе и политической пропаганде и агитации. Так, к примеру, допущенный в июле 1931 г. приказом № 37 по ГУ РКМ при СНК РСФСР¹ к исполнению обязанностей помощника начальника 6-й Воронежской школы ГУ РКМ по политической части Михаил Людвигович Верстаков² к этому времени в партии состоял уже более тринадцати лет³. Андрей Иванович Ковалев вступил в партию только в 1927 г., однако к моменту занятия должности начальника политчасти уже успел окончить советско-партийную школу и коммунистический вуз. Летом 1934 г. он перевелся на ту же должность на милицейские курсы в г. Россошь⁴. В руководстве политчастью школы его сменил Прокофий Федорович Стрижков, имевший большой опыт практической работы агента уголовного розыска, начальника волостной и районной милиции, инспектора политотдела УРКМ УНКВД по Воронежской области.

В 1937—1941 гг. помощником В. В. Федюкова по политчасти был старый партиец Илья Иванович Ильин, выпускник военно-политических курсов и вечернего университета марксизма-ленинизма. В отличие от многих своих коллег И. И. Ильин не прерывал милицейской карьеры во время войны. В 1941—1949 гг. он занимал должности оперуполномоченного, старшего инспектора политотдела Управления милиции, заместителя начальника Павловского райотдела НКВД, заместителя командиров дивизиона службы и опердивизиона милиции. После войны он стал одним из организаторов учебного пункта Управления милиции УНКВД по Воронежской области⁵.

В апреле 1941 г. исполняющим обязанности начальника политчасти Воронежской школы РКМ стал ее выпускник 1937 г. Борис

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 91.

² В конце 1928 г. произошел неприятный инцидент с награждением сотрудников Воронежской школы РКМ. Бывший начальник политчасти 3-й школы М. Л. Верстаков, обиженный тем, что не получил награды к десятилетнему юбилею Октябрьской революции, в письме в отдел милиции НКВД сетовал на то, что «некоторые лица» (начальник школы В. Г. Косарев) были награждены дважды (ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 43. — Л. 75). По всей видимости, именно конфликт с начальником школы привел к увольнению М. Л. Верстакова из школы.

³ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 43. — Л. 75.

⁴ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 40651.

⁵ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 27468.

Петрович Кондаков. До назначения он сразу после окончания школы был избран секретарем партбюро¹. Последним начальником переименованной в политотдел политчасти с декабря 1941 по октябрь 1942 г. была А. С. Федотова².

Помимо собственно занятий по политической подготовке руководство школы заботилось о культурно-нравственном воспитании курсантов. С этой целью в школе всячески поощрялось развитие художественной самодеятельности. В этой связи поистине творческим центром являлся школьный клуб. Одним из руководителей клуба в июне 1935 г. стал выпускник школы 1933 г. Иван Васильевич Митин³. После окончания школы он два года исполнял обязанности командира учебного взвода. И. В. Митин прошел всю войну, после демобилизации вновь вернулся в милицию, проработав в управлении фельдъегерской связи до 1960 г.⁴

До августа 1939 г. должность начальника клуба совмещалась с должностью инструктора партийно-политической работы. После издания приказа УНКВД по Воронежской области от 3 августа 1939 г. № 494 заведующий клубом стал именоваться инструктором политической работы⁵. В школе существовали хоровой, струнный и драматический кружки, результативность деятельности которых была достаточно высокой. Так, музыкальный коллектив, сформировавшийся в рамках струнного кружка, не раз приглашался для выступлений по городскому радио, а участники драмкружка подготовили не один спектакль по произведениям советских писателей⁶.

Совершенствование организационных основ школьного дела в 30-е гг. оказалось немислимо без оптимизации кадрового обеспечения преподавательского персонала. К концу 20-х гг. все преподаватели школ НКВД СССР делились на три категории:

— работавшие по совместительству с основной работой в других учебных заведениях;

— преподававшие только в школах НКВД, как правило, специальные милицейские, уголовно-розыскные предметы;

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 18483.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 28014.

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 69. — Л. 193 об.

⁴ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 33358.

⁵ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 187.

⁶ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 172.

— начсостав, ведущий работу в школах¹.

Наиболее неурегулированным являлся статус третьей категории преподавателей. Апрельское 1929 г. совещание начальников школ милиции признало целесообразным обязать руководителей милицеских образовательных организаций, а также начальников учебно-строевой части, заведующих милицейским обучением (комбатов), заведующих уголовно-розыскным обучением и врача еженедельно вести от 6 до 12 академических часов занятий с оплатой за фактически отработанное время. Помимо этого, на совещании было предложено распространить на преподавателей школ НКВД все права и льготы, включая надбавки за выслугу лет, отпуск и т.д., предоставлявшиеся педроботникам школ Наркомата просвещения².

Утвержденное приказом от 19 августа 1930 г. новое Положение о школах НКВД впервые относительно четко определило положение преподавателя в системе образовательных организаций НКВД. Кандидаты на преподавательские должности должны были иметь высшее или среднее специальное образование, обладать правом преподавания в школах Наркомпроса или в специальных учебных заведениях, а также располагать определенным стажем преподавания соответствующей дисциплины. За подбор преподавателей отвечал начальник учебной части школы. Кандидатуры преподавателей специальных дисциплин подлежали обязательному утверждению со стороны Управления кадров НКВД СССР. С преподавателями заключался согласованный с НКВД и ЦК профсоюзов работников просвещения договор³.

После перевода в 1936 г. школ милиции на двухлетний срок обучения преподаватели назначались начальником школы по согласованию с начальником УРКМ УНКВД по соответствующему региону и утверждались ГУ РКМ НКВД СССР. Лица, ведущие специальные милицейские дисциплины, назначались начальниками УРКМ УНКВД по соответствующему региону и утверждались ГУ РКМ НКВД СССР. К преподаванию в школах допускались руководящие работники милиции и командный состав школы при наличии соответствующей подготовки и квалификации, а

¹ Постников В. Итоги совещания начальников школ НКВД // Административный вестник. — 1929. — № 6-7. — С. 30.

² Там же. — С. 31.

³ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 27. — С. 564—567.

также лица, имевшие достаточную подготовку и опыт преподавания в высших или средних учебных заведениях, подтвержденные соответствующими документами. Преподаватели отвечали за правильное и полное усвоение курсантами материала, предусмотренного программой, за наиболее совершенное его методическое изложение и отражение в преподаваемой дисциплине текущих директив партии, правительства и НКВД СССР. Преподаватели специальных дисциплин с целью совершенствования их практической значимости обязывались регулярно под руководством председателя предметной комиссии знакомиться с работой соответствующих подразделений УРКМ.

В 6-й Воронежской школе на рубеже 1920—1930-х гг., по воспоминаниям выпускников того времени, в качестве преподавателей трудились сотрудники школы Павел Валерианович Рождественский (русский язык и литература), Сергей Вениаминович Успенский (административное право и следствие), частные преподаватели Александр Иванович Глушков (естествознание), Иван Иванович Щемелинов (политическая география) и Петр Иванович Щемелинов (гражданское и трудовое право), работник прокуратуры Дмитрий Дмитриевич Чертков (уголовное право), школьный врач Николай Федорович Шнейдер (судебная медицина). Военному делу курсантов обучали батальонный и ротные командиры¹.

В ноябрьском 1928 г. рапорте руководству рабоче-крестьянской милиции В. Г. Косарев, отмечая «полную и исключительно добросовестную работу преподавателей школы», указывал, что все они в порядке общественной нагрузки «активно участвуют во внеклассной вечерней работе с отстающими курсантами», а Петр Андреевич Григоров безвозмездно издал учебник по естествознанию, «принятый в качестве пособия во всех школах НКВД»².

Сохранились данные и о некоторых преподавателях 1930-х гг., оставивших след в истории Воронежской школы РКМ.

Более десяти лет — с 1931 по 1942 г. — отдала Воронежской школе милиции Александра Степановна Федотова, преподававшая русский язык. В школу она была назначена практически сразу после

¹ Смирных В. М. Люди тревожного времени: очерки истории Воронежской милиции 20—30-х гг. 20 в. — С.163.

² ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 43. — Л. 76.

окончания литературно-лингвистического отделения педагогического факультета Северо-Кавказского госуниверситета. За время, проведенное в школе, она исполняла обязанности секретаря парткома, председателя профкома, помощника начальника учебной части, начальника политчасти. Вела активную общественную работу, организовывала дополнительные занятия с отстающими курсантами. Вся жизнь А. С. Федотовой так или иначе оказалась связанной с ведомственным преподаванием. После расформирования школы с декабря 1942 г. по октябрь 1943 г. она работала заместителем начальника учебно-строевого отдела Свердловской школы милиции. После возвращения в Воронеж занималась воспитательной работой в отделе УМВД по борьбе с детской беспризорностью, вела курсы по подготовке работников «массовых профессий» из контингента заключенных. Только в 1947 г. под ее руководством 1621 человек получили специальности столяров, токарей, валяльщиков, сапожников и т.д. Милицейская служба А. С. Федотовой закончилась в 1953 г.¹

Иван Герасимович Воронков, преподававший «на высоком идейно-теоретическом уровне» историю СССР, прежде чем поступить в 1936 г. в милицию, в 1932 г. окончил Воронежский пединститут и в 1934 г. — аспирантуру. В дальнейшем он работал преподавателем в Воронежской высшей коммунистической сельскохозяйственной академии, а в 1939 г. был назначен заведующим партархивом Воронежской области, сыграв определяющую роль в его эвакуации и организации хранения в годы войны².

Выпускники историко-экономического отделения пединститута Семен Михайлович Трофимов и Евгения Дмитриевна Сергеева соответственно в 1932 и 1933 г. пришли в школу на должности преподавателей обществоведческих дисциплин. При этом оба отличались высокой степенью активности, руководили внеучебной работой курсантов. Первый — кружком текущей политики, вторая — кружком по истории классовой борьбы³. Помимо преподавательской и общественной деятельности С. М. Трофимов с августа 1933

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 28014.

² Война и архив // Воронеж он-лайн [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.voronezh.ru/inform/news/2012/33493608.html> (дата обращения: 12.09.2017).

³ Смирных В. М. Люди тревожного времени: очерки истории Воронежской милиции 20—30-х гг. 20 в. — С. 175—176.

по февраль 1935 г. исполнял обязанности начальника учебно-строительной части¹.

В качестве частных преподавателей специальных дисциплин в школе работали также руководители отдельных структурных подразделений областного Управления РКМ. Так, например, начальник НТО Б. Кольцов преподавал дактилоскопию, начальник ОУР И. Шитиков — уголовное право, начальник ОБХСС П. Краснощеков — БХСС и следствие, заместитель начальника Управления РКМ УНКВД по Воронежской области А. Шунелько — милицеекое дело. На лекции регулярно приглашался начальник командного отдела лейтенант милиции Я. Сквородов². Бывали также случаи, когда штатными преподавателями школы становились курсанты старших курсов. Так, в апреле 1932 г. на должность преподавателя милицееких дисциплин приказом полномочного представителя ОГПУ при ЦЧО № 77 был назначен Владимир Павлович Троценков³.

Руководство воронежской милиции осуществляло контроль за способностью преподавателей осуществлять педагогическую деятельность в 6-й школе РКМ, вплоть до увольнения лиц, не подходящих для образовательного процесса по профессиональным критериям. Так, по результатам аттестации в апреле 1932 г. были уволены штатные преподаватели школы В. Т. Мельников (уголовное и уголовно-процессуальное право) и П. Д. Реснянский (милицеекие дисциплины), «как не отвечающие требованиям занимаемой должности»⁴.

В целом профессиональная подготовка педагогических кадров в милицееких школах становится объектом пристального внимания с начала 1930-х гг. Преподаватели, предназначенные специально для образовательных организаций РКМ, проходили подготовку вначале в Институте административного строительства, затем в Центральной школе милиции. Однако этого было явно недостаточно. Более того, общий уровень образования даже среди руководства школ милиции оставлял желать лучшего. Около 30% руководителей (8 из 27) имели низшее образование, только один человек получил высшее образова-

¹ АИЦГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 40710.

² Смирных В. М. Люди тревожного времени: очерки истории Воронежской милиции 20—30-х гг. 20 в. — С. 176.

³ АИЦГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30. — Л. 102.

⁴ АИЦГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30. — Л. 102 об.

ние, 21 человек (78%) прошли специальную милицейскую подготовку¹. Более половины всех заместителей и помощников начальников школ также не имели специальной подготовки².

Проблему недостаточного профессионального качества педагогического состава пытались решить посредством организации краткосрочных сборов и курсов. Так, на основании приказа ОГПУ от 5 января 1933 г. № 0010 на базе Центральной высшей школы РКМ с 1 февраля были открыты месячные курсы переподготовки штатных преподавателей специальных дисциплин школ среднего начсостава РКМ. 60 слушателей были распределены по двум отделениям — милицейскому и оперативному. По итогам занятий были проведены выпускные испытания и аттестация.

Большое значение для нормативного регулирования статуса преподавателей милицейских школ имел приказ наркома внутренних дел от 21 августа 1938 г. № 500, утвердивший Положение об оплате преподавательского состава учебных заведений НКВД³. Документ распределил учебные заведения НКВД по трем группам в зависимости от уровня, характера и подчиненности конкретной образовательной организации. Двухгодичные школы РКМ были отнесены к первой группе. Согласно Положению к преподавательскому составу относились штатные и private преподаватели. Штатный преподавательский состав включал в себя лиц, занимавших в учебной организации должности, указанные в исчерпывающем списке в ст.16 Положения, — от начальников циклов до преподавателей (табл. 33).

За получаемый оклад постоянного содержания штатный преподавательский состав должен был выполнять определенную годовую норму обязательной нагрузки. У преподавателей школ среднего начсостава РКМ она составляла от 150 (начальники циклов, начальники кафедр кроме общеобразовательных предметов и иностранных языков) до 600 (преподаватели физкультуры и инструкторы автоотделов) часов в год.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 11. — Л. 115.

² ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп. 8. — Д. 58. — Л. 95.

³ Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 21 августа 1938 г. № 500. — М., 1938. — 30 с.

Перечень должностей штатных преподавателей образовательных организаций НКВД на основании ст. 16 Приказа народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 21 августа 1938 г. № 500 с указанием годовой нормы обязательной учебной нагрузки¹

Наименование штатных должностей	Годовая норма обязательной нагрузки (в часах)		
	Группы учебных заведений		
	1	2	3
1. Начальник цикла, начальник кафедры, кроме общеобразовательных предметов и иностранных языков	150	210	–
2. Начальник цикла, начальник кафедры общеобразовательных предметов и иностранных языков	240	240	–
3. Старший руководитель и руководитель дисциплины и старший преподаватель	180	240	240
4. Руководитель дисциплины и старший преподаватель общеобразовательных предметов и иностранных языков	360	360	360
5. Руководитель, преподаватель, кроме общеобразовательных предметов и иностранных языков	320	420	460
6. Командир-руководитель (преподаватель военного цикла), курсовые командиры (преподаватели военных и специальных дисциплин); начальники дежурных караулов в школах и учебных пунктах пожарной охраны	320	420	–
7. Преподаватель общеобразовательных предметов и иностранных языков	480	480	480
8. Преподаватель, он же начальник службы, начальник службы, он же преподаватель	300	300	360
9. Преподаватель физкультуры и инструктор автомобильного отдела	600	600	600

В годовую норму обязательной нагрузки штатного преподавателя засчитывались все виды учебных занятий с курсантами, предусмотренные учебным планом, за исключением видов деятельности, определяемой в рамках его функциональных обязанностей.

Примером может служить участие в отрядных учениях и в маневрах в составе всего учебного заведения или подразделения; участие в разработке программы, учебных планов, заданий и методических указаний, не носящих характера литературного труда; участие в предметных и методических комиссиях-совещаниях, связанных с

¹ Там же. — С. 8.

учебно-методической постановкой дела в учебных заведениях; проверка письменных работ курсантов; ведение научной работы по специальности; оборудование учебных кабинетов и лабораторий лицами, за них отвечающими, и т.д.¹ Таким образом, речь идет об исключительно аудиторной нагрузке. Предельная нагрузка учебных занятий, считая в том числе и обязательную, для штатных преподавателей и командиров-руководителей школ РКМ устанавливалась не более 600 часов в год, штатным преподавателям общеобразовательных предметов, иностранных языков и физкультуры, а также и инструкторам автоотдела — не более 1000 часов в год.

Почасовое вознаграждение штатному преподавательскому составу выплачивалось только после выполнения им всей обязательной годовой нормы нагрузки — за фактически выполненное в месяц количество часов учебных занятий².

Приватный преподавательский состав — лица, приглашавшиеся для преподавательской работы в образовательные организации НКВД из числа сотрудников-военнослужащих НКВД и РККА или граждан, не состоявших на службе в НКВД. Постоянному преподавательскому составу, за исключением штатных преподавателей, разрешалось вести педагогическую деятельность в учебных заведениях НКВД, но не более 150 часов в год. Приватные преподаватели сохраняли свои права в отношении ежегодного оплачиваемого отпуска, а также отпуска по болезни.

Положение достаточно подробно регулировало нормы почасовой оплаты труда как штатных, так и приватных преподавателей в зависимости от категории учебного заведения. При этом оплата зависела от типа преподаваемых предметов. Так, к примеру, штатные профессор и доцент, читающие лекции по специальным и социально-экономическим дисциплинам получали за академический час на пять рублей больше, чем их коллеги, преподававшие общеобразовательные предметы и иностранные языки. Специалисты с высшим образованием, закрепленные за специальными и социально-экономическими дисциплинами, получали по 20 рублей за час, столько же, сколько доцент, читавший лекции по общеобразовательным дисциплинам. Нормы почасовой оплаты для преподавателей школ среднего состава РКМ представлены в таб. 34 и 35³.

¹ Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 21 августа 1938 г. № 500. — М., 1938. — С.14—16.

² Там же. — С.10.

³ Таблицы построены на основании того же Приказа от 21 августа 1938 г. № 500. — М., 1938. — С. 11—12.

Нормы почасовой оплаты труда постоянного преподавательского состава школ среднего начсостава РКМ по специальным социально-экономическим дисциплинам (в рублях за час)

	Специальные и соц.-экономические дисциплины		Общеобраз. предметы и иностранные языки		Специальные и социально-экономические дисциплины		
	Профессор	Доцент	Профессор	Доцент	Специалисты с высшим образованием, не имеющие ученого звания	Не имеющие высшего образования	
						С преподават. стажем свыше 10 лет	Прочие
1. Лекции, проводимые одновременно для всего курса или для всех курсов в целом	30	25	25	20	20	15	10
2. Групповые классные занятия и семинары; учебные занятия в поле и в лаборатории. Руководство и консультации при самостоятельной проработке учебных материалов слушателями-курсантами (кроме вечерней самоподготовки слушателей-курсантов) в поле и лаборатории; приемные, зачетные и выпускные испытания	-	15	-	-	12	10	

Нормы почасовой оплаты труда постоянного преподавательского состава школ среднего начсостава РКМ по общеобразовательным предметам и иностранным языкам (в рублях за час)

	Стаж преподавательской деятельности		
	До 5 лет	От 5 до 10 лет	Свыше 10 лет
1. С высшим образованием:			
а) по иностранным языкам	8	10	12
б) по общеобразовательным предметам	7	9	10
2. Не имеющие законченного высшего образования	6	6,50	7

За опоздание на занятия по вине преподавателя от 3 до 15 минут первый час учебных занятий считался за полчаса; в случае опоздания свыше 15 минут 1 час проведенных учебных занятий не считался вовсе.

Положение 1938 г. подробно регулировало также вопросы определения педагогического стажа, дополнительного вознаграждения за выполнение особых обязанностей, выплат за эпизодические лекции, оплаты участия преподавателей на нештатных курсах (сборах) и на командирской учебе, а также работы на заочных формах обучения.

Особое внимание в документе отводилось вознаграждению за литературные труды. Пособия, издаваемые учебными заведениями НКВД на правах рукописи, подлежали отдельной оплате (табл. 36).

К составлению учебных пособий преподаватель мог приступить лишь после предварительного в каждом отдельном случае письменного разрешения начальника соответствующего главного управления. При этом образовательная организация была обязана заключить договор с авторами учебных пособий, в котором указывалось краткое содержание учебного пособия, примерное количество печатных листов и нормы оплаты за труд. Оплата учебных пособий производилась после окончательного приема данного труда комиссией, назначенной начальником учебного заведения. Комиссия давала заключение по содержанию учебного пособия, соответствию нормы оплаты выполняемой работе, выполнению договора в отношении размера учебного пособия.

Нормы оплаты учебных пособий за один печатный лист
(40 тыс. типографских знаков)¹

Наименование работ	Оплата в руб-лях (от-до)
1. Разработка программ и учебно-методологических указаний по заданиям главных управлений	200-350
2. Разработки, конспекты по чекистским предметам, боевой работе пограничных и внутренних войск и по специально-пожарным дисциплинам и обработки стенограмм лекций, носящие научно-литературный характер и являющиеся ценными в качестве учебных пособий	150-250
3. Учебники и труды (оригинальные), популяризирующие научные знания, в объеме учебного заведения	350-500
4. Учебники и научные работы компилятивного характера и издаваемый рабочий материал	200-350
5. Переводы: а) с европейских языков б) с азиатских языков	100-250 150-275
6. Редактирование и рецензирование рукописи	30-100
7. Корректурa, если она не производится исполнителем труда	25-40

Учет работы преподавательского состава, согласно Положению 1938 г., велся учебной частью (отделом) в учетной карточке, которая заводилась на каждого преподавателя (штатного и приватного), и в книге учета. Сведения о проведении учебной работы заносились в учетную карточку на основании первичных документов: рабочего расписания, расписания консультаций и журнала об успеваемости курсантов².

Совершенствование ведомственного нормативного регулирования положения и функционирования школ РКМ во второй половине 1930-х гг., безусловно, привело к стабилизации постоянного и переменного состава милицейских образовательных организаций. В то же время, анализируя данную проблематику, мы не можем обойти стороной один из серьезнейших деструктивных факторов, сыгравших негативную роль в развитии кадрового обеспечения милицейских образовательных организаций.

¹ См. там же. — С. 22.

² Приказ № 500. — М., 1938. — С. 23.

Ощутимо затронула личный состав как милиции Воронежской области в целом, так и Воронежской школы РКМ в частности кровавая волна массовых репрессий, прокатившаяся по стране в 1930-е гг. Сотрудники милиции оказались захвачены ею двояким образом.

С одной стороны, личный состав УРКМ Воронежской области, включая школу милиции, достаточно активно привлекался к соответствующим репрессиям, начиная с силового обеспечения раскулачивания в районах области. Так, в соответствии с приказом начальника административного отдела ЦЧО «О мероприятиях по проведению раскулачивания» от 31 января 1930 г. № 1 6-я школа НКВД административно-милицейских работников в Воронеже и четыре межокружные школы — в Старом Осколе, Тамбове, Курске и Орле — были немедленно приведены в боевую готовность. В приказе указывалось: «Использование школ как резерва проводить в исключительных случаях и с моего ведома в следующем порядке: шестая школа НКВД предназначается для обслуживания областного масштаба, а межокружные школы обслуживают те округа, за счет которых производится комплектование этих школ»¹. Такие «исключительные случаи» не замедлили произойти уже в том же 1930 г., когда курсанты 6-й школы выезжали в Козловский уезд для подавления «кулацкого бунта»².

Подобная практика была повсеместной³, отрыв курсантов и преподавателей от занятий существенно влиял на качество подготовки. Стремление минимизировать ущерб привело к развертыванию в школах среднего начсостава движения «ударничества», связанного с попытками «ускоренного прохождения учебного плана» за счет личного времени. Зародившись во 2-й Омской школе⁴, оно вскоре развернулось во всей системе, превратившись во второй половине 1930-х гг. в массовое «социалистическое соревнование» в самых разных сферах

¹ ГАВО. — Ф. Р-1988. — Оп. 1. — Д. 135. — Л. 11 об.

² Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 160.

³ Только во 2-й Омской школе было потеряно 12887 учебных человеко-часов. См.: Мордвинов С. Подчиним социалистическим темпам нашу работу // Административный вестник. — 1930. — № 6. — С. 39.

⁴ Николаев П. Ф. Кузница милицейских кадров. — Омск, 1969. — С. 29.

учебы, службы и даже личной жизни¹. Очевидная для любого квалифицированного специалиста затруднительность обеспечения качественной подготовки курсантов «ударным способом» породила приказ ГУ РКМ при ОГПУ от 22 июля 1933 г. № 65, в котором прямо заявлялось о недопустимости использования курсантов школ РК милиции на оперативной работе, связанной с отрывом от учебы без санкции ГУ РКМ. Но остававшаяся в приказе «лазейка», допускавшая «привлечение личного состава школ РК милиции для проведения различных оперативных мероприятий» при невозможности выполнения их местными силами и «только по особому распоряжению»,² фактически сводила запрет на нет. Активное привлечение курсантского состава к соответствующим оперативным мероприятиям продолжилось, в том числе, в 1937 г. во время «прохождения стажировок в УГБ Воронежской области»³.

С другой же стороны, репрессии затронули и сам личный состав воронежской милиции, вплоть до самых высших ее функционеров. В истории воронежской милиции, и в том числе местного сегмента милицейской школьно-курсовой системы, в рассматриваемый временной промежуток очевидно можно выявить две «волны репрессий».

Первая пришлось на начало «чисток» аппарата в 1931 г. и оказалась преимущественно связана с делом «контрреволюционной офицерской монархической организации». В частности, 31 марта 1931 г. по обвинению в причастности к ней был арестован бывший комбат 3-й Воронежской школы младшего начсостава Н. А. Виноградов, а 11 апреля — бывший преподаватель школы Л. Л. Гельднер и командир роты школы В. В. Смелков. Первоначально (8 июля 1931 г.) они были осуждены «к заключению в концлагерь» на сроки 3, 5 и 5 лет соответственно. Позже Л. Л. Гельднер был отправлен в ссылку в г. Сталинск (Новокузнецк) и умер в Сибири в 1943 г., об остальных известно меньше. Все эти сотрудники были реабилитированы Военным трибуналом Воронежского военного округа в 1958 г. «за отсутствием состава преступления»⁴.

¹ См.: Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 229—230; Нижегородский юридический: годы, события, люди / Е. Н. Беляков [и др.]. — Н. Новгород : НЮИ, 1997. — С. 8.

² ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 157.

³ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 170—171.

⁴ См.: Виноградов Николай Александрович, Гельднер Леонид Леонидович, Смелков Вениамин Вениаминович [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.openlist.wiki>. (дата обращения: 12.09.2017).

В свою очередь, вторая «волна» стала нарастать со второй половины 1930-х гг. Так, приказом наркома внутренних дел СССР от 20 июля 1937 г. № 1188 был отстранен от занимаемой должности «как арестованный» начальник Управления НКВД по Воронежской области старший майор госбезопасности А. Б. Розанов¹. Был осужден и расстрелян в октябре 1938 г. один из организаторов милицейского образования в Воронежском регионе Я. Т. Плаксин². В той или иной степени под ударами репрессий оказались, как минимум, четыре начальника Воронежской школы: Т. Т. Седых, Д. И. Понятовский, В. П. Пономарев, В. В. Федюков.

В ходе многочисленных собраний разных уровней шло весьма нелицеприятное обсуждение всех подробностей служебной и личной жизни постоянного и переменного состава, выносились безапелляционные суждения, звучали призывы к расправе. Наиболее характерными основаниями для возбуждения соответствующих дел стали, с одной стороны, принадлежность к «троцкистско-зиновьевской» и прочим разновидностям оппозиции, с другой — обвинения в «несоответствующем социальном происхождении», с третьей — выявлявшиеся связи с «изобличенными врагами народа».

Показательными были имевшие место еще в 1935 г. дела врид. начальника клуба НКВД А. А. Баранникова, начальника учебно-строевой части Воронежской школы С. М. Трофимова и дело 1937 г. работника школы Григорова, откомандированного обкомом ВКП(б) на должность преподавателя школы³.

А. А. Баранникову, назначенному на должность 8 января, было инкриминировано хранение обнаруженных в тот же день в одной из комнат клуба нескольких «фото плакатов членов революционных организаций состава 1917 года, на которых были также портреты тогдашних видных деятелей контрреволюции и активных врагов ВКП(б) и Советской власти: Троцкого, Зиновьева, Каменева и др.»⁴. Удалил их он только после повторного напоминания 25 января, но уже в тот же день был издан приказ УНКВД СССР по Воронежской

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 81. — Л. 21.

² РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 9. — Д. 538; ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 68. — Д. 32.

³ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1 — Д. 51. — Л. 43, 48, 62.

⁴ Обратим внимание на сюрреализм самой обвинительной формулировки.

области № 027/73/с о его аресте на 10 суток и последующем увольнении из органов РКМ¹.

С. М. Трофимов, выпускник историко-экономического отделения педагогического вуза, считался «ударником социалистического труда», но приказом УНКВД от 2 февраля 1935 г. № 93 был уволен из рядов РКМ как исключенный обкомом ВКП(б) из партии «за протаскивание в работу Музея Революции, где он одновременно состоял в должности зам. директора, троцкистско-зиновьевской контрабанды». Еще раньше, 26 января 1935 г., он был исключен из кандидатов в члены ВКП(б)². Впрочем, у этой истории был относительно счастливый конец. С.М. Трофимов подал апелляцию в ЦК ВКП(б) и решением Комиссии партийного контроля 13 апреля 1935 г. был восстановлен в числе кандидатов в партию. Он отделался только выговором «за халатность в работе». В дальнейшем, вплоть до начала войны, он продолжал преподавательскую деятельность³.

Как имевшие «кулацкие корни» были в 1937 г., в частности, сняты с должности секретарь парткома УНКВД Краснощеков и начальник строевого отдела УРКМ УНКВД области О. А. Воронченко, перед арестом покончивший жизнь самоубийством⁴.

Показательным для Воронежской школы стал факт выявления среди курсантов, заканчивавших обучение, «замаскировавшегося кулака» Худотепова⁵. На закрытом гарнизонном партсобрании 1—7 апреля 1937 г. выступал представитель школы Стригин, сообщивший, что работавший в областном управлении РКМ А. В. Скуратов ранее был кулаком, у которого до революции сам Стригин с женой батрачили четыре года⁶.

К делам Григорова, Трофимова и Воронченко неоднократно пытались «привязать» целый ряд представителей высшего руководства Воронежской школы РКМ: сохранившиеся в архивах материалы пар-

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 69. — Л. 20.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 69. — Л. 50.

³ ГАОПИ ВО. — Ф. 17. — Оп. 2. — Д. 150. — Л. 4 — 5 об.

⁴ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 51. — Л. 104—105, 116—122.

⁵ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 48, 55, 58.

⁶ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 49.

тийных собраний тех лет показывают, как зачастую под маской объявлявшихся кампаний «критики и самокритики» происходило элементарное сведение личных счетов¹.

Вместе с тем вряд ли стоит рассматривать всех пострадавших в те годы исключительно как невинных жертв, а сами расследования как сплошное торжество беззакония. В частности, по результатам ревизии за фабрикацию фиктивных счетов, растрату 1400 рублей казенных денег приказом УНКВД СССР по Воронежской области от 16 ноября 1939 г. № 640 был предан суду военного трибунала счетовод курсов сержантов милиции г. Воронежа И. М. Вишневецкий, а «за допущенную бесконтрольность в расходовании государственных денежных средств» начальнику курсов Юдину был объявлен выговор².

Примечателен и приказ НКВД СССР от 5 июля 1937 г. № 269 «О результатах проверки жалобы бывшего помощника по политической части начальника школы пожарной охраны УНКВД по Воронежской области Алипатов и неправильном его увольнении». А. К. Алипатов, столкнувшийся в процессе своей служебной деятельности с «неправильным и нечутким» отношением со стороны руководства, 24 февраля 1937 г. попытался покончить жизнь самоубийством, предварительно послав жалобы в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) и в редакцию газеты «Правда». По результатам расследования за «неправильное разрешение жалоб» и «бездушное отношение» к Алипатову бывшие начальник отдела пожарной охраны УНКВД по Воронежской области (к тому времени начальник ОПО УНКВД по Челябинской области) старший лейтенант госбезопасности Калашников и бывший особоуполномоченный УНКВД по Воронежской области (ставший начальником 5-го отдела того же УНКВД) старший лейтенант ГБ Курьянов были арестованы на 20 суток. «За издевательское отношение» бывшие помощник начальника ОПО по политчасти Примаков и политинспектор ОПО Примаков были привлечены к уголовной ответственности. В свою очередь, перед руководством УНКВД по Воронежской области была поставлена задача оказать А. К. Алипатову «содействие в восстановлении здоровья, обеспечив

¹ См.: ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 51. — Л. 43, 48, 50, 53, 55, 58, 61—62, 67, 104, 105, 116—122, 131—133.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 401.

его санитарно-курортным лечением, по окончании которого предоставить ему соответствующую его здоровью работу»¹.

И все же, несмотря на все эти негативные тенденции, сотрудники воронежской милиции в большинстве своем в реализации функций по обеспечению безопасности граждан были верны основополагающим нормам профессиональной этики и служебному долгу. С тех пор сохранилось немало свидетельств о поистине героических поступках воронежских милиционеров, многие из которых являлись выпускниками Воронежской школы милиции. Отдельные случаи вполне можно охарактеризовать как вошедшие в служебную повседневность подвиги. Так, стажер постоянного представительства ОГПУ А. И. Соколов за 1930—1931 г. принял активное участие в ликвидации трех крупных и нескольких мелких банд, орудовавших на территории ЦЧО. При этом он лично уничтожил в перестрелках двух их главарей (Лобова и Уразова), сыграл решающую роль в аресте более 170 бандитов, изъятии около 20 единиц огнестрельного оружия и награбленных ценностей на 10000 рублей. За исключительные заслуги в борьбе с бандитизмом А. И. Соколов был награжден орденом Красного Знамени².

Личные качества, способность к милицейской профессии и выполнению служебного долга являлись определяющими факторами и при поступлении в школы РКМ. В 1930-е гг. организация комплектования Воронежской школы курсантами подверглась определенным трансформациям. Формировался и отработывался механизм ее реализации, с 1928/29 учебного года «согласуемый, — по мнению представителей отдела подготовки, — с политикой партии в деле подготовки специалистов в вузах и втузах»³.

Нормативную основу для проведения пополнения школы переменным составом формировали соответствующие приказы, издававшиеся высшим органом управления милиции (УРКМ, ГУ РКМ и т.д.). Так, например, начальником милиции Республики 22 мая 1929 г. был издан приказ «О комплектовании школ НКВД административно-милицейских работников в 1929-30 году»⁴. В свою очередь, Приказом

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 79. — Л. 194.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30. — Л. 136.

³ Цветопольский И. Комплектование школ милиции на 1928-1929 учебный год // Административный вестник. — 1928. — № 7. — С. 19.

⁴ В период подчинения школ местным органам управления милицией соответствующие приказы отдавались ими. См., напр.: О выпуске, реорганизации и новом укомплектовании школ РК Милиции ЦЧО : приказ Полномочного Представительства ОГПУ в ЦЧО

ОГПУ от 25 мая 1932 г. № 486/с были фиксированы контингент переменного состава и порядок комплектования, сроки обучения и начало занятий для всех школ¹.

В территориальном плане в течение 1928—1942 гг. разверстки на комплектование по-прежнему носили преимущественно межрегиональный характер, хотя общее количество краев и областей, «обслуживаемых» школой, существенно менялось, от 11 до 2², одним из которых по понятным причинам всегда была Воронежская (Центрально-Черноземная) область. В частности, в мае 1929 г. временно исполняющим должность начальника Центрально-Черноземного областного адмотдела Зилахи была утверждена разверстка мест на укомплектование 6-й школы НКВД административно-милицейских работников в 1929/30 учебном году (табл. 37)³.

Приемные кампании производились соответствующими приемными комиссиями, преимущественно имевшими следующий состав: председатель, назначавшийся приказом из Центра, и члены: начальник школы, начальник учебного отдела (учебной части), начальник политотдела (политчасти) представитель регионального милицейского кадрового аппарата по месту дислоцирования школы. К примеру, на 1940/41 учебный год приемная комиссия была образована в следующем составе: председатель, назначенный ГУ РКМ НКВД СССР; члены комиссии: 1) начальник Воронежской школы РКМ лейтенант милиции Федюков, 2) начальник политотдела школы младший лейтенант милиции Ильин, 3) начальник учебного отдела школы сержант милиции Кирякин; 4) представитель отдела кадров УРКМ УНКВД по Воронежской области лейтенант милиции Редникин⁴.

от 31 июля 1932 г. № 203 // АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л. 45. Но подобная ситуация была предельно кратковременной. Уже 1 августа 1933 г. был издан приказ № 68 о разрешении вопросов штатов и комплектования через Командный отдел ГУ РКМ. См.: ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 166.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3 с. — Д. 3. — Л. 22.

² Нижегородский край в 1930 г., Западная область в 1941 г. См., напр.: ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 56. — Л. 66; Бюллетень НКВД. — 1930. — № 12. — С. 210 и др.

³ Государственный архив Орловской области (ГАОО). — Ф. Р-483. — Оп. 1. — Д. 64. — Л. 100. См. Токарева С. Н. Профессиональная подготовка милиционеров Центрально-Черноземной области // Концепт: научно-методический электронный журнал. — 2016. — Т. 15. — С. 2447—2449.

⁴ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 163. — Л. 55.

Число мест, выделенных по округам ЦЧО на комплектование
6-й школы НКВД административно-милицейских работников
(1929/30 учебный год)

Наименования адм.делов	На младший курс		На старший курс
	милиции	уголовного розыска	
Воронежский	10	4	2
Орловский	10	2	-
Курский	10	2	1
Тамбовский	10	2	1
Белгородский	7	2	1
Львовский	5	2	-
Борисоглебский	5	2	-
Елецкий	5	2	-
Россошанский	3	2	1
Острогожский	3	2	1
Козловский	7	3	1
Итого	75	25	8

Сама процедура приемной кампании становилась все более многоэтапной. Традиционно она состояла из следующих этапов: 1) предварительный отбор кандидатов кадровыми службами управлений РКМ соответствующих регионов; 2) прохождение мандатной и медицинской комиссий в школе; 3) прием вступительных испытаний; 4) зачисление приказом начальника школы. Но в 1930 г. была введена очередная инновация в правила приема: «всех принятых в школы в течение 1 месяца числить прикомандированными к школе и после месячной практической проверки зачислить в списки курсантов»¹. По мнению инициаторов данной новеллы, в этот срок поступающие, которые не желали учиться, должны были проявить себя и быть откомандированы в комплекующие органы.

Наиболее существенно изменялся комплекс требований к абитуриентам, верхняя возрастная рамка которых колебалась от 30 до 40 лет.

Во-первых, по мере роста общего уровня грамотности в стране повысились требования к уровню общеобразовательной подготовки. Если в начале 1920-х гг. речь шла об умении читать, писать и знать

¹ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 12. — С. 209.

4 правила арифметики, то теперь минимальным становился уровень 5-6 классов общеобразовательной школы. От абитуриентов, поступивших на младшие курсы¹, требовалась успешная сдача вступительных испытаний по арифметике, русскому языку, политграмоте по программам, утвержденным надлежащим образом². С учетом наличия у кандидатов на поступление предварительной милицмейской подготовки и стажа службы в РКМ вводились испытания по советскому праву³. Традиционно обязательной считалась сдача испытуемыми военного дела. Практически те же экзамены предусматривались при поступлении на старший курс, только политграмота заменялась обществоведением. Однако, несмотря на очевидное ужесточение образовательного ценза для абитуриентов⁴, «поле для маневра» у школы по-прежнему оставалось. При вынесении итогового вердикта приемные комиссии обязывались учесть не только «наличие формальных знаний, но и степень общего развития» кандидата на поступление, его «культурный уровень, наличие практических навыков в области милицмейской работы и пригодности испытуемых к занятиям в школах»⁵. Согласно циркуляру от 2 апреля 1931 г. к выдвигенцам, рабочим и представителям национальных меньшинств в отношении общеобразовательных предметов должны были предъявляться «пониженные требования»⁶.

¹ В период осуществления школой смешанной подготовки среднего и старшего начсостава.

² Например, приказом начальника ЦАУ от 19 апреля 1927 г.

³ В частности, по программе, утвержденной приказом начальника милиции Республики от 8 апреля 1929 г., абитуриент должен был знать Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. На милицмейское отделение сдавался экзамен по милицмейскому делу в объеме особой программы, в частности утвержденной приказом начальника милиции Республики от 8 апреля 1929 г.; на отделение уголовного розыска — уголовно-розыскное дело по Инструкции о работе органов УГРО (1928 г.). См.: Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 185—186.

⁴ По некоторым данным, со временем, по мере роста общеобразовательного уровня абитуриентов, уменьшалось и количество вступительных испытаний: в начале 1940-х гг. при поступлении в межобластные школы сдавали две дисциплины: родной язык и Конституцию СССР. См.: ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп.12. — Д. 345. — Л. 364; Павлова Я.А. Генезис профессиональной подготовки кадров в образовательных учреждениях милиции в 30-е — 40-е годы XX века // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 3(46). — С. 55—57.

⁵ См.: Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 185—186.

⁶ ГАРФ. — Ф. Р-9415 сч. — Оп. 3 с. — Д. 1. — Л. 89.

Важным компонентом профессиональной пригодности было физическое и психическое здоровье. Поэтому предусматривалась двойная проверка поступавших: врачебными комиссиями при соответствующих региональных комплектовующих органах¹ и медицинскими комиссиями при школах².

Во-вторых, как уже отмечалось, для абитуриентов был установлен обязательный предварительный стаж службы в системе РКМ и уголовного розыска НКВД. На старший курс Воронежской школы принимались лишь работники, имевшие специальное милицееское образование либо профессиональную подготовку, в том числе и в системе служебной подготовки. От них требовалось усвоение в полном объеме программы «инструкторско-повторных занятий». Даже при поступлении на «младший» курс были ощутимо ограничены шансы лиц, не относившихся к системе НКВД. В частности, если до 1928 г. допускался прием на учебу желающих при наличии у них рекомендации парторганизации либо личных поручительств двух членов ВКП(б), то в последующем подобных лиц предписывалось зачислять на учебу лишь в исключительных случаях³.

В-третьих, к 1930 г. было окончательно введено обязательное «прохождение» абитуриентов через мандатные комиссии, предварявшее вступительные испытания. В школы не должны были откомандировываться сотрудники РКМ, имевшие ряд дисциплинарных взысканий, каким-либо образом скомпрометировавшие себя или не обнаружившие способностей к руководству и воспитанию милицееских масс, пассивно относившиеся к общественной работе — то есть все те, кто в условиях тех лет был не в состоянии четко и безоговорочно проводить быстро видоизменяющуюся «генеральную линию партии и правительства»⁴.

¹ Так, на основании циркуляра Отдела кадров НКВД СССР от 2.02.1940 № 42 приказом УНКВД по ВО от 30 июля 1940 № 432 постоянным представителем во врачебную комиссию при санчасти УНКВД по Воронежской области, во время прохождения медосвидетельствования лиц, отобранных для посылки в школы и на оперработу, был назначен инспектор отделения Отдела кадров УНКВД ВО Ефимов А. Я. См.: АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 163. — Л. 11.

² Согласно инструкции НКВД и Наркомата здравоохранения 1926 г. № 42.

³ Как выдвинутые на руководящую работу в органы милиции.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 1. — Л. 89.

В-четвертых, особое внимание стало уделяться социальному происхождению кандидатов на обучение. В рассматриваемый временной промежуток был принят целый ряд ведомственных документов, направленных на резкое ужесточение социального ценза и усиление контроля за его беспрекословным соблюдением, как, например, циркуляр от 25 сентября 1931 г. № 98/с «О более тщательной проверке поступающих в школы РКМ»¹.

Еще приказом от 27 марта 1930 г. «Об укомплектовании школ НКВД в 1930-31 учебном году» от приемных комиссий требовалось «принять меры к орабочиванию переменного состава», под которым понимался прием «прежде всего партийцев», до 75% абитуриентов должны были составить работники сельских районов². Для повышения в составе административного аппарата батрацко-бедняцкой прослойки было предложено «в качестве минимума закрепить определенный процент принимаемых во все милицейские школы и курсы за этими категориями работников»³.

Вместе с тем начальник милиции Республики считал, что в школы «просочились лица, которые по своей идеологии, классовой принадлежности чужды советской власти, а также имеющие даже преступное прошлое»⁴. Показательной для Воронежской школы стала история проучившегося в ней в течение двух лет «ярого кулака, скрывавшего свое социальное происхождение» курсанта Худотеплова, направленного учиться в школу без должной проверки⁵.

Соответственно, в циркуляре ГУ РКМ о комплектовании школ Главного управления милиции от 2 апреля 1931 г. № 33 подчеркивалось, что и «среди колхозников есть лица, которые не могут быть допущены в ряды милиции». Поэтому мог допускаться «только прием колхозников бедняцко-батрацкой прослойки и, в первую очередь, членов Осодмила», из числа которых, опять же, надлежало «принимать только принадлежащих к рабочим и бедняцко-батрацкой прослойке колхозного крестьянства», преимущественно, членов ВКП(б)

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 92. — Л. 4 об.

² Бюллетень НКВД. — 1930. — № 7.

³ Административные органы и вопросы организации батрачества и бедноты // Административный вестник. — 1930. — № 5. — С. 5.

⁴ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 12. — С. 208.

⁵ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 62.

и ВЛКСМ. При этом проверки личных дел теперь предусматривались двойные: «как по месту службы, так и по месту рождения», а сами проверки и выяснение личности должны были вестись школой в течение целого года¹. В свою очередь, вышеупомянутый циркуляр от 25 сентября 1931 г. № 98/с требовал: 1) производить тщательный отбор поступающих в учебные заведения РКМ как на местах, так и в самих учебных заведениях, строго руководствуясь правилами укомплектования и положением об учебном заведении РКМ; 2) в течение 2 месяцев по приеме в школы по каждому вновь прибывшему производить дополнительную проверку социальных данных через ОГПУ, советские и партийные органы по месту жительства; 3) привлекать, согласно действовавшему законодательству, к уголовной ответственности лиц, давших в отношении социального происхождения, партийности, несудимости и т.д. заведомо ложные сведения². Так, только в течение 1936—1937 гг. из Воронежской школы по причинам социального прошлого были отчислены 13 человек³.

В-пятых, радикально изменились критерии отбора абитуриентов по гендерному признаку. В марте 1928 г. отделом милиции НКВД СССР был издан циркуляр № 92, который разъяснял условия приема в РКМ женщин. В нем определялось, что женщины могут направляться в милицейские школы младшего и среднего начсостава «на тех же основаниях, как и мужчины, причем в отношении их предъявляемое в отношении мужчин требование обязательной службы в милиции до поступления в школу может не соблюдаться при условии ходатайства общественных организаций»⁴. Циркуляром Управления милиции от 28 ноября 1929 г. № 61 окончательно были отменены все ограничения по приему женщин в милицию. В циркуляре указывалось: «Направление женщин в милицейские школы младшего и среднего начсостава милиции производится на одинаковых условиях с мужчинами». Более того, они отныне получали определенные льготы: «при условии ходатайства общественных организаций» могло не соблюдаться «требование обязательной службы в милиции до поступления в школу»⁵. Но в таком случае они должны были окончить специальные

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415 сч. — Оп. 3 с. — Д. 1. — Л. 89—89 об.

² ГАРФ. — Ф. Р-9415 сч. — Оп. 3 с. — Д. 1. — Л. 198—199.

³ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 62.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 78. — Д. 2. — Л. 13.

⁵ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 42. — С. 779.

курсы Осоавиахима, организованные по приказу начальника милиции Республики со 2 ноября 1929 г. в 13 областях и 19 городах России с целью «подготовки трудящихся женщин к службе в рабоче-крестьянской милиции», поэтому особое внимание уделялось физической подготовке, военной подготовке и повышению общей грамотности курсанток¹.

У каждого кандидата на учебу, независимо от пола, должны были наличествовать: 1) хорошая аттестация; 2) положительное заключение медицинской комиссии; 3) приказ комплектовавшего органа об откомандировании², 4) вещевое и денежное довольствие согласно табелю, оплаченные проездные документы; 5) суточные деньги вплоть до дня вынесения итогового решения приемной комиссии; 6) положительное заключение отборочной комиссии³. Лица, желавшие обучаться в милицейских школах, но получившие отказ непосредственных руководителей, имели право обжаловать это решение вплоть до обращения к начальнику милиции Республики. Пакеты документов кандидатов на обучение должны были высылаться в школу заранее, обычно — до 15 июля. Сам выезд абитуриентов обуславливался получением вызова от школы. С 1930 г. для подготовки к вступительным испытаниям кандидаты получали льготный отпуск.

Персональную ответственность за отбор абитуриентов несли начальники краевых и областных отделов милиции, за проведение приемных испытаний — начальники школ. Итоги приемных испытаний стали обсуждаться и утверждаться педсоветом школы, что свидетельствовало о повышении коллективной ответственности за качество набора.

Курсанты школы:

— получали содержание по ранее занимаемым до поступления в школу должностям, при этом если это содержание было меньше 40-рублевой стипендии, установленной для школы, то выплачивалась эта стипендия; кроме того, по воспоминаниям ветеранов, ежегодно

¹ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 40. — С. 751.

² Например, приказ УНКВД по ВО от 15 декабря 1939 г. № 704: «Исключаются из списков как зачисленные курсантами Воронежской школы РКМ с 1 декабря 1939 г.» и далее список из 10 человек. См.: АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 517.

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л. 38 об.

ко дню милиции руководители комплектовавших органов «присылали нам по должностному окладу»¹;

— состояли на бесплатном котловом довольствии;

— получали нательное и постельное белье;

— размещались казарменным порядком (проживание на частных квартирах не допускалось)².

Курсанты и их семьи пользовались всеми правами и льготами, предоставленными работникам милиции, но школы не брали на себя никаких обязательств по предоставлению помещений семьям³. Кроме того, вплоть до начала 1930-х гг. продолжалась практика попыток местных милицейских руководителей снимать оставшиеся в комплектовавших регионах семьи курсантов с довольствия, лишать их положенного им пайка и даже выселять из занимаемых квартир. Это повлекло за собой жесткую реакцию, оформленную в ряде приказов, как местных, так и республиканских⁴. В частности, в Положении о материально-бытовом обеспечении семей учащихся «школьной сети РК милиции» от 15 декабря 1932 г. указывалось, что члены семей рядового состава, младшего, среднего, старшего и высшего начсостава РКМ, откомандированного на учебу в школы РКМ, сохраняли «следующие права и льготы»: 1) продовольственные карточки на общих основаниях, 2) прикрепление к закрытому распределителю по месту прежней работы; 3) право получения нормируемых и ненормируемых остродефицитных продуктов и промтоваров из снабжающих организаций; 4) получение обедов в закрытых столовых; 5) право на ранее занимавшуюся жилплощадь и на получение ее при отсутствии наравне с сотрудниками РКМ; 6) недопущение переселения и уплотнения без согласия с их стороны; 7) на обеспечение топливом; 8) на все виды амбулаторного и курортного лечения; 9) на получение в установленных случаях пособия по случаю рождения

¹ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 163.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л. 38.

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л. 38—38 об.

⁴ Таких как приказ Полномочного Представителя ОГПУ по ЦЧО от 21 июня 1932 № 146 (См.: АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30. — Л. 196) или как, например, циркуляры ГУ РКМ от 22 июля 1932 г. № 47 «О снабжении курсантов, командированных в школы милиции» и от 8 июня 1933 г. № 45 «О недопущении нарушения прав семей работников милиции, прикомандированных в школы РКМ» (См.: ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 94, 115—116).

ребенка; 10) на обслуживание в культурно-бытовом отношении (ясли, сад, школа); 11) на прочие льготы и преимущества наравне с семьями сотрудинок милиции¹.

В ряде случаев принимались и более экстренные меры. В частности, в информационной сводке о политико-моральном состоянии работников милиции в ЦЧО за февраль 1933 г. указывалось, что курсант Воронежской школы РКМ Чурикин М. В., крестьянин-колхозник, кандидат ВКП(б), прибывший из Данковского районного управления милиции, подал в феврале начальнику школы рапорт с просьбой об исключении его из школы «ввиду того, что его семья из 7 человек окончательно голодают, дети болеют без хлеба, картошки и капусты нет, жена опухла от голодовки, зарабатывать она не может ввиду нетрудоспособности». Политотделом были даны указания начальнику Данковской милиции «о немедленном изыскании возможностей через райорганизации полного удовлетворения семьи тов. Чурикина М., а среди курсантов проведена разъяснительная работа по этому вопросу»².

Вместе с тем характеристики контингента, который отправлялся на учебу в школы, включая воронежскую, по-прежнему оставались в числе проблемных на протяжении практически всего рассматриваемого временного промежутка. Как показывает анализ практики приемных кампаний, местные комплекующие органы к подбору кандидатов на учебу по-прежнему подходили достаточно недобросовестно, отправляли людей, не прошедших комиссии (и предметные, и медицинские), отказывали желающим учиться, «чтобы не лишиться хороших работников» и т.п. Школы же, стремясь «точно и в срок» выполнять приказы начальника милиции Республики, зачастую, особенно с середины 1930-х гг., принимали практически всех приезжавших³.

Следствием этого становилось отчисление курсантов в течение года из-за проблем со здоровьем, неуспеваемости, по нежеланию учиться и т.д. В общей сложности в 1929 г. текучесть курсантов достигала 30%, а выпуск составил вместо 580 человек 273 человека, т.е. 50% предполагаемых выпускников до выпуска не дошли⁴. Из Воронежской школы только в 1930 г. были исключены 24 курсанта: 3 по

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 115—116.

² ГАОПИ ВО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 2457. — Л. 17.

³ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 25. — С. 484.

⁴ Киселев И. Ф. Ко дню 12-летия Рабоче-Крестьянской Милиции — С. 8.

состоянию здоровья, 1 из-за призыва в Красную армию, 2 имели несколько дисциплинарных взысканий, 8 малограмотных и совершенно неподготовленных, 5 имели образование, обеспечивающее самоподготовку, 2 были старше 30 лет и 1 не имел милицейского стажа¹. Из этого эксперты делали вывод о том, что затраты государства на профессиональную подготовку кадров милиции в школах НКВД наполовину не оправдывались².

Вопросы качества комплектования нередко становились объектом жестких дискуссий. В частности, начальник Воронежской школы Пономарев в январе 1937 г. отмечал: «В школе комплектование проходило неправильно... В этой работе халатность командного отдела и мандатной комиссии... Лица, прибывающие на сдачу испытания на звание «сержант милиции», не подготовлены, неграмотны»³. С другой стороны, начальник отдела кадров УНКВД по Воронежской области Бутенин достаточно справедливо возражал ему: «Товарищ Пономарев указал, что школа укомплектована непроверенными людьми и морально разложившимися, тогда как он сам в докладной записке в апреле месяце 1936 г. писал, что политико-моральное состояние в школе хорошее, что школа хорошо выполняет все те задачи, которые возложены на школу. ...Пономарев неправильно наговаривает на курсантов, что они присланы в школу как люди разложившиеся. Моральные проступки, допущенные некоторыми курсантами, объясняются большими недостатками в деле постановки воспитательной работы в школе, которая зависит от самого Пономарева»⁴.

Кроме того, следует учесть и тот факт, что попадание на обучение в школу курсантов, заведомо малопригодных для обучения, но амбициозных, могло приводить и к более тяжким последствиям, таким, как самоубийство зимой 1936—1937 гг. курсанта Воронежской школы Щербина, вызвавшее на заседании гарнизонной парторганизации жесткую реакцию: «Мы не поняли задач, постав-

¹ Государственный Архив Курской области (ГАКО). — Ф. Р-2638. — Оп. 1. — Д 103. — Л. 42—44.

² Бюллетень НКВД. — 1929. — № 25. — С. 484.

³ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 55.

⁴ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 57.

ленных перед нашей школой. Парторганизация и комсомол оторвались от курсантов. Потеряли бдительность к бытовым вопросам курсантов»¹.

Положение о школах НКВД 1930 г. впервые комплексно определяло права и обязанности обучавшихся. К основным правам относилась возможность пользоваться всей учебной базой школы в полном объеме, иметь каникулы не менее 7 суток, иметь отпуск по болезни и иным уважительным причинам, получать 50-процентную надбавку к зарплате для семьи. Положение установило, что время учебы входит в стаж милицейской службы — 1 год учебы приравнивался к 2 годам службы. Безусловно, это существенно поднимало престиж школ, стимулировало сотрудников милиции начинать в них профессиональное обучение².

С 1936 г. курсанты во время пребывания в образовательной организации находились на казарменном положении и числились в длительной командировке с сохранением занимаемых должностей и окладов зарплаты. Лица, не служившие ранее в РКМ и принятые вновь, получали за время нахождения в школе стипендию, как правило, в размере оклада участкового инспектора РКМ по месту расположения школы. Вещевым довольствием курсанты удовлетворялись по нормам, установленным ГУ РКМ НКВД СССР. Во время пребывания в школе за семьями курсантов сохранялись все виды льгот работников РКМ.

Внутренний распорядок в школах устанавливался уставами РКМ и приказами начальника школы. Во время пребывания в школе курсанты были обязаны беспрекословно исполнять все правила внутреннего распорядка. В Воронежской школе РКМ каждый зачисленный на учебу курсант давал письменное обязательство о том, что будет добросовестно служить, хранить служебную тайну, не разглашать сведений о милицейской работе и т.д. По воспоминаниям очевидцев, в школе была налажена крепкая дисциплина. Рабочий день считался с 6 до 23 часов. Групповое передвижение как на территории школы, так и за ее пределами осуществлялось только строем³.

Курсанты могли быть откомандированы из школы распоряжением начальника УРКМ УНКВД республики, края, области только с

¹ ГАОПИ ВО. — Ф. 390. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 21, 24.

² Бюллетень НКВД. — 1930. — №27. — Л. 564—567.

³ Смирных В. М. Люди тревожного времени: очерки истории Воронежской милиции 20—30-х гг. 20 в. — С. 164.

письменного разрешения ГУ РКМ. Основаниями для этого могли служить плохое состояние здоровья или физический недостаток, препятствовавшие дальнейшему обучению в школе; начало в отношении курсанта судебного разбирательства по уголовному делу; слабая успеваемость; моральная неустойчивость и личная недисциплинированность.

В течение учебного года курсанты пользовались месячным отпуском.

Введение в 1936 г. двухлетнего цикла обучения совпало с учреждением в школах среднего начсостава РКМ т.н. «старостата», специфического института «обратной связи» между переменным и постоянным составами образовательной милицейской организации. На первом организационном собрании каждая учебная группа выбирала старосту, в обязанности которого входили учет посещаемости, обеспечение занятий учебными пособиями, наблюдение за самостоятельными занятиями курсантов, осуществление связи учебных групп с преподавателями, доведение до сведения курсантов информации обо всех мероприятиях и распоряжениях по учебно-строевой части. Одной из важнейших задач старост являлось непрерывное информирование учебно-строевой части школы о состоянии учебы, отношении к ней курсантов, о ходе самостоятельных занятий, о вопросах, выдвигаемых курсантами в отношении методики, учебников и преподавателей. Руководство повседневной работой старостата осуществлял командир дивизиона под руководством начальника учебно-строевой части.

Безусловно, основной задачей курсантов являлась учеба. Доступные для изучения данные показывают в целом достаточно высокий уровень знаний, который демонстрировали обучавшиеся в Воронежской школе милиции. Так, по состоянию на 17 июля 1939 г. из 144 курсантов 83% учились на «хорошо» и «отлично»¹. А в октябре 1940 г. количество выпускников школы, успевавших на «посредственно», составило всего лишь 10,9%².

В 1930-е гг., как и десятилетием ранее, в образовательной системе МВД продолжались поиски оптимальной модели учебно-методического процесса. Главной отличительной особенностью этого

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф.1. — Арх. №25865. — Л. 20.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. №25865. — Л. 10.

периода стало продолжение курса на строгую централизацию в руководстве и разработку ключевых документов, обеспечивавших образовательный процесс в школах РКМ. Одновременно шел поиск оптимального соотношения объема преподаваемых дисциплин и затраченного учебного времени. Уже на рубеже 1920—1930-х гг. неоднократно наблюдались в порядке «инициативы снизу» попытки перейти к ускоренным темпам прохождения учебных планов. Так, в частности, 2-я Омская школа административно-милицейских работников НКВД «решила дать стране кадр административных работников ранее установленного центром конца учебного года». С этой целью курсанты старших групп при поддержке преподавателей сформировали т.н. «ударные группы» и приняли решение завершить срок обучения не 1-го июля, а 15-го мая 1930 г. Педагогический совет постановил, что преподаватели будут «всемерно способствовать курсантам в успешном окончании ими программы путем максимального обслуживания их в часы вечерней самоподготовки... и увеличения интенсивности своей работы в часы классных занятий»¹.

Одновременно с оптимизацией сроков обучения обострились дискуссии по поводу рационального соотношения специальных, военных и общеобразовательных дисциплин. С одной стороны, предлагалось сократить учебное время, отводимое на военные и общеобразовательные предметы, в том числе и за счет перевода их в различные кружковые формы. Таким образом, предполагалось решить двудединую задачу — ускорить профессиональную подготовку в школах РКМ и акцентировать ее на изучение специальных милицейских и уголовно-процессуальных дисциплин². С другой стороны, раздавались голоса критиков системы подготовки «узких юристов», указывавших на то, что основным типом современного адмработника является кадровик, «инструктор-организатор», поэтому их подготовка «в качестве узко-милицейских работников с исполнительскими функциями» стала бы «грубейшей ошибкой»³.

Своеобразным подведением итогов поисков стало объявление в приказе начальника Управления кадров НКВД 29 июня 1930 г. новых

¹ Мордвинов С. Подчиним социалистическим темпам нашу работу // Административный вестник. — 1930. — № 6. — С. 39.

² Шпигель Л. Необходима реформа школ НКВД // Административный вестник. — 1930. — № 6. — С. 37.

³ Власов В. Проблема кадров в административных органах // Административный вестник. — 1930. — № 7. — С. 11.

учебных планов для школ НКВД административных работников и школ краевых и областных административных управлений на 1930/31 учебный год¹, а также утверждение приказом НКВД от 19 августа 1930 г. нового Положения о школах НКВД².

Главным новшеством стало сокращение сроков обучения до одного года, что привело к перераспределению часов между тремя, а не четырьмя, как ранее, циклами — общественно-политическим (33,7% учебного времени), специальным (49,1%) и военным (17,2%). Школы должны были готовить только средний начсостав. По сравнению с предыдущим учебным планом в новом учебное время увеличивалось на 7,7% и составляло 1680 часов. Не произошло изменений в распределении учебного времени, отводимого на общеобразовательный и военный циклы. Однако увеличилось количество часов на изучение истории ВКП(б).

Существенные модификации произошли в специальном цикле, формируемом по «производственному» принципу. Так, к примеру, в рамках «милицейской специализации» курс «Советское государственное устройство и управление» включил в себя дисциплину «Административное право», предмет «Служба в милиции» был заменен «Административной работой». Из преподавания были исключены отраслевые кодексы (концентрировавшееся ранее в дисциплине «Советское законодательство»), «Делопроизводство». С другой стороны, увеличивалось количество часов, отводимых на практику: из 825 часов — 315 (38% по сравнению с 22% в предыдущем плане).

Цикл подготовки сотрудников уголовного розыска включил новые практико-ориентирующие дисциплины: «Уголовную технику», «Уголовную тактику», «Судебную фотографию», «Судебную медицину и химию», «Основы общей экспериментальной психологии». Доля практических занятий на розыскном цикле составила 43,6% всего учебного времени. Двухсеместровый учебный год длился с 1 сентября по 1 августа и завершался военно-лагерными сборами.

Новое существенное развитие нормативной базы учебного процесса в школах РКМ произошло в 1936 г. Обучение было рассчитано на 2 календарных года. Из 24 месяцев учебы на отпуска и каникулы отводились один месяц и 10 дней. После 5 месяцев учебы курсантам

¹ Бюллетень НКВД. — 1930. — № 20. — С. 395—399.

² Бюллетень НКВД. — 1930. — № 27. — С. 564.

предоставлялись каникулы на 5 учебных дней без права выезда из школы. Рабочий день курсанта во время практики и лагерной учебы увеличивался до 8 часов. Отпуск курсантам предоставлялся один раз в год на 1 месяц с расчетом проведения в это время очередного комплектования школы. На проведение зачетов и подготовки к ним отводилось 30 дней, на вывод в лагеря — 4 дня.

Весь комплекс дисциплин учебного плана был рассчитан на то, чтобы подготовить грамотного, квалифицированного работника милиции, умеющего выполнять требования, предъявляемые участковому инспектору и помощнику уполномоченного уголовного розыска. Двухлетний учебный план был рассчитан на 3284 часа, из которых 2184 часа отводилось на аудиторные занятия, 800 — на лагерные сборы, 300 — на практику. Практические занятия были предусмотрены только на втором году обучения. Учебным планом было предусмотрено прохождение дисциплин по годам обучения. Преподаваемые предметы распределялись по четырем циклам – специальных, социально-экономических, общеобразовательных и военных дисциплин. Неизменным оставался принцип последовательности прохождения дисциплин по отдельным циклам. Так, к примеру, цикл специальных дисциплин начинался с изучения уголовного права и охраны общественной безопасности. Начало освоения уголовно-процессуального права следовало по окончании изучения уголовного права. Социально-экономический цикл начинался с основ политэкономии. Весь общеобразовательный цикл в основном проходил на первом году обучения.

Цикл общеобразовательных дисциплин (русский язык, арифметика, география, естествознание) занимал в учебном плане 31,3% (1000 часов) и был рассчитан на то, чтобы подготовить работника, умеющего грамотно составить документ. В основном общеобразовательный цикл должен был сформировать у обучающихся знания в объеме программы 6-летней школы Наркомпроса. Предметы преподавались как в рамках классных занятий, так и во время лагерных сборов.

Основной задачей цикла социально-экономических дисциплин (история СССР, история ВКП(б), ленинизм, основы политической экономии, государственное строительство СССР, текущие вопросы политического строительства) являлась подготовка политически грамотного, стойкого, вооруженного марксистско-ленинской теорией работ-

ника, умеющего хорошо ориентироваться в окружающей его обстановке, разбираться в законах и директивах партии и правительства и делать из них правильные выводы для своей практической работы. В структуре учебного плана на социально-экономические дисциплины, преподаваемые на двух курсах, было отведено 640 часов (18,4% от общего объема). Так же, как и общеобразовательные дисциплины, предметы социально-экономического профиля изучались и в ходе аудиторных занятий, и во время проведения лагерных сборов.

Цикл специальных дисциплин (охрана общественного порядка и безопасности и ее организация, уголовно-розыскная работа, уголовное право, уголовно-процессуальное право, автомобильное дело) был рассчитан на то, чтобы сформировать комплекс необходимых для участкового инспектора знаний как в области охраны общественной безопасности, порядка обеспечения паспортного режима и уголовно-розыскной работы, так и в сфере уголовного и уголовно-процессуального права. На изучение специальных дисциплин учебный план отводил 940 часов (28,6% от общего количества). Особенностью являлось то, что спецпредметы не изучались во время лагерных сборов. В то же время значительное место в изучении специальных дисциплин занимали практические занятия по милицейскому и уголовно-розыскному делу. Сложившееся к середине 1930-х гг. соотношение теоретических и практических занятий стало следствием довольно интенсивного методического поиска как в руководстве системой милицейского образования, так и непосредственно в школах милиции.

На протяжении всего рассматриваемого периода развития милицейского образования в целом и Воронежской школы милиции в частности, прослеживалась тенденция к укреплению практической составляющей образовательного процесса. Еще на рубеже 1920—1930-х гг. было опубликовано несколько статей, обобщавших итоги практики в разных школах начсостава милиции в 1924—1928 гг.¹ Данные, указан-

¹ См.: Знаменский И. Об использовании курсантов, окончивших 1 Ленинградскую школу начсостава милиции за период 1924—1928 г. // Административный вестник. — 1929. — № 6-7. — С. 32—38; Лебедев С. О практике-стажерстве в школах НКВД // Административный вестник. — 1929. — № 3. — С. 23—27; Мемнонов Л. Практика-стажерство в школах НКВД // Административный вестник. — 1929. — № 1. — С. 26—28.

ные в этих статьях, по мнению современников, являлись репрезентативными: «под этими фактами подпишется каждая школа»¹. Проблемы организации практики были рассмотрены в качестве четвертого вопроса на прошедшем 26—30 апреля 1929 г. совещании начальников школ².

Специалистами обращалось внимание на один из ключевых недостатков предыдущего периода: прибытие практикантов в местные отделы большими (15-20 человек) группами под контролем лишь преподавателей и при минимальном содействии местных административных работников. Но уже с 1928 г. в соответствии с приказом начальника милиции Республики от 30 мая 1928 г. № 20 начала реализовываться иная модель организации практики, предусматривавшая отправку курсантов малыми (2-3 человека) группами в конце учебного года преимущественно в те округа, в которых они впоследствии должны были служить и стажировались там под контролем местных адмотделов³. На предварительном этапе школы и отделы вели оживленную переписку, определяя возможности (в т. ч. и финансовые) конкретных адмотделов принять практикантов. Школы снабжали курсантов-практикантов инструкциями с подробным перечнем необходимых работ, до календарного расписания работ включительно⁴.

Также совещанием было определено, что: 1) курсанты 1-го года обучения должны проходить практику по основным должностям младшего начсостава милиции, курсанты 2-го года обучения — по должностям среднего начсостава⁵; 2) проведение практики ориентировалось преимущественно «на сельскую работу с адм.-милицейским уклоном, на работу по дознанию, на налаживание связи милиции с общественностью и на ознакомление с постановкой отчетности перед населением»; 3) по окончании практики не менее 2 недель должно было отводиться на «проработку результатов ее и

¹ Лебедев С. Указ. соч. — С. 23.

² Постников В. Итоги совещания начальников школ НКВД // Административный вестник. — 1929. — № 6-7. — С. 30—32.

³ Лебедев С. О практике-стажерстве в школах НКВД. — С. 24.

⁴ Там же.

⁵ Участковый надзиратель, старший волостной милиционер и начальник отделения, помощник и начальник районного адмотдела соответственно.

вообще всего пройденного материала на основе полученного практического опыта»¹.

Каждый курсант, возвращавшийся с практики, должен был привести от принимавшего его адмотдела заключение, которое дополнялось присылаемой анкетой. В них необходимо было сообщить «о всех недостатках в работе школы, которые будут замечены местными адмотделами при руководстве работой курсантов-практикантов»².

Подведенные итоги показали некоторый прогресс. Так, 37 практикантов от 2-й школы НКВД провели 673 дознания, 63 обыска в операции против самогонварения, привели в исполнение 143 судебных решения, составили более 400 протоколов, осуществили 47 самостоятельных дежурств по городу и 49 по отделениям, приняли самостоятельные меры по 8 грабежам, по 101 краже, по 12 убийствам, по 13 пожарам, по 142 прочим преступлениям и т.п. Также ими велась политико-просветительная работа среди сотрудников и населения, дававшая немалый опыт общения³. В свою очередь 94,6% прошедших стажировку курсантов 3-й школы НКВД успешно применили теоретические знания «почти во всех отраслях административно-милицейской работы»⁴.

Вместе с тем в организации практики сохранялось и большое число недостатков. В частности, выяснилось, что курсант, изучая конкретные вопросы административно-милицейской работы по законодательным актам, распоряжениям НКВД РСФСР, «не преломляет своих познаний через призму местных национальных, бытовых, культурных, экономических и пр. условий. Он отрывается от условий и обстановки той реальной действительности, в которой он по окончании школы должен будет работать»⁵. Также неоправданно высокими оказались расходы на перемещение практикантов в местные адмотделы,

¹ Постников В. Итоги совещания начальников школ НКВД.. — С. 32.

² Знаменский И. Об использовании курсантов... — С. 37; О проведении практики в школах НКВД административно-милицейских работников В 1929 г. // Бюллетень НКВД. — 1929. — № 20.

³ Лебедев С. Указ. соч. — С. 25—26; Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 173.

⁴ Мемнонов А. Практика-стажерство... — С. 26—28.

⁵ Там же. — С. 27.

особенно с учетом их неизбежного повторения через несколько месяцев — уже после выпуска¹. Наконец, по-прежнему острой проблемой оставалось нецелевое использование практикантов: только 22% курсантов 2-го года были использованы на определенных должностях, практикантов часто привлекали «для разгрузки завалов» (чаще всего по производству дознаний и взысканий) и использовали не по назначению (иногда даже в качестве рассыльных), равно как и, наоборот, назначая на более высокие «свободные» должности, задействовали на работах, к выполнению которых они просто не были готовы². Наконец, «на местах» имелись случаи «холодно-формального, недоверчивого и даже неприязненно-недружелюбного отношения, как к будущим «конкурентам»³.

Среди экспертов начала вызревать идея перехода к непрерывной практике непосредственно по месту учебы. В 3-й школе в 1929 г. она первоначально оформилась в концепцию формирования экспериментального показательного отделения. Имея целью «непосредственную увязку теории административно-милицейского дела с практической работой»⁴, такое отделение, создаваемое при школе по типу районного отделения милиции, должно было показать «образцовое обслуживание населения»⁵. Оно функционировало в течение всего учебного года, и все работы по заявлениям граждан в порядке очередности выполняли курсанты. Эта идея нашла поддержку в ряде школ, был подготовлен соответствующий проект управления милиции⁶.

Но достаточно скоро было выдвинуто и шедшее в рамках «генерального курса партии и правительства» на обязательную производственную практику предложение о проведении непрерывной производственной практики на протяжении всего курса обучения, с чередованием ее по месту нахождения школы и по месту будущей работы

¹ Отмечалось: «целесообразно ли расходовать средства туда и обратно только лишь для того, чтобы проработать максимум 7 недель, уехать в школу и через 2-3 недели после выпуска снова производить расход на проезд к месту работы», потратив от 7 тыс. до 13—15 тыс. рублей. Лебедев С. Указ. соч. — С. 26—27.

² Мемнонов А. Указ. соч. — С. 27; Лебедев С. Указ. соч. — С. 23.

³ Мемнонов А. Указ. соч. — С. 27.

⁴ Постников В. Итоги совещания начальников школ НКВД... — С. 30—32.

⁵ Там же. — С. 30—32.

⁶ Постников В. Указ. соч. — С. 31; Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 174.

выпускников¹. В изданном 14 августа 1930 г. приказе начальника управления кадров НКВД «О проведении непрерывной производственной практики в школах НКВД и школах краевых и областных административных учреждений»² делался акцент на необходимость системного подхода. Приказом были фиксированы основные критерии унифицированной системы практического обучения, которое с 1930/31 учебного года должно было вестись в течение всего года и не в показательных отделениях, а в обычных — городских и сельских. К практике привлекался весь контингент обучавшихся, независимо от уже накопленного до учебы практического стажа. В рамках генерального вектора на отказ «от сухой теории и формально-догматического изложения материала», каждый учебный цикл, безо всяких исключений, должен был иметь «практический уклон». В каждой школе разрабатывался план проведения практических занятий и стажировки по всем предметам, методологической основой которого должен был стать «комплексный метод в решении практических задач» при их общем согласовании «с задачами социалистического строительства и политики партии и правительства». Текущие практические занятия проводились в рамках классных отделений или их более мелких структурных групп под руководством преподавателей, составлявших соответствующие планы по своим предметам³.

Формами практик были: 1) экскурсии в административные отделы; 2) присутствие на судебных заседаниях; 3) выполнение целевого задания в адм.отделе; 4) лабораторные работы с выездом на место преступления; 5) участие в конкретных делах, ведущихся адм.отделами, и т.д. Преподавательский состав вел консультирование практикантов, осуществлял учет количества и качества выполненных заданий.

Впоследствии, в ходе трансформации сроков обучения в школах милиции, изменялись как сроки, так и формы организации практики. Курсантский состав, как уже отмечалось выше, активно привлекался

¹ Сокращение срока практики для курсантов 2-го года обучения позволяло и ускорить производство выпуска. См.: Лебедев С. О практике-стажировке. — С. 26; План работ НКВД на 1 квартал 1929—1930 г. // Административный вестник. — 1929. — № 9. — С. 18, 19, 53—54.

² Бюллетень НКВД. — 1930. — № 26. — С. 538.

³ Планы практических занятий и стажировок утверждались начальником школы, начальником административного отдела и начальником милиции Республики. См.: Кожина М. А. Указ. соч. — С. 174.

к оперативным мероприятиям, порой мало связанным с основной деятельностью сотрудника милиции, зачастую в ущерб основной учебе.

Осуществленный в 1936 г. переход на двухлетние сроки обучения повлек за собой и новые изменения в организации практик. Сохранялась общая тенденция в обеспечении практически ориентированного характера обучения. Но непосредственная практическая работа курсантов, являвшаяся «продолжением и составной частью всей учебы», предусматривалась в конце обучения после прохождения специальных дисциплин.

По учебному плану 1936 г. рабочий день курсанта во время практики увеличивался до 8 часов. В учебный план также вносились обязательные часы на практические занятия (общий объем 300 часов): они проводились в рамках изучения цикла специальных дисциплин по таким предметам, как «Охрана общественного порядка и безопасности и ее организация» (120 часов) и «Уголовно-розыскная работа» (180 часов).

В целом следует согласиться с общим выводом М. А. Кожевиной о том, что практическая подготовка в 1930-е г. приобрела более регулярный характер, что объективно «могло принести серьезные позитивные результаты, значительно улучшить профессиональные качества выпускников школ и курсов, и введение единообразия исключало какую-либо самодеятельность в организации практики, позволяло усилить контроль за ее проведением со стороны центра»¹.

В подготовке среднего начсостава в школах РКМ традиционно актуальной была задача формирования, с одной стороны, специалиста, владеющего практическими навыками профессиональной деятельности, с другой — потенциального красноармейца, готового в случае необходимости с оружием в руках выступить против врага.

Уже отмеченный выше новый виток «милитаризации» РКМ неизбежно отразился и на организации соответствующих компонентов профессиональной подготовки и обучения ее сотрудников. Постановление ЦИК и СНК СССР от 3 февраля 1931 г. «О правовом и материальном положении работников рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска»² фиксировало определение правового статуса образовательных

¹ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 175.

² СЗ СССР. — 1931. — № 8. — Ст. 90.

организаций милиции и уголовного розыска как разновидности военно-учебных заведений, сопоставимых с соответствующими образовательными структурами РККА¹. Соответственно, в приказе Главного управления рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска при СНК РСФСР от 16 февраля 1931 г. № 10 отмечалось: «Решение правительства о переводе школ милиции на положение военно-учебных заведений обязывает начальствующий состав школ превратить школы в действительные строевые части, которые в любой момент являлись бы надежной опорой — резервом диктатуры пролетариата»². В 1936 г. вводились требования к уровню знаний их выпускников в военной сфере в объеме командира отделения РККА окончившего полковую школу, а физического — в освоении комплекса ГТО 1 и 2 ступени и овладении самбо.

Усиление «военного компонента» стало одной из причин нового переименования должности заместителя начальника Воронежской школы милиции: приказом УНКВД по Воронежской области от 3 августа 1939 г. № 494, изданным в соответствии с приказом НКВД СССР от 8 августа 1939 г. № 00915, вместо должности начальника учебной части (заместителя начальника школы) была вновь введена должность начальника учебно-строевой части³.

Военным ведомством все в большем объеме осуществлялись вмешательство в процесс обучения милиционеров и координация военной работы в РКМ. Внутренний распорядок школ милиции все больше регламентировался в соответствии с требованиями армейских уставов. Это повлекло за собой и приобретение военной подготовкой курсантов школ милиции, в том числе Воронежской, статуса не просто обязательной, но и одной из приоритетных. В учебных планах 1936 г. цикл военных дисциплин включал в себя 5 составляющих: 1) строевую подготовку; 2) физическую подготовку; 3) основы тактики и топографии; 4) стрелковое дело; 5) военную гигиену и оказание первой помощи. Согласно объяснительной записке к учебному плану, данный цикл был рассчитан на то, чтобы: 1) выработать у курсантов командный язык, строевую выправку, умение командовать отделением, знать основы военной техники и тактики; 2) подгото-

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 1. — Л. 9.

² ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 28.

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 187.

вить физически закаленного работника, умеющего применять технику самбо; 3) подготовить курсанта, в совершенстве владеющего присвоенным ему оружием и хорошо знающего его боевые качества.

Вместе с тем «военизация» РКМ позволяла все более сосредоточить соответствующую подготовку непосредственно в рамках ее собственных структурных подразделений: циркуляром ГУ РКМ от 19 августа 1934 г. № 8 «Об освобождении работников РК милиции от учебы в системе Осоавиахима» было определено, что командирскую учебу весь начальствующий состав милиции РКМ «проходит только в системе РК милиции», в ее же рамках должны были проходить соответствующую подготовку и лица допризывного возраста, работавшие в системе РКМ¹.

М. А. Кожевина указывала, что военная подготовка занимала в учебных планах школ РКМ такое же место, что и специальная, а иногда проводилась и «в ущерб последней»². На наш взгляд, подобные оценки несколько категоричны: процентное соотношение военных дисциплин (21% от общего количества часов) уступало объему учебного времени, отводимого на общеобразовательные и специальные дисциплины, на немного только превосходя предметы социально-экономического профиля. Вместе с тем, безусловно, значимость военного цикла вновь существенно возрастала. Часы, отводимые по учебному плану на физическую и строевую подготовку, использовались как «на изучение прорабатываемых задач», так и на «проверку и привитие инструкторских навыков». Для повседневной тренировки и совершенствования изучаемых задач в распорядок дня школ вводился ежедневный «физ-строевой» час (45 минут).

Все большее внимание уделялось подбору кадрового состава преподавателей для всех дисциплин военного цикла.

Ранее достаточно долго допускалось использование «приватных» преподавателей: так, Ж. Г. Беккер, «как не имеющий строевой подготовки» был снят с должности командира взвода дивизиона 6-й Воронежской школы РКМ «с оставлением приватным преподавателем по физкультуре этой же школы»³. Теперь же ситуация начала существенно меняться. Еще в июле 1931 г. при Центральной высшей

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 8. — Л. 18.

² Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 212.

³ АИЦГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30. — Л.102—102 об.

школе РКМ были проведены двухнедельные курсы по переподготовке преподавателей и инструкторов физкультуры в органах милиции. В ходе их проведения выяснилось, что 64% собравшихся имели «низшее общее образование», 45% — никакого специального физкультурного образования; у 55% не было практического стажа, 72% не осуществляли персональных тренировок¹. В изданном по итогам сборов циркуляре «О физическом обучении работников РКМ» от 22 августа 1931 г. № 32-137 требовалось 1) «обратить серьезное внимание на проведение физического обучения в органах РК милиции и, в первую очередь, в школах, курсах и строевых объединениях»; 2) обучение по физической культуре вести исключительно по программам, преподаваемым ГУ РКМ; 3) «озаботиться по договоренности с частями РККА, ОГПУ и органами ВСФК подбором квалифицированного преподавательского состава, введя преподавателей физкультуры в *штат школ*» (курсив наш. — Авт.); 4) озаботиться приобретением необходимого инвентаря².

Постепенно рос качественный уровень преподавателей военного цикла Воронежской школы РКМ. Так, с 1933 г. на должность преподавателя тактики и топографии был назначен бывший командир взвода РККА выпускник Владикавказской пехотной школы Константин Федорович Павлов. В его аттестации отмечалось: «Имеет хорошую строевую подготовку. Политически развит достаточно. Со штабной работой справляется. По результатам проведенных под его руководством стрельб личный состав школы показал следующие результаты: из винтовки: на «отлично» — 31,6%, на «хорошо» — 51%, на «удовлетворительно» — 17,6%; из нагана: на «отлично» — 38,8%, на «хорошо» — 38(%), на «удовлетворительно» — 22,3%³. Проведение курса стрельб «для курсантов средних и старших школ РК милиции», согласно приказу ГУ РКМ от 14 июня 1933 г. № 47, организовывалось на основании новых «программ по стрелковому делу, преподаваемых командным отделом ГУ РКМ на 1933/34 учебный год» для школ РКМ⁴.

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 42.

² ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 42.

³ Уже через год он был назначен на должность командира дивизиона школы (АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30853).

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 120.

С. П. Рязанцев, преподававший в школе физподготовку, выпускник Ленинградского института физической культуры им. Лесгафта, был активным участником областных, всесоюзных соревнований общества «Динамо», обладателем многих спортивных наград и призов¹.

Помощниками инструктора по физической подготовке назначались особо успевающие курсанты, в частности учившийся в 1935—1936 гг. А. Я. Германов, в аттестации которого по окончании школы отмечалось: «Политический курс усвоил на «отлично». Теоретический курс усвоил на «хорошо». На занятиях активен. В стрелковом отношении подготовлен отлично. Курс боевых стрельб выполнил на «отлично»². В 1939 г. должность инструктора по физподготовке была заменена на должность преподавателя третьего разряда³.

Организация занятий по предметам военного цикла в Воронежской школе милиции зачастую тесно увязывалась с вопросами политического и патриотического воспитания. Так, зимой 1937 г. около 150 курсантов и сотрудников школы приняли участие в лыжном пробеге по памятным местам, связанным с гражданской войной. В находившихся в рамках 50-километрового маршрута селах (Бабяково, Гололобово, Новая Усмань, Орлово, Репное и др.) прошли встречи с бывшими красногвардейцами, партизанами, участниками боев за Воронеж.

В рамках работы общества «Динамо» 12 июня 1938 г.⁴ всем личным составом школы сначала был совершен пятикилометровый марш-бросок, продолженный затем сдачей нормативов на получение значков «Ворошиловский стрелок» и «ГТО» 1-й и 2-й ступеней. «За физическую выносливость и сознательное отношение к сдаче

¹ В годы Великой Отечественной войны воевал под Москвой, в том числе в составе Панфиловской дивизии, был награжден орденом Красной Звезды. В послевоенный период продолжал физкультурную работу в Воронежском областном управлении милиции.

² А. Германов был оставлен в школе на должности командира взвода, позже — врио командира дивизиона. Он и впоследствии поощрялся за успехи в спорте: в 1937 г. — за 1-е место в областных легкоатлетических соревнованиях получил почетную грамоту и премию в 150 рублей; в 1938 г. — за участие в лыжном переходе Воронеж—Курск — благодарность. См.: Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 179—180.

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 185—186.

⁴ В те годы — день советского стрелка. См.: Осоавиахим РСФСР. Ленинградский обл. совет. День советского стрелка : положение о соревнованиях. — Ленинград, 1937. — 4 с.

норм ГТО 2-й ступени в неблагоприятных условиях» начальником школы была объявлена благодарность курсанту К. М. Милованову. В составе курсантов Воронежской школы милиции находились спортсмены-разрядники по лыжам, легкой атлетике, борьбе. Курсанты школы заняли 1-е место в первых городских соревнованиях на призы общества «Динамо». Курсанты школы — борцы Соколов и Солошенко — успешно выступали на Всесоюзных соревнованиях¹.

Усиление внимания к «военизации» милиции привело в середине 1930-х годов к внедрению в образовательный процесс ещё одной организационной формы, непосредственно заимствованной из опыта РККА — летних лагерных «палаточных сборов». 31 марта 1933 г. был подписан циркуляр ГУ РКМ № 27 об организации подготовки на курсах рядового и младшего начсостава в лагерях. Он предусматривал увеличение численности переменного состава курсов по подготовке рядового и младшего начсостава на лагерный период с доведением таковой до 10% от строевого состава милиции соответствующих республики, края или области. Предписывалось немедленно приступить к оборудованию учебных лагерных городков, в которые и предусматривалось выведение этих курсов с наступлением теплой погоды. Отдел строевой и наружной службы ГУ РКМ должен был к 15 апреля 1933 г. разработать и разослать на места программы занятий в лагерях, а начальники управлений РКМ автономных республик, краев и областей должны были обеспечить учебно-лагерные городки квалифицированным начсоставом, используя для этой цели работников строевых отделов и курсов подготовки².

В свою очередь, циркуляром Главного управления милиции от 9 февраля 1934 г. № 2 региональные управления милиции получили рекомендации изыскать средства на организацию при участии местных школ милиции летних палаточных лагерей, в рамках которых проводилось бы совместное обучение курсантов и личного состава «практических милицейских органов». При этом средства для вывода в лагеря личного состава школ предписывалось «изыскать на месте за счет экономии по сметам самих школ»³.

¹ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 165.

² ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 78.

³ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 10. — Л. 3.

Курсанты Воронежской школы РКМ стали ежегодно выезжать в лагерь, располагавшиеся в пригородных районах Боровое, Сосновка, Дубовка. Вывод личного состава в палаточный лагерь осуществлялся на основании соответствующего плана, утвержденного в общесоюзном масштабе.

Согласно приказу НКВД СССР от 23 марта 1939 г. № 067 «Об организации и проведении лагерных сборов РК милиции в 1939 г.» сборы проводились в целях: 1) усовершенствования знаний внештатных инструкторов боевой и физической подготовки; 2) всестороннего изучения и пополнения знаний начсостава РК милиции, продвинутого по службе, а также намеченного к продвижению; 3) прохождения школами и курсами сержантов РК милиции дисциплин учебного плана, предусмотренных на лагерный период обучения. Они организовывались с 15 мая по 15 сентября в 2 очереди, со сроком обучения 2 месяца каждая¹.

Начальники УРКМ обязывались за 15 дней до созыва каждой очереди сбора завершить отбор соответствующего начальствующего состава, перед началом сбора для каждой очереди организовать и провести семинары начальствующего и преподавательского состава по прилагавшимся к приказу учебным планам и программам, специально разработанным отделом подготовки ГУ РКМ².

Так, приказом Управления НКВД по Воронежской области от 10 июля 1939 г. № 395 «О назначении командно-политического и хозяйственного состава РК Милиции для проведения лагерного сбора 2-го набора 1939 г. в соответствии с приказом НКВД № 067 были назначены: 1) начальником лагерного сбора — заместитель начальника политотдела УРКМ ВО младший лейтенант милиции Соловьев; 2) начальником штаба сбора — командир дивизиона школы РКМ младший лейтенант милиции Северин; 3) помощником начальника сбора по политчасти — начальник курсов сержантов милиции сержант милиции Юдин; 4) помощником начальника сбора по хозяйству —

¹ В Иркутской, Новосибирской, Свердловской, Архангельской, Челябинской, Омской, Горьковской, Кировской областях и Красноярском крае — в период с 1 июня по 1 сентября в одну очередь со сроком обучения 2 месяца.

² Учебный план подготовки начсостава РК милиции, продвинутого по службе и намеченного к продвижению; Учебный план подготовки внештатных инструкторов боевой и физподготовки РКМ; План проведения предлагерных сборов с начальствующим политическим и преподавательским составом лагсбора РКМ // АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 84. — Л. 10 об.; Арх. № 129. — Л. 31—37.

начальник 1 отделения АХО УРКМ сержант милиции Манжосов; 5) начальником санчасти сбора — врач школы РКМ Журихин. С 16 по 30 июля 1939 г. начальник лагерного сбора провел с командно-преподавательским составом, назначенным для проведения занятий в лагерях, семинар по вопросам организации прохождения лагерной учебы и методики преподавания¹.

Выводу на лагерные сборы подлежали: 1) внештатные инструкторы боевой и физической подготовки; б) «начсостав РК милиции, продвинутый по службе и намеченный к продвижению, согласно прилагаемому плану»; в) личный состав школ и курсов сержантов РК милиции (табл. 38).

Таблица 38

План вывода личного состава РК милиции в летние лагеря в 1939 г.²

Наименование УРКМ школ, курсов и ж.-д. РК милиции	Школы и курсы			Территориальн. органы и жел. дор. милиция			Итого	Всего
				Внештатн. инструкторы боевой и физподготовки	Начсостав — выдвиженцы и кандидаты на продвижение			
пост.	переменн.	итого			террит. органов	жел.-дор. милиц.		
Лагерь УРКМ Воронежской области. В него направляют								
УРКМ Воронежской обл.				30	130		160	
УРКМ Тамбовской обл.				30	60		90	
Воронежская школа РКМ	50	146	196					
Воронежские курсы РКМ	15	60	75					
Дорожн. отд. РКМ Юго-Вост. жел. дор.						50	50	
Дор. отд. РКМ Моск.-Донбасс. жел. дор.						50	50	
Итого	65	206	271	60	190	100	350	621

Распорядок дня в палаточных лагерях был однотипным: «подъем в 6 часов утра, физзарядка, умывание, купание и утренний чай. Затем 4 урока классных занятий, после завтрака еще 2 урока. После уроков солнечные ванны, купание, читка газет, после обеда «мертвый час».

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 82.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 129. — Л. 34.

Вечером еще 4 урока занятий, чистка оружия, после ужина «культобслуживание», купание, поверка и в 23.00 — отбой. В конце каждой недели — день отдыха»¹.

Подготовка в подобных лагерях была главным образом нацелена на изучение дисциплин военного цикла: тактики, в т.ч. пехоты и кавалерии, топографии, строевой и физической подготовки, отработку навыков противовоздушной обороны с газоокуриванием, практические стрельбы из винтовки, нагана, пулеметов ручного и станкового. После введения в 1936 г. двухлетнего обучения для курсантов школ первого года также вводилось изучение географии, а для курсантов второго года — «текущих вопросов соцстроительства», русского языка, естествознания и практической езды на автомобиле.

Среди завершающих сборы мероприятий традиционными были подъем по тревоге и ночной выход с решением конкретной тактической задачи. С течением времени в практику сборов были включены испытания на присвоение первого звания начсостава «сержант милиции», что позволяло частично решать вопросы о переподготовке милицмейских кадров².

Работа лагеря УРКМ Воронежской области обычно завершалась инспекторским смотром, в ходе которого выдавались особые удостоверения³. По итогам каждого лагерного сбора первоначально проводились учебно-методические собрания педагогического и командного состава школ и руководства соответствующих территориальных управлений милиции, а впоследствии по обобщению результатов готовился общесоюзный приказ.

Так, в изданном по итогам сборов РКМ 1936 г. Приказе НКВД СССР от 15 января 1937 г. № 10 отмечалось, что лагерную подготовку в 1936 г. прошло 25393 человека против 20700 в 1935 г. Помимо рядового состава, личного состава школ и курсов милиции в лагерь было выведено 16,4% всего штатного состава участковых инспекторов,

¹ Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 228.

² Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 228.

³ См.: О создании комиссии по проведению инспекторского смотра работников РКМ отбывающих лагерный сбор 1-й очереди : приказ УНКВД по Воронежской области от 10 июля 1939 г. № 396 // АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 83; Образец такого удостоверения: «Младший милиционер Бойко Яков Иванович, 1906 г. р., окончил учлагсбор (при пос. Боровое с 15.07 по 15.09.35 г.) и откомандировывается на прежнее место службы. Нач. учлагсбора РКМ Воронченко. Нач. штаба Литовченко». См.: Смирных В. М. Указ. соч. — С. 168.

12,5% работников уголовного розыска и 55,9% начальников райотделов милиции. Лагерь РКМ в целом были снабжены учебными планами, программами и методическими указаниями ГУ РКМ для подготовки как рядового, так и начальствующего состава, хотя в большинстве лагерей отсутствовали в достаточном количестве пособия по военной и, частично, по специальной милицейской подготовке¹.

Учебные планы были в основном выполнены. При этом изучение инструкции ГУ РКМ городскому участковому инспектору и практическая ее проработка на участках была проведена в лагерях РКМ Московской области с оценкой 3,9, а в следующей за ней по результатам Воронежской области — 3,8. Строевая подготовка везде получила оценку «хорошо», за исключением Москвы и Казахской ССР. Политическая подготовка рядового состава была проведена в лагерях РКМ Свердловской и Московской областей с оценкой 3,7; в Узбекской ССР, Татарской АССР и Воронежской области — 3,6². В ходе лагерных сборов 5400 человек сдали норматив на значок ГТО I ступени, 841 человек сдал в среднем 5222 отдельных норм из комплекса ГТО II ступени. Было подготовлено 753 помощника инструкторов по самбо, что обеспечило охват подготовкой по борьбе всех крупных подразделений милиции³.

По результатам сборов объявлялись списки поощренных. Так, в вышеупомянутом приказе 1937 г. вторым в списке был объявлен «начальник лагсбора УРКМ УНКВД СССР по Воронежской области» — начальник строевого отдела УРКМ УНКВД области старший лейтенант милиции О. А. Воронченко. Ему «за образцовый порядок, хорошее состояние лагерей и достигнутые результаты спецподготовки» была объявлена благодарность⁴.

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 84. — Л. 9.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 84. — Л. 9 об.

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 84. — Л. 10.

⁴ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 84. — Л. 10. Увы, как уже отмечалось выше, это не защитило О. А. Воронченко от репрессий. Более того, в ходе формирования обвинения ему начали приписывать попытки нецелевого расходования средств, выделенных на проведение сборов, участие в распитии после отбоя спиртных напитков с рядом преподавателей, самоуправство вплоть до чуть ли не полного развала работы на сборах. См.: ГАОПИ ВО. — Ф. 5691. — Оп. 1. — Д. 110. — Л. 43, 67. В ходе попыток притянуть к «делу Воронченко» В. П. Пономарева и В. В. Федюкова им среди прочего вменялись в вину сближение с «замаскированным врагом народа» Воронченко путем участия в сов-

Среди мер по улучшению организации лагерной подготовки предусматривались: 1) обеспечение лагерных сборов опытными инструкторами стрелкового дела с возложением на них персональной ответственности за состояние огневой подготовки; 2) комплектация комсостава сборов (от командира взвода и выше) «исключительно лицами, окончившими ЦВШ или старшие школы милиции, либо школы РККА»; 3) ликвидация многопредметности в подготовке за счет сведения учебных планов сборов к 5-6 предметам с обеспечением «от переменного состава лагсбора хорошей подготовки по каждому из этих предметов»; 4) установление нормативов по всем видам лагерной подготовки и издание инструкции по инспекторским смотрам; 5) выделение в помощь начальникам сборов руководящих работников УРКМ в качестве руководителей дисциплин, отвечавших за подготовку по конкретным предметам; 6) введение на всех сборах обязательных дополнительных занятий с отстающими; 7) вменение в обязанность каждому начальнику Управления милиции в период сборов лично не реже 1 раза в декаду выезжать в лагерь, знакомиться с состоянием подготовки и устранять на месте все недостатки в ее проведении¹.

Усиление внешнеполитической угрозы на рубеже 1930—1940-х гг. дополнительно повлияло на военную подготовку сотрудников РКМ в Воронежском регионе. Приказом УНКВД СССР по Воронежской области от 10 сентября 1939 г. № 514 «в связи с необходимостью, вызванной напряженной международной обстановкой и частичным призывом работников РК милиции в Красную армию» выпуск курсантов лагерей РКМ второго набора был проведен досрочно — 11 сентября, а комиссия по проведению инспекторского смотра подвела итоги лагерной учебы по текущей успеваемости². По результатам жесткой проверки уровня стрелковой подготовки сотрудников милиции был издан приказ УНКВД СССР по Воро-

местных «посиделках», покупки и откорма за счет отходов столовой сборов личных попросят, мясо одного из которых было ими передано Воронченко уже после исключения того из партии. Там же. — Л. 122, 131—133.

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 84. — Л. 10 об.

² Данное обоснование, присутствовавшее в черновике приказа и красноречиво свидетельствовало о реальных причинах досрочного выпуска курсантов сборов, позже из текста приказа было вычеркнуто. См.: АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 216.

нежской области от 14 октября 1939 г. № 581 «О неудовлетворительном состоянии стрелковой подготовки работников милиции и мерах к ее улучшению»¹.

Не самые приятные для Воронежской школы РКМ результаты дала и внезапная проверка боевой готовности, проведенная вечером 17 октября 1940 г. начальником управления НКВД по Воронежской области майором госбезопасности Письменским при участии начальника УРКМ капитана милиции Кузнецова. При явке проверявших в школу дневальный у ворот не удостоверился в личности прибывших, а дневальный по штабу курсант Холонин, не зная в лицо прибывших, не требовал документов и не представился. Вызванный ответственный дежурный по школе курсант Шевченко прибыл только через 15 минут и продемонстрировал слабое владение обязанностями дежурного, в том числе не знал квартирного телефона, адреса и места пребывания начальника школы. Это привело к появлению начальника школы только через 65 минут вместо положенных 40, а начальствующий состав собрался лишь через 87 минут, причем преподаватель школы по физподготовке сержант милиции Рядышев явился без знаков различия. Сбор курсантов, находящихся на казарменном положении, производился медленно, в течение 10 минут.

Справедливости ради отметим, что подобные казусы при первых проверках боеготовности случались и в других школах, в частности в Омской², но это отнюдь не оправдывало сотрудников Воронежской школы, особенно на фоне организованной 22 октября аналогичной проверки Воронежских курсов сержантов милиции, сбор личного состава которых прошел безукоризненно³. Приказом УНКВД СССР по Воронежской области от 25 октября 1940 г. № 689 «О результате проведения сбора по тревоге в школе РКМ и на курсах сержантов милиции» начальник школы РКМ лейтенант милиции В. В. Федюков «за плохую боевую выучку состава школы» был предупрежден, а

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 315.

² См.: Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 218.

³ Сбор был объявлен в 9 часов 25 минут. Начальник курсов сержант милиции Юдин и начальник политчасти сержант милиции Бычков явились по вызову через 15 минут, а переменный состав был собран по вводной за 5 минут. Дежурный по курсам Кузнецов «проявил хорошую выдержку, честность, распорядительность и знание своих обязанностей». См.: АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 163. — Л. 334—335.

начальнику курсов сержанту милиции Юдину и дежурному по курсам курсанту Кузнецову была объявлена благодарность¹. Повышению уровня боевой готовности сотрудников школы стало уделяться дополнительное внимание.

Завершающим этапом повседневной образовательной деятельности образовательных организаций милиции вообще и Воронежской школы РКМ в частности были выпускные испытания, которые проводились в конце каждого учебного года по основным изучаемым дисциплинам.

Только в 1936 г. были установлены более-менее четкие критерии, по которым оценивались результаты обучения, достижение определенного уровня освоенных знаний:

- общеобразовательного в объеме 6 классов средней школы;
- политического в объеме программы вечерних школ пропагандистов;
- военного в объеме подготовки командира отделения РККА, окончившего полковую школу;
- физического в освоении комплекса ГТО 1 и 2 ступени и овладении приемами самбо.

Работа по организации и повышению эффективности выпускных испытаний осуществлялась с опорой на нормативные основы, обычно оформлявшиеся в виде соответствующих инструкций, разрабатываемых преимущественно центральным аппаратом². Одной из последних среди таковых стала «Инструкция по проведению выпускных испытаний в школах РК Милиции», объявленная приказом НКВД СССР от 21 августа 1938 г. № 00551³.

Конкретные даты проведения выпускных испытаний в рассматриваемый период достаточно существенно варьировались в зависимости от изменения статуса воронежской школы, но преимущественно выпуски проводились в августе — сентябре. Существовала и практика досрочного выпуска, причем не только всего заканчивавшего учебу курса, но и отдельных курсантов. Так, приказом Полномочного Представителя

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 163. — Л. 335.

² Отметим, что в период переподчинения школ РКМ местным управлениям соответствующие нормативные акты принимались ими. См., напр.: О выпуске, реорганизации и новом укомплектовании школ РК милиции ЦЧО: приказ Полномочного Представителя ОГПУ по ЦЧО Дукельского от 31.07.1932 № 203 (АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л. 45).

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 358.

ОГПУ по Центрально-Черноземной области от 21 мая 1932 г. № 108 досрочно выпущенные из 6-й Воронежской школы старшего начсостава милиции Дедов А. И. и Востриков с 29 апреля 1932 г. были соответственно назначены, «начальником гор. райотделения ОГПУ Валуйского района по милиции» и «помощником райуполномоченного ОГПУ по Лосевскому району по милиции»¹. В свою очередь, приказом народного комиссара внутренних дел СССР от 13 марта 1941 г. № 348 досрочно окончившим Воронежскую школу милиции Алтухову П. И., Анпилову И. Д., Деревенских А. И. и Стрельникову А. Г были присвоены специальные звания «сержант милиции»².

Практика присвоения спецзваний «сержант милиции» выпускникам школ РКМ вводилась на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 26 апреля 1936 г.³ В соответствии с приказом НКВД СССР от 21 августа 1938 г. всем окончившим школы милиции с отличными результатами присваивалось спецзвание «младший лейтенант милиции»⁴. По случаю проведения выпуска начальником областного управления РКМ (НКВД) обычно издавался соответствующий приказ, содержащий краткую характеристику общественно-политической ситуации в стране и мире и определение вытекающих из нее задач, стоявших перед РКМ в целом и выпускниками школы, в частности⁵. Издавались также отдельные приказы о премировании наиболее отличившихся выпускников и преподавателей⁶.

Для непосредственной организации и проведения выпускных испытаний ежегодно формировались комиссии, персональный состав которых утверждался соответствующим приказом. Председателем комиссии обычно назначался один из руководителей управления РКМ (ОГПУ, НКВД) области. Среди членов комиссии постепенно росла доля сотрудников школы, а с 1936 г. состав членов комиссии был нормативно закреплён в соответствующем приказе НКВД СССР: отныне она состояла из 2-х представителей УРКМ УНКВД, начальника школы, начальников учебно-строевой и политической частей школы (табл. 39).

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30. — Л. 141.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 114. — Л. 67—68.

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 114. — Л. 67—68.

⁴ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 172.

⁵ См.: О выпуске курсантов Воронежской школы Милиции: приказ УНКВД по Воронежской области от 11 ноября 1939 г. № 631 // АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 391.

⁶ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 391.

Эволюция персонального состава комиссий по проведению выпускных испытаний¹

Аттестационно-выпускная комиссия на 1931/32 учебный год		Комиссия по выпускным испытаниям			
		на 1938/39 учебный год		на 1939/40 учебный год	
Фамилия И.О.	Должность	Фамилия И.О.	Должность	Фамилия И.О.	Должность
Председатель комиссии					
Губин	начальник отдела кадров Полномочного Представительства ОГПУ СССР по ЦЧО ²	Кузнецов	начальник УРКМ УНКВД по Воронежской обл.	Шунелько	зам. начальника УРКМ УНКВД по Воронежской обл.
Члены комиссии ³					
Ламин	ст. инспектор 3 Группы ОК ПП	Федюков В. В.	начальник школы	Федюков В. В.	начальник школы
Сорокин	Ннч. 2 отделения ОК ПП	Кирякин	начальник учебного отдела	Кирякин	начальник учебного отдела
Молоканов	нач. политотдела Обл. управления милиции	Краснощеков	председатель цикловой комиссии спец. предметов, нач. отдела службы и подготовки УРКМ	Краснощеков	председатель цикловой комиссии спец. предметов, нач. отдела кадров УРКМ
Седых Т. Т.	начальник школы	Воронков	председатель цикл. комисс. соц.-экономич. предметов, преподав. школы	Ильин	председ. цикл. комисс. соц.-экономич. предметов — нач. политотдела школы
Светлов	пом. нач. школы по политчасти				
Успенский	нач. учебно-строеной части школы				

¹ О назначении председателей квалификационно-испытательных комиссий для проведения выпускных испытаний в школах НКВД административно-милицейских работников // Бюллетень НКВД. — 1929. — № 28; Административный вестник. — 1929. — № 9. — С. 67; АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л.45; Арх. № 151. — Л. 356.

² Далее — ОК ПП.

³ Последовательность — в порядке перечисления в приказах.

Выпускные к оmissии могли привлекать к своей работе председателей предметных комиссий и преподавателей школы.

По результатам выпускных испытаний и характеристикам, предоставляемым начальником школы на каждого курсанта, комиссии проводили аттестацию лиц, окончивших школу, на соответствующие должности в РКМ.

После создания единых школ приказом начальника милиции Республики от 23 марта 1929 г. для выпускников были утверждены новые нагрудные знаки. Они были обязательны для ношения на форменной одежде и указывали на то, что работник имеет специальное милицееское образование, дававшее ему преимущество в продвижении по службе. Первоначально для окончивших младшие курсы использовались знаки прежних школ младшего начсостава¹, для выпускников старшего курса были введены особые знаки с надписью «Школа НКВД»². Также всем окончившим школы выдавались соответствующие удостоверения по установленной форме.

Распределение выпускников проводилось на должности младшего и среднего начсостава (начальники районных отделений, их помощники, участковые милиционеры, инструкторы и агенты уголовного розыска) в соответствовавшие комплектовавшие регионы. В частности, приказом начальника Центрально-Черноземного областного административного отдела от 6 августа 1929 г. выпускники воронежской школы были распределены по окружным адмотделам следующим образом: Белгородский — 7; Борисоглебский — 4; Воронежский — 26; Елецкий — 6; Козловский — 1; Курский — 4; Львовский — 3; Орловский — 8; Острогожский — 6; Россошанский — 6; Тамбовский — 4 и Верхневолжский — 2 человека³.

Постепенно наиболее распространенной при назначении стала должность участкового уполномоченного. Вместе с тем по мере расширения функций НКВД диверсифицировался и спектр назначений. В частности, приказом УНКВД СССР по Воронежской области от 15 декабря 1939 г. № 703 сержанты милиции А. И. Калужин и М. П. Ливенцев были назначены соответственно, «комендантом Загот-

¹ Они были утверждены приказами начальника ЦАУ 1926 г. №№ 71, 81, 119; См.: Кожевина М. А. Указ соч. — С. 164.

² Бюллетень НКВД. — 1929. — № 13. — С. 225.

³ ГАОО. — Ф. Р-483. — Оп. 1. — Д. 64. — Л. 194—196.

зерно» в Эртильский район и паспортистом Лосевского райотдела милиции¹. Выпускник 1940 г. И. Н. Бочаров 11 сентября был назначен учетчиком военно-учетного стола 8-го отделения РКМ г. Воронежа².

Распространенной была и практика назначения наиболее подготовленных выпускников на достаточно высокие управленческие посты и преподавательские должности. В частности, в августе 1932 г. Ф. И. Беляев был назначен начальником отделения областного управления РКМ по регулированию уличного движения³, в июле 1939 г. Ф. Е. Тиркин и К. Е. Герасименко — соответственно врид. помощника начальника политотдела УРКМ по комсомолу и ответственного редактора областной милицейской газеты «Ревпост»⁴, в декабре 1939 г. В. А. Проскуряков — инспектором отдела службы и подготовки УРКМ⁵. Сразу с курсантской скамьи в апреле 1932 г. были приняты в штат воронежской школы С. Т. Кононов и В. П. Трощенко — на должности командира взвода и преподавателя по милицейским дисциплинам соответственно⁶.

К сожалению, на рубеже 1920—1930-х гг. сохранялась тенденция к нецелевому использованию выпускников, проявлявшаяся в двух разнонаправленных аспектах. С одной стороны, местное руководство декларировало отсутствие соответствующих вакантных мест. В частности, в Курском округе из четырех курсантов смогли принять только одного, а в Орловском округе хорошо подготовленному курсанту предоставили низжестоящую должность. С другой стороны, относительно высокий для своего времени уровень подготовки в школе милиции часто способствовал тому, что местные органы советской и партийной власти переводили выпускников на партийно-хозяйственную работу⁷. Отметим, что эта тенденция была повсеместной. В рамках неоднократно отмечавшегося выше процесса «текучести» милицейских кадров процент

¹ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 515—516.

² АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 163. — Л. 176.

³ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 31. — Л. 60.

⁴ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 28, 103.

⁵ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 515—516.

⁶ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 30. — Л. 102.

⁷ См.: Государственный архив Курской области. — Ф. Р-2638. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 61; Д. 103. — Л. 231—232; ГАОО. — Ф. Р-483. — Оп. 1. — Д. 64. — Л. 194—196; Мигущенко О. Н. Профессиональная подготовка и правовое воспитание сотрудников милиции в 20—30-е годы // Российский следователь. — 2011. — № 7. — С. 37—40; Токарева С. Н. Практика реализации профессионального образования сотрудников милиции в Центрально-Черноземной области // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 2. — С. 29—30;

отсева окончивших ведомственные учебные заведения был особенно большой: в 1930 г. из 1015 человек, окончивших по пяти краям и областям РСФСР милицейские школы и курсы, в органах осталось лишь 126 человек, т. е. около 12%, остальные уволились¹.

Все это приводило к появлению все новых нормативных актов, регламентировавших «правильное» использование выпускников². Более того, наряду с попытками повысить материальную и моральную заинтересованность в службе в милиции активизировалось и принятие мер административного характера. В 1928 г. на основании соответствующих директив СНК произошло закрепление за органами НКВД работников милиции и уголовного розыска, окончивших школу НКВД, «с запрещением перевода их на работу в другие органы в течение трех лет»³. Позже этот срок несколько снизился. Положение об РКМ от 25 мая 1931 г. закрепило обязанность выпускников образовательных организаций милиции по окончании учебы прослужить в практических органах исходя из расчета два месяца за каждый месяц обучения, но в общем не менее двух лет⁴. Однако практически одновременно существенно возросли меры ответственности за нарушение данных норм: в случае самовольного досрочного оставления службы сотрудник нес ответственность по Положению о воинских преступлениях. Например, в приказе ОГПУ СССР от 26 марта 1934 г. говорилось: «За нарушение подписки о двухгодичной службе привлекать к судебной ответственности, чем бы эти нарушения ни прикрывались»⁵. С 1936 г. все окончившие школы курсанты заносились в кандидатские списки на продвижение по должности и могли быть уволены из РКМ исключительно с санкции начальника ГУ РКМ НКВД СССР⁶.

¹ Департамент государственной службы и кадров МВД России. История кадровой службы [Электронный ресурс]. — URL: <https://дгск.мвд.рф/department/history> (дата обращения: 12.09.2017).

² Бюллетень НКВД. — 1930. — № 9; Административный вестник. — 1930. — № 4. — С. 72.

³ СУ РСФСР. — 1928. — № 51. — Ст. 368; Власов В. Проблема кадров в административных органах // Административный вестник. — 1930. — № 7. — С. 17.

⁴ СЗ СССР. — 1932. — № 84. — Ст. 518.

⁵ Департамент государственной службы и кадров МВД России. История кадровой службы [Электронный ресурс]. — URL: <https://дгск.мвд.рф/department/history> (дата обращения: 12.09.2017).

⁶ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф. 1. — Арх. № 151. — Л. 515—516.

Планомерное поступательное развитие Воронежской школы милиции, как и всего советского государственного механизма, оказалось прервано Великой Отечественной войной.

Война привела к резкому расширению обязанностей милиции¹ при одновременном существенном сокращении ее численности: 25% личного состава было направлено на фронт, несколько тысяч сотрудников ушли в истребительные батальоны, а 4722 человек были переданы в войска НКВД². Очередное существенное обновление кадрового состава милиции, в том числе за счет не годных к строевой службе, вновь понизило ее качественный состав, выявив очевидное несоответствие профессиональной подготовки новых сотрудников ужесточившимся требованиям военного времени. Это быстро сказало-сь на уровне преступности, который в 1942 г. по сравнению с 1941 г. вырос на 20%³. Очередную перестройку пережила и система управления: 20 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР наркоматы государственной безопасности и внутренних дел были вновь объединены⁴. Аппарат управления подготовкой кадров НКВД начал работать в режиме 11-часового рабочего дня⁵.

К новым условиям начала приспособляться и система мили-цейских образовательных организаций. В соответствии с режимом

¹ На нее были дополнительно возложены борьба с дезертирством, мародерством, паникерами, распространителями провокационных слухов, очистка городов и оборонно-хозяйственных пунктов от преступных элементов, оказание помощи иным органам НКВД. См. подр.: Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1960 гг.) — Ростов н/Д. : РЮИ МВД России, 2000. — 163 с.

² Степанов А. Г. Подготовка кадров для правоохранительных органов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Юридическое образование и наука. — 2010. — № 2. — С. 27—31.

³ Павлова Я. А. Генезис профессиональной подготовки кадров в образовательных учреждениях милиции в 30-е—40-е годы XX века // Мир науки, культуры, образова-ния. — 2014. — № 3 (46). — С. 55—57.

⁴ Об объединении Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР и Народного Комиссариата Государственной Безопасности СССР в единый Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР : указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1941. — № 33.

⁵ С 10 до 22 часов, в субботу — до 19 часов. При необходимости начальник отдела мог задерживать сотрудников до 23 часов. ГАРФ. — Ф. Р-9422. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 8.

военного положения, объявленным Верховным Советом СССР 26 июня 1941 г.¹, был издан приказ НКВД СССР, содержавший требование «перестроить работу учебных заведений НКВД СССР в соответствии с задачами ускоренной подготовки кадров в военное время»². Ряд образовательных организаций, дислоцированных в европейской части СССР, был расформирован, а их личный состав призван в действующую армию. К осени 1941 г. число учебных заведений, готовивших кадры для милиции, сократилось наполовину. С началом военных действий школы милиции произвели ускоренный выпуск слушателей и курсантов: в Воронежской межобластной школе он планировался с 1 по 6 октября 1941 г., но реально произошел ещё раньше. По сравнению с довоенным временем количество обучающихся в школах милиции уже к сентябрю 1941 г. сократилось почти в 2,5 раза, и тенденция к сокращению сохранялась: если накануне войны в школах милиции обучалось 8270 человек, то на 1 января 1942 г. — 3304, то есть меньше почти в 3 раза³.

Вместе с тем объективная необходимость пополнять милицию хотя бы минимально подготовленными кадрами вынуждала применять чрезвычайные меры. Уже 5 сентября 1941 г. во все региональные управления милиции поступило указание ГУМ НКВД СССР о проведении месячной учебы с вновь прибывшими на службу в милицию по учебно-календарному плану с выставлением оценок в конце курса⁴. С 1 января 1942 г. была возобновлена командирская учеба и учеба рядового и младшего начальствующего состава: уже за 1 квартал по всем региональным управлениям учебный план был выполнен с начальствующим составом

¹ О военном положении : указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. — С. 213—215.

² ГАРФ. — Ф. Р-9422. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 72—73; Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк. — М., 1996. — 240 с.

³ ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп. 8. — Д. 12. — Л. 22; Д. 13. — Л. 52; Николаев П. Ф. Омская высшая школа милиции МВД СССР. — Омск, 1969. — С. 98; Герман Р. Б., Герман Р. С. Подготовка кадров для российской милиции в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2009. — № 4. — С. 11.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 13. — Л. 275. Но ряд управлений, нарушая это указание, сокращали срок обучения до 15—20 дней, хотя ежедневный инструктаж проводился повсеместно. См.: Кожевина М. А. Указ. соч. — С. 233.

на 88%, с рядовым — на 82%¹. Летом 1942 г. возобновилась перестроенная на военную тематику марксистско-ленинская учеба².

В межобластных школах милиции, в том числе и в воронежской, были введены в действие сокращенные учебные планы и особые распорядки дня. Сроки обучения сократились с двух лет до 9; 5,5 и 3 месяцев, то есть максимально — в 8 раз; ежедневные занятия под руководством преподавателей увеличились с 6 до 7 часов³. Увеличение числа выпускников в конкретном календарном году отчасти позволяло хоть частично восполнить потери вследствие расформирования и упразднения ряда образовательных организаций.

Комплектование школ переменным составом стало проводиться в 2 этапа: к 1 августа и 15 сентября. Несмотря на трудности на фронтах, приказом НКВД СССР от 10 сентября 1941 г. были объявлены новая разрядка на комплектование школ милиции переменным составом и условия приема абитуриентов. Всего предполагалось отобрать для учебы 1582 человека: в Алма-Атинскую школу милиции — 65 человек (НКВД Казахстана, Карагандинской и Турксибской железных дорог); в Бакинскую — 85 человек (НКВД Азербайджана); в Воронежскую — 77 человек из районов Черноземья; в Горьковскую — 89 человек из Горьковской области и некоторых северных районов страны; в Новочеркасскую — 130 человек из десяти ближайших областей; в Омскую — 143 человека из прилегающих областей; в Саратовскую — 157 человек из районов Поволжья и Урала; в Свердловскую — 238 человек из северных районов Казахстана и Урала; в Сталинабадскую — 35 человек из Таджикистана; в Ташкентскую — 117 человек из Узбекистана и Туркмении; во Фрунзенскую — 25 человек из Киргизии; в Харьковскую — 103 человека из Курской, Орловской и некоторых областей Украины; в Тбилисскую — 100 человек из Грузии, Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии⁴.

Приказом НКВД СССР от 4 марта 1942 г. «Об увеличении численности переменного состава школьно-курсовой сети по подготовке кадров милиции НКВД СССР» общая численность переменного состава школ милиции НКВД СССР была увеличена с 3505 до

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 13. — Л. 275.

² ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 15. — Л. 58.

³ ГАРФ. — Ф. Р-9422. — Оп. 2. — Д. 1. — Т. 1. — Л. 35—64.

⁴ ГАРФ. — Ф. Р-9422. — Оп. 2. — Д. 1. — Т. 1. — Л. 85—87.

3830 человек: с 400 до 450 человек — в Центральной школе милиции; с 210 до 230 — в Алма-Атинской школе; с 150 до 175 — в Воронежской школе; с 140 до 175 — в Горьковской; с 300 до 350 — в Омской; с 140 до 175 — в Рязанской; с 400 до 430 — в Свердловской; с 250 до 300 человек — в Ташкентской школе.¹

Воронежская школа, как и прочие межобластные школы милиции, в основном готовила помощников оперуполномоченных, оперуполномоченных и участковых уполномоченных местных органов милиции. Отбор кандидатов на учебу проводили как за счет рядового и младшего начсостава милиции, так и из граждан, не подлежавших призыву в вооруженные силы.

Все более отчетливой становилась и тенденция к удешевлению содержания милицейской образовательной системы: в 1942 г. соотношение постоянного и переменного состава в межобластных школах милиции было следующим: Алма-Атинская — 51:230; Воронежская — 39:175; Ереванская — 21:70; Новочеркасская — 39:175; Омская — 73:350; Рязанская — 39:175; Саратовская — 65:310; Свердловская — 88:430; Сталинабадская — 65:310; Ташкентская — 65:300; Тбилисская — 27:100; Фрунзенская — 23:75².

Уже к началу июля 1941 г. произошла перестройка внутреннего распорядка школ милиции на режим военного времени: 12-часовой рабочий день, в том числе не менее 7 часов — на классные занятия, а оставшиеся часы — на работу в отделениях милиции. Внутренняя жизнь школ и курсов все более согласовывалась с приказами наркомата обороны. Вводилось казарменное положение для курсантов, отменялись отпуска в город, был ужесточен пропускной режим. Организовывалось круглосуточное дежурство, в ночные часы назначались патруль и часовые из числа курсантов. За нарушения распорядка дня и режима строго наказывались даже вольнонаемные лица.

Резкое сокращение сроков обучения в школах милиции сопровождалось изменением требований к содержанию учебного процесса, новой коррекцией учебно-тематических планов обучения в направлении увеличения времени на изучение дисциплин военного

¹ С апреля 1942 г. открыта Новочеркасская школа милиции со штатной численностью переменного состава 175 человек и сроком обучения 4 месяца (ГАРФ. — Ф. Р-9422. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 26—28).

² ГАРФ. — Ф. Р-9422. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 28—65.

цикла: отныне он занимал 1010 часов, а социально-экономический цикл — только 340 часов.

В соответствии с новыми требованиями обновлялось содержание нормативных документов, регламентировавших образовательный процесс: ГУМ НКВД СССР были утверждены новые учебные планы и учебные программы, в том числе по уставам РККА, тактико-боевой, противохимической подготовке, организовывались новые виды практических занятий¹. Во исполнение постановления СНК СССР об обязательной всеобщей подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне с июля 1941 г. при школах и отделах милиции началось функционирование групп самозащиты, еженедельно проводились занятия отделений по военной подготовке, санитарных звеньев, звеньев светомаскировки, охраны общественного порядка и т.д. Указанием НКВД СССР от 22 апреля 1942 г. для отработки практических занятий были установлены нормы расхода боеприпасов для обучения переменного и постоянного состава образовательных организаций НКВД: норма патронов на выполнение курсантом (слушателем) упражнений из винтовки устанавливалась в 9 штук, из пистолета «ГТ» — 6 штук.²

Безусловно, неизбежная новая «военизация» школ негативно влияла на качественные показатели учебы по общеюридическим и специальным дисциплинам. Учетом и неизбежное отвлечение внимания на идеологическую и массово-политическую работу, содержание которой отныне было подчинено лозунгу: «Все для фронта, все для победы!». Выпуски из милицейских школ предварялись экзаменами. Экзаменационные билеты включали в себя 3—8 вопросов из различных разделов программы по конкретному предмету, в целом охватывавших весь объем программы. Если выпускник получал оценку «плохо», решением выпускной комиссии его могли оставить в школе на срок не более одного месяца для передачи³.

Курсанты активно привлекались к конкретным охранительным мерам, проводившимся силами НКВД в те годы. В частности, весной 1942 г. личный состав школы во главе с В. В. Федюковым в течение двух месяцев участвовал в выселении немцев Поволжья и калмыков

¹ ГАРФ. — Ф. Р-9415. — Оп. 3. — Д. 14. — Л. 278; Д. 15. — Л. 71,93.

² Российский государственный военный архив. — Ф. 38650. — Оп. 1. — Д. 534. — Л. 165—168.

³ ГАРФ. — Ф. Р-9422. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 204.

(р-н Сарепты, Сталинградская обл.). По возвращении в Воронеж началась подготовка к эвакуации: документация школы была вывезена в УРКМ НКВД СССР по Воронежской области, мебель — в ближайшую среднюю школу. 5 июля 1942 г. эшелон, в котором находились эвакуируемые семьи сотрудников школы, убыл в г. Павлодар¹.

Война, деформировавшая не только логику учебного процесса в школах милиции, но сломавшая всю привычную систему общественных связей в стране, неизбежно вовлекла в свое кровавое действие сотрудников и курсантов Воронежской школы милиции. Сотни бывших курсантов и сотрудников школы приняли активнейшее участие в боях за свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне. В марте 1942 г. после объявления тревоги для отправки в Ленинград с целью несения там в условиях военного времени милицейской службы было отобрано 100 наиболее подготовленных курсантов Воронежской школы — почти половина ее переменного состава. Им предстояла сложная работа по обезвреживанию шпионов, эвакуации гражданского населения, участию в противовоздушной обороне, борьбе с преступностью². Командир курсантского взвода П. Е. Алексеев продолжил службу уже в блокадном Ленинграде.

Многие курсанты и сотрудники Воронежской школы милиции ушли добровольцами или были мобилизованы на фронт, совершили героические поступки. Заместитель командира стрелкового батальона 156-й стрелковой дивизии, бывший комсорг школы А. Я. Германов погиб в феврале 1945 г., совсем немного не дождавшись Победы. Он был награжден тремя боевыми орденами. Выпускник школы П. Е. Мироненко в бою под Шауляем взорвал вражеский дзот, уничтожив 11 фашистов, за что был награжден орденом Красного Знамени³. Кавалером ордена Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двух орденов Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За оборону Сталинграда» стал бывший начальник клуба школы И. В. Митин, в качестве политработника прошедший боевой путь от Кавказа до Румынии⁴. Высоких наград Родины в годы войны удостоились бывшие сотрудники школы — физорг С. П. Рязанцев, курсанты М. Д. Наливайко, А. А. Беляев и др.

¹ См.: Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 182—183.

² Смирных В. М. Милиция нас берегла. Сто лет на службе народу. — Воронеж, 2017. — С. 201.

³ Там же. — С. 272.

⁴ АИЦ ГУ МВД по ВО. — Ф.1. — Арх. № 33358.

Вторжение немецко-фашистских войск на территорию области и начатые в июле 1942 г. тяжелейшие бои за г. Воронеж обусловили прекращение функционирования Воронежской межобластной школы рабоче-крестьянской милиции. В приказе НКВД СССР об очередном отборе кандидатов на учебу в межобластные школы от 15 октября 1942 г. № 002275 Воронежская школа уже не была упомянута. Курсанты и преподаватели школы, частично оставшиеся в городе летом 1942 г., несли патрульную службу и в первые дни июля покинули правый берег реки Воронеж через Чернавский мост в рядах отступавших из города частей РККА. По данным В. М. Смирных, первоначально они убыли в Анну, впоследствии — в Борисоглебск, куда было эвакуировано УРКМ НКВД СССР по Воронежской области¹. В. В. Федюков, последним покинувший здание эвакуированной школы, сначала был назначен начальником 2-го отделения отдела кадров УРКМ НКВД СССР по Воронежской области, а с декабря 1942 г. возглавил Саратовскую межобластную школу милиции, которой и руководил до 1944 г.² Вместе с ним убыли сотрудники воронежской школы Кирякин и Легостаев. Преподаватель А. Федотова первоначально убыла в Омск. Советский довоенный этап развития образовательных организаций, осуществлявших профессиональную подготовку и обучение сотрудников милиции в Воронежском регионе, завершился.

¹ Смирных В. М. Люди тревожного времени... — С. 182—183.

² Ильиных В. Л. Из истории Саратовского юридического института МВД России // Правовая культура. — 2010. — № 2 (9). — С. 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

300-летний юбилей российской полиции существенно актуализирует проблему всестороннего изучения, вдумчивого осмысления и творческого использования многогранного опыта, накопленного отечественными правоохранительными органами. Значимым компонентом исследовательских работ по истории отечественной полиции является анализ становления и развития системы ведомственного профессионального образования. Большой интерес при этом вызывает углубленное исследование регионального сегмента исторического опыта формирования и эволюции организаций, осуществлявших профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел.

Воронежская область и ее административный центр г. Воронеж имеют давние традиции ведомственного профессионального образования. В частности, именно в Воронеже в мае 1703 г. была открыта «адмиралтейская русская школа», трактуемая рядом исследователей как первое в стране государственное профессиональное учебное заведение для подготовки кораблестроителей, младших корабельных офицеров. Однако история образовательных организаций, осуществлявших в регионе профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел до открытия в г. Воронеже в 1979 г. специальной средней школы милиции МВД СССР, была исследована достаточно фрагментарно, изобиловала многочисленными лакунами. Кроме того, следует констатировать определенное число неточностей, присутствующих в уже имеющихся публикациях.

Причины, обусловившие подобную ситуацию, достаточно многообразны, но одной из важнейших среди них является состояние источниковой базы для изысканий. Как известно, в XX в. Воронежская область дважды оказывалась в эпицентре кровопролитных сражений, а сам Воронеж подвергался серьезным разрушениям. Соответственно, значительная часть фондов местных архивов подверглась уничтожению или была утрачена в ходе поспешных эвакуаций, перемещения дел между разными архивными хранилищами. Сохранившиеся материалы оказались разрозненными, далеко не всегда систематизированными, зачастую отличаются плохой сохранностью. Значительная их часть долгое время была засекречена, а некоторые, особенно касающиеся 30—40-х гг. XX века, находятся под грифом секретности и поныне. Все это не могло не повлиять на общий уровень исследовательского интереса: за прошедшие десятилетия в

регионе, в отличие от, допустим, Курской или Омской областей, так и не была сформирована научная школа по истории воронежской полициестики, а количество диссертаций, защищенных в данном сегменте истории отечественного государства и права, близко к нулю.

Ситуация стала меняться с середины второго десятилетия XXI в., когда в Воронежском институте МВД России было начато выполнение комплекса научно-исследовательских работ, посвященных основным этапам становления и развития органов охраны правопорядка в Воронежском регионе. Сформированным в институте творческим коллективом, включившим в себя и определенное число курсантов — членов научного кружка при кафедре теории и истории государства и права, было активизировано изучение фондов федеральных и региональных архивов. Была налажена координация усилий с учеными из других образовательных организаций Центрального Черноземья.

Активно накапливаемый и подвергающийся углубленному коллективному осмыслению эмпирический материал, анализ результатов, достигнутых в данной сфере отечественным экспертным сообществом, в настоящее время, по нашему мнению, позволил перейти к более адекватным обобщениям, углубленному сравнительному анализу, формировать более четкие концептуальные схемы, уточнять периодизации.

В самых общих чертах речь идет о *четырёх периодах развития образовательных организаций, осуществлявших профессиональное образование сотрудников ОВД в Воронежском регионе: дореволюционном, советском довоенном, советском послевоенном и современном*. Становление и развитие данных образовательных структур осуществлялось в общем контексте отечественной государственно-правовой истории.

Начавшееся со второй половины 1880-х гг. существенное изменение вектора внимания Министерства внутренних дел Российской империи к вопросу организации ведомственного профессионального образования было во многом обусловлено как общим усложнением задач, стоявших перед полицией пореформенной России, так и трансформациями в системе комплектования её нижних и определенной части классных чинов, связанными с переходом с 1873 г. к принципу вольного найма. Введение с 9 июня 1878 г. института полицейских урядников, а с 5 мая 1903 г. — полицейской стражи повлекло за собой массовое вливание в ряды профессиональной полиции выходцев из непривилегированных

социальных групп, отличавшихся невысоким уровнем общего образования и практически полным отсутствием соответствующих профессиональных навыков.

Необходимость приведения уровня профессиональной подготовки кадрового состава полиции в соответствие возложенным на нее задачам осознавалась весомым числом должностных лиц, в том числе и наиболее дальновидных представителей высшего руководства Министерства внутренних дел.

Среди отечественных исследователей присутствует точка зрения, согласно которой центральный аппарат МВД той эпохи прилагал минимум усилий к организации профессиональной подготовки сотрудников уездной полиции, передоверив основную часть работы начальникам губерний. Такой подход справедлив лишь отчасти: новейшие архивные изыскания показали, что начиная с циркуляра министра внутренних дел Л. С. Макова от 5 мая 1880 г. № 44 руководство МВД стремилось поддержать (хотя и не всегда последовательно) создание новых образовательных структур. Проблемы их развития затрагивались не только в циркулярах от 20 июля 1881 г. № 2945; от 28 июля 1887 г., № 3153 и от 7 января 1889 г. № 69, в письмах руководства МВД начальникам губерний с конкретными рекомендациями по использованию имевшегося «передового опыта», с попытками его сбора и обобщения, но и во Всеподданнейших докладах императору.

Концентрация внимания руководства Воронежской губернии на профессиональной подготовке чинов уездной полиции на рубеже XIX — XX вв. предопределялась очевидным доминированием доли сельских жителей в общем составе населения региона. Первоначально профессиональная подготовка кандидатов на должности полицейских урядников осуществлялась непосредственно уездными исправниками, знакомившими их с основами соответствующих инструкций, но уже в Отношении воронежского губернатора А. В. Богдановича в Департамент полиции от 6 февраля 1888 г. № 273 указывалось: «Для замещения на будущее время открывающихся вакансий урядников кандидатами предписано Уездным Исправникам объявлять сим последним, чтобы они являлись в г. Воронеж для испытания их в знании инструкции и способностях через особо назначаемых мною чиновников». Именно этот документ открывает, по нашему мнению, *первый этап первого до-революционного периода* истории организации профессионального ведомственного образования системы МВД в регионе.

Второй этап в рамках первого периода данного процесса обозначился с созданием при Воронежском губернском правлении особой экзаменационной комиссии для проверки уровня профессиональной подготовленности полицейских урядников губернии, что было документально закреплено в Предписании губернатора Е. А. Куровского от 14 июля 1890 г. № 1597. Именно эту комиссию, по нашему мнению, следует определить как первый стабильный губернский институт, непосредственно связанный не только с централизованным контролем за уровнем профессиональной подготовки чинов уездной полиции, но и, как фиксировалось в Отношении начальника губернии в Департамент полиции от 24 июля 1890 г. № 1598, с проведением дополнительных занятий с теми из кандидатов, которые экзамена изначально не сдали. Примечательно, что в ходе первых, прошедших осенью 1890 г., девяти заседаний данной комиссии, возглавлявшейся известным в Воронеже юристом и краеведом, советником губернского правления Н. В. Воскресенским, была проведена своеобразная переаттестация всех уже служивших урядников губернии. В последующем же комиссия экзаменовала лишь кандидатов, и без выдаваемого ею свидетельства установленного образца получение искомого поста урядника не допускалось.

Третий этап первого периода ознаменовался открытием на основании циркуляра воронежского губернатора от 13 ноября 1898 года за № 3160 особой школы при губернском правлении для подготовки кандидатов на должности полицейских урядников. Данную образовательную организацию можно отнести к числу уряднических школ «второй волны», формировавшихся с конца 1880-х гг., а факт более ранней службы инициатора ее создания, нового губернатора П. А. Слепцова, под руководством родоначальника первой в России Гродненской школы урядников Н. М. Цеймерна позволяет предположить о возможности использования «гродненского опыта». Обучение в школе началось с 1 марта 1890 г., велось в течение двух месяцев в году и касалось преимущественно углубленного изучения статей Инструкции полицейским урядникам и иных нормативных правовых актов. Руководил школой советник II Отделения Канцелярии Воронежского губернского правления Н. Д. Ужумецкий-Грицевич. Прибытие кандидатов в полицейские урядники в школу, их проживание и питание в период обучения осуществлялись за собственный счет.

Трансформация статуса урядников, связанная с формированием института уездной полицейской стражи, стала одной из причин окончательного прекращения работы уряднической школы и создания в Воронеже учебной команды-школы уездной полицейской стражи (УКШ УПС), обозначившего *четвертый, завершающий этап дореволюционного периода* истории образовательных организаций системы МВД в регионе. В циркуляре воронежского губернатора С. И. Голикова от 16 октября 1909 г. № 4469 фиксировался факт открытия данной школы с 20 октября «сего года», а непосредственные занятия в ней начались с 1 ноября. Финансирование образовательного процесса, проживания и питания обучавшихся осуществлялось из казны, за счет остатков из кредита на содержание уездной стражи в губернии. При этом, к чести С. И. Голикова, отметим, что ему, одному из немногих среди губернаторов, удалось добиться разрешения на оплату труда преподавателей, приглашаемых из иных ведомств. Одним из свидетельств качества преподавательского состава является номинация учебного пособия по истории, подготовленного преподававшим в УКШ УПС помощником воронежского тюремного инспектора А. Гасплем на роль общего для подобных школ в стране. Первым «заведующим» командой-школой был назначен В. М. Левандовский.

Организационную структуру и базовые параметры деятельности УКШ УПС закрепило Положение об учебной команде-школе полицейской стражи, составленное губернатором и утвержденное 5 октября 1911 г. товарищем министра внутренних дел П. Г. Курловым.

К 1917 г. Воронежская команда школа осуществила не менее 12 выпусков, лучшие представители которых занимали должности урядников и старших полицейских стражников. Качество работы школы обусловило тот факт, что в разрабатывавшихся в МВД в 1913—1914 гг. проектах построения общероссийской унифицированной структуры образовательных организаций по подготовке чинов уездной полиции в Воронеже предусматривалось создание двух параллельных структур: школы «для специальной подготовки лиц, желающих занять низшие полицейские должности» и курсов «для специальной подготовки лиц, желающих занять классные должности в полиции». К сожалению, первая мировая война и революционный кризис не позволили приступить к реализации данных планов, а общий крах институтов российской монархической государственности повлек за собой и ликвидацию всех полицейских образовательных организаций.

Начало *второго, советского довоенного периода* истории ведомственного образования сотрудников органов внутренних дел в Воронежском регионе, как и в целом по стране, оказалось обусловлено необходимостью обеспечения правопорядка в условиях радикальной трансформации всей системы общественных отношений. Оно было нормативно оформлено Постановлением НКВД и Наркомата юстиции РСФСР от 13 октября 1918 г., в соответствии с которым восстанавливалось комплектование органов внутренних дел на кадровой основе. Запрет на прием в милицию представителей прежних правоохранительных органов как лиц, лишенных избирательных прав, не просто резко обострил проблему профессионализма сотрудников новой милиции, но и существенно снизил их общие культурный кругозор и грамотность.

Острота складывавшейся ситуации вынудила местные органы Советской власти в инициативном порядке создавать курсы по подготовке личного состава милиции. Такими были и сформированные в Воронеже в декабре 1919 г. губернские милицейские курсы, одни из первых в РСФСР. Их открытие ознаменовало начало *первого этапа второго периода* истории соответствующих образовательных структур в нашем регионе.

Вновь создаваемые органы советской милиции декларировались как порвавшие со старыми традициями: в циркуляре Воронежского губернского управления советской рабоче-крестьянской милиции от 9 декабря 1919 г. № 938 отмечалось: «Милиция, как народная охрана, должна служить олицетворением Советской власти, не имея ничего общего с бывшей полицией, отошедшей в область предания и безвозвратности». Однако реалии правоохранительной практики очень скоро заставили использовать ранее накопленный опыт, вплоть до отдельных прямых заимствований.

Анализ деятельности первых милицейских курсов, включая воронежские, позволяет отметить: 1) приоритет «местных инициатив» по их созданию при минимальном вмешательстве в данный процесс со стороны Главного управления милиции (ГУМ) НКВД РСФСР); 2) преимущественно вводно-ознакомительный характер обучения, с акцентом на ликвидацию общих неграмотности и малограмотности; 3) приоритет военной подготовки.

Некоторое изменение ситуации началось после принятия декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1920 г., утвердившего Положение о Рабоче-крестьянской милиции, — начали приниматься меры

по созданию организационно-правовых основ централизованной системы школьно-курсовой подготовки сотрудников милиции. Под контролем административно-строевого подотдела одного из отделов ГУМ, на который Положением были возложены полномочия по организации «специальных курсов по милиции», в 1921—1925 гг. разрабатывались организационно-правовые основы школьно-курсовой подготовки, началось централизованное утверждение учебных планов и программ. Реализация профессиональной подготовки осуществлялась через формирование курсовой системы, школ резерва и специализированных школ милиции.

На основании Положения о курсах командного состава милиции, утвержденного приказом ГУМ НКВД РСФСР от 17 января 1921 г. № 69/с., при губернских и областных управлениях милиции началось создание курсов командного состава. В Воронеже такие губернские курсы (школа) младшего командного состава милиции были открыты в ноябре 1921 г. (первый начальник — С. В. Радкевич-Успенский), а уже 17 февраля 1922 г. состоялся первый выпуск курсантов.

Однако полноценное функционирование школьно-курсовой системы, как и в дореволюционную эпоху, тормозилось из-за финансовых проблем, дополнительно обостренных передачей милиции на финансирование из скудных бюджетов местных Советов и последовавшими за этим сокращениями. Ликвидация с 1 декабря 1922 г. воронежских курсов «ввиду отсутствия средств» обозначила завершение первого этапа второго периода.

Порожденные реалиями нэпа новые реформы, в том числе связанные с уточнением компетенций НКВД РСФСР, все отчетливее обостряли проблему приведения уровня профессиональной подготовки большей части сотрудников милиции в соответствие с встававшими перед ними все более разнообразными служебными задачами. Для решения данной проблемы и началось, впервые в России, практическое выстраивание централизованной системы профессиональной подготовки милицейских кадров. Её ключевыми составляющими стали: 1) школы резерва; 2) губернские (областные, позже — межобластные) школы, готовившие младший командный состав; 3) школы среднего комсостава для подготовки руководства отделений уездных и городских управлений милиции.

Создание 17 сентября 1925 г. 3-й Воронежской областной школы младшего комсостава милиции (3-я ВОШМКСМ; начальники —

А. П. Драчев, В. Г. Косарев), стало началом *второго этапа второго периода* истории воронежских образовательных организаций по подготовке сотрудников органов внутренних дел. В штате 3-й ВОШМКСМ состояли 16 человек постоянного и 184 — переменного состава, обучавшихся один год. В школе велась подготовка участковых надзирателей, помощников начальников волостной милиции, старших милиционеров, агентов уголовного розыска 1 и 2 разрядов для 10—11 регионов страны, в том числе и для отдела милиции Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД. Около 20% выпускников получали должности начальников районных отделений милиции.

Успехи школы были оценены руководством НКВД РСФСР. В благодарности начальника милиции Республики отмечалось: «В подготовке специалистов 3-я Воронежская школа милиции занимает одно из первых мест».

С 1 декабря 1926 г. начался процесс многочисленных переименований Воронежской школы милиции: 1) 3-я ВОШМКСМ стала называться 3-ей Воронежской школой младшего начальствующего состава милиции; 2) с мая 1928 г. — 6-й школой административно-милицийских работников НКВД (начальник — Д. И. Понятовский); 3) с начала 1931 г. — 6-й межкраевой школой по подготовке среднего комсостава милиции; 4) с января 1932 г. — Воронежской школой рабоче-крестьянской милиции (начальник — Т. Т. Седых). В 1928/1929 учебном году первый курс школы включал в себя милицийское и розыскное отделения, второй — только милицийское. Общий штат школы насчитывал 165 человек. На базе старшего курса была начата подготовка старшего начальствующего состава РКМ.

Новая централизация системы НКВД, в том числе связанная с приобретением наркоматом с июля 1934 г. статуса союзно-республиканского (НКВД СССР), объективно потребовала совершенствования системы профессиональной подготовки кадров. Общие трансформации коснулись и Воронежской школы милиции. В феврале-марте 1935 г. она была переименована в «Воронежскую школу среднего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции», а с 1936 г. стала называться 17-й Воронежской школой рабоче-крестьянской милиции (начальники — Т. Т. Седых, В. П. Пономарев). В то же время в школе осуществлялась переподготовка младшего и среднего начальствующего состава милиции. Несколько позже в Воронеже

были параллельно сформированы курсы рядового и младшего начсостава милиции и ряд иных образовательных структур системы НКВД.

С сентября 1936 г. был осуществлен полный перевод школы на двухгодичное обучение. В соответствии с приказом НКВД СССР от 21 августа 1938 г. выпускникам школы присваивалось специальное звание «сержант милиции», а закончившим ее с отличием — «младший лейтенант милиции». Весомую роль в деле развития школы сыграл ее выпускник 1931 г. В. В. Федюков, с августа 1937 г. ставший начальником школы.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 5 апреля 1940 г. № 00410 началось формирование новой структуры образовательных организаций НКВД СССР, включавшей в себя 4 типа учебных заведений для рабоче-крестьянской милиции. На основании данного приказа Воронежская школа была переименована в Воронежскую межобластную школу рабоче-крестьянской милиции, а в марте 1941 г. передана в ведение вновь образованного в составе НКВД СССР Управления учебных заведений. Общеобразовательный ценз, который отныне обязательно требовалось подтверждать соответствующими документами, впервые поднимался до семи классов средней школы.

К сожалению, поступательное развитие воронежских образовательных организаций, готовивших сотрудников органов внутренних дел, в очередной раз оказалось прервано войной. Прорыв немецко-фашистских войск в Воронеж привел к прекращению работы Воронежской межобластной школы РКМ. В. В. Федюков, последним покинувший в июле 1942 г. здание школы, впоследствии возглавил Саратовскую среднюю школу милиции.

Возрождение милицмейских образовательных организаций в Воронеже, ознаменовавшее *начало первого этапа третьего, послевоенного советского периода*, было начато с создания на основании приказа МВД СССР от 19 февраля 1949 г. № 00173 учебного пункта по обучению рядового и начальствующего состава при Управлении МВД СССР по Воронежской области (май 1949 г.; первый начальник — И. И. Ильин). В очередной раз всё началось с формирования краткосрочных курсов с преподаванием основ политической, служебной, огневой, строевой, физической подготовки.

На основании приказа МВД СССР от 14 декабря 1956 г. № 00376 был создан учебный пункт УВД Воронежского облисполкома, в первоначальном виде просуществовавший недолго, — он был закрыт в 1959 г. «из-за отсутствия обучающихся». Будучи воссозданным приказом МВД РСФСР от 3 июня 1961 г. № 0263, пункт к 1964 г. обучал 100—150 человек в год.

С 1977 г. в документах МВД СССР в отношении воронежской милицейской образовательной организации вновь начал употребляться термин «школа»: в апреле 1977 г. произошло преобразование учебного пункта в Межобластную школу подготовки младшего и среднего начальствующего состава УВД Воронежского облисполкома с наполняемостью 150—180 человек. Однако работа ее также была недолгой: в апреле 1978 г. Совет Министров СССР издал распоряжение об организации в г. Воронеже новой Воронежской специальной средней школы милиции МВД СССР (ВССШМ) — первой в истории СССР готовившей специалистов со средним техническим образованием для подразделений вневедомственной охраны. Статус межобластной школы был в соответствии с приказом МВД СССР от 10 июля 1985 г. № 0223 понижен до Учебного центра УВД Воронежского облисполкома, который после ряда реорганизаций с 2008 именовался Центром профессиональной подготовки Главного управления МВД России по Воронежской области с единовременной наполняемостью переменным составом в 150 человек.

Создание ВССШМ МВД СССР (первый начальник — полковник милиции П. В. Вернигоров) с общим числом курсантов в 550 человек ознаменовало начало достаточно хорошо описанного в соответствующей литературе *второго этапа третьего послевоенного советского периода* истории воронежских образовательных организаций системы МВД.

Началом *четвертого, современного периода* стало преобразование в июле 1992 г. в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации и приказом Министерства внутренних дел РФ ВССШМ МВД СССР в Воронежскую высшую школу (ВВШ) МВД России (первый начальник — генерал-майор полиции А. Я. Мазуренко). Новая школа, создание которой обозначило качественный скачок в эволюции образовательных организаций системы МВД в регионе, включила в себя радиотехнический и юридический факультеты, факультет заочного обучения.

Юридические предпосылки перехода на современный уровень развития были подготовлены при следующем начальнике школы — генерал-майоре милиции В. Ф. Воробьеве. Постановлением Правительства РФ от 25 января 1999 г. № 153-р и приказом Министерства внутренних дел России от 24 марта 1999 г. № 218 ВВШ МВД России была переименована в Воронежский институт МВД России, позиции которого были укреплены при генерал-майоре милиции А. В. Заряеве, возглавлявшем его с 1999 по 2006 г.

Существенный прогресс в развитии института был достигнут в 2016—2014 гг. под руководством генерал-майора полиции А. В. Симоненко. В этот же период произошло и окончательное слияние всей деятельности по профессиональной подготовке сотрудников ОВД в регионе в рамках одной организационной структуры. Воронежскому институту были переданы функции Центров профессиональной подготовки ГУ МВД России по Воронежской области и УМВД России по Липецкой области.

Более подробный анализ послевоенного советского и современного этапа развития образовательных организаций системы МВД в Воронежском регионе — цель второй монографии, издание которой запланировано на рубеж 2018—2019 гг. Вместе с тем, подводя предварительные итоги, отметим, что анализ почти 130-летней истории развития образовательных организаций, осуществлявших профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел в Воронежском регионе, позволяет заявлять об определенной последовательности их эволюции и некоторой повторяемости циклов развития: от курсов первоначальной подготовки низшего кадрового состава к постепенному повышению уровня обучаемого контингента, вплоть до создания предпосылок к получению высшего образования. Нельзя говорить о безусловной юридической преемственности всей совокупности образовательных организаций по подготовке специалистов для системы органов внутренних дел, существовавших в Воронежском регионе с 1880-х гг. до начала XXI в. Но, по нашему мнению, вполне очевидна логическая и историческая последовательность развития, прерывистость которой обусловлена факторами, исключительно внешними по отношению к отечественной системе правоохранительных органов и трагическими для отечественной государственности в целом. Внутренняя же эволюция носила преимущественно позитивный характер.

Научное издание

Нахимов Александр Павлович
Кирнос Андрей Викторович
Колесников Владимир Александрович

**Образовательные организации системы МВД / НКВД
в Воронежском регионе (1888—1942 гг.)**

Монография

Редактор Н.Ф. Палихова
Корректор А.С. Власова
Компьютерная верстка В.В. Павлов

Подписано в печать 20.12.2017. Формат 60×84¹/₁₆

Усл. печ. л. 21,09

Печать офсетная

Тираж 200 экз. Заказ № 264

Воронежский институт МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53

Типография Воронежского института МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53